ОТЧЕТ БРЭДБЕРИ

КАК И В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БИЧЕР-СТОУ, ДИККЕНСА, ОРУЭЛЛА, В «ОТЧЕТЕ БРЭДБЕРИ» МЫ ВИДИМ ПРОТЕСТ ПРОТИВ ВЫСОКОМЕРИЯ И ЖЕСТОКОСТИ.
BOOKPAGE.COM

СТИВЕН ПОЛАНСКИ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В наш век высоких технологий, прогрессивных открытий человек, увы, перестал быть высшей ценностью. Часто он лишь объект для исследований, безликая биомасса, с которой можно делать все что угодно во имя науки. Полански заглядывает в не такое уж отдаленное будущее и рисует страшную картину: люди клонируют себя, чтобы под рукой всегда был нужный орган для пересадки. Это настолько само собой разумеется, что никто и не задумывается о том, что происходит там — на Отчужденных землях, где проживают те, кто появился на свет, чтобы быть донором. Главный герой, Рэй, тоже до поры до времени живет так, будто не знает об этих несчастных. Но вот он встречает одного из них, случайно вырвавшегося из резервации и — узнает в двадцатилетнем Алане самого себя.

С этой минуты он уже не может жить как прежде, так, как советует ему благоразумие…

- Стивен Полански
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Благодарности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16

Стивен Полански
ОТЧЕТ БРЭДБЕРИ

Посвящается Джули и Сильвии, и снова Бенджамину и Майклу.

Отчет о государственной программе клонирования человека в Соединенных Штатах Америки в 2071 году н. э., написанный Рэймондом Брэдбери.

Глава первая

Я — человек незначительный. То же самое можно сказать о большинстве людей. В дальнейшем я не стану предъявлять к себе особых претензий, кроме одной, но без нее уж никак не обойтись. В конце концов, этот отчет вовсе не обо мне. Я подробно и с сожалением излагаю мое понимание мира и разочарование в нем — в мире, который лишает тебя способности сожалеть.

По рождению у меня не было никаких особенных преимуществ. Я не был богатым, одаренным или счастливым от природы, не обладал привлекательной внешностью. Бедным, больным, увечным, хронически унылым я тоже не был. Я родился и получил то, в чем нуждался. Меня зачали естественным путем — мне ведь шестьдесят шесть. Мои родители заботились обо мне.

Если бы я был более удачлив — если бы я лучше управлял своей удачей, как сказала бы Анна, — если бы пользовался благорасположением судьбы, моя жизнь могла бы сложиться иначе. Возможно, я достиг бы чего-то, что отличало бы меня, отделяло от общей массы подобных мне людей. Меня бы продвигали, поддерживали, вели к цели. Возможно, я был бы счастлив, как счастливы некоторые люди. Я упустил эти возможности. Или они ускользнули от меня. Я — не плохой человек. Я не был слишком легкомысленным. Я старался жить разумно и не причинять боль другим людям, если сознавал, что могу их ранить. Но, не совершив никаких вопиющих промахов, я так и остался человеком незначительным — не имею особого значения даже для самого себя.

Я — старик. В ноябре — если я до него доживу, что сомнительно, — мне исполнится шестьдесят семь. Это вовсе не старость, обязательно возразят мне. В наши дни, в нашем возрасте, с нашими возможностями это, конечно же, не старость. Но я плохо сохранился. Я не работал над тем, чтобы оставаться молодым. Не занимался спортом. Не сидел на диете. Мало спал. Или, наоборот, слишком много. Я не омолаживал зубы, волосы и кожу, не делал липосакцию, не проходил клеточную терапию. Не столько от недостатка тщеславия, сколько от отсутствия энтузиазма. Как и многие люди моего возраста и моих возможностей, я, когда это стало доступным, зарегистрировался для процедуры репродукции по технологии замены ядра клетки, хотя предпринял этот шаг без особого энтузиазма или интереса. У меня нет потомства, то есть нет сыновей и дочерей. Никого, кто бы сделал мне замечание или подбодрил меня. Моя жена, с которой целую вечность назад мы прожили только семь лет,

умерла — как я считал, бессмысленно, атавистически, во время родов. Мы выбрали мальчика, каштановые волосы, зеленые глаза — мы ограничили наш выбор только этим, но не дали ему имени. Я оплакивал ее. Не мог и помыслить о том, чтобы снова жениться. Я устал. Я разглядывал улицы Лебанона,[1] бесцельно бродил по ним, и меня принимали за человека гораздо более старшего возраста, чем я был. Я был болен. Я и сейчас на пороге смерти, чему весьма рад.

Мне всегда не хватало чувства юмора. Всю жизнь, насколько мне помнится, я не находил смешным то, над чем смеялись другие. Я не умею иронизировать, не различаю иронию и насмешки. Как правило, я имею в виду именно то, что говорю. Обо всем необычном, с чем мне пришлось столкнуться, я постараюсь рассказать четко и ясно.

Я достаточно стар, чтобы помнить, какое огромное количество книг было написано в первые десятки лет нашего века о том, что обычно называют «клонированием». Научные тексты и сопутствующая популярная литература. В тот очень краткий период, прежде чем все обсуждения были свернуты, существовали книги на тему этических, юридических и нормативных вопросов клонирования. Ни одной из них я не читал. Я имею в виду романы и истории, вымышленные, теоретические произведения научной фантастики и фэнтези. Я достаточно стар, чтобы помнить множество из них. Я знал, что их читали; помню, что слышал, как о них говорили. Особенно популярна была, насколько я припоминаю, книга Майкла Бенаарона «Владеть самим собой». Еще была «Ветвь» Ричарда Пауэрса. Бесконечные серии романов ужасов Эвана Спайра, клонирующие сами себя. «Овцы» Эдварда Маниго. Отвратительная книга «Оплодотворенная яйцеклетка» и еще одна, под названием «Изменить Эдем» — не могу припомнить, кто их написал. В те времена были и сотни фильмов по мотивам книг, один омерзительнее другого, почти все вульгарные и глупые. Некоторые из них я смотрел, стараясь не отрываться от общества.

Эта книга, если ее можно так назвать, не научная фантастика или фэнтези. По сути, это правдивое повествование о молодом человеке, о его мужестве и великодушии. О его необычайной человечности. В этой прощальной речи, завершающей мою жизнь, я не ищу новых идей, мне не нужно чем-то заполнять свое время. Я не жажду известности или финансовой выгоды, не мечтаю о том, что моя книга пригодится всем и каждому. Я не жду, что в результате моего рассказа что-то изменится. Если я проживу достаточно, чтобы закончить книгу, она будет издана только за границей, где все это — прописные истины, хотя ее, скорее всего,

прочтут многие и даже выразят свое одобрение. В моей собственной стране, в Америке, вероятнее всего, ее не прочтут, а если прочтут, то ничему не поверят. Несомненно, меня попытаются дискредитировать, а если найдут, то казнят. Чтобы люди вроде меня не узнали то, о чем знаю я, приняты экстраординарные меры. Тирания справа, слева, везде одно и то же. И все потому, что я продолжаю жить, потому что я один (а может быть, нас двое) способен сделать это, написать об этом. Я — не герой, но я не боюсь.

Я — ничего иного мне не остается думать — единственное живое существо, единственный человек в мировой истории, кому довелось пережить путешествие во времени. (Так и есть. Я себе не противоречу. Для Анны этот опыт был другим, менее сильным и глубоким, смею предположить.) Если подобное пережил кто-то еще, мы о нем ничего не знаем и не узнаем. Это путешествие во времени — придется употребить избитый термин, — осуществленное единственным возможным способом, стало, как можно было предсказать, непредвиденным результатом, побочным продуктом — меняющим мир, опасным, печальным — неудержимой научной гонки.

Больше года назад, в июле, в первый спокойный день после длительного общенационального буйства, мне позвонили — не по видеофону. Это была женщина, которую я знал, когда мне было двадцать. Так совпало, что она позвонила в день Луизы Браун.[2] Таким образом математически подтверждается, что в нашем мире совпадение является правилом, и это, замечу, не самая невероятная вещь, о которой я собираюсь вам поведать. В дни нашего знакомства ее звали Анна Уикс. Теперь — Анна Пирсон. Она рассказала, что вышла замуж почти сорок лет назад за замечательного и любящего (по ее словам) человека немного старше ее. Он умер — ожидаемо, не скоропостижно — в прошлом году. Она до сих пор носила траур. У них было трое детей, все уже взрослые. Она продолжала жить в Айове. Больше не преподавала, была на пенсии. Ее лишили прав на выплату страховки мужа, и она жила на пенсию. Я узнал об этом значительно позже.

Мы вместе были магистрантами в Университете штата Айова, в Эймсе. Анна была уроженкой Айовы. Поступила в университет, была студенткой, потом осталась учиться дальше. Я родился и вырос в Нью-Гемпшире, а в Айову прибыл по направлению Колледжа Вильгельма и Марии в Вирджинии. Мы оба получили федеральную лицензию на право преподавания в средней школе, она — как историк, я — как математик. Она училась на год старше. По причинам, которые — как я всегда заставлял себя

думать — не имеют ко мне никакого отношения, она не получила степень и диплом, уехав из университета и из Эймса в середине второго, последнего курса. Даже без диплома магистра она смогла найти работу в маленьком городке, где выросла, в средней школе, где училась когда-то сама. Мы переписывались несколько месяцев после того, как она бросила университет. К тому моменту, когда она позвонила, я не видел ее больше сорока лет.

Грустная история. Я не оправдываю себя, и это не сентиментальность и не великодушие. Мне было двадцать два, и это тоже меня не оправдывает. Я говорю так, потому что это имеет отношение ко всему остальному.

В конце августа, сорок пять лет назад, за две недели до начала занятий я двинулся из Нью-Гемпшира в Айову в древнем гибриде «Вольво», с которым нянчился все время учебы в колледже. В чемодане лежали шесть или семь коробок консервов из тунца — их купила и упаковала для меня мама, вскоре после того умершая от рака яичников. В те времена спасительный тунец был дешевым и доступным продуктом. Я отказался жить в оплачиваемом жилье кампуса и снял меблированную квартиру в городе, над азиатским магазинчиком подарков.

Я раньше никогда не был в Айове и приехал, не зная здесь никого. В первый вечер в городе я прогулялся по кампусу, чтобы познакомиться с ним. Это был воскресный вечер, солнце еще не зашло, каникулы не закончились, и в кампусе царила тишина. Мне подумалось, что это место без архитектурных изысков, но не лишено привлекательности. Я понимаю, что с тех пор там все сильно изменилось; я не возвращался туда с тех самых пор, как получил степень. В какой-то момент моей прогулки я столкнулся с Анной Уикс, теперь Анной Пирсон. Возможно, она сидела и читала на скамейке под одним из великолепных вязов кампуса. Или же по-турецки сидела на покрывале, постелив его на поросшую травой лужайку. Подобные сцены вполне в духе фальшивых любовных романчиков. Я не помню, где именно ее увидел и как мы начали беседу. Помню лишь, что она присоединилась ко мне во время прогулки. Она была очень привязана к этому месту, пробыла там пять лет, в том числе четыре в качестве студентки, и стремилась послужить мне гидом. В тот вечер мы обошли почти весь кампус. Я устал с дороги, поэтому был не слишком увлеченным спутником. Во всяком случае, искры от меня не летели. Но я наслаждался обществом Анны. Она была умной и веселой, хорошо излагала свои мысли. Мы приземлились в городе, недалеко от моей квартиры, в круглосуточной кондитерской. Мы сидели и говорили еще несколько часов, пока я не начал клевать носом. Потом

договорились встретиться на следующий день.

Анна была одинока. Это было очевидно для большинства людей. Но я этого не заметил. Она была крупной девушкой, немного неловкой, хотя и весьма привлекательной. Будучи студенткой в Эймсе, она получила прозвище Твинк,[3] которое несла с достоинством и юмором. Она хотела, чтобы я ее тоже так называл, и теперь я понимаю, что должен был сделать это. Но я отказался, довольно глупо сказав ей, что от этого прозвища мне грустно. Когда я слышал, как другие называют ее Твинк, я злился — на них, на нее.

Все две недели до начала занятий мы хотя бы часть дня проводили вместе. Анна мне очень помогала. Она давала советы по поводу лекций и профессоров — куда записаться, чего избегать, проводила через причудливый стиль регистрационных протоколов, показывала, где покупать книги и продукты. Мы стали друзьями, ели вместе как минимум раз в день. Ходили в кино. По ее выбору. Я сопровождал ее, делая вид, что заинтересован и имею свое мнение, когда она покупала себе свободные платья. Однажды днем мы сели в мой старенький «Вольво», выехали из Эймса и прокатили почти двести пятьдесят миль по сельской местности Айовы. Это было задолго до появления пресловутых Отчужденных земель, до того, как из обеих Дакот хлынул наводнивший все окрестные районы поток местных жителей. Мы остановились, чтобы пообедать бифштексами и жареным бататом в одной из постепенно исчезающих придорожных закусочных в городке с названием Ле-Марс, недалеко от места, где жила Анна. Я помню, что меня не впечатлил пейзаж, вернее сказать, впечатлила его однородность. Удивительно, что мне хотелось совершить эту поездку. Я считал Анну дружелюбной и разговорчивой. Несомненно, я был осмотрителен. Я очень неохотно раскрываюсь перед людьми; я почти никогда этого не делаю. Меня удерживает не страх, скромность или приличия, а отсутствие интереса. Даже с женой, которую я любил, я был вовсе не близок.

Анна говорила страстно, красочно, для нее не существовало запретов. Я не помню, о чем она говорила. Мне кажется, тогда я внимательно слушал ее, на долгие годы сохранив отчетливое ощущение ее личности. Я знал, что она обожала литературу и кино. Я знал, что она была единственным ребенком, что в раннем детстве ее родители развелись, мать воспитывала дочку в нужде, в школе у нее не было бойфренда, а в колледже появился жуткий поклонник-социопат. Ее отец был рассеянным и суровым. Она искрилась самоуничижительными шуточками, была полна политического пыла (она входила в несколько

антиправительственных группировок), в ее случае подлинного, а не являвшегося средством получения сексуального опыта. Она умела хорошо рассказывать, и если в те дни я и наслаждался чьим-то обществом, то именно ее.

С началом занятий я стал реже видеть Анну. Поскольку она училась на год старше, у нас не было совместных лекций и семинаров. В отличие от нее, я еще не завел других друзей, которые оспаривали бы с ней мое время. Мы встречались несколько раз в неделю за обедом или ужином, всегда одни. Она следила за этим, отмахиваясь от друзей, избавляя меня, как я полагал, от их общества. В то время — почти весь первый семестр — я не касался ее. Мы не целовались, не держались за руки. Она не поднималась ко мне в квартиру. Я не видел ее комнату в общежитии для выпускников. Что бы ни думали о нас те, кто наблюдал за нами, мы не думали и не говорили о своих чувствах. Мы дружили. Никакой романтики. Я особо не размышлял о нашей дружбе, просто был благодарен за то, что время от времени мне есть с кем поговорить. Я понятия не имел, о чем думала она.

Я не говорил Анне про девушку, которая продолжала учиться в Колледже Вильгельма и Марии и полагала, что весной, после того как она окончит колледж, мы с ней поженимся. Формально мы ничего не планировали, но это само собой разумелось. Мы выросли вместе в Нью-Гемпшире. Я знал ее с начальной школы. Она была моей единственной девушкой в средней школе и после того, как мы прожили год на расстоянии, последовала за мной в Уильямсберг. Наши семьи дружили. У нас была одна история. Нас связывало слишком многое. У нее имелись другие, более выгодные возможности, но она выбрала Колледж Вильгельма и Марии, чтобы не расставаться со мной. На втором году обучения в результате непростительной небрежности она забеременела. Я договорился и заплатил за аборт. Почти всю среднюю школу, а потом несколько лет в колледже я воображал, что люблю эту девушку, люблю примитивно и бессмысленно, именно так, как я и представлял себе любовь. Я не говорил о ней Анне. Отчасти потому, что не видел для этого причин; отчасти потому, что меня унижало такое приложение (в то время это казалось зависимостью и скукой): девушка в Вирджинии, назовем ее Энн. Я думал, это лишь досадная ошибка, а эгоизм не требует комментариев.

Полагаю, с моей стороны было безобразным хамством не сказать Анне про Энн. То, что в Вирджинии есть девушка, с которой я слишком тесно связан, перед которой я несу огромную ответственность, не имело никакого отношения к природе и силе моих чувств к Анне, что совершенно не зависело от ее пола. Мне

нравилась Анна. Я чувствовал к ней некую неуместную жалость, и это, боюсь, приносило мне легкомысленное удовольствие, от чего я не мог избавиться. Я не любил Анну, не чувствовал к ней физического влечения и не хотел иметь с ней ничего, кроме дружбы.

В начале ноября я совершенно случайно встретил одну из трех ее соседок по комнате, студентку, три года остававшуюся лучшей подругой Анны. Прежде чем она вышла за меня замуж, ее звали Сара Берд. Я зашел в кампус, обедал в кафе-автомате. Анна и ее соседка по комнате уже находились там, но кафе было переполнено, и я их не видел, пока не доел. Они подошли к моему столику. Анна представила ее.

Сара Берд. Двадцать один год. Из Индианолы, что недалеко от Де-Мойна. Ее отец, в скором времени ставший моим тестем, был священником в отмирающей англиканской церкви. На людях он представлялся образцовым человеком — образованный, мудрый, учтивый, с изящными манерами, почтительный, благородный. Дома, с женой и тремя детьми, он превращался в деспота. Мне удалось бегло познакомиться с его домашней личиной. Этого хватило, чтобы уничтожить во мне остатки христианской веры; лишь находясь в его присутствии, я понял значение выражения «вместе с водой выплеснуть ребенка». Совершенно ясно, что именно он являлся основной причиной многих, если не всех, эмоциональных слабостей Сары. Ее мать, аристократка-норвежка, по рождению принадлежавшая к лютеранской церкви и после почти тридцати лет в Америке едва говорившая по-английски, никак не могла предотвратить или хотя бы умерить нападки мужа, чьей излюбленной целью был старший ребенок — красивая, апатичная, чрезвычайно уязвимая Сара. Я его ненавидел все семь лет. Я внимательно наблюдал за ним всякий раз, когда он приближался к дочери. Я с трудом сдерживался, чтобы не вмешаться, сгорал от нетерпения вывести его на чистую воду. (Конечно, бред. Мне было чуть за двадцать. Я не мог стать соперником для этого человека.) Когда Сара умерла, я едва удержался от того, чтобы прилюдно не обвинить в этом его. Я не позволил ему провести поминальную службу. Больше я ничего не мог с ним сделать.

Сара стала моей женой. Я прожил с ней семь лет. Я знал ее лучше, чем кого бы то ни было до нее или после. Я любил ее так, как никого и никогда не любил. Она была самой красивой женщиной из всех, каких я видел. С самого начала я сознавал, насколько она уникальна. Она была худая и бледная. Во сне ее лицо становилось печальным. Вокруг нее сгущалась тьма. У нее были впалые, обведенные темными кругами глаза. Она была

тихой, вежливой, пугливой, потому что была очень нежной и легкоранимой. Именно так я говорил о ней Анне (как она теперь утверждает, ее это совершенно не ранило), и Анна замечала, что таким образом я мог бы описывать некую эфирную барышню девятнадцатого века. На мой же взгляд, эти печальные особенности и составляли ее красоту, воздушную, асексуальную и, при всей ее печали, безмятежную. Сара была неотразима.

Во время той первой встречи она сказала лишь одно слово — «привет». Она с удовольствием предоставила беседу Анне. Как только мы познакомились, я, как это часто бывает, начал то и дело встречать ее в кампусе. С ней было нелегко заговорить, нелегко даже догнать ее. Если она не была с Анной, чье присутствие делало любую попытку контакта неудобной, то почти всегда находилась среди толпы однокурсников, парней и девушек, отличавшихся от нее, как свет от тьмы: шумные, разнузданные, беззаботные дикари, они жили так, словно считали, что никогда не умрут. Позже она мне говорила, что презирала их. Но среди них, говорила она, в самой гуще этого сброда, в их коллективном содрогании, ее боль притуплялась. Она чувствовала себя закрытой со всех сторон, когда не нужно ни говорить, ни думать.

К тому моменту, когда я вернулся в Нью-Гемпшир на День Благодарения, мне еще ни разу не удалось поговорить с Сарой наедине. В понедельник накануне Дня Благодарения умерла моя мать. Она давно болела. Обычный случай, длительное течение болезни. Конец, однако, наступил стремительно. Я был ее единственным ребенком, единственным членом ее семьи, поэтому вполне естественно, что мне пришлось заниматься похоронами. Мы не были так близки, как ей хотелось, но я любил свою мать. Я не смог увидеться с ней перед смертью. Теперь я остался один — отец давно умер, родственников у меня не было. Энн приехала из Вирджинии на каникулы. Она поддерживала меня на похоронах, и я был благодарен ей за участие. Тогда я видел ее в последний раз. Энн, Анна, Сара. Три женщины. Непостижимое соединение: единственные женщины в моей жизни, все одновременно. К тому времени, как я вернулся в Эймс, повинуясь животному инстинкту избегать любой дополнительной боли, я если и не забыл Сару Берд, то в значительной степени пересмотрел все свои прежние планы.

Если бы моя работа в университете была интересной или многообещающей, я бы погрузился в нее с головой. Когда я вернулся, дружба с Анной, предлагавшей мне лишь искреннюю симпатию, начала меня пресыщать. Анна казалась — хотя в ее поведении ничего не изменилось — тиранически привязчивой и

прилипчивой. Я избегал ее, выдумывая неубедительные, слишком явные оправдания. После двух или трех раз она обиделась и перестала ко мне подходить. В то же самое время я без всяких объяснений прервал общение с Энн. Я не хочу ни с кем иметь дела, говорил я себе.

В середине промозглой зимы — кажется, есть старая песня, которая начинается с этих слов, — я поздно вечером возвращался домой после зря потерянного времени в библиотеке и зашел в ближайшее к окраине города кафе «Новые времена», чтобы спрятаться от холода и снега. Вообще-то это было не кафе, а бар, чуть лучше бетонного бункера, с грилем и комнатой для игры в бильярд. Дерьмовое местечко, мрачное, грубое, неприветливое. Я оказался здесь впервые. В тот вечер Сара была уже там. Она сидела в самом темном углу неосвещенного зала, за высоким столом, вдвоем с Анной.

Я стоял в дверях, отряхивал пальто и притопывал, чтобы избавиться от снега на обуви. Они разговаривали. Я мог уйти прежде, чем они меня заметили. Я просто должен был уйти. Вместо этого, совершенно бессознательно, я прошел к их столу. Насколько я разбирался в себе, меня больше не интересовала Сара Берд. Разумеется, я не желал, чтобы Анна почувствовала себя неловко. И все же шел, словно был тем самым человеком, которого они обе надеялись увидеть в тот арктический вечер. Тот момент стал определяющим в наших жизнях. Я не могу об этом сожалеть.

Бар был переполнен, все вокруг хрипело в прямом смысле слова — погода влияла. Анна увидела, что я подхожу. Она встала. Я услышал, как она сказала Саре:

— Пойду в туалет.

Я улыбнулся обеим. Прежде чем Анна смогла улизнуть, я сказал:

— Привет.

Сара посмотрела на меня укоризненно. Анна доверяла ей. Сара положила руку на запястье Анны. (У моей жены были самые прекрасные руки на свете. Я до сих пор скучаю по ним.)

— Останься, — сказала она. Потом обратилась ко мне: — Что ты здесь делаешь?

Анна остановилась, смущенная и изумленная. По-моему, она не рассердилась.

Мне следовало замолчать, развернуться и уйти.

— Ничего не делаю, — буркнул я. — Возвращался домой. Замерз. Вошел. Увидел вас. Поздоровался.

— Я уже ухожу, — проговорила Анна.

Она высвободила запястье из-под руки Сары.

— Нет, — ответила Сара.

— Он хочет видеть тебя, Плюшка.

Плюшкой Анна нежно называла Сару. Я так и не узнал о происхождении этого прозвища.

— А я не хочу его видеть, — ответила Сара.

— Прости, — сказал я.

Было непонятно, кому именно предназначалось извинение.

Сара встала. Я молча смотрел, как они собрали вещи, надели пальто, шапки и поспешно ушли.

Я вздохнул. Я сам не понимал, что делаю. Я оглядел бар. Неприветливое местечко. В порыве дешевого раскаяния я решил остаться здесь и напиться (тогда, как и теперь, я практически не пил.) Я решил проиграть все свои деньги акулам бильярда в задней комнате, если они там имелись. Решил бросить университет и вернуться домой в Нью-Гемпшир, чтобы ждать в добровольном заточении, пока Энн окончит Колледж Вильгельма и Марии, а потом жить с ней в неизбежном бесцветном браке. Я ничего из этого не сделал.

Когда я догнал девушек, поднимавшихся на холм к кампусу, я был близок к безумию. Услышав, что я их преследую, утопая ботинками в снегу, они повернулись и подождали меня. Это было жестом истинной доброты. Не прекращался сильный снегопад. Ветер немного стих, но все равно было страшно холодно. Анна стояла чуть позади и сбоку от Сары. Я остановился перед ними. Отчего-то — из-за чувства вины, повышенной сентиментальности, мороза — мои глаза были полны слез.

— Простите меня, — сказал я. — Я не хотел никому из вас причинить боль. Я люблю вас обеих. Просто было плохое время. Моя мама умерла. И вообще. Я не в себе. — Я покачал головой, уже сожалея об этих словах. — Это не оправдание. Мне жаль. Нет никакого оправдания. Простите меня. Я больше вас не побеспокою.

Они не говорили ни слова.

— Это все, что я хочу сказать.

Я начал спускаться с холма. Во время спуска я поскользнулся в снегу и с душераздирающим криком приземлился прямо на задницу. Даже если бы я планировал падение заранее, оно не возымело бы такого эффекта. Я услышал, как Сара смеется. Это был музыкальный смех, истинная трель, сладкая и милосердная. Этот смех и ее рука на запястье Анны определили для меня все. Анна окликнула меня:

— С тобой все в порядке? Не ушибся?

В конце января Сара переехала из общежития для выпускников — она жила там, потому что Анна выхлопотала для

нее разрешение, — в мою квартиру над азиатским магазинчиком подарков. Мы встречались, если это слово подходит для определения наших тайных свиданий, всего полтора месяца, когда она решила предпринять этот шаг. Я любил Сару. Я хотел всегда быть с ней. Мы скрывали наши свидания от Анны, не подозревавшей о происходящем. Все это хождение вокруг да около было детским, низким и оскорбительным для нас всех, но я был опьянен и совершенно утратил чувство ответственности. Когда перед переездом Сара наконец открыла Анне, что происходит, Анна была ошеломлена и убита. Не тем, *что* мы сделали, а тем, *как* мы это сделали. Она была глубоко опечалена. Ей гораздо тяжелее было потерять Сару, чем меня. Но она грустила и обо мне. У нее были, как она призналась, кое-какие надежды.

После этого Сара почти не виделась с Анной. Для того, что осталось от их дружбы, они установили разумные, но нелегкие условия. Я не видел Анну совсем. За исключением одного раза. В марте, незадолго до того, как Анна бросила университет, и после того, как Сара и я прожили вместе почти два месяца, я почувствовал, что дальше тянуть нельзя, и надо разрешить ситуацию с Энн. Был уже не просто крайний срок — было непростительно поздно. Мне следовало поехать в Вирджинию, чтобы встретиться с ней и рассказать о Саре. Вместо этого я ей позвонил. Известие ранило Энн, она пришла в ярость. Отказалась принимать мои объяснения, мои извинения за те мерзкие, позорные вещи, о которых я говорил. Она ругала меня, проклинала. Наш разговор — я успел сказать очень мало, потому что кроме немногих, ужасных для нее фактов, говорить мне было нечего — длился больше двух часов. В конце я едва держался на ногах, едва дышал. Я чувствовал себя выпотрошенным. А еще — какой позор! — я жалел себя.

Я пошел искать утешения, искать Сару. Мне не хотелось, чтобы она находилась в квартире, когда я звонил Энн. Был вечер субботы, десять часов. Почти наступила весна. На улицах города царило оживление. Когда я добрался до кампуса, отчаянно желая найти Сару, студенты бурно праздновали внезапное, пьянящее, несколько преждевременное окончание зимы. Казалось, все сошли с ума. Я не мог найти Сару. Я обезумел еще больше. Я отправился в общежитие выпускников, в комнату Анны, думая — насколько я мог думать — найти Сару там. Раньше я никогда не входил в эту комнату.

Анна была одна, читала. На полу и мебели лежали стопки книг и бумаг. От Сары я знал, что Анна упорно работала над своей магистерской диссертацией (она уйдет, не закончив ее) о

Второй корейской войне. Она была во фланелевом халате, пижаме и пушистых шлепанцах. Волосы она собрала сзади и закрепила резинкой. На ней были очки для чтения и никакого макияжа. Возможно, на меня действовала слепая потребность, но мне показалось, что она выглядит лучше, чем когда-либо. Я был счастлив увидеть ее. Я обнаружил, что мне ее не хватало. Она была потрясена и, как и ожидалось, не обрадовалась мне, но вела себя любезно. Анна пригласила войти, освободила место на кушетке. Без предисловий, совершенно бестактно я спросил, не знает ли она, где Сара. Она не знала. Она не видела Сару несколько дней. Может быть, у нее есть какие-то соображения, где мне ее найти? (Потом оказалось, что Сара встретилась со своей прежней группой, и они беспечно отправились в придорожное кафе на автостраде.) Нет, у нее не было соображений. Почти всю ночь я провел с Анной, оставив ее комнату незадолго до рассвета, и она не выказала мстительности. По поводу собственных чувств она была сдержанна. Но ни разу не опустилась до обвинений. Может, что-то не так? С Сарой все в порядке? Ее беспокойство было неподдельным. Я ответил: насколько я знаю, с Сарой все отлично. Потом, с облегчением, радуясь тому, что есть с кем поговорить, что кто-то готов выслушать меня и успокоить, я размяк. Я судорожно зарыдал. Анна села около меня на кушетку. Она взяла мою руку, и я рухнул в ее объятия, уткнувшись головой ей в грудь.

Я рассказал Анне об Энн — она впервые услышала о ней — и о нашем разговоре. Я ничего не скрыл. Я рассказывал ей о себе и об Энн, рассказывал такие вещи, в которых никогда не признался бы Саре. Я поверял ей свои страхи, перечислял ошибки и слабости, скрупулезно, в подробностях описал ненависть к себе. Я говорил неустанно, фантастически эгоцентрично. Анна выслушала весь мой горестный перечень. Приласкала меня. Попыталась переубедить. Я вовсе не так плох, как говорю. Я не порочный, просто поврежденный, сломанный. Как и она. Как и все прочие. (Оставалось совсем немного до дня прямого вмешательства в зародышевую линию клетки.) Как бы то ни было, она не оправдывала меня, но и не презирала. Она даже сумела отчасти порадоваться тому, что мы с Сарой вместе. Когда все закончилось, когда я полностью выговорился и выдохся, когда я выжал себя насухо и взял от нее все, что мог, Анна помогла мне дойти до двери и отправила обратно к Саре, которая уже уютно спала в нашей квартире.

Через неделю Анна ушла из университета. Я не видел ее и не говорил с ней сорок пять лет.

Я — не религиозный человек. Сегодня мало религиозных людей. Я был ребенком, слишком маленьким, чтобы помнить тираническую, ненавистную, псевдохристианскую манию, захлестнувшую страну в правление Джорджа Буша («наследника», как его теперь называют, чтобы отличить от менее зловредного отца.) Я был слишком мал, чтобы помнить массовую ответную реакцию, сопровождавшую его крах, отход от рьяно теократического государства, в котором насаждали регрессивную глупость, к не менее рьяно светскому, в котором перед наукой открывались все двери. У нас была очень далекая от фанатизма пресвитерианская семья. Мои родители никогда не относились к делам веры серьезно, мы только отмечали радикальные изменения в политике и настроении.

В последний год, предваряемый событиями, о которых здесь говорится, я начал читать Библию. Я читал ее регулярно, от Ветхого Завета к Новому, без ясного понимания того, зачем я это делаю. У меня имеется Библия Короля Иакова. Нелегко было заполучить экземпляр. Я купил ее, когда мы впервые оказались в Монреале, в букинистическом магазине на рю де ла Монтань. Я повсюду возил ее с собой. Она со мной и теперь. Это красивая книга, в хорошем состоянии. Очень большая и тяжелая. Я читаю медленно. Я нахожу ее отчасти знакомой, отчасти очень странной, отчасти унылой и бесполезной, отчасти прекрасной и волнующей. Я пока еще не повернулся к Богу. Самая первая история, история Адама и Евы, показалась мне самой провокационной. Еву создали из ребра Адама. Следовательно, Адам, первый человек, был и Первой мастер-копией. Поскольку Еву создали из него, Адам должен чувствовать особое тепло к этому последнему, производному животному. Применив такой асексуальный способ воспроизводства — беспрецедентный и до недавних пор неповторимый, — Бог, как я понял из этой истории, оставил прореху в крепкой, до тех пор безупречно целой грудной клетке. Проделал прямую дорогу к его, Адама, сердцу.

Простите за наглую метафору, но меня вскрыли точно так же. Меня переделали. Я забыл, кем я был прежде и кем я мог стать. Меня заставили об этом вспомнить. (Ева родилась, зная прямой путь к сердцу Адама и, что очень важно, имея возможность отвернуть его сердце от Бога.) В нашем мире, систематически опровергающем Священное Писание, копии делают из генетического материала оригинала. Оригинал, таким образом, является новым Адамом, современным Адамом, Адамом-добровольцем, Адамом с просвещенным личным интересом, Адамом, которого просят не слишком рисковать (кровяная клетка или две) в этой необычно современной версии библейских

инвестиций, когда вкладывают в здоровье, а не в любовь, человека или божество. Копия делается, чтобы она послужила оригиналу так же, как — здесь все вывернулось — Адам послужил Еве. Если это когда-нибудь потребуется.

До того, как Анна связалась со мной и вызвала последующий ряд событий, клонирование практиковалось уже двадцать один год и стало не только юридически, социально и этически законной практикой, но и вполне обыденным делом — лишь в самых исключительных случаях у оригинала не забирали и не отправляли на хранение кровь из пуповины, — и я не очень-то задумывался об этом. Я вообще не думал о своем клоне, где бы он ни был. (Я бы знал, где он, если бы позволил себе думать об этом.) Как и большинство американцев. После года общения с Анной — в основном говорила она, и она же снабжала меня сведениями, — я убедился, что правительство сделало все возможное, чтобы помешать нам об этом думать. Термины, которые мы используем, «оригинал», «копия», — были придуманы, чтобы выставить в выгодном свете разработчиков и не обращать внимания на новые исследования, чтобы отдалить нас от науки, сделать более спокойными, более лояльными и, в итоге, слепыми. С согласия американской общественности клонирование с благодарностью положено в основу федеральной системы здравоохранения. Эта байка убеждает и умиротворяет нас, к тому же позволяет правительству не слишком заботиться о совершенствовании здравоохранения. Я использую язык Анны — язык протеста. Это не мой язык, моя причастность к нему — личная, а не политическая, но вы должны видеть, как вижу теперь я, что мы все замешаны в это дело. Наша вина, каждого по отдельности и всех вместе, в нашей ошеломляющей самовлюбленности. С самого начала этой жестокой практики, унижавшей и ограничивавшей нас, мы стали безропотными, как овцы. Единственные настоящие общественные дебаты велись о том, надо ли приватизировать бизнес клонирования, и там были вспышки сопротивления. Но эти группы оказались слишком терпимы и бессильны. (Анна и ее муж были активными деятелями оппозиции. Оба отказались участвовать в программе копирования. Этот отказ стоил мужу Анны двадцати или тридцати лет жизни.) Необходимо отметить ужасную симметрию. Соединенные Штаты — единственная страна в цивилизованном мире, где клонирование является легальным и спонсируется государством. В остальных странах оно вне закона. Мы также единственные среди просвещенных стран, мошенничающие с отказом от высшей меры наказания. Отменив этот варварский

обычай, Соединенные Штаты сохранили за собой право на санкционированное его использование. Немногие знают об этом, никто об этом не говорит, но такова участь лишних или, в самых редких случаях, своенравных клонов. И их сообщников.

Звонок Анны, предвестник событий, раздался год назад — в прошлом июле, двадцать пятого числа. Той весной я преподавал в средней школе в Лебаноне, вел свой заключительный семестр. Я был более чем готов уйти, но не знал, чем займусь после отставки. Проще говоря, я был нервный, усталый, мне все надоело, но мне нужны были кусок хлеба и покой. Я и не подозревал, но у меня были все признаки болезни сердца. Я понятия не имел, куда поехать. Мне хотелось вернуться в Шотландию, в Троссакс, Лох-Войл, где Сара и я проводили наш медовый месяц. Некоторое время, месяца два или три, я хотел пожить в Италии, в Умбрии. Скажем, в Сполето. Я не знал о нем почти ничего, кроме того, что дорогущее оливковое масло, которое Сара использовала при готовке, изготовляли именно там. Я представлял себе неторопливую живописную поездку по северной части страны, от Нью-Гемпшира до штата Вашингтон и через Миннесоту — в Канаду. Можно было провести одну-две зимы вместо Новой Англии на Гавайях, или в Аризоне, или на американском острове Самоа. Я читал слишком мало английской классической литературы и говорил себе, что это шанс восполнить пробел. Но при этом мне было ясно, что, хоть я и купил том с полным собранием сочинений Шекспира, я никогда не буду их читать. У меня имелись знакомые, с которыми я встречался за обедом или за кофе, но настоящих друзей не было. Все годы моего вдовства я питался в ресторанах, и вот теперь начал подумывать о том, чтобы научиться готовить. Я не увлекался рыбалкой. У меня не было хобби. Если бы Анна не позвонила, я, возможно, постепенно подошел бы к незаметному концу.

Была суббота, одиннадцать часов утра, десять часов по ее времени. Я еще не снял пижаму. День был прохладный, воздух наконец очистился, и я открыл окна. Я плохо спал. Мне все труднее было засыпать и спать до утра, не просыпаясь. Почему-то болело правое плечо. До него было больно дотрагиваться. Я сидел за кухонным столом, ел хлопья и разгадывал кроссворд в местной газете. За кухонным окном о чем-то пересвистывались две рыжие белки, а Софи и Мэри, соседки-близняшки, рисовали мелом на тротуаре. Раздался звонок по Интернету — необычайное явление в моем доме.

— Это Рэй Брэдбери? — спросил женский голос.

Чтобы защитить Анну, себя и тех, кто мог вступить с нами в контакт, я менял имена и названия всякий раз, когда это казалось необходимым. Девичья фамилия Анны была не Уикс, а в замужестве она была не Пирсон. Меня зовут не Рэй Брэдбери. Когда я начал писать это повествование, Анна предложила мне назваться этим именем. Она страстно любит книги и рассказала мне, что Рэй Брэдбери — это знаменитый писатель последней половины прошлого столетия. Я живу в Нью-Гемпшире, а не в Лебаноне. Сара Берд звалась не Сарой Берд. Она приехала не из Индианолы, а из похожего местечка. Даже Ле-Марс на северо-западе Айовы, где, как я говорил, Анна и я останавливались, чтобы пообедать бифштексами и жареным бататом, это не Ле-Марс.

— Это я, — ответил я.

— Это Анна Пирсон. Возможно, вы меня не помните.

Я мгновение подумал. Имени вспомнить я не мог. Со мной это часто случалось.

— Не помню.

— Конечно, — ответила она. — Когда мы были знакомы, меня звали Анна Уикс.

— Анна?

— Да.

— Я помню. Конечно, помню. Это ты?

— Да.

— Как ты? Где ты?

— Я в Айове. Никуда не уезжала. У меня все хорошо. А ты как?

— Все в порядке, — ответил я. — Стал старше. Состарился. Ты бы меня не узнала.

— Мы оба состарились. Я бы тебя узнала.

— Вряд ли, — сказал я. — Слушай, вот так сюрприз! Ты еще разговариваешь со мной?

— Да. Это очевидно. — Она засмеялась. — Я сердилась на тебя. Очень долго. Ты меня обидел.

— Я знаю, — ответил я. — Я поступил отвратительно.

— Да. Точно.

— Не люблю об этом думать.

— Ты об этом думаешь?

— Кажется, не думаю, — ответил я. — Наверное, нет.

— Тем лучше, — сказала она.

— Нет.

— Ты был влюблен. Ты был мальчишкой.

— Да.

— А Сара? Как она? Вы до сих пор вместе?

— Сара умерла.

— О, нет, — воскликнула она.

— Это случилось давно. Тридцать пять лет назад.

— Что? Что случилось?

— Она умерла при родах.

— А ребенок?

— Он тоже умер.

— О, нет, — повторила она. — Сочувствую. Это ужасно.

— Спасибо. Это, и правда, было ужасно.

— Не знаю, что сказать. Я часто вспоминаю Сару.

— Я тоже, — ответил я. — Ты замужем?

— Была. Мой муж умер в прошлом году.

— Сожалею, — сказал я. — От этого не убежать.

— От чего?

— От печали. От боли. Она не делается меньше.

— Да, — сказала она. — Я горюю. Тоскую без него. Мне не хватает его каждую минуту. Но мы прожили хорошую долгую жизнь. Мы родили детей. Я благодарна за это. Очень. Я была счастлива.

Она замолчала. Потом произнесла:

— Я не подумала. Прости меня. Я не хочу быть жестокой. Тебе, должно быть, трудно это слышать.

— Вовсе нет, — ответил я.

По моей просьбе она коротко рассказала о муже, который был садовником и владельцем питомника, и о детях. Их было трое, два мальчика и девочка. Старший — профессор истории; средняя девочка — лаборантка и медсестра-акушерка; младший учится в магистратуре на философском факультете. Один из сыновей живет на Тихоокеанском Северо-Западе, другой — за границей. Дочь живет поблизости. Есть два внука — пока.

— Ты — молодец, — сказал я.

— Мне очень повезло. Правда, с недавних пор мне хочется, чтобы мальчики были поближе к дому.

— Они вернутся, — заверил я, сам не понимая, что имею в виду.

— О, да. Они хорошие мальчики.

— Ты до сих пор преподаешь?

— Я вышла на пенсию в прошлом году, — ответила она.

— А я только что, — сказал я. — Этой весной.

— Что будешь делать?

Этот вопрос оказался с подтекстом.

— Понятия не имею, — ответил я. — А ты что собираешься делаешь?

— У меня много дел.

Потом она произнесла мое имя. Не Рэй, конечно, а мое настоящее имя. Она произнесла его так — понимающе, нежно, умоляюще, как никто меня не называл с тех пор, как умерла Сара. Я остолбенел, вновь услышав это.

— Что? — спросил я.

— Мне надо с тобой кое о чем поговорить.

— О чем?

— Я хочу тебя навестить.

— А что случилось?

— Не буду говорить сейчас. Поговорим, когда приеду.

— Звучит серьезно, впечатляюще.

— Так и есть, — согласилась она. — Это очень важный разговор.

— Хорошо, — сказал я. — Когда ты собираешься приехать?

— Скоро. Если тебе удобно, в начале августа.

— Значит, на следующей неделе.

— Тебя это устроит?

— Приезжай в любое время. Я совершенно свободен.

— Если можно, я бы хотела остановиться у тебя.

— Да. Хорошо. У меня много места. Скажи, когда соберешься, я тебя встречу.

— Я приеду на машине, — сказала она.

— Из Айовы?

— Да. Послушай. Рэй. — В том, как она произносила мое имя, не было ничего необычного, но действовало это потрясающе. — Никому не говори о том, что я приеду.

— Мне некому говорить, — ответил я.

Глава вторая

Я понимаю, каким образом поддерживается напряжение в сюжете. Но я не романист. Меня не интересуют уловки подобного рода. Один из университетских преподавателей заметил, что моя проза похожа на убогий перевод с чешского. Не раз мне указывали на сходство между литературным слогом — при этом обычно имели в виду поэзию — и языком математики. Я — не математик, а лишь учитель математики в средней школе, но я считаю это неверной аналогией: желаемое выдают за действительное. Результаты — выразительность в одном случае, теоретические построения в другом — имеют радикальные различия, они несопоставимы. Сам я глух и слеп к нюансам. Не однажды об этом слышал. Эта неспособность сделала мою жизнь сносной.

Шесть дней между звонком Анны и ее прибытием в Нью-Гемпшир я чувствовал напряжение. Мне это не нравилось. Я находил это состояние неприятным, неудобным. Почему она мне позвонила именно сейчас, после стольких лет молчания? О чем она хотела поговорить со мной? Чего она хочет от меня? Что случится потом? Если бы у меня нашлось какое-то занятие после того, как я подготовил дом (у меня десятки лет не было гостей), я бы сумел отвлечься от дум о ее визите. Как бы то ни было, эти шесть дней я провел в размышлениях и раздумьях. Я отпускал мысли на свободу, не стесняя их логикой или правдоподобием. Может, Анна выждала время после смерти мужа, а потом позвонила, чтобы увидеть, можем ли мы в нашем возрасте попробовать начать сначала? Может быть, она до сих пор обижена, рана, нанесенная мной, причиняет ей страдания, и, поскольку ей больше нечего терять (выдвигая это смешное предположение, я не думал о ее детях и внуках, о ценности ее жизни вне брака), она решила отомстить? Или она хочет попросить денег? Получить компенсацию? А может быть, она умирает (эту мысль я принял с некоторым облегчением) и объезжает всех по очереди, чтобы лично попрощаться с теми, кто сыграл какую-то роль в ее жизни?

Я постелил новое белье на кровать в комнате для гостей. Освободил несколько ящиков в шифоньере и унес свои зимние пальто, шапки и шарфы из гардеробной для гостей, оставив Анне дюжину пустых вешалок. Не так ловко, без особого удовольствия — я вообще не испытывал удовольствия — я делал то же самое, что, как мне помнилось, делала Сара перед визитами ее семьи. (Отец Сары не простил ее за то, что она вышла за меня замуж, и

никогда не приезжал к нам в гости. Это устраивало и меня, и Сару.) Я купил несколько срезанных цветков — лилии, ирисы, альстрамерии, неуклюже расположил их в керамической вазе и поставил на ночной столик рядом с новой коробкой косметических салфеток. Я прибрал в гостевой ванной, повесил туда свежевыстиранное банное полотенце, полотенце для рук и махровые салфетки, положил нераспечатанный кусок мыла и поставил новый флакон шампуня. Избавился от ненужных и несъедобных продуктов в холодильнике, вытер полки. Сходил в магазин и приобрел самое необходимое: апельсиновый сок, молоко, сыр, английские маффины, яйца, пиво, крекеры и хлеб. Кофе в доме было достаточно. Я купил две бутылки вина, красное и белое, а также штопор. Вымыл кухонный пол, добавив в воду душистое лимонное моющее средство, которое нашел под раковиной, и оттер столешницу специальным порошком. Обошел дом, убирая ненужные вещи, которых, впрочем, было совсем немного. Пропылесосить и протереть пыль я решил накануне ее приезда. Косить лужайку не требовалось. В то лето практически не было дождей, и нам строжайшим образом приходилось экономить воду. Я не был садовником. У меня не было цветов, нуждавшихся в уходе. Ничего не осталось от сложных клумб с многолетними растениями, которые Сара разбила и посадила, когда мы переехали сюда больше сорока лет назад. За эти годы несколько деревьев — две березы, каштан, красный клен и древний тенистый дуб в переднем дворе — погибли от погоды, насекомых и болезней. Выжил лишь один свидетель краткого пребывания Сары — декоративная магнолия с цветами, похожими на белые звезды. Сара посадила ее возле кухонного окна. Каждую весну, совершенно неожиданно — я никогда не замечал бутонов — на день или два, пока его не разорял дождь или жестокий ветер, это дерево (или кустарник; понятия не имею, чем оно является) распускалось и поражало великолепием, усеянное нежными белыми цветами.

Я находил все эти усилия досадной помехой. Не могу сказать, что я с нетерпением ждал визита Анны. Я был одинок, невыносимо одинок, так продолжалось все тридцать пять лет, но я не жаждал общества. Я никогда не искал его. Даже общества домашних животных. Анна ни словом не намекнула, надолго ли она останется. Я понятия не имел, о чем мы будем говорить, когда обсудим главный вопрос, каким бы он ни был. Перспектива жить в одном доме с другим человеком, даже короткое время, пугала меня. Как и мысль о предстоящих воспоминаниях, разговорах о прошлом — я верил, что моя память о Саре под любым давлением останется неосквернённой, — где я

непременно буду выступать в роли злодея. Я был закрыт для всего, кроме чрезвычайно узкого диапазона чувств и опыта, и не имел ни малейшего желания открываться.

В полдень следующей субботы, почти ровно через неделю после ее первого звонка, Анна позвонила мне, остановившись передохнуть на нью-йоркской автостраде к западу от Сиракуз. Она ехала всю ночь. Она сказала, что подремлет часок в машине, а потом поедет дальше.

«Когда же она приедет?» — подумал я.

Я прикинул, что ей остается пять-шесть часов езды. Значит, мы встретимся около семи. Я сказал, что, во сколько бы она ни приехала, я буду рад ее видеть. В три часа — Анна в этот момент должна была находиться в Олбани или западнее Массачусетса — у меня случился первый сердечный приступ.

Я пылесосил кабинет. Мой великолепный «кабинет». Комната находится в задней части дома, из нее видна, помимо моего невзрачного двора, задняя часть шатающегося древнего соседского сарая. С соседом я никогда не разговаривал. В комнате почти нет мебели. Эту комнату мы с Сарой хотели обустроить, но так этого и не сделали. Я оставил ее такой, как она была, не в память о жене и не в качестве фетиша. Здесь есть небольшой столик, деревянный стул со спинкой из перекладин, настольная лампа, компьютер и книжный шкаф, где осталось еще свободное место для книг. (Когда Сара умерла, я избавился от всех своих книг и практически перестал читать.) На полу — овальный коврик, связанный крючком. Два окна с опущенными шторами. За исключением календаря, который я меняю каждый год, стены пусты. Здесь никогда никто не занимался, не работал. Когда я готовился к экзаменам, сложным зачетам или занятиям — со временем мне требовалось все меньше времени на подготовку, — я устраивался за кухонным столом. Я старался лишний раз не заходить сюда, разве что мне нужен был компьютер.

Я наклонился, чтобы вытащить из розетки вилку пылесоса, и у меня закружилась голова. Со мной это часто случалось, когда я наклонялся или вставал слишком быстро. На сей раз головокружение не проходило. Я сел на стул возле стола. Вытянул на столе левую руку. Я чувствовал напряжение в груди, словно кто-то ее сжимает. Я уперся локтями в колени и свесил голову. Несколько минут смотрел на пол. Боли не было. Головокружение не проходило, в груди ощущалась тяжесть. Тогда мне и в голову не пришло, что я могу быть серьезно болен. Меня затошнило. Потом онемели мизинец и указательный палец левой руки. Тяжесть в груди росла. Постепенно онемела вся ладонь, за ней — вся рука. Я начал задыхаться. Общеизвестные признаки,

которых я не распознал. Я встал. Решил сходить на кухню за стаканом воды. Подумал, что мне станет лучше, если выпить немного воды. И осел на пол. Я не ощутил никакого страха. Словно о постороннем, я подумал о том, что могу умереть. Кажется, я не боялся умирать. Стоя на коленях, я дотянулся до компьютера и нажал клавишу вызова экстренных служб. Через пару секунд раздался голос диспетчера.

— Чем могу помочь? — спросил голос. — У вас проблемы?

Мне казалось, что голос доносится издалека, через время и расстояние, но все же это был человеческий голос, вежливый, беспристрастный, неопределенного пола.

— Да, — сказал я. — Похоже, так.

— Что за проблема?

— Не знаю, — ответил я. — По-моему, я умираю.

— У вас боли?

Этот вопрос не показался мне дурацким. Он показался мне интересным.

— Нет.

— Кровотечение?

— Нет.

Затем, ясно и коротко, что даже тогда показалось мне чрезвычайно странным, я перечислил симптомы:

— У меня головокружение. Тяжесть в груди. Тошнит. Я не чувствую руку. Проблемы с дыханием. Не могу встать.

— У вас инфаркт, — без колебаний заявил голос.

— У меня?

— Да. Где вы находитесь?

— В кабинете. На полу.

— Оставайтесь там, — велел голос. — Помощь уже близко.

Что за чудесные слова, подумал я. Что за прекрасная система. Если бы я умер, размышляя об этом, я бы умер счастливым.

Я лежу на полу. Я спокоен. Я чувствую себя так, словно я (именно я, а не комната вокруг и не весь мир) уменьшаюсь. Как будто я съеживаюсь, становлюсь компактнее. В этом не было элемента принужденности. Это было мирное, приятное убавление. Я даже почувствовал некоторое раздражение, когда прибыли работники «Скорой помощи» и занялись мной. Не могу сказать, как быстро они приехали. Может, в течение нескольких минут или часов. Я то выплывал из сознания, то снова вплывал в него. Ни боли. Ни страха, ни, что еще удивительнее, сожаления. Приятное, соблазнительное состояние. Подозреваю, что они прибыли довольно быстро. Они вошли без проблем — когда я дома, я не запираю входную дверь. То, что происходило дальше, я помню отрывками. Двое молодых людей в униформе.

Квалифицированные, умелые, вежливые. От одного из них пахло свеклой. Я помню, что они прямо в кабинете присоединили меня к чему-то вроде диагностического аппарата. Раздался тихий механический шум. Я услышал, что один из мужчин сказал: «Этого парня надо забрать». Потом я оказался в санитарной машине, под капельницей. В какой-то момент я, должно быть, открыл глаза. «У вас инфаркт», — объяснил один из молодых людей. Меня вытащили из санитарной машины и повезли на каталке в больницу Дартмут-Хичкок, в Центр репродуцирования, где я довольно долго лежал на столе. (Я тщательно заменяю псевдонимами имена людей и названия мест, включая больницу, куда меня привезли, но не сомневаюсь, что при желании меня легко смогут разыскать. Предполагаю, что так и будет. Но я не подвергну опасности женщину, которую называю Анной.) Как я узнал впоследствии, врачи ожидали повторного инфаркта. Этого не случилось, и мне по старинке сделали ангиопластику. Я, разумеется, этого не помню. Оказалось, что две артерии опасно сужены, одна блокирована на сто процентов, другая на восемьдесят. Мне вставили два стента.[4] Врачи проделали все стандартные процедуры, потому что, как мне сказали, инфаркт был обширным, и я запросто мог умереть. Я пробыл в больнице три дня. Потом я уже смог ходить сам, и меня выписали. Пока было невозможно узнать, насколько серьезна болезнь моего сердца. Надо подождать шесть-семь недель, «чтобы все устаканилось», как выразился кардиолог, и тогда врачи смогут оценить мое состояние. То есть мои шансы возросли.

В больнице было не так уж плохо. Народу было мало, и мне предоставили отдельную палату без дополнительной оплаты. Я спал. Немного ел. Читал газеты. Телевизор, кажется, не выключался. На грани жизни и смерти я не испытал никаких откровений или пророческих видений, не пришел к эпохальному пересмотру своей жизни. Необычным было лишь то, что я оказался более слабым, более хрупким, более усталым. Мне казалось, что на мою грудь упало дерево. Я знал о жизни и смерти не больше, чем раньше, до приступа. Кроме докторов, медсестер и прочего персонала больницы, ко мне никто не приходил, никто не звонил. Как только мне стали вводить меньше успокоительных и болеутоляющих и я получил возможность ясно соображать, я вспомнил Анну.

Я позвонил ей на мобильный, хотя она строго-настрого велела мне этого не делать. Был ранний вечер понедельника.

Она оказалась у меня дома.

— Дверь была открыта настежь, — сказала она. — Я вошла и решила подождать тебя. Ты не пришел. Я осталась.

Я объяснил ей, что произошло.

— Господи боже. Как ты себя чувствуешь?

— Я устал. Слегка потрясен. Впрочем, сильно потрясен. Просто шок.

— Да уж, — согласилась она.

— Тебе там удобно?

— Да, — ответила она. — Очень. Спасибо. Я чувствую себя как дома. Ем твою еду. Я не знала, где ты собирался положить меня спать. Поэтому заняла комнату, похожую на комнату для гостей. Цветы чудесные.

— Хорошо, — ответил я.

— Конечно, с моей стороны это наглость, — сказала она, — незаконно вселиться в твой дом. Но я не могла поехать в мотель.

— И правильно. Я все для тебя приготовил. Я рад, что ты осталась.

— Дом очень милый. Везде такая чистота.

— Я старался, — сказал я. — Не успел закончить.

— Ты чуть не убил себя этим.

— Не думаю, что из-за этого.

— Никто не должен знать о моем приезде, — сказала она. — Мы не должны связываться.

— Не понимаю. Но тебе виднее.

— Когда тебя выпишут?

— Наверное, завтра, — ответил я. — Не знаю, во сколько. Ты оставайся там.

— Останусь. Я проделала длинный путь. Кстати, может, тебе что-нибудь нужно? Только скажи, где это взять.

— Не могу ничего придумать, — признался я. — Новое сердце. У тебя достаточно еды?

— Достаточно. Как ты доберешься до дома? Я бы предложила забрать тебя, но это не самая лучшая идея.

— Я собирался вызвать такси.

— Значит, увидимся завтра, — сказала она. — Больше не звони.

Мне начала надоедать такая секретность. Я пережил инфаркт, оказался на пороге смерти, а эта чужая старуха (она была на год старше меня) поселилась в моем доме и настойчиво отказывалась давать объяснения. Мне уже казалось, что ей просто нравится быть таинственной, неприступной и держать все под контролем. Не будь я таким слабым, я бы рассердился. Но я был, наконец-то оправданно, поглощен собой и своим несчастьем. Я стал почти идеальным солипсистом, наблюдающим за каждой пульсацией на попискивающем мониторе возле кровати и самостоятельно контролирующим любой едва различимый, возможно,

воображаемый приступ боли.

Перед самой выпиской я посетил кардиолога. Он пожелал знать, как я себя чувствую.

— Ужасно, — ответил я. — Словно гигантская отбивная.

— Так и должно быть. Не исключена и послеоперационная депрессия. Могу выписать вам рецепт, чтобы смягчить ее.

— Мне это не понадобится.

— Все равно выпишу, на всякий случай, — сказал он. — Примете, если понадобится.

— Спасибо.

— Я хочу поговорить с вами о том, что будет дальше. Вы готовы?

— Не уверен, что хочу знать.

Он расценил мои слова как шутку. Но я не шутил.

— Я хочу увидеть вас снова через семь недель. Одна из медсестер позвонит вам, чтобы назначить время. Разумеется, если за это время что-нибудь произойдет, возникнут какие-то трудности — они, несомненно, возникнут, — если вы почувствуете дискомфорт, боль, не стесняйтесь позвонить мне. Но, надеюсь, все будет в порядке. По крайней мере, сейчас.

— А потом?

— Ну, — произнес он, — посмотрим. Мы осмотрим ваше сердце, проведем тесты, оценим травмы и решим, в какую сторону свернуть.

— Какие есть возможности?

— Их три, — сказал он. — Если ваше сердце повреждено минимально или умеренно, то определенной диеты, спорта и, так сказать, изменения образа жизни вкупе с лечением вполне хватит, чтобы вы и ваше сердце выздоровели.

— Я не занимаюсь спортом, — ответил я. — И ем все подряд.

Он улыбнулся.

— Вы захотите это изменить. В любом случае.

— Звучит ужасно.

— Может быть, и так, — сказал он. — Если повреждения окажутся более существенными, можно рассмотреть возможность шунтирования. Это простая процедура. Эффективная. И выздоровление идет неплохо.

— Хотя это и нежелательно.

— Возможно, — согласился он, — но в качестве альтернативы это предпочтительно.

— Альтернативы смерти?

— О нет. Я имел в виду не это. У вас нет никаких причин умирать. Я говорю о трансплантации.

— Боже мой.

— Нет-нет. Послушайте. Мы делаем по четыре-пять операций в месяц, а наша больница не такая уж большая. Сам я не оперирую, но наблюдаю за послеоперационными больными. Риск, конечно, есть, но, если показания хорошие, все проходит без проблем. Выздоровление идет медленно, иногда бывают осложнения, но если вам это необходимо, не нужно слишком пугаться.

— Я уже чертовски напуган, — сказал я. — Смею вас уверить.

— Да. Конечно, напуганы. Но, если брать во внимание статистику, при благоприятных обстоятельствах у вас все пройдет прекрасно.

— Я в этом не уверен, — ответил я. — Не уверен, что соглашусь на такое. Что за благоприятные обстоятельства?

На мгновение он замолк.

— Учитывая ваш возраст, мне нужно задать вам вопрос.

Он снова замолчал.

— Буду с вами откровенен. Этот вопрос я нахожу отвратительным. Его выяснение — один из самых неприятных моментов в моей работе.

Он поднес руку к лицу, сдвинул очки к бровям, потер переносицу. Обычный жест, но досада была непритворной.

— Мои взгляды на это не имеют никакого значения. Не обращайте внимания. Вы меня понимаете?

— Не уверен, — ответил я. — Какой же вопрос?

— Вопрос такой: у вас есть копия? С вас делали копию?

— Делали, — ответил я. — Наверное, да. Я точно не знаю. Честно говоря, понятия не имею.

— Это выход для вас. Вы помните, что вы участвовали в программе?

— Да.

— Вам шестьдесят шесть.

— Да.

— Если копия существует, а судя по вашим словам, так оно и есть, ей должно быть, предположительно, двадцать один год.

— Думаю, вы правы.

— Ну вот, — сказал он. — Это и есть благоприятные обстоятельства. Они, мистер Брэдбери, не могут быть более благоприятными.

Когда я вернулся домой, Софи и Мэри в своем дворе играли с маленьким мальчиком их возраста, которого я раньше не видел. Был полдень, солнце палило. Девочки были одеты одинаково, как и всякий раз, когда я их видел. Сегодня они надели желтые шорты и белые футболки, что делало их похожими — я радовался

возвращению домой, радовался тому, что видел их, — на маргаритки. Они были хорошенькими девочками. Я не мог их различить и не пытался этого сделать. За семь или восемь лет, что они жили здесь, я только здоровался с ними, и они тоже ни разу не заговорили со мной. С моей точки зрения, они были опрятными, тихими, хорошими детьми. Я любил сидеть в своем доме у окна и смотреть, как они играют. (Мне кажется любопытным то, что их родители выбрали близнецов. Впрочем, я читал, что люди все чаще так поступают, хотя правительство их отговаривает. Сообщалось даже о тройнях. Интересно, если рождаются близнецы, копию делают для каждого или обходятся одной?) Я с грустью думал о том, что они меня боятся, что для них я — пугало, живущее по соседству. Или — об этом я думал с меньшей грустью — родители запрещают девочкам говорить со мной и заставляют меня избегать. Не знаю, чем они занимались до того, как я вышел из такси, одна из близняшек держала большую звезду из серебряной фольги — но все втроем остановились и замерли, тихие и насторожившиеся, пока я шел к двери.

Я выглядел ужасно, я знал это. Похожий на привидение, на людоеда, я возбуждал в них страх. Мне было неловко за это и перед детьми, и — заранее — перед Анной. На мне была та же одежда, в которой меня забрали в больницу, больничные шлепанцы, на руке браслет, удостоверяющий личность, в руке — пластиковый пакет с пожитками после пребывания в госпитале: зубная щетка, зубная паста, шампунь, информация для пациентов, рецепты, больничные счета и журналы (я подумал, что Анне захочется их почитать.) От меня пахло антибактериальным очистителем. Я четыре дня не мыл голову, но утром вспомнил, что надо причесаться, чтобы не выглядеть слишком безобразно перед новой встречей с Анной. Из вежливости, не из-за тщеславия. Я больше не был тщеславен.

Грузовичка Анны на подъездной дорожке я не увидел — моя собственная машина, которой я пользовался довольно редко, стояла в гараже, — как не увидел ни грузовиков, ни других незнакомых машин на улице возле дома. Дом был тихим, будто нежилым. Окна, выходящие на улицу, закрыты, шторы опущены. Входная дверь заперта. У меня не было ключа. В гараже лежал тщательно спрятанный запасной ключ, но я очень устал и запыхался, пройдя совсем немного, и не в силах был идти туда. Вместо звонка имелся лишь медный дверной молоточек в форме лейки, купленный Сарой. Я поднял его и ударил несколько раз. За моим затруднительным положением с интересом и, как я разрешил себе думать, с инстинктивным сочувствием наблюдали

Софи и Мэри.

Из дома не донеслось ни звука. Не шевельнулось ни одно живое существо. (В последнее время, когда смерть близка, а дом далек, я склонен к приступам ностальгии.) Я сел на первую ступеньку. Улыбнулся детям в соседнем дворе, чтобы показать, что я вовсе не страшный, хоть и похож на труп. Возможно, я надеялся, что они подойдут и поболтают со мной. Они отвернулись. Близняшка, которая держала звезду, бросила ее на лужайку, словно подала сигнал к бегству. Все трое мгновенно умчались за дом.

Через несколько секунд после того, как они скрылись, штора на одном из окон чуть приподнялась, затем опустилась. Мне не терпелось войти внутрь, чтобы скрыться от изнуряющей жары, чтобы вернуть себе дом. Шпингалет сдвинулся в сторону, и дверь открылась.

Я медленно поднялся на ноги.

— Рэй. — За дверью стояла Анна. — Входи. Входи.

— Спасибо, — ответил я.

Она приоткрыла дверь, чтобы я смог войти, и сразу же закрыла. Мы стояли в крошечной прихожей, слишком близко, чтобы рассмотреть друг друга.

— Привет, Рэй, — сказала она.

— Привет, Анна. Рад тебя видеть.

— И я, — сказала она. — Давай это сюда.

Я протянул ей пластиковый пакет. Она посторонилась:

— Проходи.

— Хорошо, — сказал я.

Я последовал за ней в гостиную, где было жарко, темно и душно. Окна были закрыты, и она не включила кондиционер, непонятно почему.

— Давай откроем окна, — попросил я. — Здесь душно, тебе не кажется?

— Да, — сказала она. — Очень. Садись.

Она указала на обитое материей кресло с высокой спинкой, где я обычно сидел.

— К тебе кто-нибудь заходит?

Я сел в кресло.

— Редко, — ответил я.

— Женщины?

— Никогда. Зачем?

— Я ни в коем случае не хочу привлечь к себе внимание, — ответила она.

— Даже не могу себе представить, кто это может обратить на мой дом внимание. О ком ты говоришь?

— О твоих соседях. Или о детях во дворе. Они могли видеть машину «Скорой помощи». Могли видеть, как тебя увезли, и понять, что в доме никого нет.

— Не знаю. Думаешь, они видели?

— Хорошо, — сказала она. — Кто я такая?

— Какое им дело? Это мой дом. Я здесь живу. Кому какое дело?

— Я хочу, чтобы меня никто не заметил, — сказала она. — Что ты скажешь, если кто-нибудь тебя спросит?

— О чем спросит, Анна? Это абсурд.

— Послушай, Рэй, — сказала она. — Я не умею этого делать. Понимаешь? Я никогда раньше этого не делала. Я не очень хорошо соображаю, что я делаю. Но я чувствую, что мне необходимо принять меры предосторожности. Знаю, что это необходимо.

— О чем ты говоришь?

— Если после моего отъезда тебя спросят, кто я такая, говори, что я сиделка. Меня прислали из больницы, чтобы ухаживать за тобой в первые дни выздоровления.

— Никто не спросит. Я ни с кем не разговариваю. Никто не разговаривает со мной.

— Это плохо, — сказала она.

— Я так не думаю.

— А я думаю, — сказала она. — Тебе придется найти какой-то способ сказать им это. Открыть окна?

Я смотрел на нее, пока она поднимала шторы и открывала окна. Она постарела, что не должно было удивлять меня, но, по сравнению со мной, она старела мягко, обаятельно. Она оказалась выше ростом, чем я помнил, и худее, ее лицо было более длинное, более угловатое, с более острыми чертами. Ее волосы, как и сорок пять лет назад, были темными, но теперь по цвету походили на пушечную бронзу, были разделены пробором и завивались внутрь чуть ниже ушей. Глаза блестели. Она не носила очков. На ней были синие джинсы, белая рубашка с короткими рукавами, расстегнутая на шее, и кроссовки. Ее руки и ладони выглядели сильными, словно ей приходилось выполнять тяжелую работу. Она не была хорошенькой или особо женственной — как и в двадцать два, — но была более чем привлекательна, не утратив своей энергии.

— Вот так, — сказала она.

Комнату освещало знойное солнце раннего вечера середины лета. Воздух был тяжелый. Ни ветерка. Я вспотел. Анна села напротив меня на диван. Она сидела прямо, плотно прижав ступни к полу, и рассматривала меня.

— Так как дела? Ты выглядишь так, словно побывал в аду.

— Думаю, так и есть. Я прошел через него.

— Знаю. Ты в порядке? Я должна была сразу спросить об этом.

— Думаю, да. Ты хорошо выглядишь, Анна.

Я чувствовал себя обиженным, но мне не хотелось ей этого показывать.

— Ты удивлен, — проговорила она.

— Нет. Ты хорошо выглядишь.

— Для моего возраста, имеешь в виду?

— Вовсе нет, — сказал я. — Ты выглядишь здоровой, сильной. Насколько мне видно.

— Что ж, тогда спасибо. — Анна наклонилась вперед, поставила локти на колени. — Я — стреляный воробей. — Она улыбнулась. — У тебя был шанс. — И прибавила: — У тебя что-нибудь болит? Что сделать, чтобы тебе было удобнее?

— Я в порядке, — ответил я. — Рад, что вернулся домой.

— Ты предпочел бы остаться один.

— Возможно. Лучше скажи, в чем дело. Зачем ты приехала?

— Чтобы рассказать тебе. Вот зачем я приехала. Не бойся, я здесь не просто для того, чтобы пообщаться. Я не могу так быстро. Я помню тебя, но не знаю. Не знаю, как ты отреагируешь. Я волнуюсь. Мне приходится волноваться. Мне необходимо почувствовать тебя. А твое состояние все очень усложняет, затрудняет.

— Для меня?

— Конечно, для тебя. И для меня. И для других.

— Для других?

Она не ответила. Я не знал, как вынудить ее сказать о том, что привело ее сюда. По правде говоря, меня это не слишком заботило. Я был бы гораздо счастливее, если бы она уехала, ничего мне не сказав. Я сомневался, что она расскажет что-то особенное, что могло бы меня заинтересовать, учитывая мое состояние. Я был болен и, возможно, смертельно. Меня напугало то, что со мной случилось. Мне хотелось отдохнуть, хотелось покоя. Больше ничего. На следующий день я не раз порывался попросить ее, чтобы она уехала. (Это бы не помогло. Только одно могло заставить ее уехать, разочароваться во мне, но я не знал, что именно.) Я верил — и, конечно, ошибался, — что присутствие Анны, еще более невыносимое из-за ее необъяснимого и непонятного поведения, опасно для меня. Я сказал ей:

— Мне это не нравится. Не может нравиться. Для меня это слишком резко, чтобы я мог с этим справиться. У тебя нет сердца.

— Я знаю, — ответила она. — Прости меня. Я не ожидала,

что найду тебя в таком состоянии. Если бы я знала, отложила бы поездку.

— Тогда, может быть, отложим разговор? Поговорим когда-нибудь позже?

— Нет, не думаю.

Мы несколько раз вели эти бесплодные и бессмысленные беседы. Анна готовила нам еду. Она прожила у меня неделю. Каждое утро она ехала — теперь я всем сердцем одобряю эту секретность — по автомагистрали между штатами в гигантский супермаркет и покупала только то, что нам требовалось на день. Так она могла донести покупки к дому от грузовика, который продолжала оставлять на улице в паре кварталов от нас. Я сидел на нестрогой диете. Она готовила мне куриные грудки без кожи, незамысловатую пасту, вареный картофель, тосты, бульон, зеленое желе из концентрата — больничную еду. К слову сказать, у Анны она получалась вполне съедобной. Порой я засыпал днем на несколько часов, как убитый. Отчасти потому, что чувствовал постоянную сонливость, отчасти чтобы избежать неловкости из-за пребывания в доме знакомой незнакомки. Анна стирала, мыла посуду, содержала дом в чистоте и порядке, изучала газеты, смотрела телевизор, читала книги, которые привезла с собой. Когда я не спал, большую часть времени мы проводили раздельно. Я закрывался в кабинете, что, как я уже говорил, было мне несвойственно. Когда мы были вместе, ели или занимались чем-то, Анна рассказывала о своих троих детях, о внуках и о покойном муже. У нас обоих была долгая преподавательская карьера (у нее явно более успешная), и мы, хотя я к тому не стремился, иногда говорили об этом. Анна настаивала, чтобы я рассказывал ей о Саре, и я это делал, вначале довольно сдержанно. Я чувствовал себя хорошо и уютно, когда описывал Анне наш дом при жизни Сары, комнату за комнатой: как он выглядел, как в нем пахло, какие чувства он вызывал и как мало сейчас в нем и вокруг него напоминало о ней. Анна оживлялась, когда мы говорили о Саре, и было очевидно, что она тоже любила ее. Только эта привязанность, несмотря на разные ее степени, удерживала меня от того, чтобы отбросить условности, забыть о вежливости и вышвырнуть Анну из дома.

Глава третья

До первого визита Анны (она должна была вернуться, убедившись в том, что мне можно доверять, но продолжала опасаться и сомневаться, надо ли вовлекать меня в свои дела; она думала о моей безопасности, о моем эмоциональном и физическом равновесии, не говоря уж о ее собственной уязвимости), я почти ничего не знал о проблемах клонирования. Если не считать одного ежегодного памятного дня, предназначенного для ритуальных воспоминаний, национального опыта и выражения того, что в самый первый «день Луизы Браун» какой-то заместитель министра слащаво обозвал «истинной благодарностью», я никогда не думал, с благодарностью или без, ни о клонировании, ни о расе клонов. (Термин «раса», очевидно, не годится, но я не могу придумать другое слово. Вид? Подвид? Метавид? Паравид? Практика превосходит классификацию.) Меньше всего я, образцовый гражданин, думал о своем клоне. О своей копии, как мы все должны говорить и думать.

Я был безразличен к проблеме клонирования. Но все равно считал этот праздник — насколько вообще разбирался в этом вопросе — неудобным и зловещим. Даже его название, как я теперь вижу, было, подобно всей разрешенной терминологии, выбрано ловко, чтобы всех обмануть и все упростить. Многие из нас об этом забыли или никогда не знали, но Луиза Джой Браун, родившаяся 25 июля 1978 года, была первым человеческим плодом, полученным в пробирке. Она не была клоном. Она родилась в результате половых отношений своих родителей. Она жила и умерла, работала почтовой служащей, в Англии, где клонирование человека запрещено законом. Она имела лишь косвенное, «вдохновляющее» отношение к клонированию. Это может быть одной из причин того, что этот день, помимо официального государственного, носил и другое название, особенно популярное у детей — «день Долли». Это название — к слову, очень подходящее — вызывало в памяти сюрреалистическое и неприятное зрелище летних улиц, заполненных толпами детей в розовых и белых костюмах овец. В своей пушистой невинности они толкались среди буйных компаний взрослых мужчин и женщин, заметно пьяных, в причудливых и, я бы сказал, чудовищных овечьих масках. (Помню своего деда, неутомимого поборника лозунгов «Живи свободно» или «Убей янки», который сражался в позорной войне во Вьетнаме и сумел в ней выжить. Впав в старческий маразм, он рассказывал мне о парнях с Юга, служивших в его взводе, которые

утверждали, что имели, как он уклончиво выражался, контакты с овцами.) Кошмарные толпы детей и родителей скакали, прыгали и оглушительно блеяли до поздней ночи. Вообразите себе участвующих в этом светопреставлении милых соседских близняшек Софи и Мэри. Я их видел.

Я ничего не знал и до сих пор очень мало знаю о том, что происходит внутри Отчужденных земель. (Это название не предназначено для того, чтобы ввести в заблуждение. Оно указывает на неприступность этого места.) Почти никто ничего не знает. Даже те, кто, подобно Анне, живет в соседних городах и деревнях. (Подумайте, как сильно надо было им постараться, чтобы ни о чем не знать, живя у самой границы. Вспомните старательное неведение граждан Дахау, сонного городка с таким же названием. Анна уверяет меня, что это более чем возможно.) Ничего не проясняет и усердное, но редкое и крайне неэффективное сопротивление, чьей крохотной частицей является Анна. Многие ее соратники, специально переселившиеся как можно ближе к границе, посвятили жизнь изучению тамошнего отвратительного бизнеса. Насколько мне известно, никому из них ни разу не удалось получить доступ на Отчужденные земли. (Или не удалось выжить, чтобы рассказать об этом?) Ни один из них никогда не сталкивался с клонами и не видел их даже издали. (В Отчужденных землях есть две дороги общего пользования. Они делят территорию пополам, с севера на юг и с запада на восток. Как-то раз я ехал — можно было направиться напрямую или объехать кругом — с севера на юг, от Валентайна в Небраске через бывший город Майнот в Канаду. К слову, с этих дорог ничего не видно, кроме обширных открытых полей, редких заброшенных домов и коммерческих зданий.) Никто из них никогда не встречался и не говорил с кем-нибудь, даже поверхностно связанным с клонированием. Никто. В этом отношении аболиционисты, соратники Анны, ничем не отличаются от остального населения, включая, как все считают, и высшие правительственные круги. Максимум, на что они были способны — даже те, кому помогали зарубежные противники клонирования, антиамериканские мыслители, — дабы приблизиться к пониманию смысла жизни, если такие слова уместны, в Отчужденных землях, — это предположения, основанные на собранной информации и догадках. Они разработали общую схему, опираясь на сведения о науке и технике клонирования и на более определенные, поверяемые на опыте представления о том, как действует и мыслит правительство (то есть прагматично, цинично, продажно), и о неизменном мотиве этих действий (то есть желании получить

прибыль).

Как любой американец моего возраста, я помню бунты в Северной и Южной Дакоте. Это была горькая политическая борьба (в более страстную и менее фаталистическую эпоху могла бы разразиться гражданская война) между штатами и федеральным правительством из-за попытки последнего — с помощью доктрины о праве государства на принудительное отчуждение частной собственности, расширенной так деспотически, что она раскинула щупальца и перешла все законные границы, — сделать обе Дакоты неотъемлемой частью процесса. Правительственным решением за четыре года были насильственно выселены все жители этих штатов, полтора миллиона мужчин, женщин и детей. Им дали хорошие деньги за их каменистые земли и дома, которые вскоре были снесены, за их бизнес, а также оплатили переезд. Это было проделано, чтобы заселить переименованную территорию клонами, а также разместить здесь высоко- и низкотехнологичные предприятия по клонированию. Когда это случилось, мне было сорок, и я жил в Нью-Гемпшире, далеко от места событий.

В наш медовый месяц в Шотландии, в Троссаксе, на озере Лох-Войл, тихим днем, пока Сара дремала, я стал читать — по чистой случайности — исторический роман об отчуждении земель в Северной Шотландии. Стоило выйти погулять, день был чудесный. Но я предпочел остаться дома, возле Сары, в нашей спальне, быть рядом с ней. Смотреть на то, как она спит, было новым и волнующим удовольствием. Во сне ее лицо становилось — я говорю без иронии и насмешки над собой — блаженным. На подушке возле головы лежали ее прекрасные тонкие руки. Я чувствовал, что благословлен этой женщиной, ее физическим присутствием, ее душой, ее непостижимой готовностью любить меня. (Мой язык религиозен, но не я.) Я чувствовал себя счастливчиком. Это было почти за двадцать лет до того, как правительство решило конфисковать земли Северной и Южной Дакоты. Тогда я еще читал книги.

Мы остановились в большом доме шестнадцатого века. Он походил на небольшой замок из розового камня, добытого, возможно, в сотне ярдов от берега озера. Была середина сентября. Мы поженились двенадцатого сентября. Этот день, эта дата все еще сохранила свою силу. По утрам там было холодно и туманно, днем — солнечно, от озера исходил неземной свет. «Четвертое измерение», — говорила Сара, обозначая этим не время, а сверхъестественную чистоту и ясность вокруг нас. По природе она была молчаливой и замкнутой (я любил в ней это), и подобные заявления были для нее нетипичны. За завтраком, в дополнение к

яйцам, сосискам и бекону, был жареный хлеб, который подавали на серебряном блюде. Прежде ни один из нас не видел жареного хлеба. Еще были тонкие овсяные лепешки, очень сухие и жесткие, едва съедобные, приземистые банки с домашним вареньем, топленые сливки и чай с травами, от которого оставалось долгое послевкусие, словно тающая в воздухе улыбка Чеширского кота. Мы съедали все до крошки. Неделю мы провели в Троссаксе, а следующую неделю — в Эдинбурге.

Книга, которую я читал в тот день, называлась «Шотландское отчуждение земель». Согласно аннотации на суперобложке, в те дни она была очень популярна. В ней рассказывалось о событиях, особо жестоких и совершенно мне неизвестных, происходивших на севере Шотландии в конце восемнадцатого — начале девятнадцатого столетий, когда англичане силой оружия, штыками, дубинками, пиками, пулями, выгоняли из домов десятки тысяч мужчин, женщин и детей, чтобы очистить место для своего грандиозного проекта — крупномасштабного разведения овец. Книгу написал человек по фамилии Преббл, то ли Ричард, то ли Роберт, то ли Джон, примерно во второй половине прошлого века. Я помню ее название, потому что в конце нашего медового месяца, после четырнадцати божественных, невозвратимых дней, за ночь до того, как нам надо было лететь из Глазго обратно в Бостон, мы остановились в незабываемо элегантной гостинице около английской границы, в чудесном городке под названием Пиблс.

Насколько я знаю, в течение тех печальных лет, когда эвакуировали жителей Дакоты (еще один порожденный государством эвфемизм, как будто земля стала опасной), ни одна из сторон ни разу не упоминала предшествующий аналогичный случай. Кто, за исключением профессионалов-историков, непримиримых членов клана и таких людей, как Анна, — я имею в виду ее соратников, тех, кто занимается специальным изучением подобных вещей, — знает хоть что-нибудь об отчуждении земель в Северной Шотландии? Должно быть, функционер, придумавший новое официальное название для бывшей Дакоты, был как минимум знаком с шотландским прецедентом. Был ли выбор названия циничным? (Могло ли название и идея, которую оно воскресило, дать начало действиям?) Было ли оно сардоническим? Холодно, опрометчиво высокомерным? Психопатическим? Может ли государство быть психопатическим? Мы знаем, что может.

В среду вечером, когда мы ложились спать (она — в своей спальне, я — в своей; думаю, это даже не требует уточнения), Анна сказала: поскольку я пробыл в больнице почти все дни,

которые она провела в Нью-Гемпшире, ей нужно остаться еще на день. Если я не возражаю. Я возражал. Я был бы счастлив услышать, что она уедет на день раньше. Но я не хотел этого говорить. Она собиралась приехать в субботу и уехать в следующую субботу. Теперь она оставалась до воскресенья.

Какой бы бесцеремонной и назойливой ни представлялась мне Анна, она ни разу не выказала себя безразличной. Да она никогда и не была такой. Она отличалась щепетильностью в том, что касается моих чувств. Да и во всем остальном. До той самой минуты, когда она начала рассказывать мне, зачем приехала, она пыталась разобраться, как и когда лучше всего начать этот разговор. Она вполне справедливо решила, что должна провести со мной столько времени — достаточно ли недели, особенно если учесть, как сдержан я был в ее присутствии? — чтобы понять, каким человеком я стал. Она не желала полагаться на впечатления, а еще меньше — на чувства сорокапятилетней давности. Что я отвечу, выслушав ее? Что я сделаю?

Мне хочется думать — Анна уверяет меня в этом, — что она не боялась предательства с моей стороны. Вопрос ребром: был ли я эмоционально, а теперь и физически способен выслушать ее, встретить лицом к лицу истину, которую она принесла мне, стать тем, кто ей нужен, и выполнить то, о чем она попросит? Несмотря на непреклонную уверенность в справедливости своего дела, несмотря на категорическую природу ее ответственности (которую нисколько не волновало мое благополучие), она сомневалась, что имеет право вовлекать меня в это дело и подвергать серьезному риску.

В пятницу вечером, за день до отъезда, Анна начала роковую беседу, к которой, ради спокойствия духа, я уже утратил всякий интерес.

Мы только что съели ужин, приготовленный Анной в моей устаревшей кухне, где не было многих необходимых сегодня вещей. Не помню, что мы ели в тот вечер, но, скорее всего, еда была вегетарианской — чилакили? рататуй? кунг-пао с фальшивой уткой? — и это было вкусно. Анна великолепно готовила. Все, чем она кормила меня, и в этот раз, и потом, было очень вкусно. Никто в мире не любил Сару больше, чем я, но приходилось признать, что в приготовлении еды моя жена была эксцентрична, честолюбива, несмотря на отсутствие навыков, и чрезмерно использовала специи, не имея представления о том, с чем их подавать и как смешивать.

Мы сидели в гостиной — старая подруга моей жены и я. Я мыл посуду по договоренности, которую мы молча приняли: Анна готовила ужин, покупала продукты, а я убирал после еды. После

смерти Сары, если я решался пообедать, я делал это довольно беспорядочно. Раза четыре в неделю, в час, когда спадал обеденный наплыв людей, я шел в город и заказывал сандвич или суп в заведении, которое я назову здесь, в память о прошлом, кафе «Новые времена». С приездом Анны ничего не изменилось. Если на то пошло, у меня теперь было больше причин уходить из дома. Я поступал так не только тогда, когда ходил обедать, но и всякий раз, когда мог выдумать благовидное и, поверьте, совершенно неубедительное оправдание. Я уверял Анну, что буду рад, если она составит мне компанию во время этих вылазок, но она обычно отказывалась. Ей, конечно, тоже было неудобно в нашем неуклюжем сожительстве, гораздо неудобнее, чем мне, потому что она была не у себя дома, и она радовалась, когда я уходил.

Было половина восьмого. Я сидел на диване — сбившаяся комками, неуклюжая вещь (я имею в виду диван, хотя во мне тоже сбились комки жира) — и без энтузиазма просматривал информационный еженедельник, прихваченный Анной из супермаркета. Она сидела в потертом старом кресле — оно уже было подержанным, когда мы с Сарой купили его после нашей женитьбы, — где обычно сидел я. Она сняла обувь и поставила ноги на специальную скамеечку: Сара купила ее, чтобы украсить кресло. Несколько минут мы молчали. Тишина была гнетущей. Я думал о том, что пройдет эта ночь, затем еще одна, и Анна уедет. Потом я увидел, что она опустила свою книгу — не помню названия, но это был толстый том — и посмотрела на меня. Ее взгляд не был воинственным. Скорее печальным. Я изо всех сил пытался придумать какую-нибудь незатейливую тему для разговора.

— Когда ты перестала есть мясо? — Единственное, что пришло мне в голову. — Когда мы были знакомы, ты не была вегетарианкой.

— Я не ем говядину и баранину, — сказала она. — Когда мы были знакомы, я много кем не была. Не была женой. Не была матерью. Учительницей.

Анна перечисляла свои профессии — для нее это явно были профессии — с истинной страстью, которой я позавидовал. Она тряхнула головой, словно отгоняя от себя воспоминания, нарушавшие ее спокойствие.

— Не знаю, какой была. Когда ты меня знал. Я была практически никем. А почему ты спрашиваешь? Тебе не понравился ужин?

— Нет, все очень вкусно. Ты чудесно готовишь.

— Всего лишь приемлемо, — сказала она. — Тебе легко

угодить. Мой муж готовил гораздо лучше меня. — Всякий раз, когда Анна говорила о муже, она называла его по имени, но я не буду его здесь приводить. — Он был отличным кулинаром.

Она улыбнулась.

— Ты скучаешь по нему.

С годами я стал мастерски угадывать очевидное.

Она засмеялась.

— Да. Конечно, скучаю.

— Конечно, — повторил я.

— Рэй, — начала она.

Она сменила тему разговора, взяв инициативу в свои руки. То, как она произнесла мое имя, снова заставило меня встрепенуться. Она сняла очки для чтения, положила их на журнальный столик рядом, выключила лампу. Было не очень темно; в менее напряженных обстоятельствах я, возможно, рискнул бы вздремнуть.

— Думаю, будет лучше, — сказала она, — если я не буду видеть тебя во время разговора. Боюсь потерять кураж.

— Ты что, боишься меня? — удивился я. — Господи.

— Я тебя не боюсь. При всей твоей нарочитой неотесанности ты довольно милый старик.

— Не знаю, насколько я милый, — сказал я. — Я плохо соображаю. Но я не чувствую себя милым. Я бы не стал на это полагаться.

— О, нет. Я полагаюсь на это. И это меня беспокоит.

Я решил, что молчание в данном случае, возможно, и является демонстрацией моей доброты, но больше похоже на попытку отодвинуть то, что мне предстояло.

— Почему? — спросил я.

— Потому что тебе будет трудно. Мне трудно, но тебе будет труднее. Я не хочу, чтоб это произошло.

— Может, давай тогда все забудем?

— Скажи мне, — проговорила она, — что ты знаешь о клонировании?

Я не ответил сразу, и она продолжила:

— Лучше всего так. Нет способа начать разговор постепенно. Я не спрашиваю, что ты об этом думаешь. Я спрашиваю, что ты знаешь.

— Ничего не знаю. — Я говорил правду. — Ничего не думаю.

Тоже правда.

— Не слишком впечатляющая позиция.

В ее голосе звучало волнение.

— Нет у меня никакой позиции. — Мне стало ее немного жаль. — Я ничего не знаю о клонировании. Должен знать? Мне

стыдно говорить об этом, но я ничего не знаю.

— Твой стыд — притворный, если хочешь — тут ни при чем.

— Я не притворяюсь, — ответил я. — О чем мы говорим?

— Ладно, — сказала она. — Слушай, что я тебе расскажу.

— Послушаю, — согласился я, — если включишь свет. Ты не против? Я не могу слушать в темноте. Это слишком театрально. Не надевай очки, если не хочешь меня видеть. Мне нужно видеть тебя. Если мы собираемся беседовать.

Я говорил резко и явно обидел ее. Она включила лампу и оставила очки на столе, куда раньше их положила.

— Я не хотела показаться театральной. Все, что я хочу, зачем я приехала, — это рассказать тебе то, что ты должен знать.

— Для чего?

— Я все объясню, — заверила она. — Можно начинать?

— Пожалуйста, — кивнул я.

— Я, — заговорила Анна, — маленькая часть организации, выступающей против клонирования. Для нас клонирование является национальным, а также личным позором. С нравственной и с любой точки зрения это гнусно. Мы верим, что клонирование губит душу этой страны, если страна еще имеет душу, и души всех нас, кто стоит в стороне, ничего не делая. Мы призваны использовать все доступные средства, за исключением вооруженного восстания, чтобы положить конец этой практике.

Я захотел спросить, но не стал, что они собираются делать с сотнями миллионов уже существующих клонов? Лежит ли на этих существах (я понятия не имел, кем их считать) грех их создателей?

— Нас слишком мало, и мы слишком законспирированы, чтобы быть единой силой. Пока нас мало, пока то, что мы говорим и делаем, не имеет никакого влияния, правительство нас не запрещает. Возможно, мы сами этого не понимаем, но нас даже поощряют. Основное население нас игнорирует. Каждый из нас связан с минимальным кругом людей. Это сделано специально. Я почти не знаю остальных членов организации. Кое-кого знаю внешне. Не знаю ничьих имен.

Такая система изолированных, раздробленных ячеек из трех человек, созданных, чтобы помешать открытию и увлечь своими идеями остальных, была знакома мне по фильму, который я видел в детстве. Это очень старый черно-белый фильм (даже не представляю себе, где мой приятель раздобыл диск.) Он назывался «Битва за Алжир». Я ничего не знал о нем тогда и с тех пор не слышал ни одного упоминания. Это был мой первый иностранный фильм и первый раз, когда мне пришлось сражаться с субтитрами. Они мне страшно мешали. Насколько я помню,

фильм наполнил меня бесцельным возбуждением и негодованием, а также совершенно неоправданным ощущением собственной силы. Правда, все прошло через полдня после того, как я его посмотрел. Существовали ли у них какие-то секретные жесты, меняющийся пароль из одного слова или система «пароль — отзыв», чтобы каждый член организации Анны мог узнать остальных? Я хотел спросить и об этом.

— Мой муж вступил в организацию раньше меня. Он был там с самого начала. Участвовал в ее создании. Это произошло до того, как мы поженились, до того, как мы познакомились, до того, как государство начало заниматься грязными делишками и сделало их политикой. Когда ввели программу воспроизведения, муж отказался участвовать. Я тоже. Ты — нет. Мне нелегко смириться с этой мыслью, но если бы у мужа был клон, он, вероятно, остался бы жив. Я считаю, что он был вправе поступить так, как поступил. Я верила в него и в то, во что верил он. Я вступила в ряды сопротивления и оставалась там все эти тяжкие и бесплодные годы. И продолжаю участвовать в нем, наверное, из-за мужа.

Анна замолчала. Взяла очки и надела их. Поднялась с места.

— Дай мне минуту, — попросила она.

Она вышла на кухню и крикнула оттуда:

— Тебе что-нибудь нужно?

— Нет, у меня все в порядке, — ответил я.

Я услышал, как тренькнула открывшаяся микроволновка. Анна вернулась, неся в руках чашку чая. Она снова села и сняла очки. Потом заговорила, совсем о другом и другим тоном, более доверительно. Думаю, она сама не ожидала, что скажет это.

— Боюсь, для меня это слишком. Слишком много нервов. Я больше не могу. И теперь, когда все это случилось без него, меня попросили поехать туда, где я обязательно должна быть. Туда, где я не хочу быть.

Я видел, что она чуть не плачет. Я молчал. Просто смотрел, как она пытается справиться с собой. Я попробовал ей помочь, приняв на диване позу, которая мне казалась сочувственной. В конце концов, мы — всего лишь нелепый вид, не стоящий копирования.

— Я не хочу быть здесь, Рэй. Не уверена, что моему мужу хотелось бы, чтобы я это делала. Я не хочу впутывать тебя в это. Я не мщу, если тебе так кажется. Нет. Мне не надо мстить ни тебе, ни кому-либо еще. Во мне этого нет. За все годы, если я вспоминала о тебе, то по-доброму. Я желала тебе добра. Как и Саре. Я не хочу заниматься этим. Я хочу быть дома или в гостях у моих детей. Я хочу быть с их детьми. Я сожалею о каждой минуте,

проведенной не с ними. Я хочу быть спокойной. Ты меня поймешь. Хочу, чтобы мне было легко. Я не больна, но уже начала изнашиваться. Я хочу наслаждаться тем, что мне осталось, насколько возможно. Как бы ни было, что бы ни случилось, мои дни подходят к концу. И я проживу их не так, как хочется.

Я не из тех, кто теряется от женского плача. За семь лет женитьбы я много раз видел, как плачет Сара. Вполне предсказуемая вещь в повседневной жизни. Но я надеюсь, что она ни разу не плакала из-за того, что я был с ней намеренно жесток.

— Тебе повезло, что у тебя есть дети, — сказал я.

— Мне тебя так жаль, — всхлипнула Анна.

— Нет. Я имею в виду, не только сейчас. Не из-за того, что ты сказала. Я все время об этом думаю. Думаю, как бы сложилась моя жизнь, если бы наш сын выжил.

То, что она сделала потом, заставило меня почувствовать себя неуютно: она подошла и села рядом со мной на диван. Я понял, что она хочет меня утешить, но это было слишком навязчиво. Она была чересчур близко. Я чувствовал, как от нее пахнет ужином.

— Ты можешь отказаться, Рэй, — сказала она. — Можешь выслушать меня и отказаться. Отправить меня домой. Я скажу, что тебе нельзя доверять. Что мы очень рискуем, связавшись с тобой. Не делай того, о чем я попрошу. Когда я попрошу, откажи мне.

— Как я могу отказать? — спросил я.

Потом задал ей один вопрос и удивился, что мне не приходило в голову спросить об этом раньше:

— Как ты меня нашла?

Как я и предполагал, она улыбнулась.

— Я бы сказала, что у нас свои способы, но все гораздо проще. Я просто позвонила в канцелярию университета и спросила о бывшем выпускнике.

— Я бы сроду не догадался, как тебя найти.

— Тебе бы этого и не захотелось, — сказала она.

Я сказал Анне, что часто думаю о том, какой была бы моя жизнь, если бы мой сын был жив. Это действительно так, и я уже давно об этом размышляю. Но я не сказал ей, что никогда не думал о том (или думал очень редко), какой была бы жизнь моего сына, которому уже исполнилось бы тридцать четыре. Конечно, это выставляет меня не в лучшем свете. Хуже того, с маниакальной частотой я задаю себе похожий вопрос. Если бы, как треклятому отцу из сказок, мне дали выбор, чью жизнь сохранить — молодой жены или новорожденного сына, что бы я выбрал? Это жестокий вопрос. Жестоко и то, что я постоянно

спрашиваю об этом себя, что я вообще об этом спрашиваю. Мой ответ на это никогда не меняется, я каждый раз отвечаю мгновенно, неустрашимо и определенно. Если бы мне пришлось выбирать, оставить в живых жену или сына, сейчас и когда угодно я бы выбрал жену, которую любил и знал, с которой жил и от которой зависел.

— За двадцать пять лет, — сказала Анна, — мы так и не смогли даже приблизительно узнать, что происходит в Отчужденных землях. А это чрезвычайно странно, учитывая, насколько упорны мы были. Если правительство делает то, что намеревалось, там сейчас находятся около двухсот пятидесяти миллионов клонов, живущих своей жизнью. Мы можем только предполагать, как они живут. Каждый день, каждый час. Чем они занимаются? Как с ними обращаются? Что они едят? Как они думают и о чем? Как появляются младенцы? Если они рождаются, кто их рожает? Как они питаются? Их кормят грудью? Как они воспитываются? Кто их воспитывает? Кто их родители? У них есть родители? Они получают какое-нибудь образование? Их учат говорить? Им разрешают говорить? У них есть собственный язык? Как ими руководят? Дают ли им имена? Живут ли мужчины и женщины обособленно? Они испытывают желание? Они чувствуют любовь? Что, если этим живым складам человеческих частей требуется медицинское обслуживание? Они знают, что они — клоны? Есть ли у них то, что мы называем «самосознанием», что бы мы под этим ни подразумевали? Что происходит, когда клон стареет? Что происходит, когда клон умирает? Я имею в виду, от естественных причин, прежде чем у него или у нее забирают органы. Что происходит, когда у них забрали органы? Предположим, взяли руку? Или ногу? Или глаз? Или печень? Или сердце. Что делают с тем, что остается? Они протестуют? Они могут забеременеть в знак протеста? Они восстают? Их наказывают? В какой форме происходит наказание? Как они одеваются? Им известна доброта? Они знают о Боге? Если так, то каков их Бог? Клоны — человеческие существа? Если нет, то чем они отличаются? В чем разница между ними и нами? В чем прибыль от бизнеса по клонированию? А это именно бизнес, если в него вовлечено правительство. Каким образом на них делают деньги?

Я не помню всех вопросов, заданных Анной в том разговоре. Не помню, какие вопросы я повторяю с ее слов, а какие придумал сам. Сейчас нам известны ответы на некоторые из них. Их знает Анна, знает ее организация, и, волей-неволей, знаю я. Пока мы (меня раздражает это местоимение) распространяем эту информацию — мое сообщение является первым шагом

всеобъемлющей и многообразной кампании по разоблачению, — а тем более потом, когда нас выжмут до капли и мы больше не будем нужны, Анне и мне грозит серьезная опасность.

— Насколько нам известно, — сказала Анна, — внутри никто не был.

Она больше не сидела рядом со мной на диване. Начав задавать свои бесчисленные вопросы, она встала и принялась расхаживать по комнате взад-вперед, между креслом и окнами с двойными рамами. Я машинально вытянул ноги и руки, заняв так много места на диване, чтобы ей больше не захотелось садиться рядом со мной. С каждым новым вопросом она увлекалась, обращая на меня все меньше внимания.

— И за эти двадцать пять лет мы ни разу не получили обнадеживающего сообщения о побеге клона с Отчужденных земель. Мы ждали этого, следили за этим. Фанатично. Как безумные почитатели.

— А вы, значит, не фанатики?

Я сожалею о том, что сказал это.

Она либо не услышала моих слов, либо не обратила на них внимания. Она перестала ходить по комнате. Тяжело опустилась в кресло, словно лишилась сил.

Следующие слова она произнесла тихо, без эмоций:

— У нас есть клон.

Несколько секунд я молчал. Мне вдруг пришла в голову невероятная мысль о том, что клон, о котором говорит Анна, может быть клоном Сары, что именно этим объясняется ее приезд ко мне. Я признаю, что эта возможность, какой бы жуткой она ни оказалась (ведь Сара не могла быть старше двадцати одного года, а я был бы слабым стариком, незнакомым ей и чужим; я бы ничего для нее не значил, и после первого момента иллюзии это стало бы убийственным для меня), наполнила меня предвкушением и даже физическим желанием. Я знал, что это невозможно: Сара умерла до начала программы воспроизведения.

— Откуда он взялся? — спросил я.

— Точно не знаю, — ответила Анна. — Он пришел к нам. Заблудился. Потерялся. Его нашли. Я точно не знаю.

— Сбежал.

— Нет. Мы так не думаем. Понятие побега для клона ничего не значит. Похоже, им не приходит в голову, что можно куда-то убежать, что существует другой мир, помимо того, который они уже знают. Они не видят разницы между внутренним и внешним. Побег как намеренный акт для них невообразим. Это в интересах правительства и их предприятия, и мы полагаем, что дело обстоит именно так. Прости, я понятно излагаю?

— Да.

— В этом есть смысл? — спросила она.

— Если ты имеешь в виду, прослеживаю ли я логику, то да. Хотя нет, в этом нет никакого смысла. Ты приехала, чтобы провести со мной неделю, потому что нашла клона.

— Я его не находила. Я не знаю, кто его нашел.

— Но он у тебя?

— Его привезли ко мне. Он оставался у меня шесть дней. Сейчас его у меня нет.

— У кого он теперь?

— Он в надежном месте.

— О, хорошо, — сказал я. — Теперь я совершенно спокоен.

Через сорок пять лет, не прикладывая ни малейших усилий, я получил возможность загладить свою вину перед Анной. И я снова повел себе грубо. До сих пор не понимаю, почему. Анна считает, что меня в ней что-то раздражало, но я не позволю ей винить себя.

— Послушай, Рэй. Вся система держится на одном основном принципе: оригинал никогда не должен встречать и видеть своего клона. Если такое столкновение произойдет, если один из нас встретится с одним из них, то абстрактное понятие превратится для нас в понятие буквальное и реальное. Последствия будут катастрофическими.

— Мы в это верим, — продолжил я.

— Да, — сказала она. — Мы не можем верить ничему иному. Послушай, ты, противный, мрачный старик. Заткнись. Твои грубости не помешают мне сказать то, что я хочу. — Она не дала мне возможности ответить. — Если клон каким-то образом оказался за пределами Отчужденных земель, как произошло теперь, а там проживают приблизительно двести пятьдесят миллионов клонов, что за двадцать пять лет является несомненным статистическим фактом, то и другие клоны тоже могут сбежать.

Я достаточно знаком с математикой, чтобы понимать: это утверждение Анны вполне могло соответствовать истине, но не подлежало статистическому анализу, а само понятие «несомненный статистический факт» — это оксюморон.

— Если такое и происходило, а это не могло не происходить, обществу об этом неизвестно. Мы не знаем подобных случаев. И не узнаем. Мы сделали вывод, что система выслеживания и захвата непокорных клонов должна быть быстрой и выверенной, безжалостной, безошибочной. Мы также считаем, что пойманного беглеца убивают. Ни один клон, побывавший за пределами Отчужденных земель и узнавший, что находится снаружи, что

есть другой, внешний мир, не может принести это знание обратно.

— Их убивают?

— Наказывают. Да. Они должны быть наказаны, — сказала Анна. — Все подходящие части изымают и помещают на хранение.

— После смерти клона, по-видимому. Ты об этом не сказала.

— Мы не знаем. Мы ничего не знаем.

— Ты уверена в том, что говоришь?

— Настолько, насколько это возможно, — сказала она. — Мы уверены. Я говорю тебе об этом, потому что хочу, чтобы ты понял, какой опасности мы подвергаемся. Какой опасности подвергаешься ты.

— О, я тебя умоляю, — ответил я. — Для меня нет никакой опасности. Я — не клон, черт возьми.

К сожалению, я сказал именно так, дословно.

— Всякий раз, когда захватывают клона, обязательно задерживают тех, кто мог ему помочь, приютить, узнать в нем клона. Мы не знаем, что происходит с этими людьми. Может быть, их отправляют на органы, а потом избавляются от трупов. Правительство не станет этому препятствовать. Это наказание за их деяние, безжалостное и заслуженное: оригиналов делают копиями за преступление против государства. Ты сейчас в опасности. И это моя вина.

— Из-за того, что ты мне об этом рассказала?

— Да. И из-за того, о чем я собираюсь попросить тебя.

— И что же это?

— Для начала я хочу, чтобы ты встретился с этим клоном.

— Ты этого не хочешь.

— Да, — сказала она. — Не хочу.

— Почему я?

Вы спросите, как же так получилось, что до самого конца я не догадался, что она ответит? Я и сам не понимаю.

— Этот клон — твой, — ответила Анна.

Глава четвертая

Вот как получилось, что я оказался затворником в Калгари. Сижу и пишу эту рукопись.

Я нахожусь в Канаде, после того как пересек — своего рода марш-бросок — эту приветливую и просвещенную страну. Скучаю ли я по Америке? Да, скучаю. Там мой дом. Я знаком с ней слишком мало, но это все, что я знаю. Некоторые части северного Нью-Гемпшира и Вермонта стали для меня священными местами. Я продолжаю твердить это себе, хотя не уверен, что это правда. Маунт-Кардиган, Маунт-Эшуранс, озеро Маскома, озеро Сквам, Зиланд-Хат возле Зиланд-Фоллс у подножия Зиланд-Пик, озеро Уиллоуби. Даже Веерс-Бич на Уиннипесоки. Я не раз ездил туда с отцом, когда был еще мальчиком. Мама никогда с нами не ездила. Помню запах хвои, предрассветные сумерки и утренний густой туман над озерами. Озера в лунном свете были похожи на жемчужины, в них четко отражалось ночное небо. Обычное дело. Боюсь, это я помню лучше, чем своего отца, давно умершего. Когда мы вернулись в Нью-Гемпшир, я повез Сару в горы Уайт-Маунтинс. Она была мне благодарна, потому что почти всю жизнь не выезжала из Индианолы. (После нескольких лет в Новой Англии она уже могла сравнивать и признала, что предпочитает менее суровые Зеленые горы, да и штат Вермонт в целом. «Он кажется более ухоженным», — сказала она нерешительно, как всегда.) Но за сорок прошедших лет я не бывал ни в одном из этих мест. Может быть, потому, что они священны для меня. После смерти Сары и младенца, моего крошечного сына (благодарение Богу, мы не дали ему имя), я по большей части оставался на месте. Америку покидать нелегко.

Слишком поздно, но я подумал, что мне бы понравилось жить или умереть у моря.

> У моря, у моря, у прекрасного моря.
> Ты и я, ты и я, о, как будем счастливы мы!
> Хочу быть рядом с тобой, с тобой у моря,
> У берега моря, у прекрасного моря.

Это все, что я помню из песни, которую пела мне мама. А ей эту же песню пела ее мать. Когда мама пела, а я был уже довольно большим, меня передергивало от нескладной, не в рифму, фразы: «Ты и я, ты и я, о, как будем счастливы мы!» Мне казалось, что она поет неправильно, что надо петь: «Я и ты, я и ты, о, как будем

счастливы мы!» Но мама оказалась права. Это была не ее ошибка. После ее смерти, в порыве скорби, впервые ощутив горечь сиротства — в ноябре 2027 года мне было чуть за двадцать — я стал искать эту песню. Ей оказалось больше ста лет, она была написана в 1914 году Гарольдом Эттериджем (слова) и Гарри Кэрроллом (музыка.) Вижу, что сейчас я использовал в третьем предложении, как и всегда, когда думаю об этой песне и пою эти строки, слово «быть» вместо «жить» в оригинале. Я предпочитаю свою версию.

Я родился, вырос и после окончания колледжа и магистратуры всю свою взрослую жизнь провел в западном Нью-Гемпшире, далеко от Атлантического побережья. Мы с родителями раз или два за лето ездили на побережье, в Гемптон-Бич, где даже в те времена в океан сливали сточные воды, сбрасывали промышленные и медицинские отходы. Ступая по дну, вы натыкались на всевозможный морской мусор и отвратительную грязь. Плавая в той воде, можно было заболеть. Несмотря на это, туда устремлялись толпы богачей. Я не любил плавать. Мне вообще не нравилось заходить в океан. Я не любил наступать неизвестно на что, не любил, когда что-то мерзкое обвивалось вокруг ног. Моя мать была фанатичной и сильной пловчихой. Если вам хотелось поплавать в чистой, неотравленной воде, надо было ехать на побережье в штате Мэн, для пущей безопасности на самый север, например, в Бус-Бей, но вода там оставалась холодной до конца лета. Мой колледж был недалеко от Чесапикского залива, и весной на первом курсе мы несколько раз ездили в Вирджиния-Бич с двумя любящими выпить эффектными парнями из Нэшвилла. На втором курсе мы ездили с Энн — в нашем заключительном апокалипсическом разговоре по телефону она использовала слово «отвергнутая», чтобы описать то, что я с ней сделал, — в местечко на Восточном берегу с названием Шанс. Айова, естественно, не имеет выхода к морю, и за два года учения в магистратуре — в первый год я невольно стал причиной отъезда Анны — я ни разу не видел моря.

Я прожил в изгнании целый год, бок о бок с Анной и моим генетическим факсимиле, он же двадцатиоднолетний я сам. Для меня это был год беспрецедентной близости. Вначале, в порыве самоуничижения, я уже заявлял, что это повествование — не обо мне. Но ничего нет удивительного и страшного в том, что время от времени мое прошлое будет вторгаться в рассказ, захочет просочиться в него, ниспровергнуть суть и обоснованную цель этого послания. Может показаться, что я не сдерживаю себя, а наоборот, потакаю себе в этом. Если умерли ваши родители и жена, если у вас не осталось детей, семьи, друзей, если нет

никого, кто делил бы ваше прошлое, и никого, кто помнил бы о нем — значит, вашего прошлого не существует. Но такого не может быть. И этот рассказ — пусть не я задумал его написать, пусть его используют для каких угодно целей, пусть изначально я взялся за него с неохотой — теперь это мой рассказ.

Когда Анна произнесла: «Этот клон — твой», когда она сказала эти четкие, определенные слова, от которых можно сдвинуться, которые меняют все, я отреагировал совсем не так, как вы, должно быть, подумали. Я не стал восклицать, подобно картонным персонажам романов, что-то вроде: «Мой? Мой клон? О чем ты говоришь?!» В тот миг, услышав слова «Этот клон — твой», я ни на секунду не смутился и не усомнился в ее правдивости.

— Ты его видела? — спросил я.

— Да.

— Он похож на меня?

Вопрос ненаучный, скорее самовлюбленный, но я был спокоен. Я тогда не подозревал, с чем мне предстоит столкнуться.

— Он похож на тебя как две капли воды. — Она улыбнулась. — Так ты выглядел когда-то. Он немного больше.

— Выше?

— Выше. Шире в плечах.

— Ему двадцать один, — сказал я.

— Верно, — кивнула она. — Ты догадлив.

— Нет. Меня о нем спрашивал врач. Как его зовут?

— Не знаю. Вряд ли у него есть имя, — ответила она. — Это ужасно. Я не знаю, как его называть.

— Но с ним все в порядке?

Не думаю, что я в тот миг уже испытывал некое собственническое отношение к своему клону, ставшее новой незаконнорожденной точкой отсчета в распространении и выражении эгоизма. В трясине эгоизма, так уж вышло, я первопроходец.

— С ним все в порядке, — сказала она. — Он изумлен. Испуган. Он был в наркотическом сне, когда его нашли. Накачан наркотиками. Это было тяжело. Сейчас он отвыкает от них. Приходит в себя.

— Что за наркотики?

— Самые разные, — сказала она.

— Его нашли?

— Да.

— Кто нашел? Ты?

— Нет, — ответила она. — Я его не находила.

— А кто?

— Не могу сказать, — вздохнула она.

— Но ты знаешь?

— Нет. Я не знаю.

— Где его нашли? — спросил я. — Что он делал?

— Этого я тоже не знаю. Думаю, сразу за границей Отчужденных земель. В таком состоянии он не мог далеко уйти. Удивительно, что он выдержал. Бедный мальчик. Не знаю, что он делал.

— Что же ты знаешь?

— Достаточно, — сказала она.

— Ты была с ним? Рядом с ним?

— Да, — сказала она. — Я провела с ним шесть дней.

— Где? При каких обстоятельствах?

— В… — Она назвала городок в Айове. — В моем доме. Он жил со мной.

— Он жил с тобой?

— Я ухаживала за ним. Ему было очень плохо. Это было не мое решение.

— А, твоя организация.

Меня от них уже тошнило.

— Они привезли его ко мне, — сказала Анна. — Да.

— Он все еще там? В твоем доме?

— Нет.

— Где же он?

— Я не могу сказать, — ответила она.

— Потому что не знаешь.

— Знаю, — покачала головой она. — Но я не могу тебе сказать. Не сейчас.

— Когда ты скажешь?

— Если ты согласишься сделать то, о чем они попросят, — сказала она, — я отвезу тебя к нему.

На этом в тот вечер наш разговор закончился. Я устал, у меня испортилось настроение. Пол уходил у меня из-под ног, но я держался.

Мы ушли спать в обычное время, испытывая неловкость и понимая, что ничего еще не решено. На следующее утро я оставался в постели непростительно, невежливо долго, чтобы поменьше видеть Анну в ее последний день пребывания здесь (думаю, Анна это поняла). Если бы я захотел ее вовсе не видеть, скорее всего, мне бы это удалось. Я вышел в гостиную в пижаме и халате. Меня пошатывало. Было почти одиннадцать. Шторы были раздвинуты, все окна открыты. Утро выдалось жарким. Надо было включить кондиционер. Чтобы пройти по комнатам и задернуть

шторы, требовалось приложить усилия, что в моем состоянии было рискованно. Анна куда-то вышла. Я мог умереть до ее возвращения. На кухне обнаружился легкий беспорядок — похоже, она готовила себе завтрак. Она не оставила записки. Я уселся за кухонный стол с чашкой чая и заметил, что даже этим душным утром пальцы моих ног холодны и имеют синеватый оттенок. Пальцы рук тоже оставались холодными, и ладони посинели. В конечности не поступало достаточно крови. Я вздрогнул. Мне снова напоминали о моей непрочности. Напрасно я не сказал Анне, что ее информация — непосильная ноша для меня. Жаль, что я постеснялся, что не выказал немощь, неспособность воспринять ее слова так, чтобы это ее удовлетворило. В кухне пахло тостами и сиропом. В открытое окно я слышал плач одной из соседских близняшек, Софи или Мэри. Не знаю, которая из них, но она просто заливалась слезами. Мне ужасно не хотелось думать, что ее милое личико может исказиться от злости.

Когда я был мальчиком, мы втроем, отец, мать и я, с утра по воскресеньям ходили в церковь. Два раза в месяц, через воскресенье, мы ходили в пресвитерианскую церковь. Это было кирпичное здание девятнадцатого века, новомодная церковь в колониальном городе, расположенная в трех кварталах от нашего дома — достаточно близко, чтобы дойти пешком. Все эти годы церковь постоянно и довольно вычурно перестраивали, так что пристройки относились к разным архитектурным стилям. Хаотичность этих сооружений — перпендикулярные и наклонные крылья, застекленные крытые переходы, декоративные галереи — дисгармонировала с основным зданием. К тому моменту, когда мы стали ее прихожанами, эта церковь перестала быть обычным физическим объектом. Она была спланирована как-то нелепо, и мне это нравилось. Я блуждал по залам, ускользая от родителей, то и дело терявшим меня на этой территории, не поддающейся законам логики. Там меня крестили. Пастор был настоящим гигантом в шесть футов одиннадцать дюймов роста, и даже тогда, в детстве, — мы перестали ходить в церковь после смерти отца — я понимал, что он прекрасный проповедник. Я не помню никакой музыки, хотя в церкви наверняка играли на органе или фортепьяно и пели гимны. В качестве пожертвования мой отец доставал из внутреннего кармана пальто свернутый чек и клал его на специальное блюдо. При этом он избегал смотреть на кого-либо. После службы в притворе часто подавали пончики и домашнюю выпечку. У церкви имелся свой летний лагерь, куда я не ездил, и время от времени всех детей конгрегации приглашали в церковь и сажали на пол перед алтарем, чтобы послушать

детскую проповедь. Я был слишком застенчив, чтобы сидеть впереди, и оставался на скамье рядом с родителями. Помню, однажды там показывали представление театра марионеток, главными героями которого были животные со скотного двора — осел, корова, петух, ягненок, по-моему, собака. Пастор играл на банджо. Женщина, работавшая на почте, пела. Значит, музыка там была. Из нас троих к этой конфессии принадлежал только отец.

Я не знал, куда пошла Анна, и понятия не имел об ее отношении к Богу, но у меня и мысли не возникло о том, что она в церкви. Теперь в Лебаноне никто не ходит в церковь. По воскресеньям не звонят церковные колокола. Колокола католической церкви всегда молчат, дом пастора продан, священники разбежались, а сама церковь используется для свадеб, похорон и различных гражданских мероприятий.

В час дня, когда Анна вернулась, я все еще был в халате и пижаме. Я по-прежнему сидел за кухонным столом, передо мной стояла чашка остывшего чая с молоком. Наверное, я задремал. Я так и не умылся. Я не включил кондиционер, не закрыл окна, в доме было душно. Анна вошла через боковую дверь, которая открывалась в небольшую проходную кладовку прямо из кухни.

— Ах ты, Спящая красавица, — проговорила она.

На ней были шорты цвета хаки, кроссовки, белая футболка с цветочками, вышитыми вокруг ворота, и желтый солнцезащитный козырек. В обеих руках она держала сумки с продуктами. Ее руки были жилистыми, в пятнах веснушек, лицо оживленное. Она поставила сумки на стол. С возрастом Анна стала сильнее, живее. По сравнению с ней я был слизняком, ничтожеством. Глядя, как она снует по моей кухне, разбирая покупки, убирая их в шкафчики, мне хотелось лишь вернуться в кровать.

— Что у тебя здесь? — спросил я.

— Продукты в дорогу.

— Это правильно, — сказал я. — Когда ты уезжаешь?

Она улыбнулась.

— Ты совершенно точно знаешь, когда я уезжаю. Балбес. Ты ведь минуты считаешь до моего отъезда.

— Завтра, — сказал я.

— Рано утром. Но пока не собираюсь оставлять тебя в покое.

— Я так и думал, — сказал я. — Как спалось?

— Хорошо, — ответила она. — Ты храпел.

— Тебе слышно?

— Слышно. Ты храпел. Потом раздался такой жуткий звук, словно ты задыхаешься, и все стихло. Словно ты перестал дышать. Я волновалась.

— Извини, — сказал я. — Я не знал, что храплю.

— Мой муж был великий храпун, — сообщила она. — Все точно так же. Внезапно он всхрапывал и переставал дышать. Он лежал в сомнологической клинике. Ему дали аппарат, чтобы он пользовался им ночью. Маска, которая закрывает нос. Это помогло ему спать, и мне тоже. В свое время я покажу тебе этот аппарат.

— В свое время?

— Да, — сказала она. — Давай подождем. Ты обедал? Конечно, нет. Я приготовлю обед. Мы поедим, ты оденешься, и поговорим. Закончим разговор и посмотрим, к чему мы придем.

— Я подумал, — сказал я, — что ты отправилась в церковь.

— Нет, — ответила она. — Не сегодня.

Анна приготовила восхитительный салат из курицы с яблоками, сельдереем, грецкими орехами и виноградом. Пожалуй, за сорок пять лет это было первое сложное блюдо, приготовленное на этой кухне, и Анне потребовалось всего лишь четверть часа (когда она успела приготовить цыпленка?), чтобы соединить ингредиенты. Мы молча поели за кухонным столом. В доме было жарко. После обеда, по ее требованию, я принял душ и оделся. Она вымыла посуду и, оберегая меня, закрыла окна. Я включил кондиционер. В третьем часу дня наше собрание вновь было открыто. Она ждала в гостиной, сидя на краю дивана, наклонившись вперед и упираясь локтями в колени. Я сел в кресло напротив. Мы заняли свои позиции, но прежде, чем она заговорила, я задал вопрос, который хотел задать со вчерашнего вечера:

— Ты с ним говорила?

— Да, — ответила она. — При каждом удобном случае. Всякий раз, когда он был в сознании и в относительно здравом уме. Я говорила всякие глупости.

Она улыбнулась.

— Какие?

— Я даже пела ему, — призналась она. — Хотя не умею петь.

— А он что говорил? — спросил я. — Что он тебе рассказывал?

— Он не разговаривал.

— Совсем?

— Да.

— Почему?

— Непонятно, — пожала она плечами, — но он не может говорить.

— Но почему?

Мы только начали разговор, а я уже вел себя как капризное

дитя.

— Я не знаю. Возможно, он физически не способен говорить. Или у них нет своего языка. Надо будет проверить.

— Когда?

Она взглянула на меня, словно подсказывала: «Если хочешь спрашивать, задавай правильные вопросы».

— Чего ты хочешь от меня? — спросил я.

— Я от тебя ничего не хочу. Если бы это зависело от меня, меня бы здесь не было, и ты бы ни во что не ввязался.

— Да. Да. Ты говорила.

— Важно, чтобы ты понял это. Важно, что я это говорю. Вот что я имею в виду.

— Но ты приехала сюда, — сказал я. — Мы разговариваем. Ты приложила столько усилий, проделала такой путь.

— Ты и представить себе не можешь, сколько, — усмехнулась она.

— Хорошо. Итак?

— Итак, больше никаких вопросов. Вот что они… — Я не успел ее прервать. — Вот чего моя организация хочет от тебя. Они хотят, чтобы ты встретился со своим клоном. Лицом к лицу. Хотят, чтобы ты провел с ним время. Они хотят, чтобы ты написал о своих ощущениях, о том, что это значит. Для тебя. Встретиться со своим клоном.

— Зачем? Что они думают? Что меня это потрясет?

— Именно так. Честно говоря, никто не может знать, какие это вызовет ощущения. Могу лишь предположить, что это будет нелегко и вряд ли приятно.

— Почему они хотят, чтобы я об этом написал?

— Понимаешь, Рэй, они верят — признаюсь, я тоже, — что твой отчет будет иметь огромное значение для их дела, когда его издадут. — Она сделала паузу. — Это и мое дело. И оно достойное. Организация может распасться, но дело у нас достойное. — Она наклонилась ко мне. — Послушай. Ты можешь себе представить, что из всех клонов Отчужденных земель, из всех двухсот пятидесяти миллионов, или сколько их там, ни один не умирает случайно, от болезней или естественных причин, прежде чем его или ее не используют?

— Я об этом не думал. Как тебе известно.

— Так подумай об этом сейчас. Конечно, они умирают. Они должны умирать постоянно. Как мы. Тысячи и тысячи ежедневно. Даже больше. Я не знаю, сколько именно. Никто не вступал в контакт с ними. Никто никогда не слышал о том, что его клон умер. Как ты думаешь, почему? Как ты считаешь, что происходит?

— Я не знаю, Анна. Честно, не знаю.

— Ты и не должен. Но если система продолжает действовать, значит, когда оригинал нуждается в какой-нибудь части тела после смерти своего клона, ему дают совместимую часть из некоего постоянно пополняемого склада запчастей. И оригинал верит, что эта часть — от его собственного клона. Я тебе говорила, что ключ к выживанию этого бизнеса в том, что оригинал никогда не должен встречаться с копией. Помнишь?

— Господи, помню.

— Хорошо, — сказала она. — Почти так же важно то, чтобы оригиналу никогда не приходилось думать о своем клоне. По крайней мере, до тех пор, пока клон ему не понадобится, а в таком случае вопросов не задают, просто радуются тому, что он есть, что у него можно взять органы.

— А как подействует мой отчет, как вы его называете? Заставит нас думать о наших клонах? Так?

— Это ключевая идея, — сказала она.

Я засмеялся. Я не смеялся много лет, не смеялся так искренне, от души. Мысль о том, чтобы я написал отчет, любой отчет, показалась мне очень забавной и нелепой. Но дело было не только в этом. Сама ситуация и мое участие в ней показались мне в тот момент нелепыми. Я так хохотал, что чуть не лопнул. Я задыхался от смеха. Слово «ключевая». «Это ключевая идея», — сказала Анна. Я находил это чрезвычайно забавным. Мышцы живота свело, болели ребра. Я попросил Анну помочь мне.

— Помоги мне.

Это было все, что я смог выговорить. Казалось, мое сердце сейчас остановится. Казалось, я умру, если не перестану смеяться. И правильно, подумал я, стоит умереть вот так, смеясь. Я загостился на этом свете. Моя жизнь смехотворна.

— Почему ты смеешься? — осведомилась Анна.

Я подумал, что она не могла сказать ничего более забавного. Несмотря на то, что я только что написал, оценивая события задним числом, я не понял, что меня рассмешило.

— Скажи мне, — настаивала она, — я тоже хочу посмеяться.

Я не мог говорить.

— Тогда прекрати, — велела она. — Пожалуйста. Не надо.

Я остановился.

— Это низко, — сказала она. — Ты огорчаешь меня, Рэй. Снова.

— Извини, — ответил я. — Снова.

— Ты можешь взять себя в руки?

— Я в порядке, — заверил я. — Не знаю, почему я так расхохотался.

— Мне нужно, чтобы ты был способен мыслить здраво, —

сказала она.

— Сейчас. Дай мне секунду.

— Хорошо, — ответила она.

— Я не могу ничего написать, — сказал я. Отчасти для того, чтобы показать ей, как внимательно я ее слушаю.

— Сможешь, — сказала она, — если сам решишь это сделать.

— Не могу. И зачем мне решать?

— Я не могу тебе объяснить.

— Ты хочешь, чтобы я отказался, — предположил я.

— Да, — ответила она. — Ты знаешь, мне это нелегко. Больше, чем кто бы то ни было, я хочу, чтобы твой отчет помог хоть что-то изменить. Я презираю практику клонирования. Я хочу, чтобы она закончилась. Я хочу, чтобы больше не было создано ни одного клона. Но я не имею никакого права просить тебя об этом. Риск огромен.

— Ты же попросила.

— Нет, — сказала она. — Я не попросила. Я сообщила, чего от тебя хотят.

— Они знают, что ты здесь?

— Они меня прислали.

— Значит, я уже ввязался в дело.

— Да.

— Я могу отказаться? Могу решить не делать того, о чем они просят?

— Не уверена, Рэй. Я не знаю, каковы будут последствия, если ты откажешься. Я не знаю, что они сделают. Я их больше не понимаю. Я им больше не доверяю. Могу тебе сказать, что они не станут со мной советоваться.

— Меня не заставят, — сказал я.

— Это замечательно, — ответила она.

— Я готов умереть, — сказал я.

— Мне грустно это слышать, — проговорила она. — Ты должен хотеть жить.

— Почему?

— Этого я тебе тоже не могу сказать, — ответила она.

— Если я сделаю то, о чем они просят, и напишу отчет, он будет опубликован?

— Да. Так и задумано.

— Где? Здесь? В Америке?

— Не уверена. Может быть. Здесь постараются воспрепятствовать его появлению. Скорее всего, в других странах.

— Кто будет его читать?

— Все, — ответила она. — По крайней мере, на это надеются.

— Я не могу писать, — сказал я.

— Уверяю тебя, Рэй, качество прозы — не проблема. Тебе надо думать о том, что с тобой случится, когда появится отчет.

Не скажу, что я очень испугался. Опасность была чисто теоретическая, не связанная с реальным опытом — таким, как физическая боль или уничтожение, если вообще можно испытать уничтожение на опыте. Теперь, когда я пишу это, ситуация перестает быть теоретической. Никто не причинил мне боль, не произошло ничего экстраординарного, но реальность этого стала угрожающе близкой. Я ничего не боюсь, хотя это не свидетельство моей храбрости. Я слишком поздно обнаружил в себе храбрость, чтобы воспользоваться ею, и это отсутствие страха скорее связано с печалью и усталостью, наполняющими меня. Во мне нет места для страха.

— Что случится?

— Они тебя убьют, — сказала она. — Тебя найдут, где бы ты ни был, и убьют.

— Мы говорим сейчас не о твоей организации?

— Нет, — сказала она. — Хотя, как только они прочтут твой отчет, твоя смерть станет для них лучшим выходом. Она станет для них великим благом. Может быть, даже большим, чем сам отчет. Ты бы очень пригодился в качестве мученика. Это было бы убедительно.

— Раз ты подумала об этом, то и *они* должны это понимать.

— Теперь ты говоришь о правительстве?

— Да.

— Да, — согласилась она. — Они понимают.

— Но это их не остановит.

— Нет. Они не оставят тебя в живых. Не смогут. Ты узнаешь и увидишь слишком многое.

— Значит, меня убьют в любом случае, — заключил я.

— О, — вздохнула она, — я не знаю. Ты можешь отказаться и получить шанс. Я не могу сказать наверняка, как поступит моя организация. Возможно, у тебя нет шансов. Это нелегкий выбор.

— Значит, ты приехала сюда, чтобы?..

— Да, — сказала она.

— Спасибо.

— Прости, — проговорила она. — То, что случится с тобой, случится и со мной. Это слабое утешение, понимаю.

— Это не утешение, — сказал я. — Это еще более веская причина для отказа. Почему, черт побери, я должен соглашаться? Я не хочу этим заниматься. Возвращайся домой. Скажи, что я не хочу этого делать.

— Послушай, Рэй, — сказала она. — Не сомневайся на мой счет. Я знала, что делаю, когда приехала сюда. Я приняла

решение. Если бы это был мой клон и мой отчет, я бы его написала. Я мечтаю о том, чтобы он оказался моим клоном. Я сожалею, что это не так. Мне было бы легче. Нелегко, но все же легче. Мне было бы страшно. Грустно. Мне и сейчас страшно и грустно. Но я бы это сделала.

— Ты бы это сделала, — повторил я.

— Рэй. Я говорю, что это сделала бы я. Я не говорю, что это должен делать ты.

— Я знаю, — ответил я. — Ты бы это сделала?

— Да.

— А как же твои дети?

— Они не имеют отношения к твоему решению, — сказала она. — Не будем говорить о них.

Если бы я мог это устроить, меня бы похоронили рядом с Сарой, и это было бы в Нью-Гемпшире. На холме в пригороде, где мы жили, есть маленькое кладбище, довольно уютное. Мои родители лежат на церковном кладбище всего в пятнадцати милях к югу. Сару похоронили в Индианоле. Ее отец настоял, чтобы тело Сары перевезли в Айову. Она похоронена там, с родителями, на участке кладбища, принадлежащем семье Берд. Я не был на ее могиле со дня похорон. Мы жили вместе так недолго, что я был убежден — родные имеют на нее больше прав, чем я. Меня легко в этом убедили, и мне было совершенно безразлично, где именно ее похоронят. Ее отец больше не причинит ей вреда, а я все равно ее больше никогда не увижу.

Я был с ней в больнице, когда она умирала. Я сидел возле ее кровати, держал ее за руку. Я говорил, что люблю ее. Я потерял сына, которого так никогда и не увидел, и не было сомнений, что вскоре я потеряю и жену. Я был растерзан, отделен от самого себя, выдернут из сознания, не способен думать и чувствовать. Сара при мне не приходила в сознание, и я благодарен за это судьбе. Я почти ничего не помню о времени, проведенном рядом с ней в больничной палате. Не помню того момента, когда она умерла. Не помню, что сказал доктор, как он это сказал, что я делал потом. Я бы должен помнить все, но у меня остались лишь отрывочные воспоминания о тех пустых часах.

Ее родители прилетели к нам на рождение внука. Ребенок уже умер, когда они прибыли. Они сидели в комнате ожидания, в горе и смятении. Я жалел о том, что они приехали. Отец Сары был омерзителен, а мать безобидна, она не сделала ничего, чтобы заслужить мою ненависть. Ради нее я старался держать их в курсе дел. Периодически я выходил к ним, чтобы сообщить новости. Ничего не менялось. Состояние Сары ухудшалось, а потом она

умерла. В какой-то момент, после шести или семи часов дежурства у постели умирающей, я вышел из палаты с намерением купить леденцов или воды в автомате, который я видел поблизости. Я не понимал, что делаю и куда иду. Я просто шел. Когда я вернулся в палату с помощью больничного волонтера (я забыл, за чем шел), преподобный Берд, отец Сары, стоял над ней. В палате было темно, он выключил свет. В руках он держал молитвенник и читал его вслух нараспев. Не знаю, что он распевал, хотя впоследствии мне сказали, что он проводил ритуал соборования умирающей. Я знал, что если Сара очнется, услышит и увидит его в темноте, она очень испугается. Она бы не хотела, чтобы он был там и читал молитвы. Я разъярился и велел ему выйти. Он увидел мою ярость и мудро решил не сопротивляться.

Глава пятая

Сердце — обычная часть тела. Несмотря на всю его символическую значимость, не сравнимую с другими органами тела (вообразите подобные поэтические сравнения для печени или легких), в нем нет ничего благородного. Темно-красная масса мышечной ткани, состоящая из четырех частей, совсем не «сердечной» формы, с трубками и клапанами. На улицах Калгари мое сердце, уже поврежденное, хрупкое и едва живое, во второй раз за год пригрозило остановиться насовсем. Кардиолог, который меня осматривал, сказал — не надо чувствовать себя виноватым: «Возможно, ваше сердце просто запрограммировано работать до этого времени и не дольше».

Мне могли дать новое сердце. Его не обязательно было брать у моего клона. Если бы я попросил, его бы взяли у какого-нибудь ненужного клона. Абсолютно гомологичное сердце — правительство исправно делает свое дело, бесперебойно поставляет сердца, — но все же незнакомое, нарушающее мою близость с собственным телом. В дни, когда клонирование еще не было распространено, донору и реципиенту — в основном ради того, чтобы пропагандировать пожертвования органов, — внушалось понятие солидарности. При современном способе замены органов, где «пожертвование» не является сознательным и на это не требуется разрешения, мы проиграли, утратили и это понятие.

Зачем, кому необходима моя долгая жизнь-выживание? Кто этому рад? Что означает мое присутствие здесь, если мое отсутствие так значимо? Эти вопросы к делу не относятся. Даже если мою жизнь стоило бы продлить, я, возможно, не взял бы сердце у своего клона. Или у любого другого.

Я пишу свой отчет. Вот что важно.

Именно поэтому я цепляюсь за жизнь: слушаю свое сердце, тревожусь о нем, как никогда раньше. Я внимателен к его систолам и диастолам, к учащению и замедлению его ритма, словно пытаюсь уловить последний шепот любимой. Я заслужил эту метафору. И эту тоже: на что походила бы моя жизнь с Сарой и ее жизнь со мной, будь у меня другое сердце?

Наша короткая совместная жизнь — по сути, а не на поверхностном уровне — до самой последней минуты была мирной и легкой. Мы были близки по духу. Мы не ссорились, вернее, редко ссорились. Никогда подолгу не злились друг на друга. Мы жили хорошо и слаженно. Содержали дом в чистоте и порядке, находили удовольствие в бережливости. Мы

путешествовали, когда могли. Мы наслаждались обществом друг друга. Я был ей предан. По долгу и по природе, а также и потому, что я не мог поверить своему счастью. Она была нежной и красивой женщиной, а я был абсолютно обычным и непримечательным. Я верю, что она была мне преданна. (Мне бы не хотелось в этом сомневаться.) Я знаю и всегда знал, что я ее недостоин. Будучи ее мужем, я день за днем обманывал ее ожидания. Я верю, что она меня любила и что ее способность отдавать и получать любовь была намного больше моей собственной. Теперь я вижу, что делал недостаточно и не сумел помочь ей осознать эту способность, полностью раскрыть этот дар. Чтобы любить меня так, как я просил ее любить меня, так, как я разрешал ей любить меня, не надо было всех сил, всей души, как она могла. Моя беда в том, что спустя столько лет я не могу перестать чувствовать. Я до сих пор ощущаю вкус ее любви. Я закрываю глаза и вижу все: нашу столь недолгую совместную жизнь, мою тупость, мою сдержанность. Непростительно.

Я не сразу заметил, что она пришла ко мне грустной и сломанной. Кроме того, что я понял, наблюдая отношения Сары с отцом, я очень мало знаю о ее детстве в Индианоле. По вполне понятным причинам она не стремилась говорить об этом. Правда, я не уверен, что мне хотелось знать больше. Она была самой старшей из троих детей и главным — я бы сказал, маниакальным — объектом внимания отца. У нее были брат и сестра. Отец полностью предоставил их заботе матери, которая взамен, по-видимому, отдала ему все права и влияние на Сару. Осознав, что она вырастет красивой, он, ее отец, преподобный Берд, отчаянный англофил, настоял на своем представлении о том, какой должна быть Сара. Я видел фотографии: Сара на пуантах в «Спящей красавице»; Сара со скрипкой; Сара, сидящая на ирландском пони; Сара в платье для котильона. Отец вылепил ее согласно собственному представлению, для собственного восхищения, соединив два типа, ни один из которых не видел наяву — образ дочери сквайра девятнадцатого века и красавицы-южанки (девушек второго типа было полным-полно в Колледже Вильгельма и Марии, когда я там учился, но они были лишь бледной копией первого типа.) Он записал Сару в Епископальную школу святой Агаты для девочек. Он настаивал, чтобы она брала уроки игры на фортепьяно и скрипке. Он заставил ее учиться танцам у преподавателя в Де-Мойне, и когда Саре исполнилось четырнадцать, она была первой танцовщицей среди молодежи этого города. Он купил ей пони по кличке Финн (увы, даже пони получил псевдоним), которого держал на ферме к западу от Индианолы, и платил почтенной девонширке, жене священника

епархии, чтобы та обучала Сару верховой езде. Он проявлял страстный, неестественный интерес к ее одежде, прическе, косметике и украшениям. Именно он решил, что ей необходимо проколоть уши. Он настаивал, чтобы Сара каждые две недели делала маникюр. Даже после того, как мы поженились, он упорствовал в оценке ее внешности и продолжал посылать ей дорогие украшения и одежду, которые — меня это очень радовало — она никогда не носила.

Впервые мы встретились с ним на Пасху в 2027 году. Сара переехала в мою квартирку над азиатским магазинчиком подарков в центре Эймса в самом конце января. Она не сказала родителям о нашей помолвке. Ее ждали домой на праздники. Она попросила, чтобы я отвез ее в Индианолу и остался на выходные. Ей хотелось познакомить меня с семьей. Мы поженились двенадцатого сентября, но в те дни, на Пасху, ни один из нас не упоминал о возможности брака. По крайней мере, мне эта мысль не приходила в голову. Я не знаю, о чем думала Сара. Она не стала рассказывать мне о своем отце. Я знал только, что он — священник англиканской церкви. Мне казалось, что их семья не особенно богата, что они живут скромно и просто, поблизости от церкви, в доме, предоставленном для них приходом. Сара никогда не говорила о деньгах, и у меня сложилось впечатление, что у нее их не особенно много.

Но оказалось, что они богаты. Я вырос в Нью-Гемпшире, но не знал никого, кто был бы так очевидно богат. Дом находился в новом, деморализующе стерильном районе с названием Трашкрофт. Поблизости не было ни одной церкви. Замок Берд, как я мысленно называл этот дом, представлял собой настоящее архитектурное чудовище. В основе его лежал своего рода суррогат, гипертрофированный образчик английского стиля эпохи Тюдоров. У дома была панорамная крыша, очень широкая, словно сделанная из пальмовых листьев, против всех правил объединенная с «коринфской» колоннадой по обеим сторонам входной двери и с ультрасовременными створчатыми окнами на фасаде. Венчал крышу викторианский купол. Внутри царила роскошь: хрустальные люстры, мраморные полы, восточные ковры ручной работы, золоченые дверные ручки. В одной из комнат для официальных приемов стоял инкрустированный действующий клавесин — по-моему, шестнадцатого века. Я слышал, как на нем играла Сара. В другой комнате, которая была еще больше и выходила на террасу из кирпича и камня, а за ней — в английский сад позади дома (для весны в Айове было еще слишком холодно, ни деревья, ни цветы пока не распустились), стоял огромный «Стейнвей». Отец Сары не забыл упомянуть о

том, что на нем во время своего американского турне играл Рахманинов. Войдя в переднюю дверь и оказавшись прямо перед лестницей, как из венецианского палаццо (я не бывал в Венеции и ничего не знаю о тамошних палаццо и их лестницах; просто эта лестница была огромной и широкой), я был ослеплен. Мать Сары ждала нас на лестничной площадке, которая являлась атриумом тремя этажами выше, как я обнаружил, рассматривая застекленный и позолоченный свод. Откуда брались деньги для такой кричащей роскоши? Явно не из церковного жалованья. Это делало семью Сары еще более отвратительной, но я испытал удовлетворение, узнав о том, что ее отец почти ничего не вложил в семейные накопления. Он избавил себя от всякой финансовой ответственности на том основании, что он — человек божий, и безрассудно тратил деньги, дождем сыпавшиеся на него из семьи жены, чьи предки владели судоходной компанией в Норвегии.

Мы приехали ближе к вечеру Страстного четверга. Мать Сары встретила нас в черном бархатном платье с единственной нитью жемчуга. Ее волосы были тщательно стянуты сзади и скреплены черной бархатной лентой. Она была маленькой и самой обыкновенной. Ей было за пятьдесят, но выглядела она гораздо старше. Кожа на ее лице и руках казалась сухой и тонкой, как бумага, суставы опухли, накрашенные ногти были острые и обкусанные. Ее волосы, когда-то светлые (у Сары имелась фотография матери в молодости, в Бергене, и там она была хорошенькой), совсем поседели. Она была худой, даже изможденной, и сгорбленной. И застенчивой. Она мало говорила, особенно с незнакомцами, после двадцати пяти лет в Америке все еще плохо владея разговорным языком. Увидев Сару, она заплакала. Вскоре на лестнице показались брат и сестра Сары. Они еще ходили в среднюю школу и жили дома. Оба явно обрадовались сестре и, чтобы не показаться невежливыми, уделили немного внимания и мне. Это были красивые, спокойные, уверенные в себе дети. Они еще живы, и я верю, что у них все благополучно. За исключением обязательной открытки на Рождество от жены брата, на которую я не отвечаю, после смерти Сары я не поддерживаю связь ни с ее братом, ни с сестрой. Брат Сары — инженер-электрик. Он живет в Сан-Диего, у него есть дочь. Ее сестра в Миннеаполисе вышла замуж за сомалийца, родила от него пятерых детей. Мы не связаны кровью, но эти дети — мои племянники и племянницы, которых я никогда не узнаю. Последнее, что я слышал о них: сестра Сары приняла ислам. Я очень этому обрадовался, вообразив реакцию ее отца. Отец и мать Сары давно умерли.

Как объяснить Сару? Как могла она, такая прекрасная,

чувствительная и изящная, появиться у родителей, если один из них — несомненное зло? Значит, наши гены не определяют нашу судьбу? Убедите в этом моего клона. Я не видел ее отца — дом был достаточно большим, чтобы мы не столкнулись — до полудня субботы. Причиной его отсутствия, как объяснила мне мать Сары, стремившаяся смягчить любую возможную обиду, были различные дела и мероприятия Страстной недели. Они требовали его присутствия на службах, и это казалось вполне достоверным. Нас поселили в разных спальнях: Сару — в ее старой комнате на втором этаже, меня — в одной из комнат для гостей этажом выше. Отец пришел в комнату Сары вечером, когда я уснул, и утром, прежде чем я вышел завтракать.

В Страстную пятницу мы все отправились в церковь, где я впервые увидел отца Сары и услышал, как он доносит до своей угрюмой паствы краткое наставление о значении Страстей. Я был настроен на то, чтобы им восхититься, но нашел его проповедь банальной, слабой — так говорить о Страстях! — а его самого счел манерным и самодовольным.

После субботнего обеда Сара сказала мне, что ее отец желает видеть меня в библиотеке. Я прожил в его доме четыре дня, и это была наша единственная встреча. Сара провела меня — тихо, виновато, думал я, как на заклание, в котором ей поневоле пришлось участвовать, — в ту часть дома, куда я еще не заходил. Все должны были называть ее «крылом отца». Помимо библиотеки, здесь располагалась его спальня — а спальня матери находилась в другой части дома; его ванная — он любил подолгу принимать ванну и часто заканчивал свой утренний туалет около полудня; его просторная гостиная, которую я рассмотрел, проходя через нее; и внутренний бассейн, предназначенный для него одного.

Он ждал меня в библиотеке. Комната была шестиугольной, что всегда производит странное впечатление и дезориентирует. За исключением двери, куда вошли мы с Сарой, и большого подъемного окна в одной из западных стен — шторы были отдернуты, и в окно проникали лучи вечернего солнца — все остальное пространство стен занимали книжные полки от пола до потолка. Полки были сделаны из травленой сосны, простые и изящные. Я знал, что он скупает книги в больших количествах, и коллекция действительно оказалась огромной. Я прикинул, что там две-три тысячи томов, если не больше. Некоторые были в кожаных переплетах, но большинство — в тканевых. На полках были расставлены маленькие женоподобные фарфоровые статуэтки, румяные пастухи и пастушки, а также различные дипломы и награды отца Сары, его фотографии с различными

светилами высшего духовного мира и представителями местной политической знати. Пол из широких некрашеных сосновых досок покрывал старинный восточный ковер приглушенных и весьма красивых тонов. Почти в центре комнаты стоял большой двойной стол из темного дуба с темно-красной кожаной столешницей. Можно было сидеть с обеих его сторон или, как изначально задумывалось, работать за ним вдвоем. Стол относился к концу эпохи Иакова I («Шеффилд, приблизительно тысяча шестьсот двадцать пятый год», — сказал мне отец Сары, когда мы остались одни), ножки и края столешницы украшала продуманная и детальная резьба, и он выглядел почти средневековым. Стул с прямой высокой спинкой был сделан из такого же темного дуба. На столе стояли настольная лампа зеленого стекла, старинная чернильница с орнаментом, фотография в рамке — преподобный Берд с женой и детьми — и серебряный поднос с хрустальным кувшином, несколькими стаканами и серебряной миской для льда. В одном из шести одинаковых углов комнаты я увидел большой старинный глобус, в другом — простую конторку для чтения, как у шейкеров.[5] (Когда я был маленьким мальчиком, мы с родителями поехали в штат Мэн, в Саббатдэй-Лейк, чтобы послушать, как последние из оставшихся шейкеров поют свои гимны.) На конторке лежала открытая огромная Библия. Возле окна помещались потертое коричневое кожаное кресло со скамеечкой для ног и высокий медный торшер. В такой комнате вы ожидали встретить если не Эразма с Галилеем и Медичи, то как минимум человека образованного, проницательного и с неограниченным доступом к деньгам, очень желавшего казаться знатоком искусств (иначе зачем здесь статуэтки?), богачом и ученым.

Отец Сары, преподобный Берд, встал рядом с креслом. Он держал книгу, словно только что оторвался от чтения и поднялся, чтобы размять ноги. Он стоял спиной к двери и смотрел в окно. Для нашего блага, подумал я, он принял набожную, задумчивую позу. Он не мог не слышать, что мы открываем дверь, но не повернулся к нам до тех пор, пока Сара не произнесла:

— Папа.

В то время отцу Сары было около пятидесяти пяти лет. Он был красив, высок, строен и изящен, с безупречной осанкой и великолепным сложением. Его серебристые волосы были прекрасно ухожены. Я в жизни не видел человека, так тщательно ухаживавшего за собой. Он был одет в темно-серый костюм в белую полоску и черную церковную рубашку с белым священническим воротником. Кто-то начистил его ботинки до зеркального черного блеска. Когда преподобный повернулся к

нам, я увидел, какую книгу он держал, заложив пальцем, чтобы после краткой беседы продолжить читать: «Мысли» Паскаля.

— Дорогая, — ответил он Саре.

Не двинувшись в нашем направлении, он поднял руку и протянул ее к дочери, расставив и вытянув пальцы, словно приглашал на танец. Или, как я теперь думаю, словно они уже танцевали и были в середине какого-то хитрого па, на короткое время разведшего их в стороны. Сара подошла к нему, взяла за руку, наклонилась вперед, поднялась на цыпочки и сдержанно поцеловала в щеку. Все еще держа отца за руку, она оглянулась на меня — я остался стоять у двери — и весело, бесхитростно проговорила:

— Папа, это мой друг. Рэй Брэдбери.

— Рэй, — сказал он.

— Мистер Берд, — сказал я.

Я не намеревался оскорбить его, хотя по пути домой Сара сказала мне, что его рассердило неправильное обращение, и он расценил это как признак непочтительности. Он ожидал, сказала она, что я буду называть его «преподобный Берд». Узнав, что он хотел от меня точного соблюдения кодекса уважения, я не мог заставить себя сделать это — ни разу за все время нашего знакомства, хотя это, возможно, облегчило бы жизнь Саре. Сейчас мне стыдно признаваться в том, что целых семь лет я упорствовал в своем легкомысленном сопротивлении.

— Очень приятно, — сказал я. И прибавил: — Красивая комната. Эти книги. Удивительно.

Это была откровенная лесть, чистое раболепие.

— Спасибо, Рэй, — ответил он. — Очень приятно слышать. Возможно, эта комната более скромная, более аскетичная, чем те, что обставляла моя жена. Вы же видели остальную часть дома. Но для меня здесь красиво.

Трудно было счесть эту комнату скромной.

— Мое тихое убежище, — продолжал он. — Приют трудов и молитв. Святая святых. Я чувствую в этом все большую потребность. Здесь я в мире, среди моих книг. Уверен, вы поймете. Надеюсь, вы хорошо чувствовали себя в нашем доме?

— Очень хорошо, — сказал я. — Спасибо. И еда очень вкусная. Я рад оказаться там, где выросла Сара. Это помогает мне представить ее маленькой девочкой. И я счастлив уехать подальше от университета. Если бы вы могли видеть мое жилище, вы бы поняли, что я не привык, — я обвел рукой комнату, — к такому уровню, — и попытался заискивающе пошутить, — скромности.

Учитывая мою обычную молчаливость, это было подлинной

арией. Я заметил, что Сара напряглась, когда я закончил, но не понял, почему. Он вскоре услышал бы от самой Сары, что мы с ней живем вместе; я не знал, что она приехала домой, намереваясь сказать об этом отцу. Когда она ему сказала — я при этом не присутствовал, хотя должен был, — он страшно разъярился. Из-за моральных и прочих, менее важных причин. Он не желал слышать от меня, вестника его несчастья, недостойного, неотесанного, неверующего аспиранта, отобравшего у него девушку его мечты, даже намек на правду — на то, что мы, его дочь и я, живем в бедной обшарпанной квартирке над азиатским магазином подарков, на самой убогой улочке в центре города Эймса.

— Надеюсь, — сказал он, — что вы постараетесь чувствовать себя как дома.

— Постараюсь, — сказал я, понятия не имея, о чем мы на самом деле говорим, и снова почувствовал, впервые после смерти матери, острую боль сиротства.

Во время учебы в аспирантуре я нуждался, но не голодал и не мерз, у меня было пристанище. Впереди меня ожидало блестящее будущее с достойной работой и заработком. Но мне никто не помогал, мне не на кого было опереться. За небольшое покровительство я был бы благодарен и не обиделся бы на это. Ничуть не обиделся бы. Был бы очень благодарен. Жалкий глупец.

Я не помню, что сказала Сара, как она объяснила свой уход, но это было вежливо и незаметно. Она стояла около отца, потом подошла ко мне, коснулась меня тыльной стороной ладони и ушла, оставив после себя запах чистоты. Кажется, она пообещала вернуться сразу же после того, как сделает то, что она якобы должна была сделать. Я был отличной марионеткой — слишком вежливый гость, слишком откормленный гусь, слишком поглупевший от любви, чтобы протестовать. Последующая очень неприятная беседа между отцом Сары и мной длилась не больше пятнадцати минут. Когда пятнадцать минут прошли — мы как раз окончили разговор, и я чувствовал себя так, словно меня прожевали и проглотили, — Сара, будто по часам, довольно шумно прошла по коридору, чтобы подготовить нас к своему приходу. Она весело впорхнула в комнату, ожидая, как я полагаю, найти нас обнимающими друг друга, что указывало бы на нашу взаимную и мужественную привязанность. Она казалась такой красивой, такой возмутительно невинной, что ее вид был словно разрыв сердца, словно контрольный выстрел в голову.

— Привет, — сказала она, прежде чем правильно понять происходящее. — Вы по мне скучали?

Ниже я привожу практически дословную реконструкцию моей

беседы с отцом Сары. Я намеренно не перебиваю его ремарками, указаниями на жесты и действия — ради точности, а не для простоты изложения. Во время нашего разговора не было ни действий, ни жестов. Чтобы нам не пришлось перекрикиваться из разных концов комнаты, по приглашению отца Сары я подошел ближе. Трудно поверить, но мы стояли, как дуэлянты, на расстоянии пяти или шести футов друг от друга, и обменивались репликами.

ОН: Так. Я рад, что у меня есть возможность поговорить с вами. Без Сары.

Я: Хорошо.

ОН: Предпочитаете присесть?

Я: Нет. Мне и так удобно. Спасибо.

ОН: В подобных ситуациях я люблю говорить напрямую.

Я: Прошу вас.

ОН: Вы — аспирант университета. Я прав?

Я: Аспирант первого года обучения. Все верно.

ОН: Математик.

Я: Да.

ОН: В настоящее время вы — кандидат на соискание докторской степени.

Я: Нет. Докторская степень меня не интересует. Я не очень-то люблю математику, откровенно говоря.

ОН: Значит, вам достаточно степени магистра.

Я: Я так и предполагал. Да.

ОН: Вы собираетесь преподавать.

Я: Да.

ОН: Преподавать на каком уровне?

Я: В средней школе. По крайней мере, таковы мои планы на сегодняшний момент.

ОН: Хорошо. Если преподаватель хорош, он хорош на любом уровне.

Я: Наверное, вы правы. Я не думал об этом.

ОН: Сара сказала мне, что вы из Нью-Гемпшира.

Я: Да.

ОН: Вы там родились?

Я: И вырос.

ОН: В какой части Нью-Гемпшира?

Я: В западной. Недалеко от Вермонта. Это маленький штат. Вы бывали в Нью-Гемпшире?

ОН: Не бывал.

Я: Прекрасное место.

ОН: Не сомневаюсь. Ваших родителей нет в живых, это правда?

Я: К сожалению. Отец умер, когда я был маленьким. Мама умерла на прошлый День Благодарения.

ОН: Я соболезную вашей утрате.

Я: Благодарю вас.

ОН: У вас есть братья или сестры?

Я: Нет.

ОН: Вы один.

Я: Да.

ОН: Кем были ваши родители?

Я: Кем они были?

ОН: Чем они занимались?

Я: Вы имеете в виду, чем они зарабатывали на жизнь?

ОН: Ну, да.

Я: Мой отец был бухгалтером. Работал аудитором. Мама до болезни работала в средней школе, в секретариате.

ОН: Меня интересует, во что верили ваши родители?

Я: Я не вполне понял ваш вопрос.

ОН. Я спрашиваю, сын мой, веровали ли они, и как это выражалось? Они верили в Бога? Как они верили? Где они верили? Какому Богу молились?

Я: Дайте подумать. Они были пресвитерианами. Мама принадлежала к методистской церкви, но сменила веру, когда вышла замуж за моего отца. Полагаю, они молились тому же Богу, что и вы. Они были хорошими людьми. У нас была хорошая семья. Мы были счастливы.

ОН: А вы? Какова ваша вера?

Я: Я не могу ответить на этот вопрос.

ОН: Потому что?..

Я: Потому что не знаю, какова моя вера.

ОН: Вы не знаете.

Я: Не знаю. Я об этом не думаю. Может быть, мне стоит подумать.

ОН: А что вы думаете о Саре?

Я: Я думаю, что она замечательная.

ОН: И вас не интересуют ее деньги?

Я: Конечно, нет.

ОН: Она унаследует огромное состояние. И вы делаете вид, что ничего об этом не знаете?

Я: Я вовсе не делаю вид, мистер Берд. До сих пор я понятия об этом не имел. Извините, но мне все равно.

ОН: Какова суть ваших отношений с моей дочерью?

Я: Я не уверен, что должен об этом говорить. Что рассказала вам Сара?

ОН: Она рассказала очень мало. Я надеюсь, что вы расскажете

больше. Что у вас хватит мужества для того, чтобы рассказать.

Я: Я буду говорить только про себя. Мне очень нравится ваша дочь.

ОН: Она вам нравится.

Я: Да, нравится. Хотя я удивляюсь, что она во мне нашла.

ОН: Да. Должен сказать, меня это тоже удивляет. Скажите откровенно, отчего вы позволили себе вообразить, будто вы ее достойны?

Я: Я не считаю, что достоин ее.

ОН: Но вы добиваетесь ее. Вы позволяете ей вовлекать себя в отношения с вами, и она не хочет рассматривать другие возможности.

Я: Я бы сказал, я позволяю Саре все, что угодно. Она делает то, что ей нравится. Я не влияю на ее поступки.

ОН: Уверен, что влияете.

Я: Не представляю, откуда вам это известно.

ОН: Пожалуйста, не стоит меня недооценивать. Например, мне известно, что Сара больше не живет в общежитии. Теперь она живет у вас.

Я: Она рассказала вам об этом?

ОН: Нет. Скажу просто. Я хочу, чтобы вы ее не поощряли. Суждения Сары могут быть ошибочными, но она не глупа. Она что-то заметила и оценила в вас, и я полагаю, что в вас есть что-то ценное. Судя по всему, вы довольно умны и добры. Рядом с вами было бы приятно сидеть в самолете. Но вы не подходите для Сары. Ни на йоту. Я не хочу, чтобы вы позволяли ей так радикально недооценивать себя. Я не буду сидеть и смотреть, как она совершает эту вопиющую ошибку. Я хочу, чтобы после возвращения в Эймс вы как можно скорее закончили свои отношения. Я хочу, чтобы она вернулась в общежитие. Хочу, чтобы вы оставили ее в покое. Я желаю вам удачи в ваших занятиях. Надеюсь, вы станете прекрасным школьным учителем. Но вы ни на шаг не подойдете к моей дочери. Вы не понимаете, что вы делаете. Я больше не желаю о вас слышать.

Я: Разве это решает не Сара?

ОН: Ни в коем случае. Осенью я собираюсь отправить ее в Париж, в Сорбонну. Надеюсь, вы не сделаете ничего, чтобы нарушить мои планы.

Я: Вы говорили об этом с Сарой?

ОН: О Париже?

Я: Да.

ОН: Это не ваша забота. Надеюсь, Рэй, мы придем к пониманию, вы и я. И я прошу вас держать этот разговор в секрете. Незачем посвящать в это Сару.

Я: Я не согласен, мистер Берд.

ОН: Согласны вы или нет, меня не интересует. Я хочу, чтобы вы сделали так, как я говорю.

Я: Какая нелепость.

ОН: И если я узнаю, что вы открыли содержание нашего разговора, я немедленно предприму шаги, чтобы вас исключили из университета.

Я: Вы полагаете, что сможете это сделать? Вы не сможете.

ОН: Смогу. И будьте уверены, я это сделаю.

Он не предпринял никаких шагов, чтобы меня исключить, какими бы ни были эти шаги, и как бы он ни уверял, что способен это сделать, потому что, когда стало понятно, что Сара вытянула свой жребий, и этот жребий — я, навредить мне означало навредить и ей. В машине, когда мы возвращались в Эймс и едва выехали из Индианолы, я в точности передал Саре слова ее отца.

Она была потрясена.

— Как он посмел говорить тебе такие вещи? — возмущалась она. — Как он посмел? Подумать только, я сама привела тебя к нему. Прости. Мой бедный мальчик.

— Должен признаться, — сказал я, — что я его превзошел.

Она улыбнулась, наклонилась через сиденье и поцеловала меня в ухо.

— Конечно. Ты меня простишь? Он сказал, что хочет с тобой познакомиться. Сказал, что ему нужно поговорить с тобой наедине, узнать тебя получше. А потом сказал, что ты ему очень понравился.

— Не думаю, что я ему понравился, — ответил я с некоторым злорадством.

В их последней беседе, утром в библиотеке, перед нашим отбытием, ее отец сказал, что «насладился» нашим разговором. Сара воспользовалась этим, чтобы сообщить ему о переезде ко мне.

— Он впал в ярость, — сказала она.

Я подумал, сколько фальши было в его негодовании.

— Он уже знал, — отозвался я.

— Что?

— Он уже знал, что ты живешь со мной.

— Ты ему сказал?

— Он сказал мне.

— Откуда он узнал? — изумилась она.

— Не могу представить.

Он сказал ей, что разочаровался в ней. Что не может потворствовать ее поведению. Что ее поведение скандально. Что

он смущен, растерян из-за нее. Неужели она забыла, кто она такая? Потом, словно в наказание, заявил, что осенью она поедет в Париж. Сара ответила, что не поедет. Поедет, сказал ее отец, потому что он так решил. Нет, она ни за что не поедет. Он спросил: она что, противится ему? Получается, так, ответила Сара. Он захотел узнать, из-за меня ли это. Отчасти да, сказала она. Значит, она решила остаться со мной? Она сказала: думаю, да. Если она противится, сказал ее отец, ему не остается ничего иного, как отречься от нее. «Как знаешь», — ответила Сара.

Я любил ее за это. В то время мне не нужно было других причин, чтобы любить ее.

Настал вечер последнего дня перед отъездом Анны. Рано утром ей надо было возвращаться в Айову. Мы уже съели холодный ужин за кухонным столом, я помыл посуду, но мы еще не пожелали друг другу спокойной ночи. Весь вечер мы почти не разговаривали. Ни одного упоминания о моем клоне, о ее организации или других серьезных вещах. Ни разу после окончания того разговора, когда она рассказала мне, чего от меня хотят и насколько это опасно. Она ушла из дома на несколько часов. Не знаю, что она делала, пока отсутствовала. День выдался очень жаркий. Я чувствовал небольшую слабость и непонятный озноб, поэтому оставался в доме. Глядя в окно, я ждал близнецов, Софи и Мэри, но они не появлялись. Когда Анна вернулась, она прошла прямо в комнату для гостей, чтобы упаковать вещи. Было очевидно, что она хочет оставить меня наедине с собой. Я попытался использовать это время на то, чтобы подумать о ее предложении. Я очень старался, но был рассеян больше обычного. Когда от дня ничего не осталось, когда он совсем закончился — моя мать по непонятной причине называла это время «сиреневым часом», мы молча расположились в гостиной. Анна допивала чашку чая. Я бездельничал. Было так, словно мы поженились сорок лет назад. И тогда (этот вопрос возник у меня только после того, как я перестал думать) я спросил: разве не ко мне первому обратится правительство, когда обнаружится, что мой клон пропал? В таком случае, я должен быть последним, с кем ее организация захочет познакомить клона, которого они наконец заполучили.

Видимо, этот вопрос долго мучил ее и остальных. Анна ответила мгновенно и более подробно, чем казалось необходимым, — она сказала мне больше, чем я тогда хотел знать, — словно частью ее задания было придать всему логическую завершенность.

Слишком много сложностей, сказала она. Вероятность того,

что клон сбежит из Отчужденных земель, незначительна. В любом случае это не рассматривается как «побег». Клон не имеет понятия о побеге, о том, как подготовиться к нему и как выжить за пределами Отчужденных земель. Он понятия не имеет о том, что вне Отчужденных земель существует нечто, куда он может убежать. Клон понятия не имеет о возможности скрыться в Канаде или любом другом месте. Разумеется, клон не имеет понятия о политических границах или национальных государствах. Если клон каким-то образом окажется за пределами Отчужденных земель, сказала Анна, он будет абсолютно не способен иметь дело с окружающим миром. Клон, и я должен об этом помнить, не знает, что он — клон, не понимает, что такое клон, не знает, что существуют оригиналы и копии оригиналов. Клон, вероятно, не умеет говорить, чтобы сказать кому-то, с кем он может столкнуться, кто или что он, откуда он прибыл. Клон, вероятно, не понимает, что такое дороги, автомобили, магазины, деньги. Скорее всего, клон — они это узнали опытным путем — будет напичкан лекарствами до бессознательного состояния. Вполне возможно, что его собьет машина или грузовик на любой дороге, где он, к своему несчастью, случайно окажется. Если он выживет, то о нем сообщат в местную полицию как о бродяге, пьянице или сумасшедшем. Тогда его поймают и арестуют. Если кто-нибудь заметит с внутренней стороны его левого предплечья штриховой код и сообразит, что это клон, его могут передать официальному лицу, связанному с Отчужденными землями, а так как клон видел, хотя и смутно, внешний мир, то он будет немедленно казнен. Если же, что гораздо вероятнее, в клоне не признают клона и он не найдет способа убить себя, его рано или поздно поместят в сумасшедший дом.

Вероятность любой из этих случайностей, сказала Анна, бесконечно мала. Но даже если их допустить, практически нет шанса на то, что клон, прежде чем с ним что-то случится, свяжется с одним из немногих членов сопротивления, живущих на границе с Отчужденными землями, какими бы бдительными эти диссиденты ни были. Еще менее вероятна возможность того, что один из членов сопротивления, вылечивших клона, узнает его оригинал. Правительство полагает, что вероятность обнаружения заблудшего клона или возможность того, что член сопротивления знаком с оригиналом клона и сможет признать в клоне оригинал, настолько мала, что ее даже не стоит учитывать. Главный принцип — оригинал никогда не должен вспоминать о своей копии, никогда не должен иметь с ним контактов, даже если копия умирает. Совершенно точно, что оригинал клона будет самым последним человеком, кого правительство заподозрит,

если клон пропадет без вести. Таким образом, сказала Анна, я буду последним, к кому явится «команда Долли» (такая организация существует на самом деле).

— Но они все-таки придут, — сказал я.

— Они придут, — подтвердила Анна.

На следующее утро, совсем рано, мы сидели на кухне. Я тупо наблюдал, как Анна торопливо завтракает. Она была готова к отъезду. Я ничего не сделал, чтобы помочь ей собраться. Рядом с ней на полу стояли чемодан, пакет из магазина с едой и питьем для поездки, а также маленький черный ранец, которого я прежде не видел.

— Я позвоню через три дня, когда вернусь в Айову, — сказала она. — Ты сообщишь мне свое решение.

— А если мне понадобится больше времени?

Вопрос прозвучал фальшиво. Я уже принял решение.

— У нас мало времени, — сказала она. — Если ты согласишься сделать то, о чем они просят, я вернусь за тобой через десять дней. Ты должен быть готов поехать со мной.

— Куда?

— В Канаду.

— Куда именно в Канаду? — спросил я.

— Не могу сказать, пока ты не решил.

— Я записан к врачу, — сказал я. — Через шесть недель. Он должен посмотреть, насколько сильно повреждено мое сердце. Насколько все плохо.

— В Канаде есть врачи, — ответила она.

— Я смогу забрать свою медицинскую карту?

Я был всего лишь слабым стариком с голыми костлявыми ногами, с искривленными пальцами ног и плохим кровообращением, который стоял на кухне в купальном халате и скулил о своем слабом сердце.

— Нет, — сказала она. — Послушай, Рэй. Тебе придется все оставить. У тебя не будет времени продать дом. Или машину. Или еще как-то уладить дела. Ты не должен делать ничего подобного. Максимально долго все должно выглядеть так, словно ты никуда не уехал, словно ты продолжаешь здесь жить. Если кто-то заметит, как ты уезжаешь, он должен быть уверен, что ты скоро вернешься.

— Я не вернусь.

— Да, — сказала она. — У меня для тебя кое-что есть.

Она полезла в ранец и достала оттуда пачку отпечатанных страниц, скрепленных зеленой пластиковой обложкой. Это было похоже на тетради, которые я раздавал в классе. Анна положила

листы на кухонный стол.

— Что это?

— Не знаю, как правильно назвать, — ответила она. — Блокнот.

— Твой?

— Для тебя, — сказала она. — Почитай, если хочешь.

Глава шестая

Рэй!

Если ты это читаешь, значит, мы с тобой увиделись, поговорили, и ты как минимум обдумываешь то, что тебя попросили сделать. Я надеялась, что ты откажешь им, не раздумывая. Я думала, ты так и поступишь, как только все поймешь, и я поеду домой, чтобы самой держать ответ. Так бы и произошло. Но ты это читаешь.

Я верю, что наша встреча пройдет хорошо, я представляю себе, как это будет. Ты был очень любезен по телефону, очень великодушен. Но ты не будешь рад меня видеть, когда узнаешь, зачем я приехала.

Мне жаль, что я не увижу Сару. Мне ужасно жаль Сару и ребенка. Какое это, должно быть, горе. Мой муж умер весной, я тебе говорила. Это совсем не одно и то же, я понимаю.

Неужели я не видела тебя целых сорок пять лет? Что же, мы скоро увидимся. Я нервничаю. Я постарела. Поседела, суставы раздулись. Надеюсь, я тебя не слишком обеспокою. В первый раз за сорок лет я еду куда-то без мужа. Мне страшновато, но я доберусь. У меня есть карты и грузовик мужа. Он почти новый, большой, неповоротливый. Муж купил его для питомника незадолго до смерти. Я запланировала, что буду в дороге три дня. Признаться, много раз, особенно за последнюю неделю, готовясь приехать к тебе, все это казалось мне безумием. Как путешествие в мечту, которая была у меня в юности. И я окажусь в ней.

Когда я это пишу, я ничего о тебе не знаю, кроме того немногого, что ты рассказал мне по телефону, и кроме воспоминаний о том годе, что мы провели в Айове. Даже не целый год, и основную часть того времени ты был поглощен ухаживанием за Сарой. Я сижу здесь, совершенно ничего не зная о том, кем ты стал, о чем ты думаешь или что знаешь о жизни в целом. Если вернуться к сути дела, я понятия не имею, что ты думаешь и знаешь о клонировании, не знаю ничего о твоих политических убеждениях, о твоих симпатиях. В то короткое и далекое время, когда мы общались в университете, если забыть твое безразличие ко мне, ты казался мне приличным парнем, хотя, должна сказать, несколько погруженным в себя и рассеянным.

Сейчас час ночи, и я не могу уснуть. Ворочаюсь с боку на бок. Я тоскую без мужа этой ночью, да и почти каждую ночь. Днем прошел сильный дождь. Теперь воздух прохладный, свежий,

душистый. Красивая ночь. Улицу за окном ярко освещает луна. Мои окна открыты. Ночь спокойная, несмотря на вечеринку в доме неподалеку. Развлекаются старшие школьники, они приехали на летние каникулы. Хотела бы я снова стать их сверстницей? Быть такой же жизнерадостной? Просто помолодеть? В юности я была слишком неловкой и слишком громко топала, чтобы радоваться жизни. Думаю, да. Для того чтобы снова прожить жизнь с моим мужем. Ту же самую жизнь. Пусть даже в ней, на короткое время и неутешительно, будешь ты. Я бы все это приняла. Я не хочу ничего менять. Музыка звучит громко, но не мешает, может быть, потому что я не могу разобрать слова. Доносятся звуки веселья, немного пьяного. Этой ночью я благодарна за шум, рада их обществу. Сегодня утром, после завтрака, я уезжаю в Нью-Гемпшир. Я упаковала вещи и полностью готова. Мне надо поспать. Я еще немного запишу, а потом вернусь в постель.

Я не писала этого ни тебе, ни кому-то другому. Прежде чем привезти клона, меня предупредили, что не должно быть никаких фактов, никаких свидетельств того, что в моем доме жил клон. Эти записи — своего рода контрабанда.

Клона забрали у меня неделю назад. Забрали сразу же после того, как он перенес мучения ломки и начал узнавать меня и то, что его окружало. О чем он думал? Могу сказать, что мне его очень не хватает. С тобой или без тебя, я увижу его снова.

Я не знаю, где, как и кем был найден клон. Не знаю, где он был, у кого, что с ним делали, прежде чем привезти ко мне. Я знаю, что он пробыл один недолго. Не больше двух дней.

Был поздний вечер, когда мне позвонили, сказали, что нашли клона, и что в течение следующего дня его предоставят моему попечению. Я была в кино, куда теперь, оставшись одна, выбираюсь редко. Моя дочь только что посмотрела этот фильм — умная комедия про двух мужчин, неряху и аккуратиста, которые пытались мирно жить вместе — и позвонила мне днем, чтобы его порекомендовать. Это был третий день рождения ее маленькой дочки. Собственно, главной причиной звонка дочери это и было — чтобы бабушка могла поздравить внучку с днем рождения. Моя дочь и ее семья живут в двухстах милях от меня. Я подумывала отправиться к ним, чтобы быть в этот день с моей внучкой, но в последнюю минуту почувствовала себя недостаточно хорошо для поездки. Есть дни, когда мое тело напоминает мне, сколько ему лет, и капризничает. А теперь представь себе, что кончится эта ночь, и я отправлюсь в трехдневную поездку до Нью-Гемпшира.

(Мое сердце замирает, когда я это пишу. У меня нет способа

их защитить. Их легко найти.)

Нет. Это должно быть в отчете. Неважно, что в нем еще, Рэй, это должно быть здесь. Выделено жирным шрифтом. Мои дети и внуки ничего об этом не знают. Они ничего не знают о моей деятельности. Они не принимали в этом участия. Они не имеют к этому никакого отношения. Я ничего им не говорила. Ни один из моих детей и внуков ничего не знает. После того, как я исчезну, я не буду общаться с ними. Когда вы приедете за мной, они не будут знать, куда я уехала.

Человек, который позвонил в тот вечер, был членом организации. Я не узнала его голоса. Все построено так, что я уверена — я не узнала бы его, если бы мы встретились на улице. Он сказал:

— Здравствуйте, Анна. Это Джимми Валентайн.

Я точно знала, что это означает. Нашли клона. Каким бы микроскопическим ни был шанс того, что это когда-нибудь произойдет, на этот случай существовала система паролей и кодов, и мне они были хорошо известны. Я ответила:

— Ну, здравствуйте, мистер.

Это был предписанный отзыв, который означал, что я в игре и в курсе происходящего.

Тогда он сказал:

— Что у нас на ужин?

Это означало, что они, в зависимости от моего ответа, вскоре привезут клона ко мне.

— Ваше любимое блюдо, — сказала я. — Свиные отбивные на гриле.

Это показало ему, что я поняла вопрос (если бы не поняла, то сказала бы «в глазури».)

— С яблочным соусом.

Это означало, что я хочу и готова принять клона («с хреном», если бы все было наоборот.)

— Чудесно, — сказал он. — Еще четыре коктейля, и я приду.

Это означало, что клона привезут на следующий день в восемь вечера.

— Я сохраню их для вас теплыми, — сказала я, что не требует толкования.

Он сказал:

— А вот и моя девушка, — что подтверждало соглашение и означало конец разговора.

Локальная структура нашей организации борцов против клонирования, возможно, глупа и перегружена деталями, но сама деятельность благородна и необходима. Я верю, что это дело

Божье, хотя я не «истинно верующая» — не верю ни в Бога, ни даже в эту работу. Ты должен понимать, Рэй, опасность самой незначительной неосмотрительности или беспечности, которая для нас, для организации и для каждого в отдельности, реальна и потенциально губительна.

Вот интересно. Ты никогда, никогда не ждешь этого звонка. Независимо от того, насколько искренне ты к нему готовишься, шансы на такой звонок ничтожны, и он вряд ли раздастся. И тут он раздается. Ты берешь трубку, и тебе говорят: «Это Джимми Валентайн». И в тот миг, когда ты отвечаешь: «Ну, здравствуйте, мистер», соглашаясь участвовать в действии — политическом, подрывном, революционном действии, ты тут же выпадаешь из своего единственного знакомого мира. Раздается звонок, и в полу открывается люк, словно под виселицей. Ты проваливаешься в него, и твоя жизнь мгновенно и навсегда меняется. Я услышала, как незнакомый голос на другом конце провода говорит: «Это Джимми Валентайн», — и дала правильные ответы. Повесив трубку, я почувствовала себя спокойной, словно смотрела на себя со стороны. Вот что случилось со мной, думала я. Вот кто я теперь такая, вот что должна делать. Что-то вроде этого.

Полагаю, что в организации состояли и другие люди, жившие недалеко от того места, где нашли клона. Возможно, к ним обратились с просьбой приютить его, предоставить ему еду и кров, и кто-то около недели (как оказалось, шесть дней) заботился о его физических и эмоциональных потребностях. Мы широко рассеяны по периметру Отчужденных земель, по деревням и городам Айовы, Небраски, Вайоминга, Монтаны и Миннесоты. Нас не очень много, три тысячи человек, и еще некоторое количество в других областях. Мы не знакомы друг с другом или знаем только одного-двух. И по замыслу организации, и в силу географических причин. Мы делаем немного, лишь наблюдаем, ждем и, намеренно несогласованно, травим наших конгрессменов. Анонимный информационный бюллетень против клонирования, который называется «Первородный грех», ежемесячно выходит в Сети, но держу пари, что мы — единственные, кто его читает. Даже я читаю его не очень часто. Материалы мало меняются, многое повторяется из номера в номер.

Подозреваю, что для этого задания нужна была женщина. Кто-то из моей организации был в курсе, что мой муж недавно умер, что я живу одиноко и неприметно. Местные агенты (не знаю, как их называть; мы не знаем, как назвать себя) тоже знали, что я вырастила троих детей, и, вероятно, почувствовали, что на меня можно рассчитывать, что я смогу ухаживать за клоном во

время его ломки. Я давно являлась членом организации. Мой муж был там с самого начала. Возможно, они думали, что таким образом почтят его память.

Во всяком случае, мне так кажется.

Следующий день я провела, закупая разные припасы, чтобы ухаживать за клоном. Я понятия не имела, в каком он будет состоянии, что мне придется делать. Мне даже не сказали, какого он возраста и сколько времени он у меня пробудет. Я купила самое необходимое, то, что может понадобиться в первую очередь: мясо, овощи, фрукты, сыр, хлеб, яйца, сок, хлопья, рис. Купила две пинты шоколадного мороженого с кусочками шоколада и немного настоящего кленового сиропа на случай, если буду печь ему блинчики. Собрала аптечку первой помощи — спирт, чтобы растирать мышцы, ватные тампоны, бинты, лейкопластырь, противовоспалительные таблетки, гидрокортизон и мази с антибиотиком, таблетки от несварения желудка, бутылочку магнезии, рвотное, слабительное, успокоительные средства, продающиеся без рецепта, и обезболивающие препараты. Кое-что из этого у меня уже было, но я справедливо рассудила, что имеющихся в доме лекарств может не хватить. Еще я купила ему зубную щетку и зубную пасту, шампунь, дезодорант, гель для душа, расческу и помазок, бритву, гель для бритья и лосьон после бритья. Я пыталась не забыть ни одну из туалетных принадлежностей, которыми пользовался мой муж.

Мне нравилось делать покупки для клона. Я хотела, чтобы у него были новые, свежие вещи. Не считая моих детей, нежных и заботливых, и моих внуков, вносивших в дом оживление и энергию, у меня не было гостей с тех самых пор, как умер мой муж.

Вся одежда мужа была выстирана, частично аккуратно висела в его платяном шкафу, а частично была свернута и убрана в ящики комода. Я позаботилась об этом вскоре после его смерти. Мой муж был немаленьким мужчиной. Я подумала, что клон не сможет носить большую часть его вещей, но все же вытащила одежду, кое-какое нижнее белье, носки и пижаму. Я изо всех сил старалась предусмотреть возможные нужды клона. Когда же его привезли, мне понадобилось очень немногое из того, что я приготовила. Больше всего оказались нужны памперсы и влажные салфетки, но мне и в голову не пришло их покупать.

На следующий вечер, в семь часов, я вывела из гаража грузовик мужа, несколько минут поездила по близлежащим улицам, а потом оставила его на улице перед домом. Я открыла дверь гаража, выключила в гараже свет — обо всем этом было условлено заранее. До темноты оставался час или больше, но я

задернула шторы на всех окнах. Потом уселась в гостиной с малиновым пирогом и чашкой чая и стала ждать. Я думала о муже. Я думаю о нем, когда пишу это. Что бы он сказал о том, что я собираюсь делать? Какой бы дал мне совет?

У него отказали почки. Мы не могли заплатить за диализ. Наше решение не клонировать себя, принятое более двадцати лет назад, означало, что мы получим минимальную страховку и у мужа не будет права на пересадку, если он не сможет самостоятельно найти совместимую почку. Он примирился с этим; я — нет. Я умоляла доктора взять почку у меня, но мы с мужем оказались несовместимы. Муж настоял на том, чтобы не говорить детям о смертельной болезни до тех пор, пока не пройдет срок, в течение которого они могут стать для него донорами. (Хочу ли я, готова ли я умереть вот так? Так, как умер он? Думаю, да.)

Около восьми вечера я стояла у кухонного окна, выглядывая на двор в щелочку между шторами. Я не стала включать на кухне свет, поэтому могла видеть все, оставаясь незаметной. Автомобиль остановился на улице прямо перед домом, немного постоял, а потом медленно въехал на подъездную дорожку. Это был самый простой автомобиль, маленький, китайского производства. На улице было достаточно светло, и я смогла разглядеть, что в автомобиле сидят трое мужчин — водитель и двое на заднем сиденье. Автомобиль въехал в гараж. Я услышала, как закрылась гаражная дверь. Включила на кухне свет. Открыла кухонную дверь, которая сообщалась с гаражом через небольшую лестницу. Из кухни включила в гараже верхний свет. Оставаясь на кухне, я смотрела в сторону гаража. Свет в нем казался необычайно резким. Водитель вышел из автомобиля и перешел на пассажирскую сторону, которая была ближе ко мне. Как и ожидалось, водитель был мне незнаком. Он был приземистым и бородатым, моложе меня, чуть за сорок. Он взглянул на меня. Не улыбнулся. Огромная, кожистая ночная бабочка металась вокруг лампочки в гараже. Водитель попросил, чтобы я выключила свет, что я и сделала. Это были первые и последние слова, которые он произнес. Он открыл заднюю дверь автомобиля. Внутри зажегся тусклый свет. Теперь я видела, что человек в автомобиле, сидевший у боковой двери с пассажирской стороны, был клоном. На вид он либо спал, либо умер. Он был неподвижен, руки обвисли по бокам, голова запрокинута назад, шея вытянута, рот открыт. Мне не было видно его лица. Человек в автомобиле, сидевший рядом с ним, стал помогать водителю, который ухватил клона за обе лодыжки и стал вытаскивать из автомобиля ногами вперед. Похоже, клон ничего не чувствовал. Было ясно, что он не

в состоянии двигаться или встать самостоятельно, своими силами. Он был без сознания и не реагировал ни на какие действия. Человек в автомобиле устроился так, чтобы голова клона опиралась на его колени. Затем клона вынесли из автомобиля, водитель держал его за лодыжки, а другой мужчина — под руки. Как будто он был полоской дерна. Они поставили его. Они не были с клоном ни грубы, ни нежны, просто действовали быстро. Голова клона упала на грудь, и я могла видеть только его макушку. Когда клон оказался обеими ногами на земле, водитель отпустил его лодыжки. Подставив плечо клону под грудь, он поднял его, перекинув через плечо. Пока он его нес, голова клона свисала вниз. Водитель принес его на кухню. За ним вошел другой мужчина и закрыл за собой дверь. Он был старше своего — и моего — товарища, примерно моих лет, высокий, худой и почти лысый. Я обратила внимание на его руки: огромные, с длинными пальцами, словно он страдал акромегалией. Голова тоже была непропорционально большой и костистой.

Мы не разговаривали. Как будто нам велели хранить молчание, или мы заранее договорились не произносить ни слова, хотя это было не так. Я повела их вверх по лестнице, в комнату для гостей, которую подготовила для клона. Я застелила кровать чистыми простынями, надела на подушки чистые наволочки, освободила ящики в крашеном комоде, даже поставила на ночной столик вазу со срезанными цветами. (Господи, что я делала?) В комнате с задернутыми шторами горел только ночник в виде ангела, который я включила в розетку на стене возле комода. Это был ночник моей дочери. Это была ее комната. Водитель, который нес клона, наклонился и с помощью более высокого мужчины свалил свою ношу на кровать, поверх постельного белья. Я не успела и слова вымолвить.

Наконец-то я получила возможность как следует рассмотреть клона. Мы полагали, что ежедневная униформа клонов разработана с таким расчетом, чтобы не отличаться от современной повседневной одежды, какую носят в городах и деревнях, граничащих с Отчужденными землями. При необходимости одежду меняют, чтобы не отставать от тенденций местной моды. (Мы в Айове лет на десять отстаем в этом плане от жителей океанского побережья.) Это делается на случай, почти невероятный, если клон окажется за пределами Отчужденных земель: внешне нельзя будет понять, что перед вами клон. Я не знаю, в какой одежде его нашли. В тот момент, когда его внесли в мой дом, наш клон — твой клон — выглядел как обычный двадцати летний деревенский юноша из Айовы в середине лета.

Голубые джинсы, белые носки и белые кроссовки, совершенно новые. Кто-то надел на него белую хлопковую футболку, единственной странностью которой были длинные рукава — как я понимаю, чтобы закрыть код с внутренней стороны его левого предплечья. Его вымыли и, кажется, даже подстригли. У него были короткие волосы. Он был чисто выбрит. Ногти чистые и подстриженные. Глядя на него, вам бы никогда в голову не пришло, что вы смотрите на клона.

Я сразу поняла, что это ты. Твой клон. В тот миг, когда увидела его на кровати дочери, я его сразу же узнала. Я смотрела на тебя. Это был ты, Рэй, чуть более мощный, чем я помнила, более широкий в груди, с более худым лицом, но это был именно ты. Я постарела, как и все, а ты остался точно таким, каким я знала тебя сорок пять лет назад. Я знала тебя только тогда. Я не видела, как ты взрослеешь. Поэтому я ни в коем случае не могла тебя ни с кем спутать. Это был ты. Меня это шокировало, привело в замешательство. Ужасно. В тот миг, когда я тебя узнала, меня внезапно переполнило горе. Я горевала обо всем, что потеряла, и почувствовала это, увидев тебя молодым. Время сжалось. Как будто внезапно, увидев тебя, я снова потеряла мужа. Как будто у меня не было ни мужа, ни детей. Я сразу застыдилась своего возраста, того, насколько старой я выгляжу, и какими глазами ты станешь смотреть на меня. Я вдруг разозлилась на тебя за то, как молодо ты выглядишь. Я тебе позавидовала. Но я не сердилась на то, что у тебя есть клон. Я сержусь теперь. Я разочарована. И не удивлена. В тот миг, глядя на тебя, я вдруг почувствовала, что ужасно истосковалась по тебе. Почувствовала себя виноватой из-за этого, как предательница. Прошло две недели, а я до сих пор потрясена.

Должно быть, я побледнела или охнула. Высокий мужчина взглянул на меня.

— В чем дело? — спросил он.

Спросил довольно вежливо.

— Я его знаю, — сказала я.

— Вы его знаете? — переспросил он.

— Я знаю, кто это.

— Это клон, — сказал он.

— Да.

— Вы имеете в виду, что знакомы с оригиналом?

— Да, — ответила я. — Я имею в виду именно это.

Водитель бросил на меня взгляд, но промолчал.

Высокий мужчина покачал головой.

— Господи, — проговорил он. — Как это возможно?

— Не знаю, — сказала я.

— Это невозможно, — повторил он.

— Извините, — сказала я. — Мне очень жаль.

— Нет, простите, — опомнился он. — Конечно. Вы уверены?

— Да.

— Как его имя? — спросил он, и я поняла, что он главный.

— Его зовут Рэй Брэдбери. Мы вместе учились в университете.

— Может быть, вы ошибаетесь? — сказал он. — Мы можем это проверить. Выяснить.

— Я не ошибаюсь, — сказала я. — Я его знаю. — И поспешила уточнить: — Знала.

— Значит, он умер?

— Не знаю, — ответила я.

Он положил свою руку на мою. Моя рука была обнажена, а его пальцы были удлиненные, суставчатые, словно стебель растения. Я едва сдержалась, чтобы не отпрыгнуть. Его прикосновение было мягким.

— Вы сказали, Рэй Брэдбери?

— Да.

— Хорошо. Мы проверим. Вы справитесь?

— Надеюсь, — сказала я. — Да.

Я не могла утверждать наверняка.

Дальше, Рэй, следуют записи, которые я делала все время, пока твой клон был у меня. Я делала их, чтобы мысли были ясными, чтобы не сойти с ума. Мне было не с кем поговорить. Это отчет о времени, проведенном рядом с твоим клоном. Тягостные записи.

Завтра я уезжаю в Нью-Гемпшир. Кто знает, как все пройдет? Удачи нам обоим, Рэй. Удачи нам обоим.

Четверг. 16 июля, 21:00.

Господи Иисусе, как же мне справиться? Целых семь дней. Это нагоняет на меня тоску, я устаю от одной мысли об этом. Я чувствую себя старухой. Сегодня весь день думала о том, чтобы отказаться. Одна ночь, один день, а я уже хочу отказаться. Хочу. Я хочу отдать его обратно. Пусть его возьмет кто-то другой. Я не подхожу. Для него. И никто меня не уговорит. Я чуть это не сделала. В восемь утра увидела, как мимо проезжает китайский автомобиль, и была готова остановить его и отдать клона обратно. Час назад он снова проехал мимо. Минута в минуту. Мне следовало выйти на улицу и подождать автомобиль. Я должна была отдать клона. Но мне стало стыдно. Я сделаю это завтра,

первым же делом. Как они могут просить меня о таком? Ради бога! Но выбора нет. Надо успокоиться.

В доме жарко. Он весь вспотел, бедняжка. Если открыть окна, наверное, будет прохладнее. Но потом он начнет кричать, и соседи подумают, что я его убиваю. Интересно, за кого они его примут? Они — твои друзья. Некоторых из них ты знаешь всю жизнь. Не думай о них плохо. Что за звуки! Бедный мальчик. Я никогда не слышала таких звуков. Словно дикое создание, умирающее в лесу. Я ничего не знаю о тех, кто умирает в лесу. А как насчет моих стонов? Я могу тоже застонать. Вы подумаете, что я его убиваю. Дрожь. Судороги. Он размахивает руками и ногами. Я не могу удержать на нем одеяло. Как жалко смотреть на него, на его руки — он не перестает размахивать ими. Он меня чуть не ударил. Заканчивается действие успокоительных средств, которые ему дали перед тем, как привезти сюда. Не думаю, что он когда-нибудь очнется. Он вырвался из такого кошмара, судьба к нему милосердна. Бедный мальчик. Клон. Кто он такой? Как мне его называть? Что я должна о нем думать? Ты в смятении, глупая старуха, потому что он не тот, за кого ты его принимаешь. Он другой. Ты с ним незнакома. Если открыть окна, наверное, будет прохладнее, если на улице ветерок.

Я думаю о первой ночи с ____, о ночи, когда мы привезли его домой из больницы. Мы понятия не имели, что делать. У нас было все оснащение, все запасы, все вещи для ребенка, и никакого понятия, как этим пользоваться. К счастью для нас, он проспал всю ночь. Милый малыш. Его голова была не больше тыковки. Он не кричал. Я проверяла каждые пять минут, чтобы убедиться, что он дышит. Слава богу, моя мать была рядом. Маленькая головка-тыковка. Он оказался хорошим. Я — счастливая мать. Если ребенок счастлив, счастлива и мать. Я привыкла быть одна. Сегодня ночью дом кажется мне чужим, опасным. Я боюсь выходить из кухни. Боюсь встать со стула. А что, если он встанет с кровати?

Сегодня я пошла в магазин рано, еще не было восьми. Он лежал спокойно. Я выскочила ненадолго, только туда и обратно. Купила одноразовое нижнее белье, упаковку с 24 подгузниками для взрослых, крем от опрелостей. Мне было неловко в отделе, где продаются товары для тех, кто страдает недержанием. Моя подруга носит такие подгузники. Она одних лет со мной. Но я не ношу, в данное время. Главное, не подавать виду. Я удивилась, что подгузники такие же, как детские. У меня не было подгузников на смену. Кое-что оставила моя дочь, когда гостила здесь в последний раз — детские подгузники, пачка влажных салфеток, уже высохших. Он до сих пор ничего не ел. Я смогла

дать ему лишь немного воды из поильника. Он приходил в себя с трудом. Я заглянула к нему посреди ночи, часа в три. Даже не входя в комнату, я почувствовала этот запах. Ужасный запах. Гораздо хуже, чем детские испражнения. Моча моих детей походила на воду, чистую и без запаха. Он спал на спине, раскинув руки. Одеяло валялось на полу. Он дышал, издавая стон при каждом вдохе. Меня бросило в дрожь. Я расстегнула ему ремень, расстегнула молнию на штанах и спустила их до голеней. Запах чуть не сбил меня с ног. Он уже был в подгузнике. Его привезли в подгузнике. Почему же они мне не сказали? Они мне ничего не сказали. На что он будет похож, когда очнется? Как я удержу его, если понадобится? Под джинсами у него все было покрыто какашками — зад, бедра. Должно быть, он обделался не один раз. И очень сильно. Его стул был жидким, водянистым, зеленовато-серым, он испачкал ноги и живот. Даже носки. Я старалась не дышать. Это было ужасно. Я взяла стопку полотенец для рук и влажные махровые салфетки. Его какашки попали на кровать. Они измазали мои руки, мою рубашку. Это отвратительное занятие, если это не человек, которого вы любите. Я его вымыла. Посредине живота, именно там, где надо, у него был обычный пупок. Не знаю, почему я удивилась, увидев его. Я спрошу об этом. Я посмотрела на его штучку. Какашки? Штучка? Что за слова, что со мной? Он был не обрезан, и это затрудняло мытье. Раньше я никогда не видела необрезанный член так близко. Мне не понравилось, как он выглядит. Я обтерла его тряпкой для мытья посуды. В моей руке он встал. Я почувствовала себя виноватой. Клон спал, бедняжка. Я накрыла его пляжным полотенцем, потом одеялом, которое подняла с пола. Пес, которого мы взяли из приюта для бездомных животных, всегда путался под ногами. Его звали Лео, мы его взяли с этой кличкой. Я его не любила. Он пробыл у нас недолго. Когда пес начинал возбуждаться, муж называл его член «красной ракетой». Его удлиняющийся, вздрагивающий член, красный и противный. Брр. Это слишком для меня. Я попрошу увезти клона завтра утром.

Выброси салфетки и полотенца. Не пытайся их стирать, ради бога.

Пятница. 17 июля, 22:15.

Следующий день. Похоже, он действительно пробудет у меня неделю. Сегодня я ни разу не выглянула на улицу, чтобы увидеть автомобиль. Я чувствую себя как мать первенца, когда у ребенка колики. ___первые три месяца кричала без остановки. Нам приходилось держать ее, качать, носить по комнате взад-вперед.

Больше ее ничего не успокаивало. Не могу вспомнить, как я пережила это, с обоими мальчиками было гораздо проще. Теперь у нее свои дети. Славные спокойные девчушки, благодарение богу, потому что ее муж ей совсем не помогал. Я не в восторге от супругов моих детей. Интересно, какой-нибудь матери они нравятся?

Это гораздо хуже, чем колики. Я опорожнила ведро раз десять. В нем уже ничего не могло остаться, а его продолжало рвать. После каждого приступа он засыпал. У нас гроза. Лило весь день. Сейчас дождь уже стихает. Я молюсь, чтобы мы не потеряли силы. Я не могла открыть окна, даже если бы он оставался тихим. Кажется, что он обессилел от приступов. Я держала перед ним ведро, не давала упасть с кровати. Я положила ему на лоб влажную махровую салфетку. Поила его из поильника, который он не мог удержать, имбирным ситро со льдом. Похоже, его это злило. Сегодня днем он чихал без перерыва целый час. Я не знала, как ему помочь. Я беспокоюсь. Этот мальчик, этот человек является продуктом системы, которую я терпеть не могу. Я ненавижу само существование клонов. И этого тоже. Больше всего я ненавижу его существование. Ты должна сказать себе, что он — не Рэй.

Он — не Рэй. Он — человеческое существо, и ты согласилась за ним ухаживать. Одну неделю ты можешь выдержать. Одну неделю ты можешь выдержать все, что угодно. Забудь о своей политике. Будь милосердна. Как будто у меня есть выбор. Черт, он опять воет.

Полночь. Я никак не могу пойти спать. Его вырвало на пол, прежде чем я успела подойти, потом снова в ведро. Он не съел ни крошки. Чем его рвет? Я поменяла ему подгузники. Ему не нравится, когда я их меняю. Ему не нравится быть в подгузниках, это ясно. Я его не виню. Он тонет в пижамных брюках моего мужа, но их легко снимать и надевать. Как же мне его называть? Я должна прекратить думать о нем как о Рэе. Я отказываюсь давать ему имя. Он не беспризорный кот, которого я подобрала. Может быть, у него есть имя, и он скажет его мне, когда заговорит? Когда сможет говорить. Когда будет готов. Если он вообще умеет говорить. Если он умеет говорить, то на каком языке? Как нам его называть? Как бы ты его назвала, если бы он был твоим? Как бы я его назвала? Сонни? Я хотел назвать нашу дочь Сонни, но муж не согласился. Что-нибудь библейское? Например, Иаков, притворившийся своим братом-близнецом? Что-нибудь более мрачное. Иов, или Иона, или Иеремия. Все имена на «И». Я должна придумать, как его называть. На время. Я

не хочу думать о нем как о Рэе. Можно звать его Тошнотик.

Может быть, Сонни. Поглядим. Я понятия не имею, какими наркотиками и в каком количестве его напичкали, прежде чем нашли, от каких препаратов он сейчас отвыкает. И сколько времени на это понадобится. Не говоря уже про успокоительные средства, которые мы ему дали. Я не знаю, что это за препараты и сколько он их принял. Мы предполагаем, что мужским клонам вводят наркотики, но точно этого не знаем. Я уверена, что у него брали кровь. Я никогда не употребляла наркотики, никогда не была знакома с теми, кто их принимает. Никогда не видела, как проходит ломка, разве что в фильмах. Может быть, это новые наркотики, экспериментальные, не доступные для нас. Наркотики, о которых мы никогда не слышали. Специально созданные для клонов. Таким образом, я не делаю ему ничего плохого. У меня болит спина. Я почти весь день сидела на стуле возле кровати. Смотрела на него, пока он спал. Смотрела на его лицо. Смотрела, как он вздрагивает и трясется, словно его бьет током. Держала его за руку, пока он позволял. Разговаривала с ним, когда он успокаивался. Когда его не рвало и он не чихал. Когда он не выл, как зверь. Я хотела быть рядом с ним, показать, что он не один, что я желаю ему помочь. Я рассказала ему, кто я. Где он находится. Рассказывала о своих детях и внуках. Рассказала о городе. О Рэе, все, что помнила. Конечно, я ему не сказала, кто он такой. Возможно ли, что он знает, кто такой Рэй? Может быть, мои слова успокаивали его, наполняли уверенностью? Может быть. Не могу сказать, сколько из моих слов он услышал или понял. Я вспомнила, как однажды ночью сидела около Рэя, всю ночь обнимала его, а он рыдал о какой-то девушке в Вирджинии, с которой расстался. Мы никогда о ней не слышали, ни Сара, ни я. Удивительно. Я не видела его несколько месяцев. Он не мог найти Сару, поэтому появился в моей комнате, ища утешения. Нервный. Я его успокоила. Он был такой несчастный, разве я могла поступить иначе? Я рассказала клону эту историю. Рассказала о муже. Продекламировала стихотворение, которое моя мать читала мне, а я — своим детям. Длинное стихотворение. «Джеймс, Джеймс, Моррисон, Моррисон». Я обрадовалась, что до сих пор его помню. В какой-то момент, ближе к вечеру, он открыл глаза и посмотрел на меня. В первый раз за все время я почувствовала, что он действительно на меня смотрит. Думаю, ему должно быть любопытно. Возможно, он был встревожен. Я не знаю, что он чувствовал. Наиболее заинтересованным он показался, когда я взяла в руки фотографию в рамке, стоявшую на ночном столике, — трое моих детей в купальных костюмах в Спирит-Лейк. На мгновение мне

даже подумалось, что он потянется и возьмет ее у меня из рук. Он когда-нибудь раньше видел женщину? Мы думаем, что нет, но что мы знаем на самом деле? Ты — первая женщина, которую он видит? Бедный парень. Не отчаивайся, Сонни. Все еще впереди.

Суббота. 18 июля, 19:30.

Пока глаза еще не очень устали.

У него был припадок. Сегодня утром, незадолго до рассвета. Так случилось, что я была в его комнате. Только что сменила подгузник. Я села на стул возле кровати и стала ждать, чтобы он уснул. Ночь была спокойной, он просыпался всего два раза. Он испражняется уже не так часто. Стул становится более твердым. Я подумала, что это обнадеживающий признак. Я знаю про его стул больше, чем необходимо. И запах уже не настолько сногсшибательный, что милосердно по отношению ко мне. Я попыталась выйти как можно тише. Я уже была возле двери, и тут… Он резко поднял вверх руки. Словно хотел дотянуться до потолка. Его руки закостенели, локти свело, пальцы затрепетали. Голова свесилась набок. Ноги стали совсем твердыми и неподвижными. Спина выгнулась над кроватью. Все его тело свела судорога. Это выглядело так, словно он пытался левитировать. Он не издал ни звука. Был слышен только скрип кровати. Я подошла к нему. Его глаза были широко открыты, они закатились. В углах рта пузырилась слюна. Я поняла, что происходит. Я видела это раньше. У ___ было несколько припадков, когда ему было года три или три с половиной. После первого припадка ему поставили диагноз «эпилепсия», но сказали, что он ее перерастет. Так и случилось. У него было только три приступа, о которых мы знали. Три за год, а потом — ни одного. В общем, я знала, что надо делать. Вернее, чего не делать. Я не пыталась силком раскрыть ему рот или втиснуть что-то между зубов. Я не слишком волновалась о том, что он откусит себе язык. Не старалась ограничить его движения. Я думал о том, как переложить его с кровати на пол, но потом отбросила эту мысль. Я убрала все предметы, до которых он мог дотянуться, и стала следить, чтобы он себя не ранил. Приступ длился пятнадцать секунд. Когда все кончилось, он был обессилен и едва мог двигаться. Я повернула его на бок, как рекомендуют врачи. В течение следующих четырех часов он не пошевелился. Когда он проснулся, довольно поздно утром, я поняла, что ему очень больно. Судя по всему, помимо всего прочего, у него ужасно болела голова. Я попыталась дать ему аспирин, но не смогла заставить его принять лекарство. Должно быть, он полностью

отошел от успокоительных средств, которые ему давали. Может быть, именно они в сочетании с бог весть каким количеством наркотиков и вызвали припадок. Не знаю. Молюсь, чтобы приступ оказался единственным.

Субботний вечер. Мне бы надо выйти, но как? Было бы неплохо иногда повеселиться. Твой муж умирает, друзья начинают относиться к тебе с опаской. Они тебя избегают. Надо бы сбегать в магазин за дезинфицирующими средствами. Но не сегодня. Я слишком устала. На улице тихо. Спокойствие после буйства. В городе многое пострадало, есть кое-какие разрушения. Деревья сломаны, вокруг валяется разбитая садовая мебель. Надо бы прибраться. У меня не было возможности выйти и проверить, что творится у меня в саду. Одна неделя до дня Долли. Господи. Какой кошмар. Нас заставляют играть идиотов. Я останусь дома. Надо понять, что он способен есть, иначе он уморит себя голодом. Сегодня он выпил виноградного сока. Я заставляю его пить. От потливости, рвоты и поноса у него должно быть обезвоживание.

Они только что звонили. Мужчина. Я не узнала его голос. Он хотел подтвердить, что клона заберут в среду, в восемь вечера. Они проверили личность оригинала. По татуировке. Вы были правы, сказал он. Он — ваш Рэй Брэдбери. Не мой Рэй Брэдбери, ответила я. Он сказал мне, как прочитать код. Номер на руке клона, который я не видела до сегодняшнего утра, 1123043468. Первые шесть цифр означают дату рождения оригинала клона, в данном случае это 23 ноября 2004 года. Последние четыре цифры, 3468, являются последними четырьмя цифрами номера социальной страховки оригинала. Все просто, если знать ключ. Они уверены, что Рэй еще жив, и я была рада это слышать, хотя они пока не нашли его адрес. Интересно, они с Сарой до сих пор живут в Нью-Гемпшире? Я не упомянула об этом. Не знаю, почему, но мне не хотелось давать им эту информацию, помогать таким образом. Интересно, сколько у них детей, как они живут? Потом он сказал — поскольку я знакома с оригиналом, они разработали новый план действий, в котором я должна буду принять участие. Они посветят меня во все в среду, когда приедут, чтобы забрать клона. Я сказала, что мне вряд ли захочется принимать в этом участие. Возможно, сказал он. Снисходительное ничтожество. Поговорим обо всем в среду, сказал он. Не о чем говорить, ответила я. Я рассердилась. Я до сих пор сержусь. Тот факт, что я знакома с оригиналом — главная причина, почему меня нельзя в это вовлекать. Я должна была сказать это. Посмотрим, проговорил он. И повесил трубку. Он даже не спросил, как у нас дела.

Я поднялась к нему рано утром, чтобы проверить, как он. Он спал. Когда я уходила, он лежал на боку, а теперь перекатился на спину. Он дышал ртом, похрапывая. На нем до сих пор оставалась рубашка, в которой его привезли. Она была грязная. Я сумела снять ее с клона, не разбудив его. Рубашка была пропитана потом и забрызгана рвотой. Я выкинула ее прямо в мусор. Надо почистить ему зубы. Я очень старалась не разбудить его, но очень трудно снять рубашку с того, кто не может помочь сделать это. Очень похоже на то, как я перестилала постель мужу, когда он умирал и уже не мог двигаться. Я увидела татуировку. Мы предполагали, что клонов каким-то образом метят для идентификации, но я была потрясена, увидев такую метку воочию. Цифры были больше и темнее, чем я думала.

Они были действительно вытатуированы. Они выглядели агрессивно, сразу бросались в глаза. Я села на стул около кровати и стала смотреть, как он спит, лежа на спине, без рубашки. Мне хотелось, чтобы его тело подышало. Я уже видела клона всего, от макушки до пяток, спереди и сзади. Я трогала его в самых интимных местах. Мы считали, что процесс клонирования может привести к физическим уродствам, что клоны могут быть косолапыми или с заячьей губой. Может, даже хуже. Но этот клон был совсем другим. Его тело было красивым. Безупречным. Все было так, как должно быть, все на своих местах. Он гораздо красивее, чем я помню Рэя, хотя мне ни разу не довелось видеть Рэя без одежды. Неужели я вижу его теперь? Таким, каким он был тогда? Неужели он был таким красивым? Я вспомнила, как встал его член, когда я его мыла, вспомнила эрегированный орган в моих руках. Я почувствовала тянущее, томительное ощущение внизу живота. Я прикоснулась к себе. Мне давным-давно не приходило в голову делать это. Ни после смерти моего мужа. Ни тогда, когда мы были вместе.

Воскресенье. 19 июля, 21:15.

Странный день. Они все были странными, дни наедине с клоном. Я решила не называть его Сонни. Это имя ему не идет. Он слишком серьезен и грустен. Юрайя. Может быть, потому, что сегодня воскресенье. Воскресенье всегда тревожило меня, еще с детства. Воскресенье выводит меня из равновесия. Даже рядом с мужем я чувствовала себя бесцельной и опустошенной. Висящая в воздухе тревога, неясное ощущение нависшей угрозы. Может быть, в воскресенье все себя так чувствуют? Хотя я так не думаю. Сегодня я не ходила в церковь. Очень плохо, когда мне не удается пойти в церковь. Может быть, это страх, оставшийся с детства,

сигнал о том, что начинается следующая школьная неделя? Но я любила школу. Может быть, однажды в воскресенье со мной случилось что-то плохое, а я забыла об этом или нарочно подавила воспоминания? Может быть, в воскресенье я умру? Воскресные вечера особенно тяжелы. Все вечера теперь тяжелые, с клоном или без него. Но даже теперь воскресный вечер — это нечто особенное. Я мрачна, насторожена. Я скучаю по детям. Если бы клон заговорил! Сегодня вечером мне необходимо общество.

Рвота прекратилась. Испражнения кажутся нормальными. Сегодня у него был стул два раза, оба раза нормальный. Я проверила его на кровь и глисты. Почему проверила? Я — копролог, роюсь в испражнениях. О моче я ничего не могу сказать. А еще у меня запор, чего почти никогда не бывает. Хотя у того, кто лежит в кровати, реакция симпатическая. Я ем сушеный чернослив. Предложила ему несколько штук, и он их съел. Бедняга проголодался. Он проглотил чернослив, не жуя. Я поджарила ему на обед куриную грудку. Как будто он питается регулярно. Но сейчас уже день, время обедать, и я понесла грудку наверх. Он с отвращением скривился. Это была инстинктивная реакция. Вид и запах грудки вызвал у него отвращение. У меня в буфете стояли две бутылочки детского питания, оставшегося с июня, когда — была здесь с детьми. Говядина с овощами, горох с рисом. Я попыталась покормить его с ложки. Он не открыл рта. Я разогрела в микроволновке пиццу, нарезала ее на небольшие кусочки. Все зря. Потом он увидел чернослив и стал есть. Я принесла ему банан. Очистила и отломила маленький кусочек. Он съел его и весь оставшийся банан без колебаний. Он съел небольшое соцветие сырой брокколи, которая начала коричневеть. Съел целую морковку, которую я держала перед ним, пока он кусал, а также ломтик груши. Я задумалась, откуда он получает белок. На ужин в качестве эксперимента я приготовила чечевицу с сельдереем, морковью и имбирем. Ему это понравилось, и он захотел поесть с ложечки. Еще он поел немного неочищенного риса, тоже с ложки. Я дала ему ломтик хлеба с маслом. Он выпил соку из поильника; мне остался фруктовый пунш. Завтра попробую дать ему молока. Надо сходить в магазин. Я посмотрела на его зубы. Они выглядят превосходно. Ровные, белые. Ни единого признака вмешательства стоматолога.

Мы заканчиваем с подгузниками. Какое счастье. Клону, похоже, не нравится мое вмешательство. Возможно, оно оскорбляет его чувство собственного достоинства. Я этому не удивлюсь. Ранним вечером, после ужина, я пошла к нему, чтобы проверить подгузник. Заглянула в комнату. Он спал. Я

наклонилась над кроватью и стала снимать с него пижамные брюки. Он открыл глаза. Увидев меня, понял, что я собираюсь делать, и отодвинул мою руку. Он сорвал с себя подгузник, оказавшийся чистым и сухим, и бросил его на пол. Он был зол. Оскорблен, как я теперь думаю. Я испугалась, что он впадет в ярость. Физически я ему не соперник. Правда, он очень слаб. Он потянул брюки, прикрылся, потом сел на кровати. Он не смотрел на меня. Он медленно передвигал себя по кровати так, чтобы сесть на ее край и опустить ноги на пол. Он обхватил голову руками и оставался в такой позе достаточно долгое время. Я подумала, что он плачет, но он не издавал ни звука. Потом он встал. Он в первый раз встал с постели. Он пошатывался. Я боялась, что ноги его не удержат. Я подошла к нему и взяла за руку. Я говорила с ним ласково, как могла. Я сказала:

— Все в порядке. С тобой все хорошо. И дальше все будет хорошо.

Он направился к двери. Он двигался очень медленно. Я не отпускала его руку, чтобы помочь удержать равновесие.

— Тебе нужно в туалет? — спросила я.

Я не знала, что он собирался сделать. Может быть, просто хотел уйти. Трудно сказать, понимал ли он мои слова. Он не смотрел на меня, когда я говорила с ним.

— Давай покажу, где это, — предложила я.

Мы вместе спустились в прихожую. Он едва волочил ноги. Он был очень слаб, дезориентирован и ошеломлен. Я пошла с ним в туалет. Подняла крышку унитаза, подняла сиденье, потом нажала кнопку смыва, чтобы показать, как это работает. Он посмотрел на меня. На его лице застыла невыносимая печаль. У меня заболело сердце. Это было лицо Рэя. Он стоял перед унитазом. Его колени дрожали. Он походил на сгорбленного старика. Он просто стоял. Я подумала, что он, вероятно, никогда раньше не мочился в унитаз, что клоны-мужчины мочатся в длинные металлические желобы, какие имеются на стадионах для игры в бейсбол, что они используют унитазы только для дефекации, а может, они мочатся сидя. Возможно, он никогда не пользовался унитазом. Я не представляла себе, как показать ему, что надо делать. В конце концов до меня дошло, что он, вероятно, просто-напросто ждет, пока я выйду и оставлю его одного. Я вышла в прихожую. Я оставила дверь открытой и встала там, где он не мог меня видеть. Через пару секунд он закрыл дверь. Я боялась, что он упадет и разобьет голову об унитаз или о бачок, но оставалась снаружи. Я услышала шум воды, льющейся в унитазе. Когда он открыл дверь, я взяла его за руку. Он не смотрел на меня. Мы прошли по прихожей и вернулись в спальню. Я помогла ему лечь на кровать.

— Вот и хорошо, — сказала я.

Он лег на спину, лицом к стене.

Самое странное. Я сидела рядом с ним, пока он лежал в кровати. Часа в два пополудни. Было жарко. На нем была синяя укороченная пижама моего мужа, он лежал поверх одеяла, в полудреме. Я пела ему уже полчаса, пытаясь его успокоить, показать свою доброту. Человеческую доброту, чуть не написала я. Негромко пела «Три маленькие рыбки». «Страну Неверлэнд». «Покажи мне дорогу домой», обе версии. Песни, которые пела мне мать, а ей — ее мать. Я пыталась вспомнить колыбельные, но не могла. Хорошо, что я не подумала о «Баю-бай, малыш», иначе бы обязательно ее спела. Я спела «Норвежский лес», старую песню «Биттлз», которую любила моя мать. Я подумала — интересно, пел ли ему кто-нибудь когда-нибудь, слышал ли он вообще, как люди поют? Ни с того ни с сего он завопил. Словно мартовский кот перед схваткой с соперником. Я перестала петь. Он сел. Взглянул на тыльную сторону ладоней, потом начал неистово тереть ими о ноги. В одно мгновение он обезумел. Начал хватать и тянуть кожу на руках. Потом стал проделывать то же самое с голенями и лодыжками, в безумии метался, поочередно пытаясь содрать кожу с ног и рук. Похоже, ему казалось, что по его коже бегает что-то живое. Не знаю, спал ли он, был ли это сон, или он бодрствовал, и это была галлюцинация. Я положила руки ему на плечи и мягко заставила снова лечь на кровать. Там ничего нет, сказала я. Засыпай. Ничего нет. Как только я убрала руки, он снова поднялся и стал себя царапать. Это продолжалось около пяти минут, при этом он вопил, не переставая. Затем все прекратилось. Он откинулся назад, упал и мгновенно уснул. Может быть, он все это время спал. Я не знаю.

Он меня напугал. Полчаса назад я сидела на кухне за компьютером и писала эти записки. Я подняла взгляд. Он стоял у самой двери столовой. Он смотрел на меня. Я не слышала, как он спустился. Он сделал это беззвучно. В его позе не было ничего угрожающего, ему просто было интересно, чем я занимаюсь. Было странно и больно видеть его, одетого в пижаму моего мужа и похожего на Рэя как две капли воды. Отец, Сын и Святой дух. Я налила ему чашку фруктового пунша. Больше у меня ничего не было. Он выпил пунш, не сходя с места, прямо из чашки, без соломинки, без поильника. Он открыл холодильник, потому что только что видел, как я это сделала. Стал трогать все внутри. Когда он чего-то касался, я это называла — хлеб, сыр, масло, яйца, словно учила его языку. Кто знает, что ему известно? Он открывал шкафчики, и я называла вещи, к которым он

прикасался. Он был очень осторожен, чтобы не сдвинуть что-нибудь и не разбить. Он включил воду в раковине, затем выключил. Посмотрел на мой компьютер, стоящий на столе, но не дотронулся до него. Похоже, больше всего его заинтересовали фотографии в рамках, висящие на стене возле полки с поваренными книгами, а также керамическая банка для печенья в виде медведя. Когда он решил, что достаточно увидел и услышал, мы снова пошли наверх. Ему было тяжело подниматься по ступенькам. Я подвела его к постели и сидела рядом, пока он не заснул. Все было очень мирно и дружелюбно, словно мы — старики-соседи, но один из нас немой. Итак, он больше не лежачий больной, не прикован к постели. Что мне теперь делать?

Понедельник. 20 июля, 22:30.

Сегодня никаких галлюцинаций. Я не заметила ни одной. Думаю, самое худшее позади. Он уже может бодрствовать довольно долгое время без перерывов. С подгузниками покончено. Когда ему нужно помочиться или сходить по-большому, он пользуется туалетом. Похоже, он знает, что делать, и благодарен за то, что ему позволяют справляться самому. Он больше не воет. Сейчас он сидит рядом со мной на кухне, пока я пишу эти строки. Он наблюдает за тем, что я пишу, без особого интереса, потягивая из кружки горячий чай. До сих пор не разговаривает. Может, он умеет читать? ___не разговаривал, пока ему не исполнилось три. Двое других заговорили рано. Наш педиатр сказал, что он заговорит, когда будет к этому готов. Так и случилось, после чего мы не могли заставить его замолчать. Теперь он — философ. Может быть, клон тоже не готов. Господи, он ведь не малыш. Могу сказать, что он по натуре вежлив и спокоен, особенно теперь, когда его организм освободился от наркотиков. Сегодня он держится на ногах увереннее, но все же он еще слаб. Уже поздно. Ему пора спать. Мне надо проводить его до кровати, но мне нравится сидеть рядом с ним.

Они звонили сегодня утром. Ровно в восемь. Клон еще спал. Я только что вернулась, сделав молниеносную вылазку в магазин. Я боялась оставлять его одного. Я купила продукты и сок, а также дешевенький интерком, чтобы слышать его внизу, пока он спит. Планы изменились. За ним приедут на день раньше. Завтра в восемь вечера. Я должна подготовить его к отъезду, хотя мне забыли сказать, что именно нужно сделать. Надо проверить, есть ли у него чистая одежда. Упаковать сумку с кое-какими вещами, чтобы он взял ее с собой. Думаю, мне будет жаль, когда его увезут. Наверное, я бы не отказалась провести с ним лишний

день. Ладно, хватит. Потеряв Рэя, ты потеряешь их всех. Мне гораздо труднее расстаться с ним, чем кажется.

Он проспал всю ночь. Он нуждался во сне. Мы гадали, снятся ли клонам сны. Конечно, снятся. Я замечала, что он видит сны. Если как следует поразмыслить, этот вопрос покажется глупым. Нам было бы уютнее, если бы мы могли верить в то, что они не видят снов. Я ничего не знаю о природе его сновидений. Могу лишь сказать, что прошлой ночью ему явно снился сон, и, учитывая звуки, которые он издавал, явно не счастливый. С тех пор, как он живет у меня, я тоже не вижу счастливых снов.

Я провела с ним большую часть дня, бродя по дому, показывая разные предметы и называя их. Теперь всякий раз, просыпаясь, он желает встать. Нет никакого способа удержать его в постели. Я его понимаю. Он слишком долго пролежал в постели. Невозможно удержать его от того, чтобы он не встал и не начал бродить по дому. При этом он вполне может причинить себе вред, по неосторожности или преднамеренно. Правда, до сих пор он не давал мне повода опасаться за него. Я не могу запереть его в комнате. Дверь запирается изнутри. Но, даже если это можно было бы сделать, он ведь не заключенный. Единственный выход — не выпускать его из виду, как маленького, а на случай, когда он спит, у меня есть интерком. Пока он не выказывал никакого желания оставить дом. Я благодарна за это. Он слушает, когда я говорю, что это за предмет, но не повторяет за мной. Жутковато находиться вместе с тем, кто не разговаривает, но, в общем, не так уж плохо. Похоже, ему нравится молчать, и, вероятно, он желает, чтобы я говорила поменьше. Трудно сказать, что он видел раньше, что ему знакомо. Днем за обедом мы посмотрели по телевизору кулинарное шоу. Не могу сказать, смотрел ли он телевизор до этого. Кажется, он лишь слегка заинтересовался. Я порезала ему яблоко, и он все съел. Поджарила зеленую фасоль с луком, сельдереем и морковью, но он не стал есть приготовленные овощи. Дала ему целый персик, сырую фасоль, очищенную морковь и несколько стеблей сельдерея, и он их съел. Закончил обед несколькими ломтями хлеба с маслом, запил полной кружкой молока. На десерт я предложила ему небольшой шарик шоколадного мороженого с шоколадной крошкой. Мороженое ему понравилось, в самом деле понравилось, и я положила добавки. Себе я тоже взяла мороженого. Он отлично умеет пользоваться ложкой. Но я все равно не хочу давать ему вилку или нож.

У нас было несколько неловких моментов. Сегодня утром, после того, как я вернулась из магазина, после того, как мне позвонили, чтобы сообщить об изменившихся планах, я решила

принять душ, пока он спит. Я оставила дверь ванной открытой, чтобы услышать, если он начнет кричать. Я уже вылезла из ванны и оборачивала волосы полотенцем, когда вошел он. Я была голая. Он ни капли не смутился. Он спокойно стоял и смотрел на меня. Могу сказать, что его особенно заинтересовала моя грудь, которая даже в свои лучшие времена не была особо красивой, а уж теперь, надо сказать, и вовсе неприглядна. Еще его явно изумили мои гениталии. Интересно, удивился ли он тому, что у меня нет члена? Он из первого поколения клонов, которое, как мы полагаем, не было рождено и выращено женщинами, поэтому он, возможно, никогда прежде не общался с женщинами или вовсе их не видел. Как ни странно, я не смутилась от того, что он на меня смотрит, и не сделала ни одного движения, чтобы прикрыться. Я всегда была застенчивой, даже чересчур. Мое тело всегда было большим и неуклюжим. С мужем я чувствовала себя более или менее свободно, но стеснялась разрешать ему смотреть на меня. Я очень надеюсь, что вела себя так не оттого, что не стеснялась клона, не оттого, что подсознательно не считаю его человеком.

Пробудившись от послеобеденного сна, он был весь покрыт потом. Ломка еще не совсем закончилась. Он позволил мне обтереть его губкой. Он подчинился, хотя не сказал ни слова и не подал знака, что понимает, о чем я говорю. Ему было бы проще принять душ, но я не могла позволить ему идти туда одному, а с ним я тоже не могла пойти. Несмотря на то, что он уже видел меня всю. Я сняла с него верх пижамы, оставив брюки. Расстелила на кровати пляжное полотенце и велела лечь. Наполнила таз горячей мыльной водой. У меня не было подходящей губки, поэтому я взяла махровую салфетку. Я вымыла его шею, руки, плечи, грудь и живот. Потом вымыла его ноги от коленей вниз. Вымыла ступни. Совершенно библейское действо. Мне хотелось, чтобы он перевернулся, чтобы я могла помыть ему спину, но он не стал этого делать. Я пела ему, пока мыла. Я чувствовала себя кем-то средним между сиделкой и гейшей. Я наклонилась над ним, приложив ко лбу влажную ткань. Он потянулся и коснулся моей груди. Прижался к ней всей ладонью. На мне был пуловер с воротником-лодочкой. Ложбинки между грудями не было видно. Смешно. Я сдерживалась, чтобы не потереться об него. Он уже видел мою грудь, и я подозреваю, что ему хотелось ощутить, какая она на ощупь. В его прикосновениях не было ничего агрессивного или открыто сексуального. Он был робок и нежен. Я приняла это за вполне исследовательское, любознательное движение. Он был любопытным. Это было сладко. Я так и сказала. На мне был лифчик. Я позволила ему задержать там руку.

Вторник. 21-е июля, 11:30.

Сегодня утром я совершила кое-что, чего лучше бы не происходило. Могу поклясться, у меня были самые лучшие намерения, но теперь мне страшно. Мне бы не хотелось, чтобы это когда-нибудь повторилось.

20:45.

Клона увезли. Приехали те же двое мужчин и забрали его. Если их планы не изменятся, я снова его увижу. Я не буду на это рассчитывать. При всей их озабоченности системой и протоколом, они непостоянны. Я на них ужасно зла. Это была жуткая сцена. Они прибыли в восемь. Мы с клоном сидели на кухне и ждали. Я объяснила ему, что должно произойти. Он выслушал, но, по-моему, не понял. До их приезда он был спокоен, что кажется его естественным состоянием, когда он не находится под лекарствами. Я собрала ему туалетные принадлежности, которые купила раньше, сложила их в старый кожаный футляр моего мужа. Положила в нейлоновый рюкзак футляр, а также кое-какие летние вещи мужа — футболки, спортивные рубашки, тонкие носки. Рубашки были с короткими рукавами. Я беспокоюсь, что ему не позволят их носить. Все это слишком большого размера. Я собрала ему кое-какую еду, сложила ее в коричневый бумажный пакет. Фрукты и овощи, сколько поместилось, и овсяное печенье с изюмом, которое испекла для него утром, и оно ему вроде понравилось. Ему разрешили взять одежду. Но еду взять не позволили, даже печенье. Не объяснили, почему. В половине восьмого он был полностью готов к отъезду. Он сидел рядом, был спокоен. Мне хотелось непринужденно провести с ним время, прежде чем они приедут. Мне нравилось думать, что он в довольно хорошей форме. Я чувствовала, что мне все удалось. Он выглядел гораздо приличнее, чем в тот день, когда его привезли ко мне. Чистый, отдохнувший, спокойный. Последние дни он хорошо ел. Учитывая все, что он пережил, насколько был шокирован и напуган, можно сказать, что хотя бы под конец своего пребывания у меня дома он был удивительно счастлив. Не знаю, имело ли то, что я называю счастьем, какое-либо отношение к его пребыванию за пределами Отчужденных земель. Кто знает, может, он и там был счастлив? Может быть, он не хотел убегать? Может быть, то, что я называю счастьем, было своего рода ступором от пережитого шока? Он не сказал ни слова. Как я могу быть уверена? Я приодела его для поездки — серые

легкие жатые слаксы и белая вязаная рубашка-поло. Я проверила, чтобы его лицо, руки и ногти были чистыми, расчесала ему волосы. Он походил на игрока в гольф. Зачем я это делала? Пыталась произвести на этих мужчин впечатление своей заботой? Когда эти двое вошли, он заволновался. Когда его привезли, он был без сознания; маловероятно, что он их узнал. Они вели себя бесцеремонно, грубо. Совершенно безосновательно, подумала я и сказала об этом им. Они не потрудились уверить меня в том, что я ошибаюсь.

Казалось, клон не желал уезжать от меня. Может быть, мне просто хочется в это верить? Они торопились забрать его. Я попросила их не торопиться, не волноваться. Мне нужно было время, чтобы рассказать им, как все прошло, что он любит есть. Я хотела сообщить, что он умеет пользоваться туалетом, что ему настоятельно необходимо принять душ, что ему нужна новая одежда, что одежда, которую я приготовила, не подходит ему по размеру, а больше всего ему нужно нижнее белье. Они не слушали. Я смотрела, как клон мрачнеет. Я сказала, что хотела бы оставить его у себя еще на какое-то время. Я просила дать мне еще один день. Они отказали. Я попросила, чтобы они позволили мне вывести его к машине. Они и в этом отказали. Я боялась, что он не захочет идти с ними. Я встала между мужчинами и клоном. Низенький бородач протиснулся мимо меня. Я говорила: остановитесь. Пожалуйста, остановитесь. Я умоляла другого мужчину, показавшегося мне не таким бесчувственным скотом:

— Пожалуйста, велите ему остановиться.

Он ничего не сказал. Бородач взял клона за предплечье.

— Не делайте ему больно, — попросила я.

Я видела, что клон испуган. Я не знала, что он может сделать. Он ничего не сделал. Не сопротивлялся. Когда они выводили его, клон не взглянул на меня и не издал ни звука.

Посадив его в машину, мужчина постарше, высокий, с жуткими руками, вернулся в кухню, чтобы рассказать мне про новый план. Он сказал, что сейчас посвятит меня в самое основное, а детали мы обговорим через несколько дней. Они хотят, чтобы я связалась с Рэем. Они хотят, чтобы я поехала к нему. Они хотят, чтобы Рэй встретился со своим клоном лицом к лицу. Они хотят, чтобы Рэй провел с ним время, а потом написал о том, что он чувствовал, что это значит. Они даже не знают Рэя. Впрочем, я тоже. Они хотят, чтобы я убедила его это сделать. Когда отчет Рэя издадут, сказал он, это будет иметь огромное значение. Я должна стать связной, наставницей, нянькой. Я должна видеть потребности клона. Должна преподать ему навыки выживания, дать ему знания о мире, о том, кто он и что. Я должна

сделать его таким, чтобы его можно было показать миру. Они хотят, чтобы я научила его говорить, если он пока не умеет, говорить достаточно хорошо для того, чтобы однажды он смог рассказать всем про зло, заключенное в клонировании. Пока он не будет к этому готов, сказал высокий мужчина, и пока отчет Рэя не будет написан, я должна во что бы то ни стало сохранить клона живым и невредимым.

— Я этого не сделаю, — ответила я.

— Сделаете, — сказал он. — Вы нам нужны.

— Не сделаю, — заявила я. — Пожалуйста, покиньте мой дом.

Он ушел. На кухонном столе я увидела фотографию, которую я хотела дать клону с собой. Это была фотография детей моей дочери, сделанная совсем недавно. Он увидел ее на комоде в моей спальне, когда мы бродили по дому, разглядывали предметы и называли их. Из всего увиденного ему больше всего понравилась эта фотография. Это хорошая фотография. Прелестные дети. Замечательные дети. Не знаю, почему его так привлекла именно эта фотография. Я вынула ее из рамки и положила на кухонный стол, чтобы быть уверенной в том, что не забуду отдать ее клону. Увидев ее на столе, я заплакала. Я была совершенно раздавлена. Я услышала, как открылась дверь гаража. Машина выехала на улицу. Я знала, что обязательно сделаю то, о чем они просили.

Глава седьмая

Вчера было двенадцатое сентября. Этот день я провел точно так же, как проводил каждый день этого месяца, в своей квартире, в кровати, за написанием отчета. Моего отчета. Звучит так, словно я — клерк, писец, записной бюрократ. А разве я не стал им?

Двенадцатое сентября для меня тяжелый день. В Нью-Гемпшире в этот день почти неизменно стояла жара, до золотой осени оставалось еще несколько недель. Начинались занятия в школе, и, как многие годы, большую часть дня я проводил в пропахшем потом, вонючем классе, ведя переговоры о правилах ведения боевых действий со своими учениками, по большей части потными, вонючими и жутко упрямыми. Каждый год я старался хоть как-то отличить для себя этот день от других. Но мне никогда не удавалось найти способ сделать искренний церемониальный или памятный жест — достойный жест (достойный Сары, а не меня), который не казался бы придуманным или фальшивым. Так или иначе, этот день выделялся сам собой. Часть дня я бодрствовал, особенно когда двенадцатое выпадало на выходные, и я не мог отвлечься на работу, печалился, скорбел. Мне не нужно было делать сознательных усилий для того, чтобы не забывать Сару. В школе или в любом другом месте ее лицо стояло передо мной, и это наполняло меня горьким сожалением. Но и то, что я больше не могу слышать ее голос, касаться ее рук, осязать форму ее пальцев и ногтей, тоже причиняло мне боль. Ее лицо было передо мной, но я не слышал ее голоса, не ощущал ее рук, и меня валили с ног тоска и горе. Разве не так было и в другие дни? Во все остальные дни? В этом году по какой-то причине мне было легче. Это была бы наша сорок третья годовщина. Возможно, потому, что сейчас я не в нашем доме, не в Нью-Гемпшире. Я прожил в этом доме сорок два года. Сара пробыла в нем со мной только семь лет, но это был ее дом. С самого начала. Она выбрала этот дом. Именно ее деньги позволили нам его купить. Она сделала из него настоящий домашний очаг, и он оставался ее домом все годы, что я жил там — гость, пансионер — без нее.

Я не стал читать блокнот Анны сразу же. Я не мог заставить себя взять его в руки. Я был раздосадован тем, что она мне его оставила, раздосадован тем, что она написала. Когда наконец я подчинился — блокнот лежал на кухонном столе, где его оставила Анна, сказав, что мне нужно это прочесть, — история

показалась мне волнующей и страшно трогательной. Мне было жаль клона, жаль Анну. Я почувствовал, что меня страшит перспектива встретиться с моим клоном и провести с ним время. Еще мне было любопытно узнать — скорее это было любопытство, чем страстное желание, что же такое сделала Анна, о чем потом сожалела. Но это были поверхностные чувства. (Я никак не мог знать и даже примерно представить себе не мог, что на самом деле означает столкнуться с собственным клоном.) В самой глубине души, мне хочется в это верить, я стыдился своего в высшей степени глупого, но в данный момент весьма важного решения участвовать в правительственной программе замены ядра клетки — то есть, говоря простым английским языком, клонировать себя.

Я залпом прочитал первую часть, преамбулу. Потом, вернувшись из города, где пообедал супом и сандвичем, я стал читать дневниковые записи. Оказалось, что Анна, в точности как я, не может не делать отступлений в сторону своей частной жизни. Я радовался, читая эти отступления. По дороге в Монреаль и потом, ненадолго остановившись в этом прекрасном городе, мы говорили и о другом, хотя мне казалось, что Анна хочет говорить только о своем муже. Ее любовь к нему впечатляла и восхищала меня. На мой взгляд, это свидетельствовало о том, что она горюет по нему. Тогда как получилось, что спустя всего три месяца после его смерти, она — на этих страницах, в дороге, в Монреале — уже могла спокойно говорить о нем, уже смирилась с потерей? Наверное, ее смирение выражалось именно в том, что она говорила о нем так спокойно. Зрело, как взрослый человек, восприняла его смерть. Прошло уже больше тридцати пяти лет, а мне до сих пор нелегко говорить о Саре. Я не сумел смириться, найти душевный покой. Может быть, потому, что мы с Сарой были вместе так недолго, в сравнении с Анной и ее мужем. Может быть, это объясняется ее смертью — трагической, анахронической, как смерть жены первопоселенца, и ее молодостью. А может быть, я просто никчемный и слабый. Проще говоря, эгоист. Нет горя более сильного и более важного, чем мое собственное горе.

(Мой сын тоже умер. Я его так и не увидел. Анна говорила о клонировании мертвецов. Представьте себе. Я мог бы растить сразу двоих, жену и сына, девочку и мальчика.)

Я не нахожу особой чести или утешения в этом предприятии, но, если смогу, я сдержу обещание, данное товарищам Анны, и попытаюсь закончить отчет как можно скорее.

Анна позвонила, как и обещала, через три дня после своего

отъезда из Нью-Гемпшира. Был четверг, тринадцатое августа. Она вернулась в Айову. Разговор получился недолгим.

— Как прошла поездка? — спросил я.

— Долго. Утомительно. Скучно. Я рада, что вернулась домой. Как ты себя чувствуешь?

— Как и в день твоего отъезда. Чувствую себя дряхлым. Слабым. Несколько потрясенным. Я ждал твоего звонка.

— Я позвонила, — сказала она. — Мне не хотелось тебе звонить.

— Но все-таки позвонила.

— Я ведь сказала, что позвоню, — проговорила она. — Извини.

— Я прочел твои записи. Твой блокнот, как ты его называешь.

Она не ответила, и я продолжил:

— Их было тяжело читать.

— Прости, что заставила тебя это делать, — резковато ответила она. Потом смягчилась. — Было тяжело писать.

— Не сомневаюсь, — ответил я. — Они хорошие.

— Хорошие?

— В смысле, замечательные. Грустные. Я пытался придумать, как тебе сказать. Они очень волнующие. Полезные. Обличающие. Они заставили меня почувствовать себя таким мелким. Хуже того. Я ничего не замечал, не хотел замечать. Я был непростительно несведущ. А ведь там — человек.

— Там даже три человека, — заметила она.

— Да. Конечно. Неважно. Это стоило прочесть.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда хорошо. Тогда я рада, что ты это прочитал.

— Это здорово.

— Теперь держись, — ответила она.

— Послушай, Анна, — проговорил я. — Я ведь не совсем уверен. Если ты попытаешься меня отговорить, у тебя это может получиться. Почему бы тебе просто не спросить, согласен ли я, и дать мне ответить?

— Ты все обдумал?

— Определенно нет, — сказал я. — Но ты ведь звонишь, чтобы спросить.

— Погоди, — проговорила она. — Я должна тебе это сказать. Если бы я сохранила хладнокровие, в первый раз увидев клона, и не проговорилась, они бы никогда о тебе не узнали. Тебя бы в это не впутали.

— Может, и так, — сказал я. — Но это к делу не относится. Я тебя не виню, Анна. Пока могу сказать, что я не жалею. Может быть, пожалею потом.

— Пожалеешь, — не стала разубеждать она.

— Может быть.

— Так ты хочешь это сделать?

— Хочу ли я? Наверное, да. Я хочу это сделать, — ответил я. — Если ты попросишь. И если ты и твоя организация примете мои условия.

— Я не имею к этому никакого отношения, — возразила она. — Понимаешь, здесь от меня ничего не зависит. Поверь.

— Я верю, — сказал я. — Значит, если они согласятся с моими условиями.

— Каковы же они, твои условия?

— Я не хочу напрямую связываться ни с кем из твоей организации, никогда. Кроме тебя. Я — не один из них. Если я это делаю, то только потому, что сам решил, и на это у меня есть собственные причины. Эти причины их не касаются. Они должны согласиться с тем, что не будут влиять на то, что я пишу. Они согласятся? Кто бы они ни были?

— Не знаю, — ответила она. — Не знаю, что они будут делать.

— Ты передашь им мои слова?

— Мне грустно слышать это, Рэй, — сказала она. — Очень грустно.

— Но ты им скажешь? — повторил я.

— Не знаю.

— Что ж, тебе решать, — сказал я.

По правде говоря, я слишком мало раздумывал над *своим* решением, учитывая характер и опасность того, о чем меня просили. Я принял решение так быстро и походя — думаю, это случилось еще до того, как Анна покинула Нью-Гемпшир, — что теперь сам удивляюсь собственному легкомыслию. Я бы сказал, это было не столько решение, сколько отказ от своих прав, расслабление. Я расслабился при мысли о том, что сделаю это. То есть я почти непреднамеренно позволил себе не сопротивляться этой мысли. Может, потому, что я чувствовал — и почти не ошибался, что мне все равно нечего терять и не для чего жить? (Неужели эти предположения всегда означают одно?) Откровенно говоря, мне было непонятно, как во мне еще душа держится. Если бы я позволил себе, то инфаркт (первый) мог стать для меня началом новой эпохи — финальной, краткой, интенсивной, возможно, значимой. Смогу ли я, никогда не высекавший и искры, разгореться ярким пламенем? К тому же я не верил, что мне действительно грозит опасность, о которой Анна предупредила меня с самого начала. Связано ли мое решение с

желанием компенсировать Анне то, как я обошелся с ней много лет назад? Даже я понимал, насколько она рискует. Возможно, я считал, что, поскольку за пределами Отчужденных земель нашли именно моего клона, я должен что-то сделать. Или в этой причудливой и беспрецедентной ситуации я чувствовал себя в долгу перед самим собой? Интересно, кто-нибудь, кроме меня, оказывался в таком положении?

Нет нужды во множестве объяснений. На самом деле все просто. У меня не было лучшего, более интересного занятия. И мне хотелось увидеть своего клона. Снова увидеть себя, каким я был в двадцать один год.

У меня была ровно неделя на то, чтобы уладить свои дела до того, как за мной приедет Анна. (Она попросила меня сделать это. Я обещал, что сделаю.) Я продолжал верить, что рано или поздно вернусь в Нью-Гемпшир, хотя Анна велела мне ничего с собой не брать, кроме одежды и самых необходимых личных вещей. Анна была сама благожелательность, но ее инструкции внушали страх. Судя по ним, наше дело не могло хорошо закончиться.

К слову, о деньгах. На эту тему до настоящего времени у меня не было причин говорить, и вспоминаю я о них нечасто. Не потому, что считаю деньги чем-то пошлым и скучным. Я не выше денег, просто вне их. Я не думаю о деньгах, потому что у меня их много, и потому что мое состояние почти не зависит от моих стараний. Я — бенефициарий, получаю содержание из наследства Сары, по сравнению с которым моя зарплата школьного учителя математики средней школы — жалкие карманные деньги. Если бы я сильнее зависел от денежных проблем, почти наверняка стал бы таким же хитрым и грубым, как многие другие. Я отлично могу представить себе человека, который думает только о деньгах, всячески пытается их заработать и больше ни о чем не заботится.

Анна сказала, что нам нельзя пользоваться личными или дорожными чеками, кредитными карточками и банкоматами все время, пока мы будем в Канаде, потому что все это следы, по которым нас очень легко найти. Как мы будем жить? Что будем есть? Я чувствовал, что имею право задать эти вопросы. В Монреале, сказала она, для нас приготовлена достаточная сумма денег. От кого? От ее организации? Да, ответила Анна. Она объяснила: предполагается, что правительство позаботится о том, чтобы я недолго прожил после публикации отчета и не успел насладиться возможной прибылью. Эта прибыль, согласно договору, который она принесет мне на подпись, вернется к ее

организации и более чем покроет затраты на нас.

— Насколько большая сумма? — спросил я.

— Хватит, чтобы прожить, — ответила она.

Меня это не успокоило. Первое, что я сделал, пока Анна не вернулась, — пошел в банк и снял со счета шестьдесят тысяч долларов. Я понимал, что такая сумма — если власти обратят на меня внимание — будет подозрительной, даже самоубийственной. Я не сказал об этом Анне, пока мы не добрались до Канады. Как и ожидалось, она рассердилась и встревожилась, но было слишком поздно что-то предпринимать. Собирая сумку, я рассовал шестьдесят тысяч — я попросил, чтобы мне их выдали сотенными купюрами, — в три старых носка, найденных в комоде. По двадцать тысяч в каждый носок.

Я должен был покинуть дом так, словно ненадолго уезжал на каникулы. Я не должен был продавать машину или что-то еще, что можно продать. (Кроме дома, у меня не было ничего, что кому-нибудь захотелось бы купить.) Оставляя Нью-Гемпшир, я оставлю позади — видимо, навсегда — свое взрослое прошлое, единственным ярким пятном которого были годы, проведенные с Сарой. Большая часть нашей совместной жизни прошла в Лебаноне.

Прежде чем переехать в Нью-Гемпшир, мы пробыли вместе в Университете Айовы неполных два года. Мы поженились двенадцатого сентября, в начале моего второго курса. Сара получила диплом в июне. (К тому времени Анна уже бросила университет.) Ради Сары, чтобы она не волновалась, чтобы ее отец спокойно, не ссорясь со мной, мог произвести впечатление элегантного священника с богатым внутренним миром, я не пошел на церемонию присвоения ученых степеней и выдачи дипломов. Впоследствии Сара уверяла, что хотела остаться в Эймсе еще на год, пока я не получу степень. Я знал — мог ли я не знать? — что она отчаянно хотела вырваться из Айовы и уехать подальше от своей семьи. Если бы не я, она уже была бы на пути в Сорбонну. Теперь я бы даже обрадовался, если бы она туда уехала.

Общение с ее отцом стало невыносимым, и без того напряженные и неоднозначные отношения ухудшились после заключения брака. Ее отец считал нашу женитьбу ужасной во всех отношениях. Я ни разу в жизни не сталкивался с подобной ненавистью. Он ненавидел всех, кто приближался к Саре, к его крови. Он обезумел. Он впал в ярость и неистовство, в основном из-за ревности. Он не говорил с Сарой о нашем браке, пока мы к нему готовились, но внушал, что в таком замужестве она не

просто деградирует, но будет влачить жалкое существование, опустившись на самое дно. Он характеризовал выбор Сары как — цитирую: «Всего-навсего постпубертатный вызывающий жест». (Отчасти так оно и было, но Сара любила меня всем сердцем и душой.) Выйдя за меня замуж, говорил он без тени смирения или милосердия, она обречет себя на жизнь без утонченности, без милости (он вкладывал в это слово не теологический смысл), без цели и ценности, жизнь бедную в духовном и во всех прочих смыслах. Он отказался дать ей свое благословение.

Мы решили провести гражданскую церемонию в Эймсе. Он был убежден, что ее решение вступить в брак вне церкви, вне его церкви — он передал это Саре через мать — призвано оскорбить его. На свадьбу он не приехал. После того, как мы поженились, он перестал общаться с Сарой. (Он снова стал с ней разговаривать лишь через шесть лет, когда Сара сообщила матери о своей беременности.) Он пытался запретить матери Сары, ее брату и сестре идти на свадьбу, настаивал на том, что их присутствие будет страшным предательством. Наверное, в первый раз за всю их супружескую жизнь мать Сары выступила против него. Она приехала на церемонию в Эймс и привезла с собой брата и сестру Сары. Не сказать, что им было легко и радостно, но они были там, вместе с нами. Я был благодарен ей тогда, и в дальнейшем у меня тоже нашлось, за что ее благодарить. Когда мы с Сарой переехали в Нью-Гемпшир, ее мать дала нам в качестве подарка на новоселье деньги на первый взнос, и даже больше, для покупки дома в Лебаноне. Как мы поняли, она сделала это без согласия мужа и без его ведома. Точно так же все деньги, которые получала Сара, пока ей не исполнился двадцать один год (больше, чем мы могли потратить), исходили из существующего давно, на протяжении нескольких поколений, трастового фонда, учрежденного ее родственниками по материнской линии. Этими средствами отец распоряжаться не мог, они были капиталом Сары. К этим деньгам у меня было двойственное отношение, бессмысленное и гордое, позволявшее мне примириться с тем, что любой дурак счел бы огромной удачей. Отец Сары отрекся от нее. Мы получили пышное официальное уведомление от его поверенного.

Она ждала, когда я закончу курс и получу степень, и, хотя мы не нуждались в деньгах, Сара стала работать днем официанткой в клубе при факультете. Позже, в Нью-Гемпшире, она устроилась на местную конюшню, где чистила стойла, занималась лошадьми, иногда давала уроки, а также в оранжерею, ухаживать за растениями. Она говорила, что ей нравится получать заработанные деньги и нравится эта работа.

Все семь лет нашего брака она упорно любила меня, словно я был достоин ее любви. С самого начала я подозревал, что она решила доказать отцу… что именно? Что она выбрала правильного мужчину? Что она может любить того, кого он не одобрил, кто ему не понравился? Что она может выбрать того, кто радикально отличается от него? Что, в отличие от отца, ее способность любить так сильна, что она предается своему избраннику всем сердцем и душой, щедро, как только может? Что ее любовь не случайна? (Я считаю, что ее чувства ко мне в итоге зависели от ее отца, и это сослужило ей плохую службу.) Откровенно говоря, я считаю, что она не могла любить по-другому. И это мое везение.

Только ради нее я оплакиваю каждую скучную, унылую, обыкновенную минуту, которую она провела со мной.

Когда я в последний раз делал генеральную уборку, мое сердце не выдержало, поэтому я подавил желание прибраться в доме. Я не знал, сколько времени пробудет у меня Анна, прежде чем мы отправимся в Монреаль, но не стал менять постельное белье в комнате для гостей, ведь после нее там никто не жил. Я протер унитаз и ванну, повесил чистые полотенца, побрызгал освежителем воздуха.

Я никак не мог сообразить, что взять с собой на память о Саре. Я бродил по дому, из комнаты в комнату, готовясь их покинуть. Честно говоря, мне не была нужна никакая памятка, никакая осязаемая вещь, чтобы с ее помощью вспоминать Сару. Я подумал о том, что надо бы попрощаться с соседками-близнецами, Софи и Мэри. С этими бледными загадочными маргаритками. Если они были загадочными, то лишь потому, что я ничего не знал о маленьких девочках. Они переступали порог моего класса, уже превратившись в молоденьких девушек. Оказавшись перед неизбежной перспективой раз и навсегда покинуть дом, я с удивлением понял, как много значили для меня близнецы и как сильно мне их будет не хватать. Я смотрел, как они играют за моим окном, с самого их младенчества наблюдал за тем, как они растут, хотя не знал точно, сколько им лет, и никогда с ними не разговаривал.

Я прожил в этом доме, в этом городе больше сорока лет, и теперь приходилось признать, что мне не с кем попрощаться, некому сказать (если бы я мог), куда я уезжаю. Некому сказать, что я вообще уезжаю.

— Я помню тот день, когда мы катались по Айове в твоем стареньком «Вольво», — сказала Анна.

Мы ехали в ее грузовике по федеральной автостраде 89 в Вермонте, миновав развязку возле Уайт-Ривер. Было десять часов утра. Мы только что отправились в путь. Мы были в дороге всего полчаса. За рулем сидела Анна. Она говорила не переставая, почти неудержимо. Главным образом она рассказывала о своем муже. Я предпочел бы сидеть молча, а если уж говорить, то о клоне. У меня было немало вопросов.

— Я отвезла тебя в… — Она произнесла название городка. — Показала окрестности. Потом мы пообедали стейками и сладким картофелем в закусочной Ле-Марса. Ты угощал. Ты был такой джентльмен.

— Я помню, — сказал я. — Это был хороший день. Мне очень понравилось.

Она приехала в Нью-Гемпшир накануне, в четверг, двадцатого августа, поздно вечером. Она очень устала. В тот день она проехала пятьсот миль за двенадцать часов, практически путь от Дюнкерка до озера Эри, и почти всю дорогу шел проливной дождь.

— Это заведение до сих пор работает, — сказала она. — Можешь себе представить?

— Нет, — ответил я.

Мы ехали в Монреаль, день был чудесный. Дождь перестал, выглянуло солнце, было не слишком жарко, движение было не интенсивным.

— Оно работает, — сказала она. — Мы с мужем часто там бывали. По вторникам там проходили вечеринки сальсы. Мы ходили туда с друзьями и танцевали. Вы с Сарой танцевали?

— Нет, — покачал я головой. — Сара серьезно относилась к танцам. Она была балериной.

Я никогда не был на балете, лишь видел отрывки спектаклей по телевизору и в кино. О сальсе у меня было весьма слабое представление.

— Ты когда-нибудь видел, как она танцует?

— Она не танцевала для меня, — сказал я. — Не хотела показаться неуклюжей.

— Я говорю про балет.

— Нет, — ответил я. — Я никогда не видел, как она танцует. А ты?

— Один раз. Она была прекрасна.

Анна потянулась через мои колени и открыла бардачок. Достала оттуда солнечные очки и надела их, потом взглянула на себя в зеркало заднего вида.

— Ну, как ты выглядишь? — поинтересовался я.

— Я бы сказала, просто супер.

— Согласен.

— Врешь, — проговорила она и продолжала: — Мы все взяли по нескольку уроков, чтобы не выглядеть совсем уж глупо. Я танцевала не очень хорошо. Хотя и не была намного хуже остальных. Мой муж умел танцевать. Такой огромный, а умел танцевать.

Она повернулась и посмотрела на меня. За темными очками я не видел ее глаз.

— Я знаю, как, когда и где ты встретил Сару. Ты ничего не знаешь о том, как ухаживали за мной. — Она улыбнулась. — Кто-нибудь в наши дни еще использует это слово?

— Я бы использовал, — сказал я, — если бы понадобилось.

— Ты — да, — кивнула она. — Мы вместе учились в школе. Он был на три года старше. Мы не были знакомы. Но я знала о нем, как и все остальные, потому что он был звездой спортивных команд. Играл в футбол и бейсбол. Он год проучился в Университете Южной Дакоты. Ему там не нравилось. Не нравилось быть так далеко от дома. Его отец погиб во время второй войны в Корее, а мать болела. Он приехал домой, устроился на работу в городе, школьным тренером. Они с матерью заботились друг о друге, пока она не умерла. Он унаследовал дом, и мы поселились в нем, когда поженились. Я до сих пор там живу. Я помню, что твоя мать умерла в День Благодарения в тот год, когда мы познакомились.

— Верно.

— А отца ты потерял еще мальчиком. Как мой муж.

— Да, — подтвердил я. — Но не на войне.

— В этом смысле мне повезло, — сказала она. — Мои родители развелись. Я почти не виделась с отцом, но мама всегда была рядом, пока мне не исполнилось пятьдесят. Она была рядом, когда родились мои дети, и дожила до того времени, когда они стали взрослыми. Мой отец никогда их не видел. К тому времени он уже умер.

— Это очень плохо, — сказал я.

— Ты так думаешь? — спросила она. — Я не уверена.

На это мне нечего было ответить. Анна перевела дух, затем продолжила:

— Мы с подружками увлекались мальчиками постарше, но мой муж не походил на тех, о ком мы мечтали. Он был слишком большим и устрашающим, с лицом и телом взрослого мужчины. Он был старомоден. Одевался как взрослый. И он не обращал на нас внимания. Мы были слишком молоды, слишком глупы. Я всегда была крупной, помнишь, в Аойве таких в шутку называли «кожа да кости». Мне не везло с мальчиками моего возраста, хотя

у меня имелось несколько приятелей-мальчишек. Я был неуклюжей, неловкой. Помнишь?

— Нет, — ответил я. — Не помню.

— Ты очень любезен.

— Вовсе нет.

— Ладно, — сказала она. — Я была крупнее, чем большинство мальчиков, и стеснялась этого. Только на второй год учебы в колледже у меня появился первый парень и первый сексуальный опыт. Он был по-настоящему плохой парень. Наверное, я тебе о нем рассказывала. Злобный и очень жестокий. Я оставалась с ним больше года, думала, что не заслуживаю ничего лучшего. Я все время боялась его. Я делала с ним такое, что сейчас мне это кажется невероятным. Ничего, что я тебе рассказываю? Ты хочешь это слышать?

— Не знаю, — ответил я.

— Ну, я все равно уже начала, — едва заметно улыбнулась она. — Именно он решил, что нам надо расстаться. Я молила его не бросать меня.

Несколько мгновений она молчала. Я закрыл глаза, надеясь, что она больше не заговорит. Но она продолжила:

— Понимаешь, Рэй, когда ты приехал, и мы вроде как подружились, ты казался таким добрым, чутким и благодарным, что у меня появилась надежда.

— Я вовсе не был чутким, — возразил я. — Но я действительно был тебе благодарен.

— Может быть, и так, — сказала она.

Я не мог устоять. Она, хоть и косвенно, затронула интересующую меня тему. Я рискнул;

— Анна. Ты мне скажешь, что ты сделала с клоном?

— О чем ты?

— В твоих записях, — пояснил я. — Ты сделала что-то такое, чего испугалась.

— О, — проговорила она. — Вот что тебе хочется знать?

— Не только, — сказал я. — Но это я тоже хочу узнать.

— Почему?

— Потому что я — не добрый и не чуткий, — ответил я. — Я — любопытный.

— Не скажу, — проговорила она. — Не сейчас. — Она подумала мгновение. — Не было ничего особенного.

— Ладно, — сказал я. — Забудь, что я спрашивал.

В одиннадцать часов Анна объявила, что проголодалась. Мне тоже хотелось есть. Ни один из нас утром не завтракал; Анна слишком торопилась уехать. Мы остановились в маленьком кафе в Монпелье. Там было прохладно и солнечно, большие окна

выходили на здание Капитолия. Из дюжины столиков только два были заняты, когда мы вошли. За одним из столиков сидела пара средних лет. Моложе нас. Очевидно, супруги. Они сидели рядышком, бок о бок, изучая расстеленную перед ними дорожную карту, оба в шортах цвета хаки и полуботинках. Они казались счастливыми. Интересно, глядя на Анну и меня, думают ли они о нас то же самое — что мы супруги и счастливы? За квадратным столиком посреди зала сидели четверо подростков в одинаковых красных бейсболках, серых штанах для игры в бейсбол, красных гетрах, красных футболках с номером на спине и названием местного спонсора поперек груди. Они ели яйца и блинчики. Бутсы они не надели в кафе, но бейсбольные рукавицы лежали на полу возле стульев. У одного из мальчиков выделялся синяк под глазом. Сегодня они еще не играли, потому что их форма была чистой.

Мы заняли столик у окна. Оттуда виднелся гранитный Капитолий, его золотой купол, освещаемый солнцем. Когда мы сели, Анна указала на статую, охранявшую вход.

— Кто это? — спросила она.

— Мы в Вермонте, — напомнил я. — Наверное, это Итан Аллен.[6]

Анна впервые была в Вермонте.

— Здесь красиво, — проговорила она.

— Да.

Когда я путешествовал вместе с родителями, а позже с Сарой, мы не раз проезжали мимо Монпелье — обычно мы ездили в Берлингтон, — но никогда не были в самом городе. За исключением шести лет, всю остальную жизнь моим домом был Нью-Гемпшир. Мне было грустно его покидать. Но в то же время я должен сказать, что ощущал себя способным и свободным. Это не было легкомыслием или оптимизмом, но я чувствовал себя легко и светло. Возможно, я не столь ясно сформулировал это тогда, сидя в кафе, где мои мысли только начали собираться в единое целое. Кажется, я думал: то, что сейчас происходит, своего рода кода, номер на «бис» после затянувшегося скучного спектакля.

И я был рад, что Анна со мной. Мы замечательно поладили. Это стало приятным сюрпризом. Во время ее первого визита в Нью-Гемпшир она казалась мне незнакомкой. Она была деликатна, но ее присутствие в моем доме угнетало меня. Когда же она появилась во второй раз, после десятидневного перерыва, все сложилось чудесно. Не могу объяснить, что изменилось. Когда она вернулась, мне показалось, что вернулся мой старый друг. Тот, кого я знал с давних пор и очень любил. Кого был счастлив видеть снова.

Я не знал, что я должен думать или чувствовать по поводу клона. По поводу встречи с ним. Любые мои мысли казались мне неправильными.

Анна допивала кофе. Я предпочитал чай, к тому же доктор запретил мне употреблять кофеин.

— Я скажу, — проговорила она. — Но не хочу подробностей.

— О чем скажешь?

Это был лишний вопрос. Я и так понял, о чем.

— Я его обслужила, — сказала она.

— Клона?

— Да.

— В каком смысле?

— Не будь идиотом, — сказала она. — Я его обслужила. Рукой.

Я не был ни удивлен, ни потрясен. Что-то вроде этого я и ожидал услышать. Неловко и глупо я поглядел на ее левую руку, лежавшую на столе ладонью вниз. Пальцы у нее были длинные, толстоватые, с узловатыми суставами. Ногти чистые, подстриженные так коротко, что из-под них виднелись кончики пальцев. На тыльной стороне ладони виднелись пигментные пятна, сквозь прозрачную истончившуюся кожу просвечивали вены. Я ничего не мог с собой поделать. Я представлял себе, что она касается этой рукой меня, так же, как касалась моего клона. Я вспомнил, что обратил внимание на ее руки, когда мы в первый раз встретились в университете, и они мне не понравились. Сейчас они мне нравились гораздо больше. Ее руки были старыми. Можно сказать, в них отражался ее характер. Без сомнения, они были нежными, заботливыми, ловкими. Без сомнения, они любили и умели работать. Она заметила, что я смотрю на ее руку, но не убрала ее.

В час дня мы были севернее Берлингтона, милях в пяти к востоку от озера Шамплейн, Зеленые горы располагались еще дальше на восток. В такой день, в пятницу, дорогу могли бы заполнить машины, но мы их почти не встречали. Здесь, на севере, день был еще прохладным, а воздух — изумительно чистым.

— Воздух чудесный, — сказала Анна.

— Я к нему привык, — ответил я.

— И свет. Ясный и резкий. Четвертое измерение.

— Сара как-то сказала то же самое, — вспомнил я. — Четвертое измерение. Мы были в Шотландии, проводили там медовый месяц.

— Мы так и называли дни, похожие на этот.

— Ты и Сара?

— Нет, — ответила она. — Мы с мамой. Возможно, я говорила об этом Саре.

Если бы эта мысль пришла мне в голову утром, в Лебаноне, я бы предложил направиться на север через Нью-Гемпшир, чтобы проехать через те места — или мимо них, — где я бывал в детстве вместе с отцом. Сожалея о том, что не сделал этого, я предложил другой, менее наезженный путь: по автостраде 91, к северу через Вермонт, чтобы свернуть в Канаду у Дерби-Лайн, где можно быстро и легко пройти через таможню. Но Анна решила, что мы поедем по самой прямой дороге I-89 и перейдем границу у Хайгейт-Спрингс, где на таможне гораздо больше народу. Именно потому, что там больше народу.

— Ты обратил внимание на пару в кафе? — спросила она.

— Те, которые разглядывали карту?

— Да, — кивнула она. — Сидели бок о бок. Они выглядели счастливыми.

— Я подумал то же самое.

— Мне это нравится, — сказала она.

— Сидеть бок о бок?

— Прокладывать маршрут. У меня это хорошо получается. Всякий раз, когда мы путешествовали на машине, я была навигатором. Мой муж почти всегда садился за руль, неважно, как далеко мы ехали. Я должна была сражаться с ним за право повести машину. Он не любил быть пассажиром.

Прежде чем оставить Монпелье, я предложил Анне сесть за руль, но она отказалась. Теперь я сказал:

— Так что, сражаться с тобой?

— Проиграешь, — улыбнулась она. — Ты часом не флиртуешь со мной?

— Нет.

— И не надо, — кивнула она. — Потому что твое обаяние на меня не действует.

Она потянулась и коснулась моей руки, словно говорила, что пошутила. Я это и так понимал.

— Когда мы только поженились, и у нас не было детей, — сказала она, — мы много времени проводили в Северной Дакоте. Для детей это было бы слишком дальнее путешествие, поэтому после их рождения мы не уезжали далеко от дома. Детей мы возили в Южную Дакоту. Осматривали все, что положено туристам: мемориал Маунт-Рашмор, памятник Неистовому Коню, [7] Дедвуд, Блэк-Хилс. Ты бывал там когда-нибудь?

— Нет, — сказал я.

— Правительство утверждает, что поддерживает в

надлежащем состоянии все памятные места, но никто не знает, как в действительности обстоят дела. В Лас-Вегасе… Ты там был?

— Я нигде не был, — ответил я.

— На полоске земли, — сказала она, — перед одной из гостиниц они построили гигантский макет мемориала Маунт-Рашмор.

— Я слышал об этом, — отозвался я.

— Я скорее умру, чем взгляну на него, — сказала Анна.

Мы уже достигли Хайгейт-Спрингс и канадской границы, когда Анна бросила как бы между прочим:

— По-моему, нас преследуют.

— Шутишь, — не поверил я.

— Не шучу.

Я повернулся на сиденье и выглянул в заднее окно грузовика. На некотором расстоянии от нас ехало несколько машин.

— Ты уверена?

— Уверена. Зеленая машина. В левом ряду. Через две от нас.

Я снова посмотрел. Увидел зеленую машину.

— Сколько времени они уже там?

Не знаю, почему я сказал «они». Машина была достаточно далеко, и нельзя было разглядеть, сколько человек в ней сидят.

— Полчаса, — сказала Анна. — Может, чуть дольше.

— Ты знаешь, кто они?

— Догадываюсь, — ответила она.

— Это люди правительства?

— Для них слишком рано.

— У нас есть оружие?

Она засмеялась.

— Не будь смешным.

— Вся эта ситуация смешна, — ответил я. — Откуда мне знать, может, у нас должно быть оружие и мне пора отстреливаться.

— Я почти уверена, что это моя организация, — сказала Анна.

— Ты их знаешь?

— Думаю, нет.

— А теперь серьезно, — сказал я. — Мы в опасности?

— Вряд ли.

— Что они делают? — продолжал я спрашивать. — Что им нужно?

— Скоро узнаем.

— Ты неплохо держишься, — отметил я.

— Я этого ожидала, — пояснила она. — Мы ведь только

начали.

Перед нами в линию выстроились четыре автомобиля, когда мы добрались до пункта досмотра. Зеленая машина стояла на два автомобиля позади нас. Мы остановились, и Анна смогла посмотреть на меня, когда говорила. Она сняла темные очки.

— Я хочу кое-что сказать тебе, Рэй, — проговорила она.

— Знаешь, Анна, рядом с этой машиной мне трудно думать о чем-то другом.

— Все будет хорошо. — Она постаралась меня успокоить. — Считай, что это эскорт. У нас еще будет достаточно времени и причин для беспокойства.

— Дай мне знак, когда начинать волноваться.

— Ладно, — кивнула она. — Послушай. Я этого больше никому не говорила. Не уверена, что именно я чувствую. Говорю тебе только потому, что это, по-моему, имеет отношение к нам обоим. — Она запнулась, потом помотала головой. — Нет, неправда. Не знаю, почему я хочу тебе это сказать. Просто хочу, и все.

— Я польщен, — ответил я.

— Так и должно быть, — кивнула она. — Мой муж умер в конце марта. Всего четыре месяца назад, а я уже в порядке. Если я не возвращаюсь к своему прошлому «я», значит, соглашаюсь принять новое «я». Делает ли это меня бессердечной, предательницей? Предосудительно ли это, как ты думаешь?

— Я никак не думаю, — ответил я. — По-моему, нет.

— Я тоже считаю, что нет, — сказала она. — Я думаю, что моя способность справиться с потерей мужа и продолжить содержательную жизнь делает честь моему мужу.

— Может, и так, — пожал я плечами.

— Понимаешь, сначала я была безутешна. Горе меня подкосило. Это поговорка, но в моем случае она оказалась реальностью. — Анна улыбнулась. — Я знаю, так все говорят. На следующий день после его смерти, когда прошло первое потрясение, я встала посреди кухни, откинула голову назад и завыла. Таких звуков я прежде никогда не слышала и представить себе не могла, что сама способна на такое. Мое тело как будто вывернулось наизнанку. Мы были вместе почти сорок лет. Я не понимала, как жить без него. Я думала, что не смогу жить. Тебе знакомо это чувство?

— Более или менее, — ответил я.

— Я сорвала голос и едва могла говорить, но этот безумный вой пошел мне на пользу. На третий день я взяла себя в руки и уже держалась относительно спокойно. Мои дети очень помогли. Мне стало стыдно за свое поведение. По правде говоря, нет

другого выбора, кроме как продолжать жить.

— Я это слышал, — сказал я.

— По крайней мере, когда живешь такой чудесной и защищенной жизнью, как у меня. Я говорила себе, что есть вещи, которые я должна сделать. Хотя я понятия не имела, что от меня потребуется в самом скором времени. До самой смерти, — рассказывала она, — мой муж был тренером городской бейсбольной команды. Он готовился к весенним играм. Все нынешние игроки и многие из бывших пришли на поминальную службу вместе с семьями. Он тренировал отцов и их сыновей. Не могу себе представить, что его кто-то не любил. У него было несколько хороших друзей, которых он знал еще с начальной школы. Но он был нужен и другим. Большую часть этих людей я знала. Меня тронула их привязанность.

— Похоже, он был отличным парнем, — сказал я.

— Он умер от осложнений после почти полного отказа почек. Я тебе не говорила. Он был ростом шесть футов и три-четыре дюйма, а его вес, если он переставал за ним следить, мог превышать триста пятьдесят фунтов. Я пыталась заставить его правильно питаться, но мне не хватало настойчивости или скрупулезности. Вес оставался его проблемой. В его роду все мужчины по отцовской линии были толстыми. Когда ему исполнилось пятьдесят, у него обнаружили сахарный диабет второй степени. Но это не повлияло на него. Он был неутомим. Мы проверяли его кровь на сахар, и он принимал лекарство, когда вспоминал о нем. Потом у него отказали почки. Есть строгие ограничения по времени, когда можно проводить диализ. Ты знаешь об этом?

— Нет, — сказал я.

— Три или четыре дня максимум. Как раз достаточно времени, чтобы забрать и привезти почки для замены. Но мы не могли позволить себе такое лечение, даже на короткое время. Мы оба отказались участвовать в программе копирования, а медицинская страховка покрывала самый минимальный и простой уход. Когда мужа забрали в больницу, врач первым делом спросил, есть ли у него копия. Поскольку копии не было, муж не имел права на пересадку, независимо от того, сколько пригодных почек в наличии.

— В такое трудно поверить, — потрясенный, проговорил я.

— Это абсолютная правда, — сказала Анна. — И еще, как соль на рану: его жизнь была застрахована на миллион долларов, но страховая компания отказалась от выплаты. Они утверждали, что его смерть можно было предотвратить, но он добровольно отказался от лечения, поскольку не создал клона. Мы хотели

поехать в Канаду, в Виннипег, где его вылечили бы, если бы нашли подходящую почку. Но муж умер раньше, чем мы закончили приготовления. Умер быстро, что явилось поистине актом милосердия. Он был очень смелым. Я бы сказала, что он — герой. Предпочел умереть, но не согласился воспользоваться тем, что считал отвратительным явлением.

Подходила наша очередь на досмотр.

— У нас есть что-нибудь, о чем следует беспокоиться? — спросил я.

— Ты имеешь в виду таможню?

— Да.

— Например? — осведомилась Анна.

— Понятия не имею, — пожал я плечами. — Мы нелегалы?

— Пока нет, — ответила она.

Я не упомянул о шестидесяти тысячах долларов, которые я затолкал в носки, лежавшие в моей сумке. В этом факте не было ничего криминального, но, если бы таможенники обнаружили столько спрятанных наличных, они, разумеется, потребовали бы объяснений. Оставалось надеяться, что нас не станут просить открыть сумки.

— Вот что я хочу тебе сказать… — проговорила она.

— Побыстрее, — поторопил я. — Мы следующие.

Анна не спешила.

— После смерти мужа не прошло и двух недель, как у меня появились странные, тревожные мысли. Я думала о том, какой выбор мы сделали. Если бы у моего мужа был клон, он остался бы жив. Остался бы со мной, с детьми, с друзьями, ожидал бы внуков и прожил бы еще долго. Даже в минуты самой большой слабости и неуверенности я ни разу не усомнилась в том, что мы сделали этический выбор. Но я стала сомневаться, имею ли я право осуждать других. Я спрашивала себя, смогла бы я снова сделать тот же самый выбор теперь, когда мне предстояло прожить остаток жизни без него.

Ее слова звучали так, словно она заранее подготовилась.

— У меня появились еще более странные и тревожные идеи, — сказала Анна. — Государство взяло клонирование под свой контроль и объявило его вне закона в частном секторе, когда биотехнологические компании были готовы предоставить людям огромное множество возможностей клонирования. В том числе и клонирование умерших. Если бы индустрии позволили развиваться, было бы относительно легко, хотя и дорого, купить копию покойного родителя, или ребенка, или супруга, или друга. Впрочем, если бы клеточный материал и права на него стали доступны, можно было бы купить копию любого человека, живого

или мертвого. После смерти мужа я задумалась: что было бы, если бы закон разрешал клонировать умерших? Если бы я могла увидеть мужа снова, живым, но младенцем? Хотела бы вырастить его как сына? Ему бы исполнилось тринадцать, когда мне стукнуло бы восемьдесят. На что это похоже — состариться, а его видеть юным? Я понимаю, что его клон не был бы моим мужем. И, конечно, не был бы моим сыном. Но я не знаю, как ответила бы на эти вопросы, не будь они гипотетическими.

Офицер поманил нас вперед. Мы не двигались. Машина, стоявшая позади, просигналила.

— В одном я уверена, — проговорила она. — Я счастлива, что этот гротеск, эта кровосмесительная версия восстания из мертвых невозможна.

Анна завела грузовик и тронулась вперед. Она сказала все, что хотела. Потом вдруг произнесла, желая сменить тему:

— Ты, наверное, думаешь, что есть черный рынок для такого рода мерзости, но я об этом ничего не знаю.

Глава восьмая

Я все отчетливее чувствовал, что у меня остается мало времени. Во-первых, сердце. В любой момент может случиться новый инфаркт, и я умру прежде, чем мне успеют оказать помощь. Во-вторых, правительство — Анна без шуток называла его «командой Долли». Прошло больше года с тех пор, как мы с Анной въехали в Канаду и встретились с клоном. Товарищи Анны полагают, что «команда Долли» начала преследовать ее еще раньше, чем мы добрались до Виннипега. Нет никаких сомнений в том, что к настоящему времени правительство уже рассмотрело возможность моей причастности к исчезновению клона. Не обнаружив меня дома — мое отсутствие необъяснимо, местонахождение неизвестно — они давно должны были заинтересоваться и мною тоже. Кто я такой, что знаю, что видел, о чем могу рассказать? Если правительство знает о моем отчете, это для них еще один повод желать моей смерти.

Что случится с этим отчетом, если меня найдут или если мое сердце разорвется раньше, чем я завершу дело? Я уверен, что отчет очень далек о того, на что надеется организация Анны. Это радует меня и приносит удовлетворение. Я сомневаюсь, что хочу предоставить им мои записки, хотя сделал уже так много, что мне будет жаль не иметь возможности закончить отчет. Или закончить, но не найти сочувствующих читателей.

Пребывание в Монреале — мы провели там три ночи и почти четыре дня, прибыли утром в пятницу и уехали в Оттаву в полдень понедельника — было чудесным, счастливым и праздным временем. Невинным. Идиллическим. Даже, осмелюсь сказать, райским. Последние дни, предшествовавшие моей теперешней неописуемой жизни, внезапно наполнившейся смыслом и опасностями.

Мы оба были ничем не связаны и, конечно, напуганы. Я понятия не имел, чего ожидать; у Анны уверенности было еще меньше, но она была гораздо храбрее меня. В Монреале мы делили один гостиничный номер, записавшись как супруги, и это стесняло нас. У меня были проблемы со здоровьем. Анна стремилась обойти весь город. Я был слаб и быстро уставал. Ходьба на любое расстояние, особенно подъемы, выматывала меня. Ежедневно после обеда я возвращался в номер подремать, что было мне жизненно необходимо, предоставляя Анне возможность свободно погулять в своем темпе. Ее тянуло в экзотические рестораны; мне нужно было очень внимательно

следить за тем, что я ем. Она отчаянно тосковала по детям.

Тем не менее я вспоминаю наше краткое пребывание в Монреале как последний хороший и легкий период жизни перед тем, как мы взяли на себя груз ответственности за клона. Я уже волновался перед встречей с ним, но сам клон — его жизнь, его потребности, его значимость — пока оставался лишь теоретическим объектом. Погода стояла прекрасная, было солнечно, свежо и прохладнее, чем в Нью-Гемпшире. Наше время принадлежало только нам, и у нас было много денег. В дополнение к субсидии, которую дала нам организация Анны, у нас имелись собственные запасы.

На границе, на восточном берегу озера Шамплейн, нами занимался улыбчивый и расторопный канадский таможенный офицер. Мы показали наши водительские права. Офицер спросил о цели нашей поездки, и Анна сказала: «Развлечение». День был прозрачный и солнечный. На пункте досмотра народу собралось немного. Мы были пожилой парой в отпуске. Вот что он о нас подумал, несмотря на наши фамилии и на то, как далеко друг от друга мы живем. Небрежно, словно для проформы, офицер поинтересовался, не ввозим ли мы в страну продукты или растения. Он не проверил наши сумки, стоявшие на виду, не попросил нас выйти из грузовика, который его явно восхитил. Он сделал какие-то пометки, вернул нам права, пожелал безопасной поездки по-английски и по-французски и отпустил. Мы задержались там не больше десяти минут.

Мы поехали на север, по шоссе 133 к Монреалю. Не успели проехать и двадцати миль, когда перед городком с названием Шабевуа к нам сзади приблизилась зеленая машина и просигналила один раз.

— Зеленая машина, — сказал я Анне.

— Я вижу, — ответила она.

— Они хотят, чтобы мы остановились. — В машине было двое мужчин, водитель указывал нам на обочину. — Что будем делать?

— Остановимся, — пожала она плечами.

— Ты уверена? — спросил я.

— У тебя есть предложения?

Все было ясно. Предложений у меня не было.

— Я ошиблась, — сказала она, глядя в зеркало заднего обзора. — Я знаю одного из них.

— Это хорошо или плохо? — спросил я. — Для нас.

— Неважно, — ответила она. — Не волнуйся.

Анна съехала шоссе. Зеленая машина остановилась на обочине, прямо за нами.

— Давай выйдем? — предложила Анна.

Мы вышли из грузовика. По обеим сторонам дороги простирались поля. В ста ярдах впереди, подальше от дороги, располагалась ферма, обшитая белыми досками. Вдоль дома для защиты от ветра выстроился ряд высоких вечнозеленых деревьев. Больше ничего не было видно. В обоих направлениях машин было мало. Проезжая мимо нас, автомобили, едущие на север, притормаживали, чтобы понять, что происходит.

Двое мужчин вышли из зеленой машины и пошли нам навстречу. Я узнал того, который повыше, по записям Анны. (Вообще-то отчет следовало написать ей.) Другой мужчина, чернокожий, в записках не упоминался. Он тоже был высокий и худой, но его голова и руки были нормальных размеров. Мы вчетвером остановились возле грузовика Анны, на обочине шоссе. Высокий человек с жуткими руками — и вправду жуткими — взглянул на меня. Ничего не сказал. Интересно, что он почувствовал, увидев меня? За исключением Анны, он был единственным, кто видел клона, а теперь и оригинал. Наверное, его поразила такая быстрая и полная перемена, возрастной эффект, резкий переход от человека в самом расцвете юности (пусть даже беспомощного и одурманенного наркотиками) к предпоследней стадии разрушения — черепу, обтянутому кожей. Все очень грубо, как маска из глупых фильмов ужасов, но в этом случае, в моем случае, реально и, без сомнения, потрясающе.

Он заговорил первым, обращаясь к Анне.

— Вот и вы, — сказал он.

— И вы, — ответила она.

— Как прошла поездка?

— Неплохо, — сказала она. — А у вас?

— Тяжело.

— Ну, сегодня хороший день.

— Да, — кивнул он. — Здесь хорошо. Вы уже бывали в Канаде?

— Один раз.

— В Квебеке? — спросил он. — Dans cet endroit meme?[8]

— Нет, — сказала она.

Он не представил чернокожего, сосредоточившего внимание на шоссе.

Я оглядел зеленую машину. На заднем сиденье никого не было. Где же клон, в багажнике?

— Давайте поговорим. — Он обращался только к Анне. — Прежде чем заняться делом.

— Не скажу, что мне этого хочется, — проговорила она.

— Похоже, вы не испытываете ко мне дружеских чувств?

— Не испытываю, — кивнула она. — Вы не ошиблись.

— С людьми такое часто бывает, — сказал он и улыбнулся. — Это связано с моей внешностью.

— Вовсе нет, — возразила она.

— Да. Я сам понимаю, — сказал он. — Но нам надо кое-что уладить. И мы по одну сторону баррикады.

— Я не уверена, — ответила она. — Не уверена, по какую сторону баррикады я нахожусь.

— Я знал вашего мужа, — продолжал он. — И не желаю вам зла.

— Что нам нужно уладить? — спросила Анна. — Почему бы не перейти к делу?

— Хорошо. Сейчас мы обменяемся машинами.

— Здесь? — спросила она.

— Да, — ответил он. — Вы поедете в Монреаль на машине. Мы отведем ваш грузовик обратно в Айову. Оставим его на подъездной дорожке возле дома. Некоторое время будет казаться, что вы дома.

— Где клон? — спросил я.

— Документы на машину, — сказал человек Анне, — право собственности, регистрация и страховка лежат в бардачке.

— На чье имя? — осведомилась она.

— На ваше новое, — сказал он.

Чернокожий протянул ему конверт из плотной желтовато-коричневой бумаги, и высокий передал его Анне:

— Новый паспорт для вас и новые водительские права.

— А как насчет него? — спросила она.

Она говорила про меня. Должен признаться, ее слова прозвучали неоправданно отчужденно.

— Завтра в одиннадцать утра, — сказал он, — приведите его к магазину канцтоваров «Кентавр» на рю де ла Монтань. Запомните? Или записать?

— Запомнишь? — обратилась ко мне Анна.

Теперь она меня поддразнивала, хотела смягчить мои раненые чувства.

— Вас будут ждать, — продолжал он. — Сфотографируют его. Мы сделаем ему новый паспорт и права. Вы получите их до отъезда из Монреаля.

— У меня есть права, — возразил я. — Я не отдам свои права.

— Вас никто не спрашивает, — оборвал мужчина, в первый раз обратившись ко мне. — Просто получите новые. — Потом он повернулся к Анне. — Мы привезли деньги, которые понадобятся вам в Канаде.

Чернокожий протянул другой конверт, поменьше, тоже

желтовато-коричневый. Высокий отдал его Анне.

— Подождите, пока не выедете на шоссе, потом пересчитаете. Пожалуйста, будьте экономны. Если понадобится больше, мы постараемся раздобыть.

— Сколько там? — спросил я.

Он снова ответил Анне:

— Вам должно хватить.

— Скажи им, пусть заберут свои деньги, — сказал я Анне. Затем повторил ему: — Заберите ваши деньги.

— Не будь смешным, — сказала Анна.

— Они нам не нужны, — настаивал я.

— Разумеется, нужны, — возразила она.

— В Монреале, — продолжал высокий, — остановитесь в отеле «Бонсекур» на рю Сен-Поль. Заплатите наличными. В конверте вместе с паспортом и правами лежит план Монреаля. Я записал название отеля и обвел кружком его местоположение. Машину оставите в гараже отеля. Мы забронировали вам номер, под вашим новым именем. Зарегистрируетесь как муж и жена.

— Это плохо, — проговорила Анна.

— Я согласен, — вставил я.

— Вы останетесь там ненадолго. Мы сообщим вам, куда направиться дальше.

— А что нам делать до тех пор? — поинтересовался я.

— Что хотите, — ответил он, обращаясь ко мне. — На вашем месте я бы расслабился и постарался получить удовольствие. Вам предстоит долгий путь. Будет трудно.

— Не могу сказать, что вы меня успокоили, — ответил я.

Он засмеялся. Опустил свою огромную лапищу мне на макушку.

— А вы такой и есть, — сказал он. — Вас трудно успокоить.

Мы сидели в зеленой машине. Я был за рулем. Анна возражала против того, чтобы я вел, но я сказал, что не сяду в машину, если она не согласится. Мы проехали чуть больше мили, когда она настойчиво попросила:

— Помедленнее.

— Я в порядке, — ответил я.

— Пожалуйста, Рэй, — сказала она. — Ты едешь слишком быстро.

Она положила руку на мое правое колено, давая понять, что говорит серьезно, и своим прикосновением заставляя меня нажать на педаль тормоза.

— Я злюсь, — сказал я и убавил скорость.

— Спасибо, — поблагодарила она.

— Я ехал слишком быстро.

— Да. Ты немного сумасшедший.

— Нет, — ответил я. — Я никогда не был сумасшедшим. Никогда.

— Ладно, не обращай внимания, — сказала она.

Я перевел дыхание.

— Хорошо. Я не буду обращать внимания.

— Прекрасно, лихач. — Она потрепала меня по колену и убрала руку. — Нам некуда спешить.

Я потратил несколько секунд на то, чтобы поправить боковые зеркала. Я ехал гораздо медленнее дозволенной скорости.

— Позволь мне лишь сказать, что этот парень мне не понравился.

— Я так и поняла. — Она улыбнулась. Хорошая женщина, которую я когда-то бросил. — Ты ему тоже не понравился.

— Паршивая машина, — сказал я.

Анна повернулась на сиденье, отвернулась от меня. Она смотрела в окно. Мы проезжали промышленную зону, простиравшуюся примерно на полмили.

— Я скучаю по своему грузовику, — проговорила она.

Когда она это сказала, я попытался вспомнить (не смог тогда, не могу и сейчас) фигуру речи, в которой часть замещает целое.

— Что это за машина? — спросил я.

— Понятия не имею, — ответила она.

— Корейская.

— Может быть, — пожала плечами Анна. — Я не разбираюсь в машинах.

Он взяла меньший конверт и вскрыла его.

— Сколько мы получили? — поинтересовался я.

— Смотри на дорогу, — ответила она. — Я пересчитаю.

В конверте лежали четыре пачки банкнот, каждая была перехвачена тонкой резинкой. Анна перечитала одну.

— Похоже, десять тысяч долларов, канадских.

— Всего? — уточнил я.

— Похоже на то.

— Этого не хватит надолго.

— Посмотрим, — сказала она.

Потом взяла другой конверт, достала оттуда паспорт и водительские права.

— Как тебя зовут? — спросил я.

Она посмотрела в права.

— Джейн Грей. Из Гастингса, Небраска.

— Ты была в Небраске?

— В Омахе, — сказала она. — Не знаю, где находится

Гастингс.

— Я не был в Небраске.

— Мне нравится мое имя, — призналась Анна. — Сразу чувствуешь себя героиней викторианского романа.

Она раскрыла паспорт и посмотрела на фото:

— Боже!

— Дай посмотреть, — попросил я.

— Ни за что, — отказалась она. — Где они взяли эту фотографию?

— Покажи.

— Лучше веди машину, — сказала она.

Я получил свой паспорт и водительские права в воскресенье днем, в отеле, накануне отъезда в Оттаву. Теперь меня звали Оливер Грей. Имя мне понравилось, может быть, потому, что звучало оно как-то по-старинному. Фотография мне показалось удачной. Анна тоже так думала. Ту же фотографию и то же имя вписали в мои новые права. Это было мое первое вымышленное имя, прежде чем я принял псевдоним для написания отчета, прежде чем Анна дала мне это имя, прежде чем я впервые услышал про Рэя Брэдбери.

На подъезде к Монреалю движение стало более оживленным. Я почти не имел опыта вождения в таком большом городе. Была пятница, три часа дня. На окраинах машины скапливались в обоих направлениях. Водители казались маньяками. Дорожные знаки были на французском языке. Анна стала моим штурманом. Она положила открытую дорожную карту на колени, но все равно сомневалась в маршруте. На перекрестке шоссе 133 и 10, вопреки четким указаниям Анны, я упрямо поехал на восток, хотя должен был свернуть на запад. Мы проехали почти пять миль, прежде чем я признал, что ошибся. Когда мы повернули направо, чтобы вернуться в город, Анна, на вид невозмутимая, спросила, бывал ли я прежде в Монреале.

— Был, — ответил я. — Один раз. С родителями. Еще до смерти отца.

Я был мал, сказал я ей, и не помню этих мест. Я не сказал Анне — сейчас не понимаю, почему — что был в Монреале еще раз, тоже много лет назад, вместе с Сарой.

Мы провели там долгий уик-энд ранней весной. Осматривали достопримечательности, заходили в хорошие рестораны (я помню португальский ресторан рядом с «МакГрилем», где впервые попробовал морского окуня) и просто наслаждались друг другом. Мы отмечали известие о беременности Сары. В запоздалой попытке наладить отношения (сюжет для французов) отец Сары предложил оплатить нашу поездку, но она наотрез отказалась.

Когда мы были в Монреале, беременность Сары была совсем не заметна. Даже по утрам ее не тошнило. Она прекрасно себя чувствовала — признаки позднего токсикоза проявились только за полторы недели до ожидаемых родов — и была очень счастлива. Я тоже был счастлив.

Было уже половина четвертого, когда мы почти наугад нашли рю Сен-Поль и отель «Бонсекур», узкое четырехэтажное кирпичное здание неопределенного стиля. Его окружали небольшие антикварные магазинчики и этнические рестораны. Вход в «Бонсекур» был хорошо спрятан: единственная стеклянная дверь, на которой маленькими черными буквами было написано название, выходила на крутую бетонную лестницу. Лобби отеля, маленькое и чисто утилитарное, находилось на втором этаже, номера — на следующих двух этажах. Я оставил машину перед отелем на пятачке, предназначенном для выгрузки багажа, и попытался помочь Анне с сумками. Я сумел лишь поднять одну сумку вверх по лестнице и на полпути вынужден был остановиться, чтобы передохнуть. Анна проделала этот путь несколько раз. Я оставил ее с сумками регистрироваться у портье — ведь это у нее были недавно полученные фальшивые водительские права и паспорт, — а сам отправился вниз, отводить машину в гараж отеля. Чтобы воссоединиться с Анной в лобби, мне пришлось подняться из гаража на три лестничных марша, а потом по лестнице отеля, ведущей с улицы. Я сильно устал. Наш номер на четвертом этаже, сказала Анна. Лифта не было.

— Дай мне минуту, — попросил я.

— Ты в порядке? — спросила Анна.

— Все хорошо.

В углу лобби по обеим сторонам низкого стола стояли два кресла, покрытые искусственной кожей. На столе кто-то оставил журнал.

— Давай посидим там? — предложил я. — Сейчас, отдышусь немного.

— Ты сядь, — сказала она. — Я отнесу сумки в комнату.

— Нет-нет, — возразил я. — Я не хочу, чтобы ты это делала. Останься со мной. Давай посидим и поговорим. А потом я помогу.

Мы сели. Я старался дышать глубоко, задерживая дыхание.

— Ну и в убогое же место нас отправили, — заметила она.

— Может быть, в номерах лучше? — предположил я.

— Думаешь?

— Теперь мы — семья Грей, — сказал я.

— Ты — Бад.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне надо было придумать тебе имя, — пояснила она. — Я выбрала Бад. Мистер и миссис Бад Грей.

— Почему Бад?

— Не знаю, — ответила она.

— Где ты его откопала?

— Просто пришло на ум. Показалось, что оно тебе подходит.

— Я не хочу быть Бадом! — возмутился я. — Они не назовут меня Бадом.

— Конечно, — отозвалась она.

— Я — не Бад, — настаивал я.

— О, я не знаю, — ответила она.

Наш номер на четвертом этаже «Бонсекур» оказался душным и тесным. Не было ни кондиционера, ни занавесок на окнах, кроме опускающихся ночных штор. Телевизор, слишком большой для комнаты, был привинчен к комоду светлого дерева. В номере стояли потертое мягкое кресло и две кровати с мягкими спинками, разделенные тумбочкой. Над каждой кроватью имелся ночник. Покрывала выглядели старыми и изношенными. Пахло сигаретным дымом. В дальнем углу номера, у окна, с потолка свисала лампа с абажуром. Она освещала пустое место, где, по-видимому, когда-то располагались стол и стул. Я с облегчением увидел, что в номере есть ванная, без ванны, но с приличной душевой кабиной и довольно чистыми полотенцами.

— Сколько мы заплатили? — спросил я.

— Чертовски дорого, — сказала Анна. — Ну и дыра.

(Весь следующий год, когда мы с клоном — Оливер и Джейн Грей со взрослым сыном Аланом — переехали на запад Канады, нам предоставляли жилье получше. Это были скромные, чистые, минимально обставленные квартирки, арендованные на месяц.)

Когда мы распаковали сумки и устроились, было пять часов. Нам быстро стало неловко сидеть вдвоем в тесном неудобном номере и ничего не делать. Мы обрадовались тому, что уже пять, и заговорили про ужин. Анна видела вьетнамский ресторанчик почти по соседству с «Бонсекур». Она предложила поесть там. Я не был голоден, но мне хотелось выйти из номера туда, где больше места и народу. Ресторан оказался неплохим. В этот ранний час мы были единственными клиентами. Не могу припомнить, что мы ели, но Анна заказала нечто пряное с овощами и кока-колу. (Повсюду, где мы бывали в Канаде, Анна заказывала колу «и много льда».) Я получил какое-то блюдо без специй с курицей и воду с газом. Анна уверенно орудовала палочками, я использовал нож и вилку. Когда официант протянул счет, я вынул бумажник.

— Не надо, — сказала Анна.

— Нет. Позволь мне.

— У меня есть деньги, — настаивала она.

— Все в порядке.

— Ты уверен?

— Уверен, — кивнул я.

— У тебя есть наличные?

В бумажнике у меня лежало триста американских долларов.

— Да, — сказал я.

Мы решили немного прогуляться по улице Сен-Поль. Пройдя четыре квартала, — я знал, что Анна ради меня замедляла шаг — я начал задыхаться и с ужасом подумал о предстоящих мне четырех лестничных маршах.

— Мне нужно вернуться, — сказал я. — Извини. Если хочешь еще погулять, иди. Я могу дойти один.

— Я тоже устала, — ответила Анна. — Послушай, почему бы нам просто не подняться в номер? Можно посмотреть телевизор и пораньше лечь спать.

Было половина седьмого.

Я сидел на кровати, той, что ближе к двери, — я выбрал эту кровать в соответствии с правилами хорошего тона, которые, как мне казалось, я еще помнил, а может, и сам выдумал — и смотрел телевизор, пока Анна принимала душ. Она вышла из ванной в халате в цветочек и длинной ночной рубашке, босиком. Я в первый раз видел ее ступни. Ногти были покрыты лаком цвета сливы. Ее ступни не показались мне красивыми. (Я еще смягчил краски. Эти были ступни женщины под семьдесят. Мои ноги тоже не отличались красотой, на больших пальцах были мозоли, но я не выставлял их на всеобщее обозрение.) Ее лицо разрумянилось, волосы были влажными. Как я уже писал, волосы у Анны были седые и коротко стриженные. Когда они намокали, как в этот раз, под ними виднелась кожа черепа.

— Хороший душ, — сказала она. — Там есть новое мыло. И шампунь.

— Твой? — спросил я.

— Не стесняйся, — сказала она и принялась вытирать волосы полотенцем.

— Сядь, — предложил я. — Хочу тебе кое-что показать.

Она опустила штору на окне и включила лампу с абажуром, которая зажглась желтым тусклым светом. Потом присела на другую кровать, ближе к окну. Как будто догадавшись, о чем я думал, она поджала ноги.

— Что именно? — спросила она.

— Подожди.

Я открыл верхний ящик своей половины комода и вынул три

носка. Вытащил из одного стопку банкнот и бросил ей на кровать.

— Что это? — удивилась Анна.

— Деньги.

— Где ты их взял?

— В банке, — ответил я. — Они мои.

— Рэй, — проговорила она.

Разумеется, на самом деле она называла меня не Рэем. И не Оливером, и не Бадом. Она произносила мое настоящее имя, всегда.

— Я ведь говорила тебе, что не надо этого делать.

— Я помню, что говорила, — сказал я. — Я не доверяю твоей организации. Я хотел, чтобы у нас были средства для жизни здесь.

— Напрасно, Рэй, — продолжала Анна. — У нас все будет хорошо.

— Я так не думаю, — возразил я. — Так или иначе, дело сделано. Вряд ли это имеет какое-то значение.

— Это может иметь огромное значение. Это неудобно.

— Для кого?

— Сколько здесь? — спросила она.

— Шестьдесят тысяч.

— Правда? — изумилась она.

— Двадцать тысяч в каждом носке.

— Ты с ума сошел.

— Опять, — вздохнул я. — Вовсе нет.

— Да, — сказала она. — Мы должны быть осторожны, Рэй.

— Это твое мнение.

— Должны, — повторила она и посмотрела на деньги. — Вытащи все.

Я вытряхнул на кровать деньги из оставшихся двух носков.

— Я никогда не видела столько денег так близко, — проговорила Анна. Она засмеялась, но нерадостно. — Во всяком случае, мы богаты.

— Очень богаты, — подтвердил я.

Эта ночь стала первой из многих ночей в Канаде — почти целый год, — когда нам с Анной приходилось делить кров. Мы никогда не спали в одной кровати, но всегда были рядом. После того, как к нам в Оттаве присоединился клон, за исключением единственной ночи в мотеле Тандер-Бея, Анна спала в одной комнате, а мы с клоном — в другой. Это было неудобно. Для всех нас, но в особенности, думаю, для меня. (Откровенно говоря, я не знаю, что чувствовал при этом клон. Он никогда не говорил.) Я был более осторожным, чем Анна, более чопорным, более скованным. Она не раз говорила мне, что благодарна за то, каким

скромным и ненавязчивым я был тогда, когда нас вдвоем держали в этом тесном номере.

— Позволь сказать, — говорила она так, что это походило на восхищение, — что мой муж не был деликатным человеком.

Для Анны шарада нашей совместной жизни, то, что мы притворялись мужем и женой, отцом и матерью клона, была составной частью задания, выполнение которого давалось ей недешево. Но я подозреваю, что задание ее еще и забавляло. Для меня же это была пародия, неудобство, которое я переносил с трудом.

Первую ночь я почти не спал, каждой клеткой ощущая Анну в соседней кровати, и это меня тревожило. Я очень давно ни с кем не ночевал в одной комнате. Анна спала тихо, и в ту ночь, и потом. Не ворочалась, почти не шевелилась, не храпела. (Я храпел «как морж», сказала Анна.) Но ее присутствие в одной комнате со мной не давало мне уснуть. В ту первую ночь в Монреале я тосковал по дому и прогонял от себя сон, потому что боялся во сне произвести непристойные звуки. За последние несколько лет моя простата ощутимо увеличилась, и мне приходилось вставать по два-три раза за ночь, чтобы помочиться. Это тоже смущало меня, и я беспокоился, что разбужу Анну. Я не подумал взять с собой пижаму; дома я спал в трусах и футболке. Я стеснялся своего тела, своей общей слабости, недомоганий и бледности.

В субботу, в наш второй день в Монреале, мы оба обрадовались медленно наступающему утру. В комнате было темно, когда я встал в половине седьмого, как обычно, чтобы сходить в туалет. Я позаботился о том, чтобы поднять сиденье, а когда закончил, снова его опустил. Я с тревогой задумался о том, стоит ли спускать в туалете воду, но выбрал меньшую неделикатность и спустил. Выйдя, я рассчитывал снова лечь, но Анна уже не спала.

— Я слышала, как ты встал, — сказала она. — Который час?

— Половина седьмого, — ответил я. — Извини.

— Нет. Я рада, что проснулась. Пожалуйста, подними шторы. Пусть войдет немного света.

Я поднял шторы наполовину.

— Как на улице? — спросила она.

— Не могу сказать.

— Подними их совсем, — попросила она. — Мы уже проснулись.

Я выполнил ее просьбу. Солнце поднялось совсем невысоко. Комната наполнилась прохладным серебристым светом.

— Похоже, будет прекрасный день.

— Длинная выдалась ночь, — проговорила она.

— Я тебе мешал?

Она улыбнулась.

— Ты так храпел.

— Громко?

— Ужасно громко, — подтвердила она.

— Я не знал, что храплю, — сказал я.

— Я привыкну, — пообещала она. — Или убью тебя. Ну что, может, встанем и пойдем отсюда?

— Ладно, — согласился я. — Хочешь позавтракать?

— Хочу. Умираю от голода. Ты угощаешь, мистер Денежный Мешок.

— С удовольствием, — ответил я. — Что, правда так громко?

— Храпел?

— Да.

— Я уже сказала. Громко.

— Что же делать?

— Мы справимся, — сказала она. — Все будет хорошо.

— Извини.

— Стой, — сказала она. — Я первая пойду в ванную. Ты уже был.

— Не возражаю, — согласился я.

— Ты поднимал сиденье?

— А как же, — ответил я. — Конечно, поднимал.

Закончив, Анна появилась в халате и ночной рубашке. Я принял душ и побрился, оставаясь в ванной до тех пор, пока полностью не завершил свой туалет и не оделся.

Недалеко от гостиницы, недалеко от рю Сен-Поль, мы обнаружили кафе. Анна спросила, помню ли я название магазина канцтоваров и на какой улице он расположен. Я помнил название — «Кентавр», но улицу забыл.

— Рю де ла Монтань, — напомнила Анна.

— Я и не пытался запомнить, — оправдался я. — Я знал, что ты запомнишь. Ты такая ответственная.

— Да, ответственная, — подтвердила она.

Мы взяли такси до рю де ла Монтань, длинной улицы, идущей с севера на юг. Адреса у нас не было, и водителю понадобилось время, чтобы найти это место. Когда мы вышли из такси, было девять часов. Согласно расписанию, магазин «Кентавр» по субботам открывался в десять. Назначенная встреча должна была состояться только в одиннадцать. День еще был свежим, и хотя я почти не спал, чувствовал себя довольно бодрым. Мы решили пойти пешком по рю де ла Монтань на север,

прочь от вокзала, в ту сторону, откуда мы приехали на такси. После моих предыдущих визитов в этот город, последний из которых состоялся больше тридцати пяти лет назад, я считал, что у меня сохранилось некое необъяснимое знание Монреаля. Но в этот третий раз город показался мне совсем незнакомым, словно я никогда здесь не был. Потому что я был здесь с Анной.

Мы поравнялись с букинистическим магазином, часть товаров которого уже была выставлена на стеллажах на тротуаре для распродажи. Анна захотела войти внутрь.

— Надо купить кое-какие книги, — сказала она.

Магазин был переполнен книгами, загроможден ими так, что было трудно двигаться по невозможно узким проходам, особенно если там кто-то стоял. Книги высились от пола до потолка, не поместившиеся на полках экземпляры лежали на полу стопками высотой по колено. В воздухе было полно пыли, и, судя по запаху, некоторые тома начали плесневеть. Каких бы принципов организации не придерживался магазин, в нем невозможно было находиться долго. Повсюду слышалась французская речь. Проведя внутри минуту, мне захотелось выйти. Анна же казалась возбужденной и исчезла в лабиринте. Даже если бы я захотел, то не смог бы ее там отыскать. Я встал рядом с входной дверью, на свежем воздухе, чтобы ни у кого не путаться под ногами. Через десять минут я понял, что Анна не собирается уходить. Все протискивались мимо меня, толкались, и, чтобы занять себя, я наклонился и поднял ближайшую книгу, взяв ее с вершины стопки, громоздившейся на полу прямо у входа.

Это был толстый тяжелый том в черном переплете, с золотым обрезом. На корешке золотыми буквами было написано название — «Святая Библия», под ним — «Официальный вариант короля Иакова», в самом низу — «Издательство „Микеланджело“». На передней обложке, в самом центре, помещалась грубоватая гравюра, сделанная золотом: ягненок, стоящий в профиль, почти кокетливо оглядывался через плечо, опустив копытце в какую-то лужицу — воду, молоко, кровь, — зажав согнутой передней правой ножкой крест. Теперь я знаю, что этот экземпляр был издан более ста лет назад, в 1965 году. Из надписи на обороте передней обложки я узнал, что родители Брюс и Сьюзен Колберг подарили эту книгу Лайзе Сюзанне Колберг по случаю ее рождения 15 января 1969 года в больнице Сен-Джозеф в городе Сен-Пол, Миннесота. Меня не так-то легко растрогать, но эта надпись, довольно банальная, тронула меня. Новорожденная Лайза Сюзанна Колберг давно уже умерла. Я надеялся, что она прожила хорошую жизнь. Я много лет не покупал книг. Я купил Библию и вынес ее на улицу. (Я провез ее с собой по всей Канаде.

Она до сих пор со мной.)

Выйдя из магазина, я снова открыл Библию. Она была довольно большой, и мне приходилось прижимать ее к груди. В моих руках она раскрылась посередине (Вторая Книга царств, как оказалось), на глянцевой цветной картинке во всю страницу; издание, за которое я заплатил одиннадцать долларов, включало в себя больше ста таких картинок, и все очень красивые. Это была фреска с потолка Сикстинской часовни, изображающая разрушение статуи Ваала. Наверное, я был похож на одного из обиженных богом старых чудаков, которые стоят на тротуаре и призывают конец света.

Анна вышла из магазина, волоча сумку, набитую книгами. Я закрыл Библию. Я был рад ее видеть.

— Что купила? — поинтересовался я.

Я держал перед собой Библию, словно скрижаль с десятью заповедями.

— Смотри.

— Очень впечатляюще, — кивнула она. — С чего это вдруг?

— Мне показалось, надо что-нибудь купить. Это замечательная книга. Потом посмотришь.

— Посмотрю, — сказала она. — Я купила книги для клона. Отличный магазин. Я могла бы все утро из него не выходить. Давай присядем куда-нибудь, и я все покажу.

Через два дома мы увидели зеленую металлическую скамью, свободную и достаточно большую для двоих. Она стояла на бульваре под благоухающим деревом с густой листвой.

— Как здесь хорошо, — восхитилась Анна.

Она положила сумку с книгами между нами на скамейку.

— Чувствуешь запах? — спросила она. — Чудесный город. Если бы я жила неподалеку от тебя, я часто приезжала бы сюда.

— Я бы тоже, — сказал я.

— Давай покажу, — предложила она и стала одну за другой доставать купленные книги, хваля каждую из них.

(Анна тщательно подсчитывала все расходы, произведенные из денег, которые дала ей организация.)

Книги, которые она купила, она собиралась читать клону, а возможно, вместе с ним, хотела использовать их для его обучения. (Она понимала, что, помимо заботы о том, чтобы клон был жив и здоров, его обучение составляло очень важную часть ее задания.) Все книги были старые: те, которые она любила в детстве, которые ей читала мать и которые ее мать сама читала, будучи ребенком. В детстве и юности Анна часто перечитывала их. Потом те же издания, с любовью сбереженные, она уже читала своим сыновьям и дочери, как до нее делали ее мать и бабушка.

Это были «Питер Пэн», «Дети вод», «Оливер Твист», «Большие надежды», «Приключения Алисы в Стране чудес», «Ветер в ивах», «Винни-Пух», «Пиноккио», «Принц и нищий», «Адам Бид», «Истории Длинноногого Дядюшки», «Мышонок и его отец», том сказок Ганса-Христиана Андерсена, первые два выпуска «Детей из товарного вагона», «Тайный сад», «Джеймс и гигантский персик», «Приключения везучего щенка». Я привык видеть эти книги в различных квартирах, которые мы снимали. Большинство из них я не читал. Анна уверила меня, что все это «великие книги». Она сказала, что с их помощью собирается научить клона читать (если его придется этому учить) и помочь ему овладеть языком, если это необходимо. (Анна слишком осторожничала и не упомянула о долгосрочных намерениях ее организации относительно клона: он должен был стать представителем пропаганды анти-клонирования. Она видела, как и я — а в конце концов это увидит и клон, радикальную жестокость подобной эксплуатации. Жестоко было просить его, заставлять высказываться против собственного существования.)

Когда Анна показала мне купленные книги, я спросил, какую пользу они принесут клону, ведь он уже не ребенок. Даже если предположить, что он когда-нибудь сможет понять язык, на котором они написаны. Больше всего ему нужны реальные знания об окружающем мире, а не те, что описаны в этих устарелых фантазиях. Нам и ему, сказал я, необходимы книги, схематично объясняющие окружающий мир и помогающие в нем разобраться. Для овладения языком и навыками чтения существуют специальные пособия с короткими повторяющимися текстами и большим количеством иллюстраций. Чтобы клон узнал названия незнакомых ему предметов и существ, я предложил купить словари с картинками — на каждой странице таких словарей напечатаны изображения предметов с подписями, а также школьный словарь английского языка. Я предположил, что нам понадобятся обычные учебники начальной школы по арифметике, естествознанию и общественным наукам. Полезным оказался бы подробный атлас мира и энциклопедии с цветными иллюстрациями по анатомии и физиологии. Мне казалось, что клону больше пригодятся книги поясняющие, растолковывающие, то есть обучающие. Я не настаивал — я ведь практически ничего не знал о клонах, но оказался прав.

Когда клон присоединился к нам в Оттаве, он знал лишь минимальное количество английских слов, из которых мог составить несколько коротких простых предложений — повествовательных, вопросительных и, реже, повелительных: «Я хочу есть», «Когда можно поесть?», «Покорми меня». (Честно

говоря, я не могу себе представить, чтобы он произнес последнее предложение. Он любил поесть, но всегда терпеливо ждал, когда наступит время приема пищи.) Мы не знали, научили его этим предложениям в Отчужденных землях или же он научился им сам, за короткое время своего побега. В любом случае было ясно, что правительство использовало кое-какие средства, чтобы предотвратить или, по крайней мере, остановить развитие языка среди клонов. Возможно, им постоянно давали седативные средства. Клон не умел читать, и ему никогда не читали. Он не имел никакого понятия о чтении и о книгах. За год, проведенный с нами, он очень быстро научился понимать наш язык. Немного медленнее, но все же достаточно быстро он овладевал лексикой, грамматикой и синтаксисом. (Описывая способности клона, я невольно начинаю хвастаться.) Несмотря на все усилия Анны — я видел, что она опытный и умелый преподаватель, — он все еще читал не лучше пятилетнего ребенка. Он безуспешно пытался научиться писать (как и я) — ни одна наша просьба не злила его так, как эта, — и Анна была счастлива, когда он сумел написать свое имя.

В одиннадцать часов мы вошли в магазин канцтоваров «Кентавр». Первому встретившемуся сотруднику Анна представила нас в качестве Бада и Джейн Грей. Похоже, он все понял и незамедлительно повел нас в конец магазина, где другой человек, стоявший в закутке за занавеской, сделал мою фотографию. Когда Анна предложила заплатить, они по-английски заверили ее, что им уже заплатили. Я уже чувствовал усталость. Мы приехали на такси обратно в «Бонсекур» и быстро перекусили в кафетерии напротив отеля. После обеда я поднялся в номер, чтобы вздремнуть. Анна пошла со мной, приняла душ, немного отдохнула и отправилась осматривать город.

Я еще спал, когда около пяти часов Анна вернулась в номер. Я опустил шторы, и в комнате было душно и темно. Я не хотел просыпаться, но Анна резко подняла штору и открыла окно, впуская воздух и уличный шум.

Я не обрадовался такой побудке.

— Что происходит? Что ты делаешь?

— Я вернулась, — сказала она.

— Я так и понял.

— Потому что хочу поговорить.

— Я сплю.

— Мне надо поговорить с тобой, Рэй, пожалуйста. У меня есть только ты.

— Хорошо. Отпустишь меня в туалет? Я быстро.

— Давай, — сказала она и села на свою кровать, чтобы

подождать меня.

Сделав свои дела в туалете, я вернулся, уселся на край своей кровати и посмотрел на нее.

— Кое-какие дела уже даются мне с большим трудом, — усмехнулся я.

— Понимаю.

— Ладно. Говори.

— Не надо так, — попросила она.

— Извини. Я имел в виду, давай поговорим. О чем ты хотела мне сказать?

Она встала и подошла к мягкому креслу, где оставила сумку, прежде чем уйти гулять. Вынула оттуда несколько книг.

— Это замечательные книги, Рэй. Их читала мне мама. — Анна назвала книги, которые держала в руке. — А маме их читала ее мама. И я читала их своим детям.

— Да, ты говорила.

— Я помню. Просто послушай. Я не хочу читать их клону. Он — не тот, кому мне хотелось бы их читать. Я хочу читать их своим внукам. Я ждала того времени, когда смогу читать эти книги внукам. Мечтала об этом. Ты даже не представляешь, как я об этом мечтала.

— Не представляю, — кивнул я. — Ты права.

— Я не хотела тебя обидеть. Рэй. Хорошо? Ведь речь может идти не о тебе?

— Может.

— Я скучаю по детям, — сказала она. — Скучаю по их детям. Милые малыши. Я хочу к ним. Хочу читать им эти книги.

— Не сомневаюсь, — сказал я, изо всех сил стараясь изобразить сочувствие.

— Увижу ли я их снова?

— Не знаю, — ответил я. — В смысле, откуда мне знать? Я ничего не знаю. Кроме того, что ты рассказывала. Ты мне скажи. Ты увидишь их снова?

— Не знаю, — проговорила Анна. Она помолчала, потом сунула книги обратно в сумку. — Может быть, да.

— Мне очень жаль, — сказал я.

Мне действительно было жаль.

Она снова села на кровать.

— Что я здесь делаю? — спросила она. — Что я делаю?

— Не знаю, Анна, — сказал я. — Если ты этого не знаешь, то я и подавно. Давай вернемся домой?

Какое-то время она раздумывала над моим предложением. Потом ответила:

— Нет. Нам нельзя ехать домой.

— Нельзя? Или мы не поедем?

— И то, и другое, — ответила она. — Пожалей меня, Рэй. Мне грустно. Я разрушена.

— Что я могу сделать? — спросил я. — Я не знаю, что делать.

— Просто помолчи минутку. Дай мне посидеть молча.

Я был рад сделать это.

После паузы она сказала:

— Мы не можем вернуться домой.

— Я тебе верю, — сказал я, хотя поверил не до конца.

Может она или нет, но я полагал, что я могу вернуться домой, и если точка невозврата существует, я ее пока не перешел.

В тот вечер за ужином Анна сказала мне:

— Меня выследят скорее, чем тебя. Меня знают. Знают, что я против их программы, знают, что я вхожу в организацию диссидентов, что живу на границе Отчужденных земель. Они обнаружат мою связь с клоном, прежде чем допустят саму возможность того, что ты можешь быть вместе со мной. От того, когда меня найдут, зависит твоя возможность спастись и продолжить наше дело.

— С клоном, в одиночку?

— Если все обернется именно так, — ответила она. — Да.

— Не думаю, Анна, что я на это способен. Не думаю, что я сделаю.

— Придется. У тебя не будет выбора.

— Я могу его отпустить.

— Ты не можешь этого сделать, Рэй.

Когда я говорил это, я еще не видел клона.

— Послушай, — сказал я. — Я могу сделать вот что: пригласить тебя на ужин. Не возражаешь?

Она улыбнулась.

— Это замечательно, Рэй. Давай пойдем в какое-нибудь красивое место?

С дешевой и легкой галантностью, уже думая о том, как после ужина вернусь в номер и усну, я сказал:

— Куда захочешь. Но если это далеко, то не пешком.

— Давай наденем что-нибудь нарядное? — попросила она.

— Посмотрю, что у меня есть.

Гуляя после обеда, Анна присмотрела ресторан в старой части Монреаля. Ей показалось, что он очень неплохой.

— Значит, пойдем туда, — решил я.

— Я видела меню, выставленное в окне. Там жутко дорого.

— Ничего, — сказал я.

Был субботний вечер, но мы явились достаточно рано, чтобы получить столик без предварительного заказа. Место было

эффектное — двухсотпятидесятилетняя бывшая конюшня, которую с помощью денег, вкуса и внимания к деталям превратили в элегантный и очень дорогой ресторан: открытые балки темного дерева, накрахмаленные белые скатерти, прекрасный фарфор, серебро и хрусталь. Свечи. Вышколенные официанты. Ресторан был большим, но столы тщательно расставлены в соответствии с акустикой, поэтому, хотя большинство мест были заняты, в зале ресторана было уютно и спокойно. Анна надела льняной сарафан в вертикальную бело-зеленую полоску, в котором она казалась выше ростом. (Этот сарафан вызвал во мне особые воспоминания. Когда-то я купил очень похожий для Сары.) Анна сделала макияж — помада, карандаш для глаз и прочее. Если она и красилась раньше, я этого не замечал. Я был в рубашке-шотландке с короткими рукавами и брюках цветах хаки. Я всегда одеваюсь так, как одевался мой отец. Я привез с собой в Канаду две спортивные куртки, обе шерстяные, одну — в шотландскую клетку, другую — в морском стиле. Теперь куртка была перекинута у меня через руку.

Когда мы уселись, я сказал:

— У тебя прекрасный французский.

— Я изучала его в школе, — сказала она. — Делаю много ошибок.

— Похоже, они тебя понимают.

— Да, потому что они все говорят по-английски.

Во время ужина в основном говорила Анна. Может быть, думал я, она так много говорит (и сейчас, и вообще), чтобы не думать о своем горе и отчаянии? В тот вечер она была даже разговорчивее, чем обычно.

— Восхитительное место, — сказал она. — Я никогда не бывала в таких великолепных ресторанах. А ты?

— Может, раз или два.

— С Сарой?

— Да, должно быть, с Сарой.

— Здесь чудесно, — проговорила она. — Чувствую себя гламурной и богатой. Спасибо, что пригласил меня.

Она снова заговорила о муже и о поездках, которые они совершали вдвоем. Было видно, что она не хочет говорить о детях. Я понимал, что она пыталась избежать боли, которую могли вызвать подобные разговоры. В какой-то момент Анна стала серьезной и мрачной. Она взглянула на меня через стол.

— В машине, вчера, — сказала она, — ты не ответил, когда я призналась, что именно сделала для клона.

Я об этом не думал.

— Я не знал, как ответить, — проговорил я. — Когда читал твои записи, я предполагал, что это может быть.

— Я совершила ошибку, — сказала она. — Я знаю.

— Ты ведь слышала о медсестрах, которые делают подобное пациентам, инвалидам, умирающим. Ангелы милосердия.

— Это совсем другое. Я не должна была этого делать. Не знаю, зачем сделала. Бедный мальчик даже не понял, что с ним произошло.

— Ты доставила ему немного удовольствия, — сказал я. — Немного расслабила его.

— Я не знаю, что я сделала, — повторила она. — Надеюсь, ты не будешь судить меня слишком строго.

— Я тебя вовсе не сужу.

— Что это значит? — спросила она.

— Это значит, я рад быть вместе с тобой.

— Ведь я виновата в том, что ты здесь.

— Верно. Но, раз уж я здесь, я рад, что ты вместе со мной.

— Это нелепо, — сказала она.

— Я серьезно.

— Как бы то ни было, — улыбнулась она с явным облегчением, — даже не мечтай.

— Ты уже второй раз говоришь мне об этом.

— Я кое о чем вспомнила, — проговорила она. — Хочу тебе сказать одну вещь. Когда я узнала, что вы с Сарой поженились…

— Как ты узнала?

— Сара сказала. Она мне писала.

— Я не знал, — сказал я. — Хорошо. Хорошо, что она это сделала.

— Так вот, — продолжала она. — Узнав об этом, я расстроилась. Хотя ты мне нравился, Рэй, и ты знаешь это, я чувствовала, что Сара могла найти кого-нибудь получше.

— Могла, — согласился я. — Без сомнений. Я согласен.

— Я говорю это не для того, чтобы оскорбить тебя, — сказала она. — Я просто удивляюсь, как могла чувствовать по отношению к тебе такое и в то же время мечтать о тебе. Я ужасно хотела тебя, даже не могу описать, как. Но я была рада за вас обоих, ребята. К тому времени я вышла замуж. Даже если бы не вышла, все равно была бы за вас рада. Вам следовало меня пригласить. Хотя вряд ли я бы приехала… Не знаю. А может, все же приехала бы.

Той ночью сон ускользал от меня, как и накануне, хотя я наелся, устал и хотел спать. Потому что со мной в комнате была Анна, лежала в кровати рядом, спала. Кажется, я не сомкнул глаз до четырех утра. Было воскресенье. Мы провели ленивое утро. Не вставали допоздна, так что я получил шанс выспаться, не

завтракали и не выходили на улицу до самого обеда, когда отправились в крошечное кафе с названием «Титаник». Я помню это название, потому оно показалось мне чрезвычайно остроумным и столь же безнадежным. Потом Анне захотелось осмотреть кое-какие достопримечательности. Я согласился сопровождать ее в одно место. На листе бумаги с логотипом отеля она выписала из путеводителя, купленного в Айове, список того, что хотела увидеть в Монреале. Она предложила базилику Нотр-Дам. Я был там с Сарой, но ничего не запомнил. Церковь была, как все подобные строения, большой, роскошной, безвкусной, холодной. Саре всегда было тревожно в храмах, независимо от их размера, и мы вряд ли оставались там долго. Около часу дня, когда мы с Анной вошли в базилику, там было мало посетителей. Нам пришлось заплатить за вход. Мы бесцельно побродили внутри. Было трудно понять, что именно нужно осматривать. Мы направились обратно к притвору. Я думал, что мы собираемся уходить, но Анна попросила:

— Подожди минутку.

— Зачем?

— Просто дай мне минуту, — повторила она, и я увидел, как она быстро пошла по центральному проходу через неф к алтарю.

Анна скользнула на скамью, стоявшую почти перед алтарем. Она сидела несколько минут (я видел только ее затылок), потом снова пошла по проходу, склонив голову. Ее поза и походка безошибочно выдавали ее. Глядя на нее, мне пришло в голову (думаю, это новость только для меня), что слово «молитвенник» может обозначать и книгу, по которой молятся, и того, кто молится.

— Ты молилась, — сказал я.

— Да. Ты против?

— Нет. Ты помолилась за меня?

— Да, — ответила она. — Я всегда это делаю.

Мы вернулись в «Бонсекур» во второй половине дня. На стойке портье для Джейн Грей был оставлен большой плотный конверт. Внутри лежали водительские права и паспорт на имя Оливера Грея, а также начерченная от руки схема улиц и записка с инструкциями. Мы должны были уехать из Монреаля на следующий день в полдень. Поехать на машине на запад, в Оттаву, не делая остановок, и точно в три часа явиться по данному адресу. В записке указывалось, что вести машину должна Анна, и я решил, что мы не будем соблюдать это условие, умышленно оскорблявшее нас.

Воскресным вечером, нашим последним вечером в Монреале,

после раннего ужина, за которым ни один из нас не сказал ни слова о предстоящем дне, мы вернулись в отель и принялись укладывать вещи. Анна сказала, что сейчас самое подходящее время рассказать мне, как живут клоны в Отчужденных землях. Как жил мой клон. Я ответил, что хочу спать. Она сказала, что я и так проспал почти весь день. На этом идиллия завершилась и началась лекция.

— С самого начала правительственной программы, — рассказывала Анна, — мы пытались рассуждать так, как, по нашему мнению, рассуждало правительство. По-моему, я тебе об этом говорила. Все свидетельства указывают на то, что их мышление является прагматическим, корыстным и продажным, но кто может быть уверен в том, как именно думает правительство? Все, что я тебе сообщу, это наиболее вероятные догадки, выводы, предположения. Мы верим, что очень близки к правде.

Хотя я проспал почти весь день, я устал. Болели ноги. Зудела кожа головы. Меня беспокоило сердце. Я хотел лечь в постель, выключить свет, остаться один в комнате. Мне хотелось подумать обо всем этом, но без голоса Анны, сверлящего мой череп. Зачем мне нужно все это знать? Я встречусь с клоном. Увижу то, что увижу. Сделаю для него, что могу. Анна будет рядом. Если я найду причину, то напишу отчет.

— Внутри Отчужденных земель, — говорила она, — в пределах этой самой плотно заселенной области в мире, все разработано и спроектировано так, чтобы держать клонов физически здоровыми и эмоционально спокойными, управляемыми и послушными, не знающими инстинкта и способов воспроизведения, забывшими о самосохранении или агрессии. Жизнь их строго регламентирована, они подолгу занимаются чем-то вроде строевой подготовки, а также общественно-полезной работой, но у них нет игр и спортивных состязаний — никакой деятельности, которая могла бы пробуждать дух сотрудничества или взаимодействия, дух коллективизма. Они получают сбалансированное, низкокалорийное и дешевое питание. Они едят овощи и фрукты, выращенные на Отчужденных землях самими клонами. Очень мало мяса. Это домашняя птица и свинина, а свиньи и птицы тоже выращены на Отчужденных землях. Рыбу разводят там же. Никаких сладостей. Никакого кофе или чая; ничего возбуждающего. Много воды. Цельнозерновой хлеб. На ужин — стакан виноградного сока. Они питаются так, как могли бы питаться мы, если бы по-настоящему заботились о своем здоровье и долгой жизни. Таким образом, в среднем здоровье клонов

значительно лучше здоровья оригиналов. Ясно, — говорила Анна, — что правительство гораздо больше заботится о здоровье клонов, чем о здоровье своих граждан. На протяжении всей жизни взрослым мужским клонам ежедневно проводят один и тот же массовый курс психотропных препаратов, чтобы держать их в подчинении, уберечь от секса (однополого), внушить спокойствие и довольство. Я уверена, что моя организация проанализирует образцы крови, взятые у твоего клона, и узнает природу и составляющие этих препаратов. В любом случае, — сказала Анна, — я была свидетелем ужасающих эмоциональных и физических проявлений ломки после этих препаратов. При рождении каждому клону с внутренней стороны левого предплечья делают татуировку: регистрационный номер, по-видимому, сканируемый. Это не точно, по крайней мере, мы не пытались сканировать его никакими приборами. Номер простой, он четко идентифицирует клона с его оригиналом.

Откуда-то я уже об этом знал, о чем ей и сообщил.

— Клонам не дают имен, — сказала она, — только эти идентификационные коды. Они живут в огромных ангароподобных зданиях, бараках, в каждом по десять тысяч клонов.

— Вы не можете знать эту цифру наверняка, — предположил я.

— Это наиболее правдоподобно, — ответила она. — Взрослые клоны-мужчины и взрослые клоны-женщины никогда не видят друг друга, мужские и женские бараки расположены в сотнях миль друг от друга. Клоны помещены на склад, инвентаризированы, сгруппированы по возрасту, но не по дате рождения — в этом они могут отличаться от соседей по бараку — а по дате рождения оригиналов. Прежде чем выбраться оттуда, каким бы то ни было способом, твой клон жил с другими клонами-мужчинами, чьи оригиналы родились двадцать третьего ноября две тысячи четвертого года.

— Ты помнишь день моего рождения?

— Если требуется какая-то часть тела, клона легко найти.

— Но не моего, — заметил я.

— Когда клоны-мужчины заканчивают свои дневные занятия и работу, какой бы она ни была, им дают седативные препараты. Они работают, упражняются, едят или же спят.

— Как твоя организация считает, — спросил я без тени шутливости, — клоны видят сны?

— Могу сказать, что да, — ответила Анна. — По крайней мере, когда они вне действия препаратов.

— То, что у клонов нет имен, что их так много в каждой из

«резиденций», что у них нет никакого свободного времени — слов не хватит, чтобы описать этот мир — конечно же, мешает, — продолжала Анна, — или полностью предотвращает любое социальное взаимодействие. В возрасте двенадцати-тринадцати лет мужские клоны привлекаются к работе. Кто-то занимается сельским хозяйством на фермах Отчужденных земель. Кто-то убирает и обслуживает здания и прилегающую территорию. Кто-то ремонтирует дороги и инфраструктуру. Кто-то обслуживает транспортные средства и оборудование. Кто-то готовит еду. А кто-то принимает участие непосредственно в процессе клонирования, причем так, чтобы с ними контактировало как можно меньше оригиналов. Женщинам-клонам требуется минимальное количество препаратов, чтобы они оставались спокойными, и на ночь их не усыпляют. У них только одно занятие: вынашивать и рожать клонов-младенцев, а также ухаживать за ними и заботиться о них все их младенчество и детство. Этот процесс налажен таким образом, чтобы ни в коем случае не возникла опасная связь между матерью и ребенком. Каждая женщина ежедневно ухаживает за новым ребенком. Клона-младенца в любое время дня и ночи могут поручить одной из десяти тысяч «матерей», проживающих в отдельном «воспитательском» комплексе. Поскольку у клонов нет имен, очередная временная мать называет его «мальчиком» или «девочкой» (или же по-другому — возможно, на языке клонов есть какое-то свое название), а ребенок, когда подрастает, называет ухаживающую за ним женщину «няней». Нам хочется верить, — сказала Анна, — что даже в столь суровых и изнуряющих обстоятельствах материнский инстинкт нельзя сдержать, и даже в такой ситуации не надо списывать со счетов определенную долю материнской любви, нежности и доброты. Дети-клоны не имеют отцов. Очень важно, чтобы ты это запомнил, Рэй. Клоны-мальчики не общаются с клонами-мужчинами, пока не покинут мир клонов-женщин. Девочка-клон никогда в жизни не видит клона-мужчину. Очень развиты искусственные средства стимулирования и поддержки лактации, а также отсрочки менопаузы. Когда женщина-клон больше не способна рожать, она начинает заботиться о детях-клонах, которым от трех до тринадцати лет. После тринадцати клоны уже не считаются детьми. Мужских клонов переводят в бараки для взрослых мужчин, они начинают заниматься взрослой мужской работой. С двенадцати-тринадцати лет все женские клоны занимаются исключительно рождением детей, и это длится около сорока лет. Женщина-клон становится инкубатором, фабрикой по производству младенцев. Если она не рожает, то ухаживает за детьми (но не за «собственными».) Она

почти постоянно беременна, и между беременностями проходит ровно столько времени, чтобы этот процесс не угрожал ее жизни.

Я понимал, и Анна всячески старалась показать мне, что она высказывает лишь предположения своей организации о жизни на Отчужденных землях, хотя они вполне резонны и правдоподобны. Например, концепция жизни женских клонов на данном этапе истории клонирования, скорее всего, исключительно умозрительна, потому что первое поколение клонов, среди которых был и мой клон, уже выросло. Но когда она так говорила — подробно, авторитетно, используя настоящее время — трудно было не принять гипотезу за факт.

Я подумал — интересно, она и ее организация тоже заразились своими убеждениями, приняв их на веру?

— Если женщина-клон беременна, а ее оригиналу нужен орган, извлечение которого подвергнет опасности ее жизнь и жизнь эмбриона, оригиналу дают совместимый орган со склада запасных органов. Их замораживают и помещают туда именно с такой целью. При этом оригинал уверен, что орган взят от его клона. За исключением самых экстраординарных случаев, младенцев принимают клоны-акушерки (они учатся этому ремеслу, наблюдая за действиями других клонов-акушерок). Обезболивающие дают щедро; понятия «естественных родов» без лекарств не существует. Кесаревы сечения редки. Для неотложных случаев и тяжелых заболеваний правительство открыло на территории Отчужденных земель двести пятьдесят больниц. Мы считаем, что каждая больница обслуживает миллион клонов. Они укомплектованы врачами, медсестрами и вспомогательным персоналом из американской армии, которые поклялись держать все в строжайшей секретности.

— Анна! Я никогда об этом не задумывался, но даже я вижу несоответствия.

— Да, много несоответствий, — согласилась она. — Это лишь предположения.

— Хорошо, но если посадить слишком много цыплят в один курятник, они станут агрессивными. Кроме того, следуя вашим предположениям, помимо медиков, на Отчужденных землях необходимо присутствие очень многих других людей, чтобы контролировать все и следить за безопасностью. Эти люди должны знать, что там происходит, видеть клонов, заниматься ими. Как правительство может быть уверено в том, что никто из них не проговорится?

— Мы не знаем, каким способом это достигается, — сказала Анна, — но поскольку процесс продолжается уже больше двадцати лет без намека на разглашение, способ должен быть

чрезвычайно надежным. Кроме того, мы предполагаем, что клонов контролируют и другими средствами. Что их самих используют как охранников и полицейских.

— Достаточно одного невнимательного.

— До сих пор этого не происходило, — сказала она. — К сожалению.

— Ну, кто-то все же напортачил.

— Что ты имеешь в виду?

— Клон сбежал, — пояснил я.

— Да. Сбежал. Подождешь секунду? — попросила Анна. — Мне нужен глоток воды.

Она встала с кровати и пошла в ванную. Я тоже встал и потянулся. Подошел к окну и выглянул наружу. Вид был унылый: на противоположной стороне темного переулка тянулись заброшенные гаражи.

— Я почти закончила, — сказала она, снова входя в комнату.

Я сел на кровать.

— Не торопись. Мне интересно.

— Твоего клона тщательно исследовали, — продолжала Анна, — но не нашли следящих устройств. На случай, если тебя это беспокоит.

— Не беспокоит, — ответил я. — Во всяком случае, не это.

— В общем, если клон использован и после хирургической операции остается жизнеспособным, то есть может продолжать отдавать органы, он не возвращается в свой барак. Это действительно так, и неважно, оставила перенесенная операция явные следы или же внешне оказалась практически незаметной, как при заборе почки или легкого, когда виден только шрам после разреза. Во всех случаях клона переводят в один из множества специальных бараков, в своего рода резервацию для тех, кто перенес хирургическое вмешательство. Если неизувеченный клон увидит того, кто перенес операцию, он поймет, что ожидает его в будущем. По понятным причинам, — продолжала Анна, — неиспользованный клон не должен знать, для чего он предназначен. Когда оригинал умирает, его или ее копию вскоре убивают, независимо от возраста. Все органы, которые можно использовать, изымают и помещают на хранение. Что происходит с телом такого клона? Или что происходит с телом клона, который не может пережить повторное хирургическое вмешательство? Или с телом клона, который умирает от «естественных» причин? Его хоронят? Сжигают? Наша организация полагает, что тела превращают в компост и подвергают ускоренной ферментации, чтобы эффективно производить метан. Метан преобразуют в метанол, правительство

экспортирует его за пределы Отчужденных земель и получает на этом огромную прибыль.

— Безотходное производство, — проговорил я.

— Ты можешь этого не знать, Рэй, но тем, кто не мог позволить себе рожать в больнице или заплатить крупную сумму за клонирование, с момента начала программы было «разрешено отказаться». Несмотря на тесную связь между бедностью и потребностью в медицине, понятно, что бедные не имеют средств на операцию по замене органов и, следовательно, не могут воспользоваться клоном. А это четверть населения. Будучи человеческими существами, клоны имеют инстинктивную и врожденную способность говорить. В любом человеческом обществе развитие языка практически невозможно остановить. Клонам требуется хотя бы простейший язык для работы и для коммуникации, слова, имеющие отношение к упражнениям, еде и сну. Проблема правительства состоит в том, что, если клоны научатся большему, их язык неизбежно станет развиваться. Развивается ли диалект клонов, несмотря на усилия правительства это предотвратить? Есть ли у них слова, обозначающие чувства? Желания? Раньше мы предполагали, что правительство может отрезать клонам языки. Теперь мы имеем свидетельство, что этого не делается, и нам интересно, почему. Я не слышала, чтобы твой клон разговаривал. Я слышала, как он стонал, ворчал и выл. Звуки не совсем животные, но и не совсем человеческие. Я слышала, как он кричит. Но ни разу не слышала ничего, хотя бы отдаленно похожего на слова. Разговаривают ли клоны друг с другом, или им запрещена устная коммуникация помимо того, что необходимо для работы? Намного проще запретить доступ к информации и знаниям, чем остановить распространение языка и речи. А с языком неизбежно приходят мысли и, возможно, понимание. Именно в этом, — рассказывала Анна, — надежда и кошмар клонов. Они не получают образования. Их учат только делать работу, на которую они назначены. Один раз в месяц всех, мужчин и женщин, взрослых и детей, стригут. Мужчина-клон бреется раз в неделю. Клоны чистят зубы и пользуются зубными нитями два раза в день, а вода, которую они пьют, насыщена фтором. Менструальные кровотечения — существенная проблема для правительства: в любом бараке из десяти тысяч женщин-клонов, достигших половой зрелости, у большинства месячные наступают в один и тот же день. Любят ли клоны? Знают ли они любовь? Есть ли у них слово, обозначающее любовь, или ощущение этого понятия? Этого мы не можем даже предполагать. Вот в чем загвоздка. Правительственная программа клонирования развивается. Я тебе

рассказала о том, что, по нашему мнению, будет происходить на Отчужденных землях, если программу разрешат продолжать, а судя по всему, так оно и будет. Не надо быть математиком, чтобы понять: многие возможности пока не осуществятся. «Обязательная» программа для всех новорожденных началась в две тысячи сорок девятом году, тогда ты подписал договор на клонирование. Твоя копия, Рэй, одна из старейших, плюс-минус год, среди уже существующих. За исключением нескольких клонов, созданных до учреждения правительственной программы, нет ни одного старше двадцати двух лет. Первое поколение было произведено без участия человеческих матерей. Не существует женских копий, достаточно взрослых, чтобы носить в себе клонированные зародыши. Пока не появилось достаточное количество женских клонов детородного возраста, найден другой метод инкубации. Поколение клонов, к которому принадлежит и твой клон, зачато в искусственной матке. Более «естественный» и менее дорогой процесс беременности будет возможен меньше чем через десять лет. Пока еще нет взрослых женских клонов, способных заботиться о новорожденных клонах и о клонах-малышах. Мы не знаем, кто растил твоего клона, заботились ли о нем вообще. Он во всех смыслах слова родился без родителей, как и его сверстники. Сироты. Адамы и Евы. Возможно, до приезда ко мне твой клон ни разу не видел женщину. Во всяком случае, его жизнь в Отчужденных землях была бы гораздо хуже, чем если бы он родился там сейчас.

Глава девятая

Анна и я провели вместе с клоном больше года, но нам не удалось узнать о его жизни на Отчужденных землях, чтобы понять, насколько организация Анны близка к истине в своих предположениях. Клон приобрел необходимые языковые навыки для того, чтобы рассказать о своем опыте, но не желал — а может, пока не мог — этого делать. Кто стал бы его винить? Судя по его поведению вначале, а также по нескольким обмолвкам в доверительные минуты (позже, когда он привык к нам и не боялся с нами общаться, особенно с Анной), я могу сказать, что как минимум две догадки товарищей Анны неверны, хотя они пытались рассуждать так, как, на их взгляд, рассуждает правительство.

Вот одна из этих догадок. Организация Анны воображала, что существуют специальные обособленные места жительства для клонов, которые оставались жизнеспособными после того, как у них забирали органы. Чтобы клоны до самого конца оставались спокойными, послушными и управляемыми, правительство якобы не может рисковать и оставлять их жить с теми, кто вернулся после хирургических операций. Судя по тому, что сумели понять мы с Анной, на Отчужденных землях подобных резерваций нет. Искалеченных, использованных клонов отсылали назад, к их пока еще целым собратьям, а те при виде изуродованных клонов с различными травмами лишь думали: «Это время от времени случается с нами». Не зная другой системы, другого мира, им в голову не приходило задуматься о том, почему это с ними случилось или что это значит. Они просто не могли себе представить истинной и единственной причины своего существования. Эта ужасная, безжалостная практика была, конечно, рассчитана не на возмущение клонов, не на протест, мятеж или даже восстание, а на деморализацию. Их ввергали в апатию и отчаяние. А в этом состоянии — о чем, разумеется, знало правительство — клоны, прооперированные или нет, становились еще покорнее.

Второй случай: организация Анны считала, что клонам, по крайней мере взрослым мужчинам, проводят курс психотропных препаратов для того, чтобы подавить их сексуальные потребности, в данной ситуации гомосексуальные. Оказалось (мы поняли это по поведению клона, а также из его обмолвок), дело обстоит совсем не так. То ли правительство не видело в сексуальных потребностях клонов никакой угрозы себе, то ли находило какие-то практические преимущества в политике

невмешательства, сексуальной активности мужских клонов было позволено развиваться естественным путем. После нескольких месяцев наблюдения за клоном и разговоров с ним мы с Анной убедились, что среди мужских клонов царил необузданный гомосексуализм, порой довольно жестокий. Мы были уверены, что с ранней юности (скажем, лет с тринадцати) моего клона периодически вовлекали в содомию, а также заставляли заниматься оральным сексом со взрослыми, более сильными клонами. Потом, став старше и сильнее, он сам насиловал и принуждал к оральному сексу клонов моложе и слабее себя.

Мы выехали из отеля «Бонсекур» в полдень — мы были до отвращения послушны — и двинулись на запад, в Оттаву. Был понедельник, 24 августа, день, когда я должен был встретиться со своим клоном. Может показаться странным, что я упорно продолжаю так его называть, хотя это означает ответственность, соучастие. Мы пытались использовать имя, которое организация Анны выбрала для его водительских прав. Насколько мы поняли, пока он не оказался в нашем мире, у него не было имени. Возможно, он не знал никого, у кого было бы имя, вообще не знал имен собственных и не знал, что это такое — имя собственное. В этом отношении он был младенец. Хотя уже знал названия определенных предметов. (Такая же разница есть в использовании человеческих имен. Разница между словом «стул», «стул Морриса» и, скажем, «Бад». Разница — я не философ — между «что это» и «кто это».) Вначале мы употребляли его новое имя — Алан Грей — при каждой возможности, чтобы он мог назвать себя в том случае, если потеряется и его найдут. По-моему, так делают родители со своими малышами. Мы указывали на себя и произносили свои имена. Я указывал на Анну и говорил «Анна». Она указывала на меня и говорила: «Рэй». Я указывал на себя, и так далее. Клон быстро выучил наши имена. (Должно быть, у клонов есть врожденная латентная генетическая способность к присвоению имен.) В его присутствии мы называли себя не Анна и Рэй, и не Оливер и Джейн, а произносили наши настоящие имена. (Один раз, только один, Анна предложила: поскольку мы делаем вид, что мы семья, и чтобы дать клону, как она сказала, «более уверенное чувство принадлежности», мы могли бы называть друг друга «мать» и «отец». Я отказался от ее идеи.) Мы указывали на него и говорили: «Алан». Я уверен, он понимал, что мы ему предлагаем, но нам ни разу не удалось убедить его показать на себя и произнесли имя «Алан». Нам тоже было сложно звать его Аланом или Элом, никак не удавалось придумать более подходящее и естественное имя. Однажды Анна

попыталась вспомнить имя Сонни. Несколько раз я случайно называл его «Малыш». И то, и другое совершенно ему не подходило, «Малыш» было настолько неуместно, что это было даже забавно. Поэтому все осталось по-прежнему. Когда клону приходилось сталкиваться с другими людьми (таких было несколько человек), мы продолжали называть его Аланом Греем.

Мне кажется, он не считал или не мог настолько осознать свою личность, чтобы носить имя. Он не возражал, когда мы называли его Алан или Сонни, не возражал даже против Малыша; казалось, его вовсе не заботит, как мы его зовем. Сам он никак не реагировал, когда мы предлагали ему самому выбрать себе имя.

В чем же заключалась моя проблема? Может, в том, что я не мог думать о нем как о полноценной личности, полноценном человеке, независимо от желания относиться к нему по-другому? Без сомнения, это печально, но когда кто-то впервые сталкивается с таким явлением, его можно понять. Итак, у клона не было имени.

В дальнейшем я буду называть его Аланом.

Я захотел вести машину. День был пасмурным. К полудню стало жарко, воздух был влажным. Зеленая машина — мы чертовски прогадали при обмене — казалась консервной банкой, в ней еле-еле работал кондиционер. Мне не хватало прочного и удобного грузовика Анны. Нам велели нигде не останавливаться по пути, но после часа монотонной езды по шоссе, в духоте, я стал клевать носом, глаза закрывались. Я свернул на обочину, и мы с Анной поменялись местами. В дороге мы почти не разговаривали, и я был рад тишине. «Хвоста» за собой мы не заметили.

Мы приехали в Оттаву меньше чем за два часа. Нам потребовалось время, чтобы найти Фриэл-стрит и дом, где нам предстояло жить следующие три месяца, но все равно мы просидели в машине перед домом еще как минимум полчаса до указанного срока. Я предлагал войти в дом, невзирая на чертово время, хотя мы оба знали, что это лишь бравада. Чтобы помочь мне не уронить достоинство — ей это отлично удавалось, благослови ее Бог! — Анна предложила проехаться по соседним улицам и посмотреть, где тут что находится.

Мы вернулись на Фриэл-стрит в три часа. Минута в минуту. Высокий — мы так и не узнали его имя — ждал нас перед домом на тротуаре.

Он помог нам вытащить из машины сумки.

— Отныне, — сказал он Анне (та же тонкая тактика исключения меня из беседы), — при любой возможности оставляйте машину за углом или на квартал дальше, хорошо?

Здание стояло в ряду таких же трех-четырехэтажных домов из красновато-коричневого камня, построенных в двадцатых или тридцатых годах прошлого века. Как и у соседских домов, ко входу вела бетонная лестница из восьми или девяти ступенек. В доме не было лифта, даже грузового. К счастью для меня, наша квартира оказалась на втором этаже. Она располагалась в глубине дома и окнами выходила в неожиданно просторный внутренний двор, общий с соседними зданиями. В одной его части, отгородив ее кирпичной стеной, квартиросъемщики разбили небольшой общий огородик с дюжиной маленьких прямоугольных грядок. На этом участке Фриэл-стрит стояли только жилые дома, она была тихой и хорошо сохранившейся, усаженной большими тенистыми деревьями. Мне это место сразу понравилось. Анне тоже.

— Здесь хорошо, — проговорила она.

— Не сомневаюсь, — кивнул Высокий. — Вам здесь должно быть удобно.

— Сколько времени нам здесь оставаться? — поинтересовался я.

— Не могу сказать.

— Потому что не можете, — уточнил я, — или потому что не хотите?

— И то, и другое, — сказал Высокий. — Давайте возьмем сумки и поднимемся в дом.

Я поднял по лестнице свою сумку. Высокий взял сумку Анны. В вестибюле — небольшом пространстве, где висели почтовые ящики, — на каждом из четырех этажей находилось по три квартиры. Высокий опустил сумку Анны на пол. Он встал спиной ко входной двери, загородив ее.

— Прежде чем мы поднимемся, — обратился он к Анне, — я должен вам кое-что сообщить. Боюсь, вы найдете клона не таким, каким он был у вас.

— В каком смысле? — уточнила Анна.

— Да во всех, — ответил Высокий. — Я вот что хочу сказать. С ним постоянные проблемы. Просто маленький говнюк.

— Мы справимся, — пообещала Анна.

— Я в этом не уверен, — сказал он. — Понимаете, он очень силен. Когда он злится, а он злится большую часть времени, с ним почти невозможно справиться. Не знаю, будете ли вы даже вдвоем достаточно сильны для этого. Как я уже сказал, я сомневаюсь.

— Мы найдем способ, — сказала Анна. — Я не беспокоюсь об этом.

— А надо бы. Он — не ребенок, — ответил Высокий.

— Знаю, — кивнула Анна.

— К тому же, — повернулся он ко мне, — никто не знает, как он отреагирует на вас. Похоже, он не любит мужчин.

(Мы с Анной говорили об этом. Мы согласились, что одной из причин его антипатии к мужчинам — не сбрасывая со счетов того, что с ним делали в Отчужденных землях, — было то, что мужчины из организации Анны обращались с ним неоправданно грубо. Это вполне логично: тот, кто ненавидит клонирование, ненавидит и клонов. Да, клона было нелегко полюбить. Меня самого полюбить довольно трудно.)

— Вы ему не нравитесь? — спросил я.

— Совсем, — ответил он. — И я не единственный, кого он не любит.

— И что, по-вашему, нам делать? — осведомился я. — Нанять телохранителя?

— Соблюдать осторожность. Не раздражать его. Не выпускать из квартиры. — Высокий кивнул в сторону Анны. — Пусть им занимается она, это мой совет. Вы держитесь как можно незаметнее. Старайтесь не оказываться у него на пути. Хотя бы первое время.

— Он сейчас там? — спросил я. — В квартире?

— Да.

— С ним кто-нибудь есть?

— А вы как думаете?

— Давайте поднимемся, — предложила Анна.

Чтобы попасть в нашу квартиру под номером 2-Р, надо было подняться по широкой, покрытой ковром лестнице на небольшую лестничную площадку, а потом пройти по холлу направо до конца. Высокий постучал в дверь. Три коротких стука костяшками пальцев с разницей в несколько секунд. Изнутри мужской голос спросил:

— Кто там?

— Вам не мешало бы научить нас условному стуку, — заметил я.

Высокий сказал:

— Это мы.

Нас впустил чернокожий, которого мы видели на шоссе возле Шабевуа.

— Сейчас мы спокойны, — сказал он.

Квартира была в форме буквы Г. Мы вошли в маленькую прихожую. С правой стороны от нас шел коридор, куда выходили две длинные узкие спальни одинаковой величины, каждая с одним подъемным окном в противоположной от двери стене. В

конце прихожей была ванная без окон, с ванной и душем. Слева была кухня, этакий камбуз, где с трудом мог развернуться один человек.

Клон постоянно был голоден, но ел он далеко не все. Не ел рыбу и морепродукты, даже не переносил их запаха, если Анна готовила. Не ел ничего сливочного, хотя пил молоко. Не ел супов и жаркого. Ел цыплят, но не красное мясо. Мог съесть пасту с оливковым маслом. Он любил овощи, особенно брокколи и морковь, сырые или приготовленные. На завтрак ему готовили хлопья, яйца или блины, но больше всего он радовался замороженным вафлям. Обедал он сандвичами с арахисовым маслом и желе или с мягким сыром и желе, а также картофельными чипсами. Для сандвичей мы должны были срезать с хлеба корки. Он любил картофель-фри, хотя получал его не часто, и маринованные огурчики. Как-то раз, будучи в Виннипеге, мы позволили ему попробовать пиво. Оно ему понравилось, и это заставило нас быть осмотрительнее. Из всей еды он больше всего любил сыр, особенно «Мюнстер». В первые две недели мы допустили ошибку, несколько раз заказав пиццу. Целый месяц после этого клон не соглашался почти ни на что другое, предпочитая пиццу из микроволновки. Мы ели то же самое, что и он.

За кухней, параллельно спальням, находилась гостиная, тоже длинная и узкая, с двумя подъемными окнами, смотрящими во внутренний двор. На выходе из кухни стоял прямоугольный стол с тремя стульями. Вдоль стены гостиной, слева от нас стояла высокая книжная этажерка. На ней ничего не было, кроме большого конверта формата А4 на одной из полок. Еще в гостиной имелся камин, обложенный кирпичом, и телевизор на тумбочке. Возле противоположной стены, напротив телевизора, стоял диван, а перед ним — журнальный столик со стеклянной столешницей. В проеме между окнами, у дальней стены, находилось мягкое кресло с высокой спинкой и такая же оттоманка.

Клон сидел на диване. Алан сидел на диване, положив ноги на журнальный столик и сложив руки на коленях. Его голова была откинута на спинку, глаза закрыты.

Чернокожий вошел в гостиную и встал возле дивана, отделив нас от Алана.

— Он спит? — спросил я.

Мы остановились в прихожей, держа сумки.

Высокий ответил:

— Нам повезло, если да. Итак, смотрите. Вот чем вы располагаете. В дальней спальне есть две кровати. Клон будет

спать там вместе с мистером Шутником. Вы, — сказал он Анне, — займете другую спальню. Спите чутко, оба. Будьте настороже. Мы не хотим, чтобы этот кретин сбежал. Теперь идем со мной, на минутку.

Алан не шевелился и никак не показывал, что ему известно о нашем присутствии. Признаюсь, я боялся смотреть на него.

Высокий повел нас в первую спальню, предназначенную для Анны. Возле стены, разделявшей спальни, стояла полуторная металлическая кровать без спинки, с пружинным матрасом. Над кроватью висела тусклая картина маслом, изображавшая горное озеро. Еще там был ночной столик, лампа и комод. Во всех комнатах, кроме кухни и ванной, на полу было постелено одинаковое светло-коричневое ковровое покрытие, на вид совершенно новое и пахнущее химией. Анна положила сумку на кровать.

— Единственный шкаф, — сказал Высокий, — находится в другой спальне.

— Обойдусь, — ответила Анна, хотя это было явным неудобством.

— В прихожей есть бельевой шкаф, — продолжал Высокий, — с простынями, полотенцами и прочим. В кухне найдете тарелки, кастрюли и сковородки. Столовое серебро. Чашки. Все необходимое. Посуда. Вам придется купить себе еды. В общем, устраивайтесь.

— Спасибо, — кивнула Анна.

— Я отнесу сумку в спальню, — сказал я.

— Не сейчас, — возразил Высокий.

Он вынул из кармана брюк небольшой черный приборчик, похожий на сотовый телефон.

— Возьмите, — протянул он прибор Анне. — Это ридер.

— Что это? — не поняла Анна.

— Это помогает не выпускать клона из виду, — сказал он. — В Айове, когда мы забрали его от вас, ему вживили под кожу крошечную кремниевую капсулу с микрочипом внутри. Если вы внимательно посмотрите на его руку спереди, чуть ниже плеча, то увидите синюю точку. Ее едва видно. Устройство не нуждается в замене как минимум год.

— Следящее устройство, — проговорил я.

— Да, — ответил он, — но наше. Если вы его потеряете, если он сбежит, вы всегда узнаете, где он. И мы тоже.

— У вас имелось такое устройство? — спросил я.

— Да, и не одно. Если он потеряется, просто нажмите кнопку. — Он показал Анне кнопку сбоку. — Вы ее нажмете, и мы отправимся за клоном. Не пытайтесь найти его сами. Может быть,

что он не захочет, чтобы его нашли. Понимаете?

— Да, — сказала она.

— Держите прибор в безопасном месте, где клон его не найдет. Теперь внимательно послушайте, что я скажу. Вы тоже, — обратился он ко мне. — Если вы почувствуете, что вас собираются арестовать, отпустите клона. Не ждите. Рискните. Пусть он будет свободным. Скажите ему, чтобы уехал так далеко, как только можно. Убедитесь, что он это сделал. Потом нажмите кнопку. После этого разбейте ридер. Раздавите ногой. Потеряв ваш сигнал, мы поймем, что у вас проблемы. Как только мы найдем клона, постараемся вам помочь.

— Где вы будете? — спросила Анна.

— Где-нибудь поблизости.

— Что значит «наш сигнал»? — поинтересовался я.

— Внутри ридера есть чип, — пояснил он. — С его помощью мы всегда будем знать, где вы находитесь.

— Удобно, — согласился я.

Он сунул два пальца — костистые, кривые и длинные, словно щипцы, — в карман рубашки.

— И вот это.

Он вытащил из нагрудного кармана маленький конверт и протянул нам на длинной огромной ладони.

— Здесь две пилюли. По одной на каждого из вас. На случай ареста. Они действуют мгновенно и безболезненно. Нет нужды страдать. В этом нет никакой пользы.

— Нет, благодарю, — отказался я.

Высокий расхохотался.

— Считаете, у вас достаточно мужества?

— Я знаю, что нет, — ответил я.

— Я возьму, — сказала Анна.

— Держите их подальше от клона.

— Разумеется, — ответила Анна.

— Не оставляйте его одного, — продолжал наставлять Высокий. — Рядом с ним постоянно должен находиться один из вас. И еще одно. Нет необходимости предупреждать, но если клону придется покинуть квартиру, чего я бы не рекомендовал, убедитесь в том, что его татуировка не видна.

Я понес свою сумку в другую спальню. Там стояли две кровати, разделенные тумбочкой. На достаточном расстоянии друг от друга, чтобы мы, Алан и я, спали каждый в своей, но на расстоянии вытянутой руки. Было заметно, что на кроватях еще никто не спал. Алан провел ночь не в этой квартире. Я положил сумку на ту кровать, что была ближе к двери — это показалось мне стратегически верным — чтобы обозначить свое место.

Когда я вернулся в гостиную, Алан так же сидел на диване, и казалось, что он спит. Чернокожий по-прежнему стоял рядом и наблюдал за ним.

Я впервые получил возможность по-настоящему рассмотреть своего клона. В этом моменте не было ничего интимного или сверхъестественного, учитывая (правда, мне бы не хотелось встретиться с Аланом с глазу на глаз) присутствие двух чужаков, причем один из них, чернокожий, все время маячил у меня перед глазами. Голова Алана была откинута на спинку дивана, шея вытянута до предела, открывая нижнюю часть подбородка. Я почти не видел его лица, а то, что видел, мог рассмотреть с большим трудом. Он не шевелился, казалось, что он не дышит. Безжизненное существо. Как восковая фигура.

Анна и Высокий подошли к этажерке на противоположной стороне комнаты. Высокий взял конверт, лежавший на полке, и достал из него водительские права.

— Документы клона, — сказал он. — Но пусть они будут у вас.

Права на имя Алана Льюиса Грея. Тот же адрес в Гастингсе, как на документах, приготовленных для Анны и меня. Ему был двадцать один год, родился — вот совпадение! — 12 сентября, в день, когда мы с Сарой поженились.

— Мы будем приезжать раз в месяц, чтобы посмотреть, как у вас дела, как дела у клона. — Он посмотрел на меня. — И у него.

— Мои дела вас не касаются.

Высокий улыбнулся.

— Разумеется, касаются. Принимайтесь за работу.

Я начал писать отчет лишь через год.

— Мы пробудем здесь месяц? — спросил я Анну.

— Как минимум, — подтвердил Высокий. — Если все будет в порядке.

— А если нас не будет дома? — спросила Анна. — Когда вы приедете.

— Мы не приедем, если вас не будет дома, — ответил он. — На кухонном столе возле плиты вы найдете два ключа от квартиры.

— Да. Я видела, — кивнула Анна.

— Не потеряйте их. Запирайте дверь. У нас есть свои ключи, если нам потребуется войти.

Высокий оглядел комнату.

— Ну, ладно, — проговорил он. — Думаю, мы обо всем условились. Я все сказал. Желаю вам удачи. Удачи вам обоим. Вам троим.

Потом кивнул чернокожему:

— Идем.

Как только они ушли, Алан поднял голову со спинки дивана и открыл глаза.

Описывая этот момент, когда Алан открыл глаза и поглядел на меня, а я оглянулся и впервые как следует рассмотрел его, я рискую послужить интересам и политическим целям организации Анны. То, что я пишу здесь о своей первой реакции на моего клона Алана теперь, больше чем через год, проведя с ним бок о бок столько времени, станет для них ядром моего отчета, самой целью его существования. Цель же моего существования слишком далека от их интересов. Ведь я — единственный человек, оказавшийся лицом к лицу с собственным клоном. Другими словами, я — единственный человек в мире, оказавшийся лицом к лицу с собственной копией, значительно младше по возрасту, но все-таки идентичной мне, созданной правительством, с его ведома и согласия. И я прожил достаточно долго, чтобы говорить об этом, чтобы стоять и смотреть на своего клона, одновременно видеть себя и смотреть на себя такого, каким был сорок пять лет назад.

Алан открыл глаза. Он взглянул на меня, мельком и с гораздо меньшим интересом, чем смотрел на него я. Для него я был просто еще одним старшим мужчиной, существом (Высокий не ошибался) опасным и ненужным. Более того, я уверен, что вначале он испытывал ко мне особую враждебность. Он сразу же понял, что я давно знаком с Анной и имею на нее права. Я стоял на пути его желания быть с ней наедине, ближе к ней. Есть и еще кое-что, и это очень нелегко — оглядываться назад и видеть себя юношей. Совсем другое дело — заглядывать вперед. Он понятия не имел, кто я такой. Он не мог видеть и не видел себя во мне, что было своеобразным милосердием. Представьте себе, что бы вы почувствовали в двадцать один год, увидев того старика, каким вам предстоит стать. Вы бы умерли на месте.

Он сидел на диване. Его руки все так же лежали на коленях. Он смотрел на меня испуганно. Смущенно. Наверное, я решил, что он напуган, потому что я — это он. Мне так показалось. Возможно, ему просто все надоело. Или он был удивлен. Или прикидывал шансы справиться с нами и сбежать.

Стоя там и глядя на факсимиле самого себя в двадцать один год, я ощутил своего рода бурный восторг, ощущение, что вижу себя со стороны. Я ему ничего не сказал. «Привет. Я — Рэй, твой оригинал. Рад познакомиться. Я не сделаю тебе ничего дурного». Думаю, я мог бы сказать именно так. Но я ничего не сказал, а он не выказал удивления.

На Алане была темно-зеленая рубашка-поло с длинными рукавами, расстегнутая на шее, широкие голубые джинсы, белые носки и белые кроссовки. Все совершенно новое. На голове — бейсболка. Помню, как я опечалился, глядя на эту кепку: ведь он никогда не играл в бейсбол и даже не видел ни одной игры. Позже в тот день, перед тем, как клон лег спать, Анна заставила его снять кепку. Она сказала ему, что собирается делать, взялась за козырек и очень аккуратно сняла бейсболку с его головы, словно макушка клона состояла из суфле, и она боялась его повредить. Он не сделал попытки к сопротивлению. Он удивился, когда бейсболка оказалась в руках Анны, словно не знал, что у него на голове. Я заметил, что он расчесывает волосы на пробор справа. Я всегда делал пробор слева. (У меня до сих пор сохранились почти все волосы, правда, они истончились и в последнее время почти полностью поседели.) Я удивился, почему волосы Алана лежат естественно, хотя и в противоположном направлении. Еще я удивился тому, что, оказывается, все эти годы делал пробор с неправильной стороны, причесываясь против роста волос. Было очевидно, что у Алана волосы лежат гораздо лучше, и я решил — возможно, глупо? — когда все придет в норму, попробовать причесываться, как он.

У меня было много времени, чтобы представлять себе эту встречу и моего клона. Я прочитал дневник Анны и слушал ее рассказы. Я должен был знать, чего ожидать, но удивился, обнаружив, что на первый взгляд Алан совершенно неотличим от оригинала (по-другому я не могу выразиться), и ничто не выдавало в нем копию. Он выглядел гораздо лучше, чем я в его возрасте. Это бросалось в глаза. Как заметила Анна, он был шире меня в плечах и гораздо крепче. Его лицо казалось более четко вырезанным, кожа на лице — чистая и нежная. Глаза у него мои, подумал я, и губы.

Разглядывая его, я был поражен, до головокружения изумлен — у меня даже колени затряслись — и глубоко опечален тем, насколько он молод. Он выглядел новым, как будто его только что сделали. Он был, можно сказать, ослепителен. Позже, когда он стал относиться ко мне миролюбивее, Анна заставила нас встать друг к другу спинами, и он оказался на дюйм выше.

Мне захотелось увидеть его без одежды. Мой живот никогда не был плоским. Руки, ноги и плечи были достаточно сильны, но мускулистостью я не отличался. Я говорил себе, что не создан для этого. Я хотел увидеть его живот. Хотел увидеть его грудь, плечи, предплечья. Мне хотелось его потрогать. Почувствовать его кожу. Ощутить его мускулы. Признаюсь, мне ужасно хотелось увидеть его член. Анна писала, что он не обрезан. Мне хотелось

посмотреть, как он выглядит, насколько он большой. На моем теле всегда было мало волос. Мне было интересно, сколько волос у него на груди, спине, ногах. Я хотел видеть пальцы его ног. У меня очень некрасивые пальцы ног.

В первые моменты я стеснялся самого себя перед ним и продолжал смущаться. Клон заставлял меня чувствовать себя некрасивым и старым, старомодным, не сумевшим реализовать себя. Я представлял себе, что он думает обо мне, не знаю уж, на каком языке: «Вот что из тебя получилось. Несмотря на все преимущества, данные при рождении». Честно говоря, смешно себя так чувствовать, но иначе было невозможно. Еще более тяжким для меня стало следующее: в его присутствии (я ничего не мог с этим поделать) оживали все потери, понесенные мной с его возраста. Все, что потеряно впустую. Все, что я растратил. Постоянная непреходящая боль. Ни потери, ни растраты не стали привычными. Боль была вполне обоснованной и, как напоминал мне Алан, часто заставляла меня падать духом. Глядя на него, мне порой хотелось обнять его и заплакать, но не о нем.

В то же самое время я знал, что на самом деле никогда не был похож на Алана. Ни в двадцать один год, ни в любое другое время, за исключением, может быть, момента рождения. У него не было родителей, которые его воспитывали. Я смотрел на него и начинал думать (если не сразу, то позже) о том, кем бы я стал, насколько хуже я стал бы, будь я сиротой или живи у других родителей. Мой отец, пока он был со мной, и мать, остававшаяся со мной гораздо дольше, были ко мне внимательны и заботливы. Когда я смотрел на Алана, я был благодарен им обоим. В прошлом году я стал стариком. У меня бессонница. Барахлит сердце. Я собираюсь покинуть этот мир, но я вечно благодарен ему, несмотря на все его неизбежные мучения, ужасы, уродства. Миру, в котором Алан никогда не жил.

Я должен сказать: хотя я приехал с совершенно другими мыслями, он мне сразу же не понравился. Не потому, что так явно невзлюбил меня. Не потому, что был невежествен, плохо воспитан и груб, хотя все это в нем было. Не потому, что я чувствовал себя униженным, представленным в ложном свете его поведением или ощущал личную ответственность за это. Вы можете подумать, что мне просто не понравился тот, кем я был в двадцать один год. Не знаю, чем объясняется мое отвращение. Может быть, действовал своего рода инстинкт защиты своей территории в этой игре. Думаю, инстинктивно я рассматривал Алана как более молодого, более сильного, более красивого двойника, неправильное существо в моем теле, ошибочно созданное, чтобы быть моим соперником — конкурентоспособным, жадным, занимающим

чужое место. Если он существует, как могу существовать я? Так, наверное, я думал.

В его возрасте я встретил Сару. Не могу представить его рядом с ней.

В тот первый миг я не чувствовал ни вины, ни позора. Не чувствовал себя соучастником того, что Алан существует. Не испытывал гордости или утешения от того, что дал ему жизнь. (Да и что, ради Христа, я сделал? У меня взяли пробирку крови, и двадцать один год я даже не вспоминал об этом.) Я ни разу не ощутил, что воплотился в нем, как порой думает отец, глядя на сына. В тот первый день в моей реакции не было ничего отеческого; я не чувствовал к клону ничего, что мог бы почувствовать к собственному сыну. Он был клоном, этот факт исключал любые другие факты и делал неуместным любое знание или мудрость, которые я, возможно, приобрел в течение всей жизни. Время от времени, уже через несколько месяцев (когда я полюбил Алана и стал заботиться о нем), когда он расслаблялся, общаясь со мной, я ловил себя на мысли: если бы мой сын остался жив, он был бы похож на него. (Если бы мой сын остался жив, он был бы гораздо старше Алана, в котором к тому же не было ничего от Сары.)

Материнский инстинкт Анны был безграничен. С первой и до последней минуты, проведенной рядом с Аланом, Анна была нежна с ним. Она была терпеливой, заботливой, сострадательной и любящей, насколько вообще возможно в этой ситуации. Наблюдая за тем, как она ведет себя с клоном, как она учит его и направляет, как успокаивает его, когда он впадает в буйство, я не раз спрашивал себя: испытывала ли она ко мне, когда мы вместе жили в Айове, материнские чувства. Я спросил ее об этом. Анна засмеялась.

— Нисколько, — ответила она. — Хотя тебе, думаю, не помешала бы материнская забота. И потом, как ты можешь об этом спрашивать? Я была влюблена, ты был глух и слеп. Как ты мог этого не понимать? Я хотела спать с тобой. Хотела, чтобы ты предложил мне лечь с тобой в постель. Как ты мог этого не понимать?

Она сказала мне, что ее материнские чувства к Алану были слегка притуплены постоянным ощущением, что у нее есть свои дети, что ей есть о ком заботиться и волноваться, что у нее есть внуки.

— Я часто думаю, — призналась она, — кто он для меня? Я думала то же самое, когда преподавала и одновременно пыталась воспитывать своих детей. К счастью, я не так уж часто обижалась на своих учеников за то, что они — не мои дети, за то, что они

отнимают у меня большую часть моего времени и сил. Это тяжело — ощущать, что забросила собственную семью, целыми днями занимаясь чужими детьми. Сотнями детей. Ты сам знаешь.

(Я не знал, но Анна не хотела меня обидеть.)

Мне не нравилось, и вовсе не от обиды, предположение о том, что материнские чувства Анны хотя бы отчасти объясняются тем, что этот клон — мой.

«Он — не ребенок», — предупреждал нас Высокий. Он был прав, и нужно сказать, что он не зря предупреждал нас. Было легко и удобно позволить себе думать о нем как о ребенке. Основа его поведения, его эмоциональная гамма была вполне детской. Но он был мужчина двадцати одного года. Он прожил двадцать один год, был наделен соответствующим сознанием и разумом. Двадцать один год он переживал определенный опыт. Он провел двадцать один год в мире Отчужденных земель, каким бы ни был этот мир. Если организация Анны не ошибалась в своих гипотезах, он начал работать с тринадцати лет.

В первое время, пока мы еще были в Оттаве, Анну беспокоила напряженность, открытая враждебность в моих отношениях с Аланом. Она спорила со мной, апеллируя к моему возрасту и предполагаемой мудрости.

— Ведь он как ребенок, — нетерпеливо говорила она. — По возрасту ты ему в отцы годишься. Даже в дедушки. Ты должен быть умнее. Именно ты должен наладить отношения.

— Ну, знаешь, тебя он не презирает.

— Не нужно принимать это близко к сердцу, — убеждала она.

— Может, он все понимает?

— Нет. Невозможно. Не понимает.

Я смотрел на Алана, сидящего в бейсболке на диване. Он взглянул на меня, не увидел для себя ничего приятного и полезного и быстро отвел взгляд. Потом посмотрел на Анну. Он пристально вгляделся в нее. Ему понадобилось некоторое время, чтобы сообразить, кто она такая. Было ясно видно, что он очень старается ее вспомнить. Он был в плохой форме, когда видел ее в последний раз. Когда же он наконец узнал ее, его реакция была неожиданной. Он выпрямился и стал подпрыгивать на диванной подушке. Его глаза были широко открыты. Губы шевелились, как будто он силился что-то сказать. Он дрожал. Сжимал и разжимал кулаки, будто подавал сигнал. Потом, хотя Анна была на другой стороне комнаты, стояла рядом со мной около пустой этажерки, он наклонился в ее сторону, как цветок, потянувшийся к солнцу, сместившись на самый край дивана, словно мог дотянуться до противоположной стены. Он начал издавать странные звуки. Это

не было удушье, хотя его дыхание прерывалось. Из горла Алана вырывалось гортанное хныканье, горестное и жалобное, пронзительное, вроде кошачьих воплей. Как только он увидел Анну, он больше ни на что и ни на кого не смотрел.

Позже, вечером, мы говорили о его реакции и том, что она может предвещать. Анна назвала это случаем «запоздалого импринтинга». Этот термин она только что изобрела.

— Если утята, — говорила она, — только что вылупившиеся птенцы, первым делом видят не мать, а большой оранжевый мяч, они начинают считать этот мяч своей матерью. Не отходят от него ни на шаг, повсюду следуют за ним, делают все возможное, чтобы не выпускать его из виду. Я была первой женщиной, которую он увидел, выбравшись из Отчужденных земель. Может быть, первой женщиной, которую он вообще когда-либо видел. Он привязался ко мне.

Она привела еще один пример: маленькие обезьянки, которым давали суррогатных матерей, неодушевленных и различной степени мягкости.

— С ним обращались грубо, — объяснила она. — А я была мягкой.

Очевидно, что в ее словах была своя правда. С самого начала его отчаянно тянуло к Анне, в нем играло чувство собственника. Он не оставлял меня с ней наедине. Но ее объяснение казалось мне слишком простым, не учитывающим эротическую составляющую его чувств.

Вопрос физического поведения Анны с Аланом был затруднительным и беспокоил нас обоих. По мнению Анны, в процессе приобщения Алана к цивилизации, его обучения и воспитания она обязательно должна прикасаться к нему — аккуратно, осмотрительно, но часто, насколько это возможно.

— Ему необходим тактильный контакт, — говорила она.

— Похоже, ему это просто нравится, — возражал я.

— Ему это нужно. Отчаянно необходимо.

— Будь осторожна.

— Я знаю. Я осторожна. Пытаюсь быть осторожной. Черт. Естественно, я не хочу внушать ему дурные мысли. Это абсурдно, — пожала она плечами, — представить себе, что я, в моем возрасте, способна возбудить мужчину.

— Не знаю, — ответил я.

— Взгляни на мои руки, — сказала она и показала мне их. — Они как лопаты. Мозоли. Вот и все.

— Может, все не так просто, — сказал я. — Для вас обоих.

— Возможно, — согласилась она.

Анна сделала несколько шагов к Алану. Я остался на месте и смотрел на них. Она приближалась медленно, чтобы не напугать его, хотя сразу было видно, что он вовсе не испуган. Она неловко наклонилась, согнув ноги в коленях, чтобы стать меньше ростом, не такой внушительной. Не было нужды это делать. Если бы он захотел, то переломил бы ее шею, как прутик.

— Привет, — сказала ему Анна.

Алан был страшно напряжен. Чем ближе она подходила к дивану, тем более буйно он подпрыгивал, все быстрее сжимал и разжимал кулаки. Хныканье сменилось на монотонные серии коротких отрывистых звуков, похожих на «ху». Обезьяний клич. Он замотал головой из стороны в сторону. Было неприятно и страшно наблюдать такое поведение у нормального на вид двадцатилетнего парня. Поскольку он так сильно походил на меня, каким я был когда-то, мне тяжело было наблюдать за его выходками. Даже не из-за того, как он выглядел. Было ли у меня когда-либо чувство собственного достоинства? Изящество? Глядя на него, я ужаснулся сам себе. Ужасала сама мысль о том, чтобы быть собой. В тот миг я почти потерял надежду. Для любого из нас.

Анна села рядом с Аланом на диван. Он перестал мотать головой и теперь смотрел на нее.

— Тс-с, — сказала она. — Тише.

Обезьяний клич стих.

— Хорошо, — сказала она. — Ты молодец.

Она положила ладонь ему на бедро. Он перестал подпрыгивать. Кончиками пальцев она коснулась его запястья, и его руки замерли. Это походило на ритуал изгнания нечистой силы.

— Так-то лучше, — сказала она. — Хорошо. Теперь ты молодец.

Анна улыбнулась ему. Мягко погладила по руке, чуть ниже плеча.

— Все хорошо. С тобой все будет в порядке. Все в порядке. — Она взяла его за руку. — Я рада снова тебя видеть. Я по тебе скучала. — Костяшками пальцев она провела по его щеке. — У тебя было плохое время, малыш. Все хорошо. Теперь все будет хорошо.

Он смотрел на нее, ожидая и желая большего.

— Ты знаешь, кто я? — сказала Анна.

Она все время ему улыбалась.

Он не отвечал. Не моргал. Если бы он мог, то вывернулся бы наизнанку.

— Да. Конечно. Ты знаешь. Ты помнишь. Мы некоторое время

жили вместе, ты и я. В моем доме. Ты жил у меня дома. Ты помнишь. Ты был болен. У нас было время. Ты оставался со мной. В моем доме. Помнишь?

Он ничего не говорил.

— Ты понимаешь, что я говорю? — спросила она.

Трудно сказать наверняка, но мне показалось, что он кивнул.

Анна посмотрела на меня. Я не двигался.

— Хочешь ему что-нибудь сказать?

— Что я должен сказать?

— Скажи: привет.

— Привет, — повторил я.

Я с трудом смог заставить себя взглянуть на клона. Он не глядел на меня.

— Поговори с ним, — попросила Анна.

— Мне нечего сказать. Я его не интересую. Он не замечает, что я здесь.

— Скажи что-нибудь. Дай ему понять, что ты не опасен.

Я ничего не мог придумать.

— Карл у Клары украл кораллы, — наконец проговорил я.

— Потрясающе, — отозвалась Анна.

— Я много о тебе слышал. — Я показал на Анну. — Я — ее друг. Мы — старые друзья. — Потом обратился к ней самой: — Это все, что я могу. Дай мне время. Мне трудно.

— А ему, думаешь, легко?

— Мы — твои друзья, — сказал я Алану. Потом повернулся к Анне: — Может, мне подойти поближе?

— Лучше не надо, — ответила она.

Должно быть, Анна чувствовала смятение при виде нас, Алана и меня, сошедшихся в пространстве и времени (причем обошлось без «большого взрыва»): двойник ее знакомого юноши, точно такой, каким она его помнила, а рядом — сам юноша, состарившийся и непохожий на самого себя. Видя ее в тот день с Аланом, я, должно быть, подумал, что, глядя на него, в ней могут проснуться воспоминания о том, что она чувствовала ко мне, когда мы учились в аспирантуре. Помню, что мне подумалось — она предпочитает мне Алана. Она могла позволить себе думать (и это очень печально), что он, в отличие от меня, не выберет себе другую женщину, кроме нее. Что ей не придется ни с кем соперничать за его расположение или привязанность. Что Алан — это версия меня, не поддающаяся другим чарам. Но подсознательно она, возможно, видела в нем более безопасный, денатурированный, «родственный» способ испытать хоть какую-то близость, в которой ей сорок пять лет назад отказали в Айове. Вот так бесцеремонно я помещаю себя в эпицентр ее мыслей и чувств.

Анна приставила к груди указательный палец.

— Меня зовут Анна, — сказала она Алану. — Анна. Я называла тебе свое имя. Когда ты был со мной. — Она снова показала на себя. — Можешь сказать: «Анна»?

Она подождала его ответа. Мне показалось, прошло очень много времени. Хорошая педагогика.

— Ладно, — кивнула она, когда стало ясно, что клон собирается хранить молчание. — Не говори. Скажешь, когда будешь к этому готов.

Она показала на меня:

— Это — Рэй. Рэй — мой друг. И твой друг тоже.

Вы ожидаете, что следующим жестом она указала на него и произнесла его имя, но она этого не сделала.

— Когда ты был у меня, — сказала она, — ты находился в Айове. Там я живу. Это далеко отсюда. В другой стране, она называется Америка. Ты проделал долгий путь.

Она встала.

— Иди сюда, со мной, — предложила она ему.

Она взяла его за руку и заставила встать.

Я в первый раз увидел Алана в полный рост. Он был больше, чем я ожидал. На его предплечьях выделялись налитые мускулы и вены, шея была мощная. Стоя на месте, он всегда казался неуклюжим, неловким, словно не знал, как равномерно распределить вес. Но в движении он был легким и свободным, спортивным.

Я никогда не был легким, свободным или спортивным. Во всех видах спорта, кроме бейсбола и боулинга, я вечно был хуже всех. Мой отец, который почти всегда подбадривал меня, говорил, что я бегаю как Граучо Маркс.[9] Я не понимал, что это означает. Позже учитель физкультуры говорил, что я бегаю так, словно мне в пятки вбили гвозди. Школьный футбольный тренер заявил, что во мне отсутствует стержень. Но Алан, похоже, обладал способностями к любому виду спорта.

Анна подвела его к окну справа от кресла.

— Посмотри сюда, — сказала она.

Алан послушно выглянул в окно вместе с ней.

— Это — Оттава. Сейчас ты в Оттаве. Оттава — город в стране под названием Канада. Это хорошее место. Ты здесь в безопасности. Мы теперь с тобой.

Трудно сказать, понял ли он что-нибудь.

Стоя у окна, Анна продолжала:

— Вон там, внизу — огород. Те два человека живут здесь. Они выращивают овощи. Помидоры. Фасоль. Морковку. Кабачки. Всякие вкусные вещи.

Он продолжал смотреть в окно, переминаясь с ноги на ногу.

— Может, ты работал на огороде?

Он не ответил.

— Ты ешь овощи, я знаю, — сказала Анна.

Она тронула его за руку.

— Как тебя зовут? — спросила она. — Назовешь мне свое имя?

Он не ответил.

— У тебя есть имя?

Снова молчание.

— Как же нам тебя называть?

Она проговорила это с надеждой, потом беспомощно взглянула на меня. Я пожал плечами. Она улыбнулась ему и легонько сжала его руку:

— Не волнуйся, милый. Мы что-нибудь придумаем.

Она оставила его у окна и подошла ко мне.

— Мне ужасно не нравится, как я с ним разговариваю. Звучит так снисходительно. Неудивительно, что он не отвечает. Это ниже его уровня.

— Думаешь? — усомнился я.

— Уверена, — кивнула она.

— Ну, у тебя все равно получается лучше, чем у меня.

— Но что дальше? Он здесь. Мы здесь. Что нам теперь делать? С чего начать? Как провести следующие пять минут? Следующий час?

— Ты меня озадачила, — сказал я, хотя вопрос о том, как провести время, совсем недавно был наиболее существенным в моей жизни.

— Хочешь посмотреть свою комнату? — спросила она Алана. — Пойдем посмотрим твою комнату.

Алан стоял на месте, спиной к нам.

— Идем, — позвала она. — Я покажу тебе, где ты будешь спать. Посмотрим на твою кровать.

Он не шевельнулся.

— Почему бы тебе не переодеться? — предложила она. — Давай? У тебя есть одежда?

Он стоял, словно окаменел.

— Ладно, я пойду посмотрю твою спальню.

Она вышла из гостиной и направилась по коридору.

Алан отвернулся от окна. Он выглядел несчастным.

— Подожди, — окликнул я Анну. — Думаешь, мне надо остаться с ним?

— Я надеялась, он пойдет за мной, — ответила она из коридора.

— Он не пошел, — сказал я.

Она вернулась в комнату.

— Идем.

У нее был умоляющий голос.

— Иди, — сказал я клону. — Скорее.

Он не обратил на меня никакого внимания.

— Пожалуйста, — попросила Анна. — Прошу тебя, идем со мной.

Не знаю, была ли какая-то связь между тем, как она попросила, и его согласием, но на этот раз он пошел с ней. Я стоял чуть в стороне, но он, проходя мимо, толкнул меня плечом. Ощущение было такое, будто меня ударили в грудь тяжелым набивным мячом. Я пошатнулся. У меня перехватило дыхание, я сделал шаг назад, чтобы удержаться на ногах. Когда я сумел выдавить: «Эй, осторожнее!», Алана уже не было в комнате.

Я подошел к окну. В огороде за кирпичной оградой две женщины согнулись над грядкой. На вид они были ровесницами, лет под семьдесят, и, скорее всего, сестрами. На одной из них была широкополая соломенная шляпа, на другой — красный козырек. Обе одеты в шорты и футболки, у обеих на руках садовые рукавицы. Я наблюдал за ними, пока Анна и Алан осматривали спальню, которую нам с ним предстояло делить, что в данный момент казалось зловещей перспективой. Одной из многих. Эти две женщины выглядели так счастливо и мирно. Мне хотелось открыть окно и позвать их. Рассказать им, что здесь происходит. Мне никогда не нравилось копаться в земле — слишком много насекомых, слишком много грязи. Я предоставлял заниматься этим Саре, и она вдохновенно работала в саду. Но сейчас я предпочел бы спуститься в огород к этим двум старым счастливым сестрам, занятым обычным делом под дневным солнцем, наедине с насекомыми и канадской грязью.

Анна вернулась в комнату, Алан держался около нее. Он выглядел довольным. Она несла коричневый бумажный пакет из магазина.

— Это вся его одежда, — объявила она. — Ему нужно все. Белье, носки, рубашки и брюки. У него ничего нет. Не могу поверить. О чем они думали?

— Он может пока надеть что-нибудь из моих вещей, — предложил я.

— Если они подойдут, — сказала она. — Скоро осень. Ему нужна теплая одежда.

— Все будет в порядке, — заверил я.

— Нам придется повести его за покупками.

— Только не сейчас, — попросил я.

Анна улыбнулась:

— Нет. Не сейчас.

Мы повели его за покупками неделю спустя. Совершенно безрассудно. Если не считать короткой полуночной прогулки по Фриэл-стрит, чтобы он немного подышал свежим воздухом, он впервые вышел из квартиры. Прошедшая неделя показала, что он кое-как мог говорить, когда хотел. Ему нравилось произносить имя Анны. Он не называл меня по имени и не заговаривал со мной. Если он хотел есть, он просил еду. Говорил: «Я голоден», или «Я хочу еду», или «Дайте мне еду», или «Я хочу есть». Он не испытывал трудностей с местоимениями, никогда не путал «я» и «ты», «мой» и «твой», как, по словам Анны, часто делают маленькие дети. Говорил: «Я устал», когда ему хотелось спать, желал Анне спокойной ночи, прежде чем лечь спать. Он говорил: «Мне надо поссать» и «Мне надо посрать». Анна просила его употреблять вместо этих слов «пописать» и «покакать», но он не стал этого делать. В первую неделю он узнал, что такое телевизор, а потом постоянно просил включить его. «Я хочу телевизор», — громко повторял он, и нам приходилось его включать, чтобы клон заткнулся. Когда он уставал сидеть в квартире — в первые несколько недель мы, не без причины, отказывались выпускать его на улицу, и он слонялся из угла в угол, — то говорил: «Я хочу на улицу».

Мы поехали за покупками в понедельник утром, выбрав такой день и время, когда, как мы полагали, в магазинах мало народу. Мы отправились в молл в западном пригороде. Мы не учли, что скоро начнутся занятия в школе, и трехэтажный универмаг в одном конце молла был полон матерей с детьми. Я наблюдал за реакцией Алана на отношения матерей с детьми, представленные там во всем своем многообразии, но его это как будто не удивляло. Он не проявлял никакого интереса к детям, но смущенно разглядывал женщин, особенно молодых матерей, и так глазел на каждую из них, словно пародировал изумление. Анна прилагала усилия, чтобы увести его оттуда, заставить молчать и шагать дальше. Проходя мимо молодой светловолосой женщины с большой грудью (возможно, она еще кормила цепляющегося за нее малыша), Алан наклонился и сказал что-то на ухо Анне. Не знаю, что он сказал — она не стала повторять, — но его слова расстроили и рассердили ее.

После этого Анна взяла инициативу в свои руки. Она быстро подобрала носки, трусы — я настоял на «боксерах» — и пижаму, потом взяла несколько рубашек и слаксы, чтобы он примерил. Еще шерстяной свитер с треугольным вырезом. Все это, кроме свитера, мне не понравилось — вещи были слишком модными и

дешевыми — но клону было безразлично, как и ей. Мы нашли мужские примерочные. Мы радовались тому, что Алан ведет себя прилично, но все же побоялись отправить его в занавешенную кабинку одного. Мне с ним идти было нельзя, мы даже не рассматривали такую возможность. Всю прошлую неделю мне пришлось спать на диване в гостиной, потому что он отказался впустить меня в спальню. К тому же он не позволял мне смотреть на него, пока он полностью не оденется. Алан спал в нижнем белье — он избегал пижамы, которую купила Анна, — и даже когда он согласился на то, что я буду спать в комнате, я мог войти туда лишь после того, как он ляжет в постель и укроется одеялом. Отчаявшись, Анна решила рискнуть и заплатить за одежду без примерки. За исключением коротковатых слаксов, обтягивавших промежность, одежда вполне подошла ему.

— Он, должно быть, голоден, — сказала Анна. — Ты голоден? — спросила она Алана.

На сей раз он отчетливо кивнул.

— Прогресс, — заметил я.

— Он голоден.

— У нас есть еда?

— Нет, — сказала она. — Холодильник пустой. Надо купить.

— Я схожу.

— Это было бы здорово, — согласилась она.

С утра мы полчаса гуляли по окрестностям, чтобы убить время, и увидели небольшой супермаркет недалеко от нашего дома.

— Что купить?

— О, ты сам знаешь. Все, что необходимо. Хлеб, молоко, яйца, масло. Оливковое масло. Купи фруктов и овощей. Может быть, пасту и соус. Чай, кофе. Не знаю — куриное филе… Купи, что хочешь. Что понравится.

— Ладно, — кивнул я. — Но я обычно плохо соображаю, что нужно. Учти.

— Купи хоть что-нибудь.

— Я возьму машину.

— Конечно, — ответила она. — О, еще купи бумажные полотенца, салфетки и губки для мытья посуды. И туалетную бумагу.

— Ладно, — ответил я. — Я быстро.

— Давай, — сказала она. — Может быть, хлопья. Какие ты любишь. На завтрак. Сок.

— Ты справишься?

— Все будет в порядке. Но все-таки возвращайся побыстрее.

— Так быстро, как смогу.

Я взглянул на Алана, стоявшего около нее. Он улыбался.

— Анна, может, мне лучше остаться?

— Нет. Поезжай. И привези мне несколько журналов.

— Каких?

— Все равно. Любых. На твой выбор. Что-нибудь почитать. И десерт. Крекеры. Печенье. Мороженое. Шоколадное с шоколадными крошками. Мы его любим.

— Что-нибудь еще?

— Ха-ха, — усмехнулась она. — Список нужен? Или запомнишь?

— Будет здорово, если я запомню, где мы живем.

Зеленая машина все так же стояла перед домом, и я сумел найти супермаркет без особых проблем. Уверен, что забыл половину того, что перечисляла Анна. Помню, что купил шоколадное мороженое с шоколадными крошками, потому что вечером во время ужина Анна дала Алану на десерт шарик мороженого, после чего он требовал того же во время каждого приема пищи, даже на завтрак. Если мы не ходили в магазин, и мороженого он не получал, он мог вести себя неприветливо и грубо. Впрочем, в самом начале он почти всегда был таким.

В тот день в магазине со мной произошла неприятность. Не самая последняя неприятность такого рода. Я был в середине какого-то прохода, тележка была завалена покупками. Я смотрел на тележку, смотрел на покупки, но не мог вспомнить, как брал их с полок. Не знаю, как это вышло, но я не узнавал ничего, что лежало в моей тележке. Если, например, там были помидоры, я не мог сказать, что это. Мое сердце заколотилось, появилась одышка. А может, мне просто показалось, что у меня учащенное сердцебиение и что мне трудно дышать. Я превосходно знал свое тело и как оно работает. Начался звон в ушах. Я подумал, что у меня инсульт — я до сих пор помнил весь этот медицинский малопонятный жаргон, — но мне не было больно, я не ощущал особого дискомфорта. Меня захлестнул ужас. Я хотел бежать. От этой тележки. Из этого магазина. Из этого города. Из этой страны. Что я здесь делаю? Покупаю продукты в продовольственном магазине в понедельник днем в Оттаве. Кто бы мог поверить в такое? В тележке лежали продукты, а я не знал, как они называются. Я думал: что я делаю? Кто я такой? Я на самом деле задавал себе эти вопросы. Мне хотелось сесть в зеленую машину и без остановки ехать обратно в Нью-Гемпшир. Я помнил, где живу. Семь часов, и я дома. Меньше всего на свете мне хотелось возвращаться в квартиру, где меня ждали Анна и клон.

Я не сбежал. Я малодушно стоял около тележки и ждал, сам не понимая этого, пока пройдет приступ. Он прошел. Я покатил

тележку — хорошо, что было за что держаться, на что облокотиться — к кассе, заплатил за продукты наличными. Выйдя на улицу, я глубоко вдохнул вечерний воздух. Было все еще жарко и душно. У меня собралось пять пакетов с продуктами. Я изумился, увидев, сколько всего я купил. Загрузил сумки в багажник зеленой машины и вернулся на Фриэл-стрит. Оставив машину перед нашим домом, я три раза проделал путь вверх и вниз по лестнице, отдыхая между подъемами, оставляя сумки перед дверью квартиры. Когда я принес все, я постучал в дверь. Три коротких стука — у меня и в мыслях не было шутить, — как стучал Высокий. Никто не ответил, не раздалось ни шороха. Я снова постучал три раза, подождал, затем попробовал повернуть ручку. Дверь была открыта. Я поднял две сумки с продуктами и вошел внутрь. Анна сидела в углу дивана, клон лежал, растянувшись во весь рост и положив голову ей на колени. Она поглаживала его по волосам. Она поднесла к губам указательный палец, потом улыбнулась мне. Клон спал. Пьета,[10] подумал я, чувствуя себя внезапно расстроенным. Я внес остальные сумки тихо, как только мог.

Анна так и сидела на диване, держа голову Алана у себя на коленях. Я унес сумки на кухню. Мы не разговаривали. Никто из нас, хотя и по разным причинам, не хотел его будить.

День почти прошел. Алан спал, Анна сидела с ним. Может быть, она тоже задремала. Я распаковал в спальне свою одежду. Алан проснулся. Анна приготовила ужин. Пока она была на кухне, я старался вести себя как можно тише. Не помню, что мы ели на ужин. Манеры Алана за столом были лучше, чем я думал. Он умел пользоваться ножом и вилкой. Жевал с закрытым ртом, сидел ровно, не звякал приборами. Когда он не пользовался салфеткой, то клал ее на колени. Он ел вдумчиво и съел все, что дали, включая два шарика мороженого на десерт.

После ужина я стал мыть посуду, а Алан долго сидел в туалете. Он провел там довольно много времени, так что Анна забеспокоилась и постучалась, чтобы узнать, все ли в порядке. Мы втроем посмотрели телевизор. Я сидел в кресле, Алан и Анна — на диване. Не помню, что мы смотрели — что-то развлекательное, — но, судя по всему, Алан впервые столкнулся с телевидением. Он очень заинтересовался программой и расстроился, когда через несколько часов мы выключили телевизор.

Анна первая собралась спать. Алан стоял перед дверью ванной комнаты, пока она была там, а я следил за ним из другого конца коридора, чтобы он не сделал ничего дурного. Когда Анна вышла из ванной в длинной ночной рубашке и халате, туда вошел

Алан. Этот случайный порядок — сперва Анна, потом Алан, потом я — так и остался незыблемым, потому что Алан отказывался его менять. Мы с Анной стояли в коридоре.

— Долгий день, — сказал я.

— Да.

— И странный.

— Очень странный, — кивнула она.

— Что будем делать завтра?

— Начнем.

— Что начнем?

— Начнем с ним работать.

— Это будешь делать ты, — уточнил я. — А я?

— Ты будешь помогать.

— Не уверен, что от меня будет польза.

— Значит, просто не будешь мешать.

Анне нравилась роль учительницы Алана, она относилась к ней очень серьезно. Но она испытывала двойственные чувства к этому проекту. Ради Алана, да и ради себя она хотела, чтобы он постоянно развивался под ее руководством. И так оно и было. В то же время она считала планы своей организации в отношении Алана и те способы, какими ее соратники намеревались использовать его, когда он будет готов к разговорам и выступлениям на публике, настолько одиозными и жестокими, что ей всеми фибрами души хотелось замедлить процесс, помешать развитию клона, чтобы он оставался бесполезным для них так долго, как только возможно. Однако это было сложно для нее самой. Она без тени сомнения верила, что Алан может стать определяющим фактором в усилиях ниспровергнуть правительственную программу клонирования. Точно так же она верила в великую важность этих усилий. Обучая Алана, она считала, что у нее есть возможность участвовать в чем-то, что имеет важное преобразующее значение. Она полагала — и говорила об этом, заглядывая вперед, — что находится если не во главе революции, то в самом ее сердце. Ее саму нисколько не интересовала власть, но, несмотря на принципиальную приверженность к жизни простой, как григорианский хорал, в глубине души Анна была революционеркой. Она давно могла бы… что? Править? Нет. Жить. Я не верил в идею, что Алан, Анна или ее организация сумеют вызвать хоть какое-то реальное изменение в политике или действиях правительства, и не хотел участвовать ни в этой революции, ни в любой другой.

Алан вышел из ванной. Он все еще был в одежде.

— Стой спокойно, — сказала Анна.

Она сняла бейсболку с его головы.

Алан вошел в спальню, нашу спальню, и закрыл за собой дверь. Анна немного подождала, потом постучала (она ожидала ответа, но не получила его), потом вошла в дверь. Я остался в коридоре. Алан лежал в кровати, той, что стояла дальше от двери. Он укрылся одеялом. Анна присела на краешек его постели. Положила руку ему на грудь.

— Хочу пожелать тебе спокойной ночи, — сказала она. — Желаю тебе хорошего сна. Хочу, чтобы тебе приснились добрые сны. Утром все будет гораздо лучше. Будет не так странно, не так чуждо. Спи. И не тревожься. Если я тебе понадоблюсь, я буду в соседней комнате. — Она выключила лампу, стоявшую на тумбочке между кроватями. — Спокойной ночи. Сладких снов.

Она вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

— Думаешь, подействует? — поинтересовался я.

— Что именно?

— Думаешь, он уснет?

— Надеюсь, — ответила она.

— Я тоже, — проговорил я. — Не хочешь поговорить?

— Не знаю. Не очень. А ты?

— Я бы не возражал.

— Ладно, — сказала она. — Идем в гостиную.

Мы проговорили около часа. Мы говорили об Алане. О его отношении к ней — я выразил свои сомнения — и о его отношении ко мне. Это беспокоило нас обоих. Я не стал рассказывать о том, что случилось со мной в магазине, но выразил опасения о своем здоровье.

— Ты ведь знаешь, — сказал я, — рано или поздно мне понадобится врач. Кардиолог.

— Хорошо, — ответила Анна.

— Я рассчитывал попасть к своему врачу через семь недель. Чтобы проверить, насколько сильно повреждено сердце.

— Семь недель еще не прошли, — отозвалась она. — Заканчивается вторая.

— Правда? — изумился я. — Господи! Действительно, правда. Но мне все равно нужно это сделать. Напомнишь мне?

— Ты волнуешься.

— Да, — кивнул я. — А ты бы не волновалась?

— Волновалась бы.

Мы поговорили о Высоком. Я пожаловался на зеленую машину. Обсудили завтрашний день. Пока мы разговаривали, Алан лежал в постели и, по-видимому, уснул.

— Ты заметила, — спросил я, — что у него пробор с правой стороны?

— Нет, — ответила она. — А что?

— У меня пробор слева. Похоже, он делает его в соответствии с ростом волос. Тебе это не кажется странным?

— Не знаю, — сказала она. — Не думаю, что это имеет значение.

— Нет, конечно, я понимаю, — ответил я.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи, и Анна ушла в свою спальню. Я помылся, потом проверил дверь квартиры, чтобы убедиться, что она заперта. Выключил свет. Я оставил свет в ванной и прикрыл дверь в нее так, чтобы в коридоре было не совсем темно. Потом открыл дверь спальни. Увидел Алана, лежащего в кровати. Казалось, он спит. Я разделся как можно тише и лег в постель. Как только я натянул одеяло, Алан сел.

— В чем дело? — спросил я и тоже сел.

Он не ответил. Встал с постели. Я увидел, что он не снял брюки.

Я тоже поднялся.

— Что случилось? — спросил я. — Все в порядке?

Он подошел к двери. Вышел в коридор, но свернул не к туалету. Я пошел за ним. Он остановился перед дверью Анны. Взялся за ручку двери.

— Эй, — окликнул я. — Что ты делаешь, малыш?

Он открыл дверь.

Я вцепился в его руку, чуть выше локтя.

Это был первый раз, когда я дотронулся до моего клона. Что я почувствовал, коснувшись плоти, которая была моей плотью? Самое тесное в мире кровное родство. В Нью-Гемпшире Анна рассказывала мне, что ощущала, когда касалась своих детей. Она говорила, что ее это успокаивало. Говорила, что это похоже на прощение, словно возвращаться домой из долгих странствий, как блудный сын. Я не почувствовал ничего подобного. Его рука была твердой и мощной, и я ощутил под рукой только грозную силу.

— Что ты делаешь? — воскликнул я.

Он повернулся ко мне, вырвав свою руку. Бросил на меня сердитый взгляд. Клянусь, он оскалился! Затем, ясно как день, он произнес:

— Долбаная задница!

(Это были единственные слова, которые он произнес за весь первый день. Мы обнаружили, что у него был довольно богатый словарный запас сексуальных понятий, особенно гомосексуальных, извращенных.)

Он поднял кулак, чтобы меня ударить. Я съежился и закрыл лицо.

Анна открыла дверь.

— Прекратите, оба, — велела она. — Просто перестаньте. Что

происходит?

Он опустил кулак.

— Возвращайся в постель, — сказала она Алану. — Сейчас же. А ты, — повернулась она ко мне, — ляжешь спать в моей комнате.

— А ты где будешь спать? — спросил я.

— У вас.

— Только не это. Он — сумасшедший. Я тебе не позволю.

Алан стоял и смотрел на нас.

— Иди спать, — снова велела ему Анна.

Он повиновался.

— Что, черт возьми, происходит? — спросила она.

— Он меня чуть не ударил.

— Почему? Что ты сделал?

— Я пытался не дать ему войти в твою комнату.

— Почему?

— Я не знал, что у него на уме.

— Я разрешила ему прийти, если понадоблюсь, — сказала она.

— Я не был уверен, что он ничего не замышляет.

— И что, по твоему мнению, могло случиться?

— Понятия не имею, — ответил я.

— Ничего бы не случилось, — настаивала она.

— Ты не знаешь.

— Знаю, — возразила она.

— Ты слышала, что он сказал?

— Да.

— И что ты думаешь?

— Просто слова, — сказала она.

— О, я так не считаю.

Той ночью я спал на диване, как и всю последующую неделю. Анна спала в своей комнате. Я настоял, чтобы она запирала дверь, и она согласилась. Когда я освободил комнату, довольный Алан стал спать там один.

В самом начале этого отчета я заметил, что в какой-то невероятный момент — мне было двадцать два, и я учился в аспирантуре — мною интересовались сразу три женщины, Энн, Анна и Сара, причем две из них, Энн и Сара, были в меня влюблены. Учитывая мою, как я считаю, реалистическую самооценку, а также скудный опыт общения с девушками, это действительно достойно изумления. Я не знал тогда, чем объяснить их тяготение, и теперь, после года наблюдений за Аланом, пытаясь понять его и мою привлекательность, тоже этого

не знаю. К примеру, взять Энн (с которой я поступил бесцеремонно): мы дружили с раннего детства; наша любовь была скорее родственной, она не зависела — по крайней мере, так было с ее стороны — от внешности. Но как объяснить отношение Анны и, что еще более непостижимо, Сары? Ни у одной из них, как мне это представляется, не было никакой нужды, никакой разумной причины полюбить меня.

Анна уверяет меня, что Алан красив, и часто добавляет — не только для точности, — что он выглядит лучше, чем я, каким она меня когда-то знала. Я согласен, что он не лишен привлекательности и выглядит лучше, чем я когда-либо. Но когда я смотрю на него, когда сравниваю его с собой — хотя стараюсь делать это как можно реже, — я вижу в основном то, что мне не нравится в себе.

Как и у меня, у него почти нет волос на теле. В моем отрочестве это было причиной многих проблем: я сменил много прозвищ, пока не стал Фасолиной, и эта кличка прижилась. Проведя рядом с нами несколько месяцев, Алан стал менее щепетильным, и я несколько раз видел его в его трусах-«боксерах». Как и у меня, у него нет волос на груди и животе, за исключением тонкой вертикальной линии на груди — она всегда казалась мне похожей на шрам — и уродливых жестких курчавых волосков, похожих на лобковые, вокруг сосков и необъяснимым образом появившегося пупка. Как и у меня, на ногах у него есть лишь маленькие смешные пучки над коленями. Когда я впервые увидел его в Оттаве, у него слегка загорели лицо и руки (судя по всему, прежде чем очутиться за пределами Отчужденных земель, он проводил много времени на воздухе), а когда мы приехали в Виннипег, а также зимой, его кожа (везде, кроме лица) стала белой и восковой, какой она во все сезоны бывает у меня. Его пальцы, как и мои, были короткими, толстыми, с маленькими ногтями, а большие невелики. Мои руки и руки Алана не так страшны, как у Высокого, но далеки от стандартов красоты. Два пальца моей правой, метательной руки, искривлены из-за травмы, полученной во время бейсбольных состязаний, когда я ловил мяч. У Алана все пальцы прямые. Мои ступни, плоские, с растрескавшимися подошвами — мне это кажется оскорбительным, — сейчас двенадцатого размера и даже больше, хотя, когда я был в его возрасте, я тоже носил десятый. За исключением больших, пальцы моих ног — из-за неподходящей обуви? — изогнуты, мизинцы едва видны, ногти похожи на рог. У Алана пальцы ног аккуратные.

У нас карие глаза, носы длинные и тонкие. Его волосы темнее и гуще, чем мои, более волнистые, но я помню, что мои волосы

когда-то были точно такими. Его зубы белее моих, потемневших, как и весь я. У меня слегка неправильный прикус; у него все в порядке. Как и я, он опускает взгляд, когда улыбается, хотя делает это неохотно и не часто. Я часто спрашивал себя, почему. Это жест застенчивости? Покорности? Страха? В любом случае это привычное и машинальное движение, которое я не могу контролировать, а наблюдения за Аланом напоминают мне о том, что я слишком большую часть жизни провел, отводя взгляд или отворачиваясь.

Очень редко доводится услышать со стороны собственный голос, как его слышат другие, но Анна подтверждает, что голос Алана имеет тот же самый тембр. Думаю, его можно назвать гортанно-хрипловатым, что звучит не так уж неприятно. Смеется он еще реже, чем улыбается, и его смех обычно короткий и носовой. Я тоже так смеюсь, и тоже нечасто. Когда он растерян, что в то время бывало нередко, он указательным пальцем почесывает голову сбоку, как шимпанзе, когда подражает задумавшемуся человеку. То, что я делаю то же самое, как заметила Анна, заставляет меня ежиться от отвращения. Он постоянно подражает мне, хотя и без всякой задней мысли. В первые месяцы нашей совместной жизни мне казалось, что меня непрерывно передразнивают, и это было очень тяжело.

В этом смысле Алану повезло: он не видел себя во мне.

Я обрезан. Алан, насколько я знаю из дневниковых свидетельств Анны, нет. Я не жестикулирую, когда разговариваю. Думаю, я этому научился, привил себе кое-какие хорошие манеры. Может быть, поэтому и Алан не жестикулирует, когда говорит. Не знаю, определено ли это генетически, но, когда я смотрю на него, на его неподвижные руки, прижатые к бокам, это кажется неестественным.

Если ему интересно то, о чем ему говорят, особенно Анна, он слушает, наклонив голову набок, как щенок. Я очень надеюсь, что не делаю так. Один раз я видел, как он плачет. Я не плачу.

Мы оставались в Оттаве, в квартире на Фриэл-стрит, три месяца, до конца ноября. Мы жили также в Виннипеге, Риджайне и Калгари. Из этих городов — конечно, если бы я мог жить там самостоятельно — мне больше нравилась Оттава, город величественный, спокойный, настоящий.

Обычный распорядок наших дней в Оттаве был таким. Утром, после завтрака, пока я выполнял разные поручения и задания — порой ненужные, только чтобы удалить меня из квартиры, — Анна несколько часов учила клона говорить и читать. Она быстро забросила книги, купленные в Монреале. Каждый вечер она

читала ему «Принца и нищего», затем «Оливера Твиста», и он слушал. (Он не интересовался книгами, где главными действующими лицами являлись животные или игрушки, а также не любил сказки и явное фэнтези.) При первой возможности мы набрали полку книг, легких для чтения, иллюстрированных словарей и прочего, чем Алан, похоже, остался доволен. Но Анна быстро заметила, что лучше всего он поддавался обучению в форме рассказа, систематического и подробного. Она делала это всякий раз, когда Алан изъявлял желание слушать. Он не слишком стремился выучить язык.

Она рассказывала об окружающем мире, начав с квартиры и при помощи детского атласа перемещаясь наружу. Когда, по ее мнению, поведение Алана стало более цивилизованным и предсказуемым (понадобилось всего несколько недель обучения), а его открытая враждебность ко мне уменьшилась — он разрешил мне, например, спать в одной с ним комнате, — мы стали выводить его в общественные места. После обеда, если погода была хорошей, он и Анна шли на улицу. Сначала они не слишком удалялись от квартиры, но со временем отважились заходить подальше. Иногда с ними гулял и я, хотя в таких случаях Алан был менее предсказуем и его было труднее контролировать. Ему нравилось наблюдать за сменой караула. Он любил гулять вдоль канала, стоять на площади перед Шато-Лорье. Ему нравилось смотреть на прохожих. Нравилось разглядывать пары, группы юношей и девушек, идущих вместе, хотя его явно тревожили компании, состоящие из одних мужчин, молодых или постарше. Анна рассказывала ему о том, что он видит. Мы купили детскую энциклопедию о человеческой анатомии и физиологии. Анна называла Алану части тела, его и свои — я всячески старался не присутствовать на этих уроках, — и они обращались к тексту. Она рассказывала ему об истории, например, о второй корейской войне, которую изучала сама. Алану нравилось, когда она рассказывала о войне. Время от времени — что ему не очень нравилось — она привлекала меня, чтобы дать ему представление об арифметике, о числах, простых действиях сложения и вычитания. Ни она, ни я не говорили с ним о смерти.

Больше всего Алану нравилось — как и самой Анне, — если она рассказывала о себе, о своей жизни. (Она пыталась рассказывать ему обо мне, но это интересовало его меньше. Хотя он находил подленькое удовольствие в истории о том, как я скатился на заднице с заснеженного холма в Эймсе, когда догонял Анну и Сару.) Некоторые истории он просил повторить снова и снова. Ему очень нравилось, когда рассказ обрастал подробностями, и ни одна из деталей не упускалась, но терпеть

не мог сокращений. Особенно он любил одну историю Анны и готов был слушать ее, как одержимый. Это была история про дикую яблоню. В наиболее кратком пересказе она звучала так:

«Когда я была маленькой девочкой, лет шести-семи, однажды утром я сидела дома. Было лето. Мне было нечего делать. Я спросила маму, можно ли поиграть на заднем дворе. Я задумала влезть на старую дикую яблоню, что там росла. Я всегда мечтала это сделать. Мама разрешила мне пойти погулять, но запретила залезать на дерево.

— Ветки тонкие, — твердила мне она, — хрупкие, и если ты заберешься на них, они сломаются.

Я заверила ее, что не полезу на дерево. Вышла во двор. На заднем дворе довольно скучно, если ты один. И я решила забраться на дерево. Я уже лазала на яблоню, несмотря на запрет матери, но никогда не забиралась очень высоко.

Я поднялась к нижнему ряду веток и уселась там. Ветки были толстыми и крепкими. Я немного посидела там, рассматривая двор и дом и поглядывая в кухонное окно, чтобы вовремя заметить маму.

Потом полезла выше. Нашла сук и уселась на него. Ветки там были тоньше, но с легкостью выдерживали мой вес.

Я полезла выше. Теперь я находилась на уровне второго этажа нашего дома. Но ветки не ломались.

Я поднялась еще выше. Забралась на самую макушку дерева. Добравшись до верха, я услышала, как ветка, на которую я опиралась, треснула и сломалась. Я упала. Так вышло, что при падении я не задела ни одной ветки и плюхнулась (это слово из всей истории нравилось Алану больше всего) на лужайку. Я приземлилась в нескольких дюймах от места для барбекю, огороженного кирпичом. На мне не было ни царапины. Я встала и отряхнулась. Мама подошла к кухонному окну, как раз когда я падала, и видела все. Она страшно испугалась, а когда поняла, что я цела и невредима, очень рассердилась. Она отругала меня, а потом отправила на весь день в комнату. Вечером я осталась без ужина».

Боюсь, я не нахожу в этой истории ничего особенного, да и рассказчиком Анна была довольно посредственным. (Сам я в устном жанре безнадежен, поэтому никогда и не пытаюсь.) Можно поразиться тому, что она не разбилась и даже не оцарапалась — хотя, думаю, Алана интересовало что-то другое, — и все-таки история была абсолютно заурядной. Не знаю, почему Алан ее так обожал.

Грустно говорить об этом, но, несмотря на все усилия и таланты Анны, было ясно, что в основном Алан изучает язык и

получает представление о мире из телевизора. Он смотрел его все время, когда мы ему разрешали и даже когда не разрешали. Мы с Анной не сходились во мнениях по этому поводу. Анна приводила доводы в пользу телевидения, с разумными ограничениями: оно помогает овладеть языком, социализироваться, способствует росту культурного уровня. Я же считал, что оно бессмысленно и бессодержательно. Просмотр телевизионных программ служил и другой цели: Алан замирал, как только включали телевизор, и это было единственное время, когда она могла спокойно оставить его наедине со мной. Единственное время, которое она могла посвятить себе.

Глава десятая

Алана пленяли зеркала, ему нравилось собственное отражение. Можно предположить, что в Отчужденных землях не было зеркал — трудно представить, чтобы правительство позволило клонам видеть себя, искалеченными или невредимыми, — но Алан не просто увлекся новым для себя предметом, он испытывал подлинное и непреходящее восхищение. Мы то и дело замечали, как он рассматривает себя в зеркале над раковиной (он замирал там, как прикованный, гораздо чаще и дольше, чем можно было вообразить), в зеркале во весь рост на двери спальни, в зеркале прихожей, в ручном зеркальце Анны. Во всех квартирах, где мы жили до переезда сюда, он, если мы не давали ему никаких заданий, только и делал, что переходил от одного зеркала к другому, наслаждаясь зрелищем самого себя в разных рамах и разных размерах. Он рассматривал себя в витринах, в окнах автомобилей, в лужах, в столовых приборах. Мы находили столь неутомимую одержимость неправильной и делали все возможное, чтобы этому помешать. Как-то раз я спросил его о причине такого тяготения. Не помню, как я сформулировал вопрос, в любом случае грубый, но он ответил лишь одно: «Ты смотришь на себя». Но я смотрю на себя — когда бреюсь, чищу зубы и так далее — почти без интереса и без всякого удовольствия. (Сейчас я бреюсь каждый день, моя щетина стала серой и жесткой. Но в возрасте Алана мне почти не приходилось бриться. Он бреется раз в неделю, довольно ловко.) Так или иначе, но мне кажется, что Аланом двигало не тщеславие. То есть он смотрел на себя в зеркало не потому, что ему нравилось свое отражение, хотя может быть и такое. Мне казалось, что он безразличен к своей внешности и одежде. Стоя перед зеркалом, он не приглаживал волосы, не принимал нарочитых поз или, скажем, не рассматривал свои зубы. Похоже, его не заботило, каким его видят другие. Думаю, ему просто нравилось смотреть на себя, нравилось видеть себя, потому что в душе он себе нравился. Не так, как вы думаете. Вы предположите, что его не учили и не поощряли любить себя. Однако пока мы не сказали ему, кто он и чем является — говорила Анна, я стоял рядом, олицетворяя его невинность и его мучительное предназначения, — он продолжал находить себя привлекательным.

Я обдумывал этот вопрос себялюбия, удивляясь своей реакции на Алана. Может ли моя реакция относиться только к Алану? Может, все мои реакции направлены в две стороны,

одновременно наружу и внутрь? И, реагируя на Алана, я в то же время реагирую на себя?

Говоря о себялюбии, я подразумеваю две вещи. Во-первых, есть любовь к себе, побуждающая нас действовать в собственных интересах (своеобразная форма эгоизма). А еще есть подлинная любовь к себе, побуждающая нас преследовать самые лучшие цели — такие, как стремление любить себя и быть любимым именно так, как, будучи в здравом уме, мы больше всего хотим любить и быть любимыми. Глядя на Алана, я вспоминаю второе. Этот ли вид врожденного себялюбия двигал им? Думаю, да. Так и должно быть. У меня были любящие родители, но я не могу вспомнить, чтобы когда-то чувствовал подобное. Именно отсутствие себялюбия — все эти отказы и ограничения, извинения, беспрестанные насмешки над собой — сделало меня человеком, болезненно потакающим своим желаниям.

Я не надеюсь найти ответ на другой вопрос: можно ли уравнять любовь к себе и любовь к другим? Может ли человек, который ничего не любит, быть любимым другим человеком или самим собой? Каково это — жить с закрытым сердцем?

Почти так же, как свое отражение, Алан любил рассматривать фотографии.

— В Айове, — говорила Анна, — когда он жил у меня, он с увлечением разглядывал мои фотографии. Все, что были развешаны в рамках по дому. Портреты мужа, детей, внуков. Моей матери. Фотографии семейного отдыха. Студенческих балов. Церемоний вручения дипломов. Фотографии команд. Он постоянно возвращался к ним. Он пересмотрел каждую страничку в моем свадебном альбоме, очень медленно. Альбомы, которые я делала для моих детей, с фотографиями и вырезками. Знаешь, у меня очень много дурацких фотографий, смешных, но он ни разу не улыбнулся. Он был очень серьезен. Так странно было это видеть.

Пока Анна не начала фотографировать Алана, хотя нас настоятельно просили не делать этого (если бы нас арестовали, фотографии стали бы уликами), у него было только одно собственное изображение: фотография на водительских правах, тусклая и со штампом. Она больше не удовлетворяла его аппетит. У себя в бумажнике Анна хранила несколько снимков внуков, и Алан просил их посмотреть несколько раз в день. В Виннипеге мы втроем пошли на блошиный рынок, устроенный на автостоянке пригородного катка. Мы совсем недавно переехали туда. Декабрьский день был солнечным и сухим, но чрезвычайно холодным. Алан, который к тому времени научился вести себя на публике неприметно, казалось, не чувствовал холода. Он не

боялся никакой погоды, словно всю жизнь провел на улице. Нам посчастливилось найти там семь или восемь случайных старых фотографий. Некоторые из них были в рамке, почти все — черно-белые, одна — в тонах сепии. Из всех фотографий, купленных на блошином рынке, Алану больше всего понравилась именно эта сепия в рамке. На ней был запечатлен юноша лет двадцати, сидящий на скамейке, на городском бульваре, изнеженно скрестив ноги. Деревья, видневшиеся вокруг, были покрыты густой листвой. Он был в форме. Военный, сказал бы я, времен Второй мировой войны. Юноша был красив, как киноактер, но выглядел грустным и задумчивым, словно ждал кого-то и точно знал, что не дождется. Словно он остался один в последний день своего отпуска. Догадки, конечно, но меня это развлекало. Я не знаю, о чем думал Алан, глядя на эту фотографию, как он ее интерпретировал (если вообще интерпретировал — подозреваю, что нет), но он не мог на нее насмотреться.

Анна решила, что мы должны поддерживать эту его склонность. Чтобы, как она сказала, прививать ему художественный вкус. Я не считал, что страсть Алана имеет непосредственное отношение к искусству, но тогда у меня еще не было собственной конкурентоспособной теории. (Теперь я бы сказал, что фотографии приводили Алана в восторг, поскольку они были точными, обманчивыми копиями действительности. Как и он сам.) В книжном магазине в центре Виннипега мы купили четыре огромных и очень дорогих альбома фотографий, сделанных знаменитыми фотографами. Я ни о ком из них не слышал. Двое из них, точнее две, обе женщины, давно умерли. Работы одной из них, которую звали Диана Арбюс и которая жила в середине прошлого века, были весьма примечательны: гиганты, карлики, бородатые женщины, идиоты, трансвеститы и транссексуалы. Монголоиды неопределенного возраста и пола, одетые в нечто вроде крестильных сорочек. Маленькие белые ангелы. Ее фотографии были гротескными, порой пугающими, и в то же время красивыми и трогательными, полными сострадания. Алану она нравилась больше всех. Мне тоже. (Там была фотография помешанного маленького мальчика, сжимавшего игрушечную гранату. Она выворачивала мне душу.) Другая женщина, Энни Лейбовиц, работавшая ближе к концу прошлого века, делала глянцевые стилизованные портреты знаменитостей, по большей части незнакомых мне. Двое фотографов-мужчин, оба с фамилией Линч, были более современными. Один из них специализировался на сероватых одноцветных снимках пришедших в упадок канадских городков, другой — на изображении брошенных механизмов, металлолома. Купив по

настоянию Анны несколько других безумно дорогих томов, мы обнаружили, что Алана нисколько не интересуют пейзажи и городские ландшафты. Так же он пролистывал натюрморты и фотографии животных. Он хотел видеть и внимательно рассматривал только фотографии людей, по отдельности и группами, чем более постановочные и официальные, тем лучше. В Риджайне Анна купила фотоаппарат и начала фотографировать Алана и меня, запечатлевая наше совместное времяпрепровождение. Она фотографировала так рьяно, что вскоре израсходовала всю встроенную память фотоаппарата. Мы не могли выгрузить эти фотографии, у нас ничего для этого не было. Когда Анне казалось, что надо запечатлеть какой-то момент — Алан и я в Риджайне, стоящие плечом к плечу, как друзья (к тому времени мы стали друзьями), в парке Виктория — она удаляла один из снимков, сделанных раньше.

Верный своему слову, Высокий посещал нас без предварительного уведомления раз в месяц. Он возвращался на Фриэл-стрит в конце сентября, в конце октября и в конце ноября. Он следовал этому распорядку три месяца, пока мы находились в Виннипеге, а потом следующие три месяца в Риджайне. Хотя мы не видели его в остальное время, было ясно, что он ездил по Канаде вместе с нами, жил в городах, где мы жили, всегда рядом. Была ли у него жена? Семья? Имел ли он детей, и были ли они уродами, как он? Была ли у него другая жизнь, кроме служения своей организации? А у меня? Иногда Высокий приезжал один; иногда же он приводил с собой спутника. Дважды мы видели молчаливого чернокожего. Один раз Высокий появился с молодой девушкой. Это случилось в Виннипеге, в квартире на Гуле-стрит. Девушка была возраста Алана и очень привлекательная. Она не была его дочерью — Высокий посчитал нужным пояснить, что она ему не родственница. Это была высокая угловатая девушка с темными волосами и неправильным прикусом, что ее вовсе не портило. У нее были красивые руки. Длинные тонкие пальцы, ногти прекрасной формы. Я сразу же их заметил. О чем он, спрашивается, думал, приведя сюда такую девушку, чтобы она посмотрела на Алана? Хотел спровоцировать, помучить его? Если такова была цель Высокого, он ее достиг.

— Она хотела увидеть клона, — объяснил он, и девушка, к моему разочарованию, не возразила.

Алан в бейсболке с логотипом «Виннипег джетс» (его любимой команды), до самого Калгари при появлении Высокого не говоривший тому ни слова, сидел на диване, молча, не шевелясь, сунув руки между коленями, и смотрел на девушку.

Она знала, что он на нее смотрит, и, как мне показалось, немилосердно заигрывала с ним. Я видел, что она сводит его с ума и наслаждается этим, а он, как я с облегчением замечал и гордился им, беднягой, не выдает своих инстинктов, проступавших в каждом мучительно напряженном дюйме его тела.

Во время каждого визита Высокий спрашивал меня:

— Как продвигается отчет?

Я отвечал:

— Никак. Я его не пишу.

Потом между нами произошел короткий бурный разговор.

— За что мы вам платим?

— Я не взял у вас ни цента.

— Это верно. Крутой воротила, мистер Денежный Мешок.

— А вы кто такой? — спросил я. — Джек Великан?

Этот человек действовал мне на нервы.

— Я — Джек Убийца Великанов. Хотите проверить, как это бывает?

Этот обряд провокаций и запугиваний доставлял ему дополнительное удовольствие. Его главным делом было ежемесячно проверять развитие Алана. Анна охотно давала ему собственную оценку. Она гордилась Аланом, гордилась тем, что работает с ним.

— С каждым днем он все увереннее говорит. У него появилось больше навыков. Он употребляет сложные предложения и идиомы. Пользуется всевозможными разговорными выражениями. Как он сказал на днях? Он увидел что-то, что ему очень понравилось. «Я в отпаде», — сказал он. Телевизор определенно помогает в этом отношении, хотя мы не позволяем ему смотреть слишком много телепередач. Он любит хоккей. Вчера вечером он смотрел игру вместе с Рэем. Я ничего не понимаю в хоккее, но слышала, что он сказал: «Он просто супер. Он их урыл». Похоже, он знает названия всего, что видит. Понимает очень многое из того, что мы ему говорим. У него светлая голова и хорошее мышление, хотя ему не всегда удается ясно сформулировать мысли, к его неудовольствию. Легко расстраивается, когда не может вспомнить слово или не знает его. Он вполне в состоянии осмысливать понятия. Знает, что такое любовь, дружба, доброта и нежность. Иногда он прикладывает слишком большие усилия. Он готов учиться. Смущается, когда чего-то не знает. Но все схватывает на лету. Да, просто на лету. Я надеюсь, что не отстану от него. Он чувствует эмоции. Он присматривается ко мне, оценивает мои чувства. «Тебе грустно?» — спрашивает он у меня. И, знаете, почти

никогда не ошибается. «Ты радуешься?» Он очень заботливый. Правда, по отношению к Рэю не очень, но прогресс налицо. Он вполне прилично читает, хотя ему больше нравится, чтобы читали ему. С недавних пор мы читаем длинные книги, где много глав. Сейчас читаем «Детей из товарного вагона».[11] У нас семь книг из этой серии. Они ему нравятся, хотя он в этом не признается. Он понимает, что эти книги — для детей младшего возраста, но находит их интересными и трогательными. Он уже почти научился читать сам, но до сих пор читает вслух, поэтому стесняется. Мы читаем по очереди — я страницу, он страницу. Я пыталась научить его писать, но он не хочет. Я его не принуждаю. Попробует, когда будет готов. Если он не будет писать, ничего страшного, значит, не будет. У него есть начальные математические навыки, этим занимается Рэй. Он умеет складывать и вычитать, умножать и делить маленькие числа. Он интересуется миром. Он как губка. Ему нравится гулять вместе с нами. Он уже хорошо себя ведет на публике. Он общительный. Спокойный. Но он настороженно относится к мужчинам, до сих пор боится их. Мы брали его в ресторан, и он показал себя с самой лучшей стороны. Он любит поесть, скажу я вам. Его манеры за столом достойны высокой оценки. Что вам еще рассказать?

— Мне бы хотелось посмотреть самому, — сказал Высокий. — Могу я услышать, как он разговаривает? Как читает?

Но Алан ни слова не сказал при нем, никак себя не проявил, несмотря на все наши с Анной просьбы. Пока Высокий оставался в квартире, Алан молча сидел на диване и смотрел телевизор или разглядывал журнал. Когда разговор сворачивал на него, он уходил в свою комнату.

— Что с тобой? — спросила меня Анна после одного из визитов Высокого.

— Я ему не нравлюсь, — сказал я. — Он мне не нравится. Я — не член твоей организации, Анна. Они не могут мне приказывать.

— Отлично, Рэй, — сказала она. — Но ты ведешь себя как ребенок. Что, по-твоему, думает Алан, когда ты ведешь себя подобным образом?

— Я не знаю, что он думает, — ответил я.

— А ты сам подумай. Ты должен быть выше этого.

Я подумал. Я не был выше этого.

Во время своего третьего и последнего посещение квартиры на Фриэл-стрит Высокий сказал, что скоро нам придется покинуть Оттаву. (Это было в конце ноября. Неделю назад мне исполнилось шестьдесят шесть. Мы с Анной решили не отмечать этот день. Мы

подумали, что лучше не поднимать при Алане вопрос дней рождения.) Нам было жаль это слышать. Мы узнали город, полюбили его. Чувствовали себя в нем более или менее удобно.

— Почему нам надо уезжать? — спросила Анна. — Что случилось?

К этому времени я уже знал, что лучше и благоразумнее предоставить ей вести все переговоры.

— Мы считаем, они уже близко.

— Не возражаете, если я спрошу, — сказала она, — что заставляет вас так думать?

Высокому нравилась Анна. Нравился ее муж. Он сожалел о том, что ей приходится иметь дело со мной.

— Они вас разыскивали, — ответил он. — Они были возле вашего дома. Разговаривали с вашими соседями. Они знают, сколько времени пустует ваш дом. Мы считаем, что они обшарили окрестности и обыскали вашу машину. Им известно о вашей причастности к организации. Они помнят вашего мужа.

— Так и должно быть, — сказала Анна.

— Они были у ваших детей, сначала — у дочери в Айове, потом — у сына в штате Вашингтон.

— Вы уверены?

— Да.

— С ними все в порядке? С моими детьми все в порядке?

— Да, все хорошо. Ваши дети не знают, где вы, что вы делаете, и это хорошо. К тому же они решительно пожелали сотрудничать с правительством, чтобы помочь найти вас. Что тоже хорошо.

— Тогда ладно, — сказала Анна. — Значит, с ними все в порядке.

— Пока да, — кивнул Высокий. — Но чтобы защитить их и себя, вы по-прежнему должны избегать любого контакта с ними.

— Да. Так и будет. А Рэя они ищут?

— Похоже, нет. Мы этого ожидали.

— Хорошо, — сказала она. — Это хорошо.

— Мы сделаем для вас все, что в наших силах, — сказал он. — И для него, — кивнул он в мою сторону.

— Значит, вы думаете, они близко?

— Именно так.

Я больше не мог молчать.

— Это «команда Долли»?

— Называйте их как угодно, — сказал Высокий. — Им все равно.

— Отчего вы думаете, что они близко? Что заставляет вас думать, что они существуют? У вас есть реальные доказательства

того, что они приближаются?

Оказалось, что это до отвращения просто — вникнуть в их жаргон и начать им пользоваться.

— Они здесь, — сказал он. — Или будут здесь очень скоро.

— Но, — настаивал я, — откуда вы это узнали?

— Вы действительно хотите знать или спрашиваете просто так, чтобы не молчать?

— Послушайте, — обратилась к нему Анна. — Это важно. Вы не должны так разговаривать с Рэем. Особенно при Алане. Понимаете?

Я был благодарен ей за заступничество.

Высокий улыбнулся.

— Я понимаю, — сказал он. — У вас три дня. Это все, что я могу вам дать.

— Самое печальное то, что Алану здесь нравится, — проговорила Анна. — Он только почувствовал себя дома.

— Сожалею, — развел руками Высокий.

— Мы уедем далеко? — спросила она.

— Смотря что вы подразумеваете под словом «далеко».

— Господи! — взорвался я. — Куда мы поедем? Просто скажите, и покончим с этим дерьмом.

Я удивился сам себе: это было выражение моего отца.

— Узнаете, когда придет время, — ответил Высокий.

Вообще-то наши передвижения было легко предсказать. Всякий раз мы переезжали на запад, в ближайший город, большой или маленький. Однако нам пришлось еще дважды выслушать эту загадку, «пойди туда — не знаю куда», через три месяца в Виннипеге и еще через три месяца в Риджайне.

— Как у вас с деньгами? — спросил он Анну в один из следующих визитов. — Хватает?

— Мне бы хотелось больше, — без колебаний ответила Анна. — У вас они есть?

Высокий посмотрел на меня, словно давал понять: он знает, что у меня еще много денег. У меня их было больше, чем он мог себе представить.

— Думаю, сумеем наскрести, — сказал он Анне. — Получите перед отъездом.

Это было в конце мая, прямо перед нашим переездом из Риджайны в Калгари и перед моим вторым инфарктом. Я вспомнил разговор о деньгах, потому что считал это одной из своих немногих побед. А еще потому, что в тот вечер, прямо после ужина, мы решили рассказать Алану, кто он такой.

Алан подолгу смотрел телевизор. Гораздо больше, чем, по

моему мнению, было необходимо, но уверенность Анны в полезности этого занятия одерживала верх. Сначала он воспринял телевидение восторженно и, как зачарованный, смотрел все подряд. Но к тому времени, когда мы переехали в Виннипег, он научился разбираться в программах и пользоваться пультом, а также запомнил время и каналы тех шоу, которые ему нравились. Как я уже говорил, он был готов смотреть телевизор по шестнадцать часов в день, сидя по-турецки на полу, как можно ближе к экрану и включив звук на полную громкость. Ради его психики мы заставили Алана соблюдать определенные правила, очень мягкие, но он неохотно соглашался им следовать. Он смотрел телевизор час утром, перед завтраком, час ближе к вечеру, после занятий, если не было запланировано других дел, и два часа после ужина, когда он заканчивал мыться. Если играли «Виннипег джетс», мы позволяли ему смотреть матч до конца. Запрещалось смотреть телевизор во время еды, исключались мультфильмы, детские программы, фильмы ужасов — этот запрет мы наложили, учитывая печальные подробности его жизни, — и любые передачи, где показывалось или одобрялось насилие. Мы сделали беспринципное исключение для хоккея. Один из нас сидел с Аланом в комнате, когда был включен телевизор. Мы не подумали о том, что надо запретить порнографию, которую легко было отыскать после полуночи. Больше всего мы опасались, что он раньше времени увидит или услышит что-то, относящееся к клонированию: сообщение в новостях (иногда в канадских газетах появлялись антиамериканские статьи, включавшие клонирование в список зол, содеянных нашей страной), художественный фильм, брошенную по ходу действия шутку в одной из глупых комедий, которые он смотрел. Но мы зря беспокоились. Даже в Канаде люди почти ничего не знали об этом.

Алан был страстным болельщиком «Виннипег джетс». Настоящим фанатом. Впадал в эйфорию, когда они выигрывали, погружался в отчаяние, когда проигрывали, а в тот сезон, к сожалению, они были не на высоте. Мой отец точно так же относился к «Бостон ред сокс», так же реагировал на их победы и проигрыши. Но отец вырос, играя в бейсбол и следя за играми «Ред сокс». До того, как Алан посмотрел свою первую игру — он наткнулся на хоккей случайно, переключая каналы после ужина, — он ничего не знал о хоккее. (Подозреваю, что в его мгновенном и абсолютном увлечении, в его самозабвенной преданности игре, не имевшей никакого реального смысла, можно отыскать некую антропологическую истину.) Возвращаясь к написанному ранее: такие понятия, как спорт, спортсмен, соревнование — или сама игра, — ничего для него не значили.

Несомненно, его притягивали состязание, борьба. Но он точно так же мог смотреть танцы, политические передачи, мелодрамы или фильмы про войну, хотя ничего обо всем этом не знал. В городе, где я вырос, в конце нашей улицы был парк с катком, обнесенным бортиками высотой по пояс. В этом круглосуточно открытом уютном здании я учился кататься на коньках, двигая перед собой по льду кухонный стул. Хотя я не научился скользить назад, не падая, и постоянно следил за этим, я иногда играл в хоккей. Я знал правила, но не тонкости. Игры профессионалов не привлекали меня. Однако Алану, который был исключительно болельщиком, интереса к катанию на коньках никогда не проявлял, они нравились. Когда он смотрел шестую игру, он уже знал имена почти всех игроков «Джетс», их номера и разбирался в хоккее достаточно, чтобы понимать, что происходит, выигрывают они или проигрывают, какие допущены нарушения. Чтобы заслужить его симпатию, я смотрел матчи вместе с ним.

В середине февраля, перед отъездом из Виннипега, мы повели его на игру «Джетс». Вечер был ясным и сухим, снег на земле походил на хозяйственное мыло. Было ужасно холодно и ветрено, я не мог припомнить такого мороза. При дыхании ноздри покрывались инеем. Любая открытая часть тела леденела через несколько минут.

Анна попыталась отказаться. Хоккей ее совершенно не интересовал.

— Это хороший шанс для тебя и Алана, — говорила она, — если вы пойдете туда вдвоем.

Я настоял, чтобы она пошла. У нас с Аланом уже образовалась некая привязанность, но я не считал, что мы полностью к этому готовы. Я тревожился, что игра может его чрезвычайно возбудить или расстроить. Так и произошло, Алан обезумел от того, что первая шайба влетела в ворота во время заключительного сигнала, но, несмотря на обескураживающий счет, это было еще, так сказать, радостное безумие. Чем хуже шли дела у «Джетс», тем громче кричали и стонали вокруг нас болельщики, к тому времени уже пьяные, а Алан присоединялся к ним, упиваясь их общим несчастьем. Наверное, это были самые счастливые три часа в его жизни.

Мы хорошенько утеплились — Алан отказался надеть что-то другое вместо своей бейсболки «Джетс» — и взяли такси до катка. «Джетс» играли с «Оттава синэйторс», их главными соперниками, по словам Алана, гораздо более сильными. Поход на матч был моей идеей, и я заплатил за билеты. Места, купленные в последнюю минуту, были плохими — в самом верхнем ряду, в задней секции, но Алан не жаловался. К его огромному

удовольствию, «Джетс» неплохо играли всю первую половину первого периода и даже забили гол, используя численное преимущество (должно быть, это было их единственной целью). За две минуты до перерыва с вратарем «Джетс» что-то случилось, словно его околдовали или подкупили, и он пропустил три шайбы подряд.

— Как решето, — сказал мне Алан, и вместе с остальными болельщиками оглушительно потребовал отправить вратаря на скамью запасных, а потом наказать.

Алан получил свою первую кока-колу. В лобби, по пути наверх, я купил ему сувенирную программку и вымпел, чтобы он повесил его над кроватью. После игры — несмотря на проигрыш, Алан был счастлив — я купил ему хоккейный свитер, где на спине было написано имя его любимого игрока, американского крайнего нападающего по фамилии Финнеган, почти весь вечер проведшего в хоккейной коробке.

К концу второго периода счет был 7:1 в пользу «Синэйторс», которые к тому времени при каждом перемещении катались только по четвертой линии, а также заменили своего знаменитого вратаря дублером. В перерыве перед заключительным периодом множество болельщиков ушли домой, у большинства из них был сезонный абонемент на лучшие места. В начале третьего периода я увидел целый ряд пустых мест вдоль половины поля «Джетс», где происходило основное действие на повороте, прямо возле стекла. Я сказал Анне, куда пойду, и велел следить за мной, когда я подам сигнал. Я нашел контролера в начале секции. Показал ему на места, где мы сидели. Сказал ему, засыпающему на ходу старику, что это первый хоккейный матч моего сына. Потом как можно непринужденнее протянул ему двадцать долларов. Контролер схватил деньги. Потом сказал: он не может дать разрешения на то, чтобы мы спустились вниз, но отвернется. Я подождал, когда ко мне присоединятся Анна и Алан. Увидев Алана, контролер удивился. Наверное, он подумал, что его обманули, но ничего не сказал.

Усевшись так близко ко льду, Алан был вне себя от радости. Должен сказать, зрелище было захватывающим. Даже Анна взволновалась. Мы чувствовали запах льда, ощущали идущий от него холод. Могли видеть лица игроков, покрытые потом, слышать их хриплое дыхание и проклятия. Только находясь так близко, можно было до конца ощутить их скорость и силу. Ярость и гнев, с которым они швыряли друг друга прямо на бортик, в первые несколько минут шокировали. Алан колотил ладонью по стеклу. Выкрикивал оскорбления игрокам «Синэйторс», бросал замечания рефери или громко освистывал незадачливых «Джетс».

Сидя в такси на пути домой, мы втроем устроились сзади, чтобы согреться — в середине Анна, по бокам мы двое, — Алан, не закрывавший рта с самого конца игры, вдруг резко притих. Потом посмотрел на меня и сказал:

— Спасибо.

Он и раньше говорил мне это — Анна настаивала, чтобы он был вежливым, — хотя редко заговаривал со мной, только если рядом не было Анны. Но то, как искренне он это сказал, привело меня в замешательство.

— Не за что, — ответил я.

— Спасибо, Рэй, — сказал он, желая все сделать правильно, — за то, что взял меня на игру.

— Пожалуйста, мне самому приятно, — сказал я.

— Мне понравилось, — сказал он.

— Я рад, — кивнул я. — Рад, что тебе понравилось.

Я действительно был рад.

— А тебе? — спросил он. Слышать это от него было более чем необычно. — Тебе понравилось?

— Да, — ответил я. — Очень. Спасибо за то, что спросил.

— Не за что, — сказал он.

Я видел, что Анна довольна.

— Жаль, что они проиграли, — заметил я.

Алан улыбнулся.

— Они плохо играли.

— Ага, точно.

— Разве нет?

— Никуда не годились.

Он засмеялся.

— Никуда не годились, — повторил он. — Это точно.

Потом стал спрягать глагол.

— Никуда не годились, — говорил он. — Никуда не годятся.

Этим и закончилась наша знаменательная беседа. По пути домой Алан больше не произнес ни слова. В квартире все пошло своим чередом, Алан сосредоточился исключительно на Анне.

Когда мы жили в Виннипеге, на Гуле-стрит, Алан открыл для себя порнографию. К тому моменту, когда я поймал его на этом, он, по-видимому, смотрел ее уже несколько ночей, а может, несколько недель, не могу точно сказать. После полуночи начинали работать три или четыре канала, где показывали самую отвратительную порнографию, фильмы и настоящие акты, непрерывно до раннего утра, с короткими перерывами на рекламу. Рекламировали в основном разные приспособления для секса, эротические сайты и тому подобное, да и сама реклама была до ужаса непристойной. По закону эти каналы расположены

в верхнем пределе частот, выше 400. Объясняется это так: поскольку мало каналов работает на частотах выше 300, вероятность того, что кто-то — например, ребенок, оставшийся без присмотра, — случайно наткнется на это дерьмо, минимальна. Печально известно, что эти законы, независимо от их формулировок, неэффективны. Единственное, что они предотвращают, во всяком случае пока, это демонстрация детской порнографии. Алан, наверное, был единственным разумным существом в Виннипеге, точно не знавшим, где эти каналы и что они предлагают.

Понятия не имею, как он наткнулся на них. Что ему помогло — интуиция, движимая желанием? Извращенная предусмотрительность? Чистая случайность? Но, сколько бы это ни продолжалось, он вставал с постели около полуночи, когда я крепко засыпал и начинал храпеть, и тихо шел в гостиную, где смотрел эти каналы почти без звука, из уважения к нам или просто оберегая свою конфиденциальность. Он сидел на диване, спустив пижамные брюки. В комнате было почти темно, ее освещал лишь тусклый свет экрана телевизора. Он мастурбировал, когда я вошел, и, по-видимому, кончал в бумажное полотенце, комок которого держал в свободной руке. Рядом с ним на диване лежал целый рулон.

Увидев его в таком состоянии, я оторопел. И обрадовался, что его обнаружил именно я, что Анна ничего не видела.

— Прости, — сказал я. — Я не знал, что ты здесь.

А что мне было еще сказать? «Выключай»? «Продолжай»? Я стоял с глупым видом, словно ожидал ответа. Алан не меньше моего был смущен моим появлением. Он немедленно остановился и выключил телевизор с помощью пульта. В спасительной темноте он натянул штаны, собрал использованные бумажные полотенца и вышел из комнаты, не сказав ни слова и не взглянув на меня. Я пошел в туалет. Когда я вернулся в спальню, он лежал в постели и спал или притворялся, что спит.

Я ничего не сказал Анне о том, что видел. Следующей ночью, когда я проснулся в два, потому что захотел в туалет (Алан вряд ли знал, что такое простата, и вряд ли предполагал, что моя стала большой и твердой, как орех), его не было в постели. Я снова нашел его в гостиной. Он сидел на диване, смотрел на экран, рядом лежали бумажные полотенца, и так далее. У меня был день, чтобы подумать о том, что можно сделать. Я решил предложить ему сесть и посмотреть это вместе с ним (но без мастурбации), даже объяснить, что он видит («А это у нас…»), желая таким образом лишить ситуацию незаконности, которая отчасти могла его привлекать. Но Алана влек не запретный плод.

Он не чувствовал стыда, не винил меня за вторжение. Ему просто хотелось наблюдать за людьми, мужчинами и женщинами — я уверен, что другой канал был полностью посвящен гомосексуализму, но это его не привлекало, — юношами и (о, прекрасный новый мир!) девушками, которые занимались сексом, и чем более четко, чем более близко и подробно был показан акт, тем лучше. Для него это было образовательной и, как я теперь думаю, необходимой программой. Обнаружив мое присутствие, он выключил телевизор, собрал вещи и молча отправился прямо в постель. Я смотрел на него, чтобы понять, не сердится ли он на меня за вторжение, но он не был ни сердит, ни смущен. Он отнесся к этому спокойно, как к чему-то естественному.

Следующей ночью я проснулся в час. Я заранее так решил. Я должен был разобраться. Как пуританин. Возможно, мне не следовало ему мешать. Я не был ему отцом, я был — так точнее всего охарактеризовать наши отношения — его хранителем. Помощником хранителя. Какой бы я ни считал свою роль, в нее, разумеется, не входили слежка и вмешательство. Уже третью ночь подряд я не находил Алана в кровати. Я заглянул в гостиную. Он был там, поглощенный своим занятием. Я постарался не выдать себя. Сходил в туалет и вернулся в кровать. Через некоторое время я услышал, как он бродит по кухне. Похоже, делал себе сандвич — он любил сандвичи с арахисовым маслом и желе. Когда он вернулся в постель, я еще не спал. Я решил утром поговорить с Анной.

Пока Алан был увлечен одним из шоу, которые обычно смотрел перед завтраком — какой-то фарс про семью роботов, похожих на людей, — я рассказал Анне о том, что видел. Она разъярилась, сначала на него, а потом и на меня.

— Уйди с дороги, — велела она.

Мы стояли на кухне. Она была в ночной рубашке и халате. Ее отраставшие волосы находились в непокорной промежуточной стадии, по утрам она выглядела мертвенно-бледной и взъерошенной.

— Я хочу с ним поговорить.

— Давай сначала поговорим мы с тобой, — предложил я.

— И ты так запросто позволил ему заниматься этим?

— Что значит «позволил»?

— Ты ему ничего не сказал?

— Мне и не пришлось. Он остановился, едва увидел меня. Выключил телевизор. Собрал все. Пошел спать.

— Что он сказал?

— Ничего.

— Он понял, что ты все видел?

— Да.

— Все так плохо?

— Думаю, очень плохо, — сказал я. — Я не знаю, как это расценивать.

— Да уж, — проговорила она. — Мне надо с ним поговорить.

— Что ты скажешь?

— Понятия не имею. Я этого не ожидала. А ты ожидал?

— Я и представить себе не мог, — ответил я. — Ведь ты воспитывала мальчиков.

— Они такого не делали.

— Не мастурбировали?

— Не смотрели порнографию, — пояснила она. — Дай-ка мне подумать.

Анна открыла шкафчик, взяла стакан, достала из холодильника апельсиновый сок и налила в стакан. Сделав глоток, она скривилась.

— Ну и кислятина, — сказала она и поставила стакан на стол. — У нас никогда не было такой проблемы. — Анна покачала головой. — Прости меня. Я зря на тебя набросилась. Это не твоя вина.

— Понимаю, что не моя, — ответил я.

— Что ты об этом думаешь?

— Не знаю, что думать, — пожал я плечами. — Ужасно неловко.

— Ты это делал?

— Что делал?

— Смотрел порнографию?

— Меня это никогда не интересовало, — ответил я.

Она поставила пакет с соком обратно в холодильник и вылила сок из стакана в раковину.

— Жуткая гадость, — сказала она. — Больше такой не покупай.

Она ополоснула стакан под краном и поставила его в сушилку.

— Наверное, это моя вина.

— Как это? — не понял я.

— Ну, то, что я ему сделала.

— А! — отмахнулся я. — Я так не думаю.

Мне вдруг пришло в голову, что наш разговор похож на разговор родителей.

— В этом нет ничьей вины, Анна.

— Сомневаюсь, — сказала она. — Что мне ему сказать?

— Не знаю. Объясни, почему ты считаешь это неприятным. Расскажи, что ты чувствуешь, узнав о том, что он это смотрит.

— Может, тебе с ним поговорить? — предложила она. Я еще ни разу не видел, что она отступает. — Ты ведь мужчина.

— Думаю, твои слова произведут на него гораздо более сильное впечатление.

Это была не просто отговорка. Я действительно так думал.

Я видел, как она собирается с силами. Анна выпрямила спину, напрягла челюсть.

— Пойду, приведу себя в порядок, — сказала она, — оденусь. Потом поговорю с ним.

— Хочешь, чтобы я присутствовал?

— Как тебе угодно, — ответила она.

Анна вновь появилась, когда мы с Аланом сидели за столом и завтракали. Я сварил овсянку. Алан положил в свою кашу изюм и коричневый сахар, а я любил добавлять немного молока. Анна приняла душ, припудрилась тальком со свежим запахом. От нее пахло чистотой. Она причесалась, накрасила губы. На ней была юбка в цветочек, длиной по колено, которую она при мне еще ни разу не надевала, и белая хлопковая рубашка в мужском стиле, с короткими рукавами и расстегнутым воротом. Ноги без чулок. Была самая середина виннипегской зимы, а она была одета как весной в Вирджинии. Конечно, она не собиралась идти в таком виде на улицу. Она прекрасно выглядела. Думаю, она выглядела так же хорошо, как в дни нашего давнего знакомства.

Мне показалось, что реакция Анны на недолгий эксперимент Алана с порнографией (опыт был действительно коротким: после разговора с Анной он больше не смотрел эти каналы) отчасти объяснялась ее некогда задетыми чувствами. Самым разумным объяснением остается то, что она долгое время оставалась для Алана единственной женщиной, причем, что очень существенно, единственной женщиной, с которой у него был секс, пусть и неполноценный. (Подозреваю, что для Анны этот случай был гораздо важнее, чем для него.) Но сейчас, шесть месяцев спустя, если не в детском сердце Алана, то в его взрослом воображении Анну затмили (или оттеснили в сторону), во-первых, молодые женщины из телепрограмм до и после полуночи, а во-вторых, те, которых он видел на улицах Оттавы и Виннипега. Они затмили ее своей красотой, юностью и сексапильностью. Я не знал, что чувствовала в такой ситуации Анна. Никогда ее не спрашивал, а она никогда не говорила об этом.

Когда посуда после завтрака была вымыта, вытерта и расставлена по местам, Анна попросила Алана сесть с ней в гостиной. В то утро она не стала завтракать.

— Зачем? — спросил он без тени раздражения.

— Я хочу с тобой поговорить.

— Ладно, — согласился он.

Алан сел в центр дивана, на свое обычное место, глядя на выключенный экран телевизора. Анна устроилась рядом, повернувшись к нему лицом. Он продолжал смотреть прямо перед собой, не желая, я в этом вполне уверен, быть грубым. Я опустился в кресло, которое стояло в простенке между окнами. Я собирался помочь Анне, если понадобится (но это не понадобилось), а пока сидел тихо, стараясь быть незаметным.

— Алан, — сказала Анна. — Я хочу поговорить с тобой кое о чем, от чего мне грустно.

— Тебе грустно? — спросил он.

— Да, — кивнула она. — Но я не сержусь. Я хочу, чтобы ты знал это. Я не сержусь на тебя.

— Ладно, — сказал он.

Он по-прежнему сохранял абсолютное спокойствие.

— Мне не нравится то, что ты смотришь по телевизору, — сказала она.

Мне показалось, что по его лицу пробежала тень растерянности.

— Я имею в виду то, что ты смотришь по ночам.

На лице Алана не отразилось никаких признаков того, что он понимает, о чем она говорит.

— То, что ты смотришь, когда мы спим.

Он улыбнулся. Заинтересовался.

— Мне не нравится, что ты это смотришь.

— Я хочу трахнуть девушку, — сказал он.

— Так, подожди, — сказала Анна и приблизила к нему свое лицо. — Во-первых, мы так не говорим. Мы с тобой уже договорились. Я уверена, что ты помнишь об этом. Ведь помнишь?

— Да, — кивнул он.

— Значит, ты должен прекратить это. Сейчас же. Больше так не говори.

— А как вы это называете? — Он обратился к нам обоим.

— Я это никак не называю, — ответил я.

— Очень хороший вопрос, — сказала Анна, словно дала понять, что мой ответ был совершенно никчемным. — Когда-нибудь, а может быть, очень скоро, ты встретишь девушку.

Мне показалось, что изначально она приберегала это на самый конец разговора, в качестве заключительного радостного аккорда.

— Вы с ней познакомитесь. Ты полюбишь ее, а она полюбит тебя. Если ты будешь добрым, нежным и внимательным, а я знаю, что ты таким будешь, и если тебе повезет, она тебя полюбит. У

тебя всегда есть возможность быть любимым. Если ты ее будешь любить и если через какое-то время она захочет того же, что и ты, вы это сделаете. То, чем вы оба займетесь, будет замечательно, хорошо, чудесно. Когда мы говорим об этом, мы называем это «заниматься любовью».

— И это совсем не то, что ты видел по телевизору, — добавил я.

Алан не обратил на меня внимания. Он пытался осмыслить слова Анны. К тому времени Алан прекрасно понимал, что такое любовь — думаю, он по-своему любил Анну, — но мысль о том, что ею можно «заниматься», сбила его с толку.

Наконец он в отчаянии сказал (это было накопившееся отчаяние):

— Я хочу трахнуть девушку. — Это прозвучало с таким чувством, что на него было невозможно сердиться. — Почему мне этого нельзя?

Анна слегка смягчилась.

— У тебя будет девушка, — заверила она. — В один прекрасный день она появится. Обещаю. И давай больше не употреблять таких слов. Ладно?

— Да, — сказал он.

Анна стала излагать моральные и политические аргументы против порнографии. Этого термина Алан прежде не слышал, а она не настаивала, чтобы он понимал. Все аргументы были известны — овеществление, расчеловечивание женщин, поощрение насилия по отношению к ним, девальвация секса, физической и эмоциональной близости, горе и печаль вокруг, и прочее. В своей речи Анна изо всех сил старалась изъясняться простым и ясным языком. Правда, несмотря на простоту и ясность, я не считал эти аргументы убедительными. Но на Алана, несмотря на мое мнение, они мгновенно произвели желаемый эффект. Меня удивило и сильнее всего поразило то, что в качестве примера Анна привела своего первого приятеля, с которым она встречалась в колледже, психопата и страстного любителя порнографии по имени Уилф. Не вдаваясь в детали, она рассказывала о его жестоком обхождении с ней, а еще, с долей сочувствия, о пустоте и трагичности его жизни. (Когда мы остались одни, я спросил у Анны, знает ли она, что стало с Уилфом после колледжа. Она ответила, что не знает и не хочет знать.)

Когда стало ясно, что Анна сказала все, что собиралась сообщить Алану, я проговорил:

— Хорошо. Ты молодец.

— Спасибо, — ответила она. — Надеюсь. Я не уверена.

— Напрасно, — сказал я. — Ты все сделала мастерски.

— Я говорила понятно?

— По-моему, да. Абсолютно понятно.

— А ты что думаешь? — обратилась она к Алану. — Может быть, ты чего-то не понял? У тебя есть вопросы?

По его виду было трудно что-либо уяснить. Он слушал вежливо и внимательно, но не выражал никаких эмоций.

— Ты понял, о чем я говорила? — спросила Анна.

— Да, — ответил он.

Скорее всего, так и было. Потом, взглянув Анне в глаза, он сказал:

— Им это нравится.

— Кому? — удивилась она.

— Девушкам. Им нравится заниматься любовью.

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

— Они улыбаются, — ответил он. — Они все улыбаются.

Прежде чем мы переехали из Оттавы в Виннипег — дорога была долгой, и мы провели ночь в мотеле Тандер-Бея, — Высокий забрал у нас зеленую китайскую машину, жестянку, ставшую совсем неприглядной, и взамен нее пригнал относительно новый и красивый фургон «Тагор». В конце нашего пребывания в Виннипеге он заменил фургон, который нам было ужасно жалко терять, на «олдсмобиль ридьюкс», громоздкий старый седан. На нем мы отправились из Виннипега в Риджайну. Анна вела машину, Алан спал на заднем сиденье. В начале марта было еще очень холодно. День выдался сухим и солнечным, но дороги покрывал снег, принесенный ветром с полей, в воздухе поблескивал иней. Для моего просвещения и чтобы убить время, Анна рассказывала мне о том, что могло бы случиться — и едва не случилось, по ее утверждению, — если бы правительство не забрало клонирование из рук корпоративных врачей и юристов. Коммерциализация клонирования, изготовление детей-клонов на продажу.

— Возьмем гипотетический случай, — говорила она, — который гипотетически не произойдет еще долго. Бесплодная пара, приличные, цивилизованные люди после множества неудачных попыток зачатия решают клонировать ребенка. Они печальны, расстроены, они отчаялись. Им нельзя не посочувствовать.

— Нельзя, — согласился я.

— Хорошо, — сказала она. — Отлично. Они идут к врачу, который специализируется в клонировании. Этот шаг больше не является чем-то экстремальным и находится в рамках закона. Они

знакомятся с несколькими парами, сделавшими то же самое, хотя, по мнению нашей пары, это крайний выход. Врач выслушивает их историю. Он слышал подобное много раз. Он предлагает им рассмотреть возможность клонирования ребенка из клетки донора, не имеющего отношения ни к ним, ни к кому-либо из их родственников.

— В их случае, — заметил я, — это явное улучшение.

— Ты шутишь, но так и есть, — сказала она. — В общем, пара соглашается. Врач говорит, что ребенок, которого они выберут, станет лучше и красивее, чем мог бы получиться их собственный ребенок. Они не возражают против такого предложения.

— Почему?

— А почему нет? — пожала плечами Анна. — Если это возможно и безопасно, почему бы им не захотеть ребенка лучше и совершеннее того, которого они, даже если бы им очень повезло, могли бы зачать сами? Нашим ребятам не приходит в голову, что врач может предложить это любой паре. Даже тем, у кого нет проблем с зачатием. Да и почему им это должно прийти в голову? Они не понимают, почему бы им не выбрать улучшенного ребенка. Им нравится мысль о прекрасном младенце. Она утешает их и внушает гордость.

— Но это будет не их ребенок, — заметил я.

— С одной стороны, да. С другой — женщина будет вынашивать его. Рожать. Нянчить. Они будут его воспитывать. Любить.

— Но все же…

— Все же, — кивнула она. — Итак, врач показывает им каталог имеющихся доноров. Можно прочесть их биографии, рассмотреть цветные фотографии анфас и в профиль. В клинике имеются замороженные образцы тканей каждого подходящего ребенка. Нашей паре называют цены. Они выбирают самого лучшего ребенка из имеющихся или же лучшего их тех, кого они могут себе позволить. Скажем, они богаты, деньги для них не проблема, а красота — главное достоинство. И они хотят клонировать в качестве своего ребенка Клариссу Харлоу.

— Клариссу Харлоу?

— Что бы ты ни говорил о ее поступках, она считалась самой красивой женщиной своего поколения.

— Она была героиновой наркоманкой, — сказал я.

— Неважно. Предположим, нам действительно нравится эта пара, и мы хотим, чтобы они были счастливы. И мы считаем, что они заслуживают своего счастья.

— Ее обезглавили.

— Неважно. Она была красавицей. Наша пара хочет иметь

дочь, и в первую очередь им нужно, чтобы дочь была красавицей.

— Они хотят, чтобы их дочь была Клариссой Харлоу?

— Да, — ответила Анна. — И они верят, что, когда ребенок родится, у них будет своя собственная Кларисса Харлоу. Теперь представь себе, что все, или хотя бы один процент тех, кому хочется красивую дочку, выбирают для клонирования Клариссу Харлоу.

— Ты нарочно преувеличиваешь, — не поверил я.

— Нет, — возразила она. — Но даже если не учитывать ужасные обстоятельства появления на свет этих детей, представь, что каждую секунду по всей стране прихорашиваются тысячи Кларисс Харлоу, молодых и старых, по сотне в каждом городе. Вполне возможно, что несколько этих красавиц столкнутся друг с другом на улице. А что будет с нашими представлениями о красоты? О таланте? Об индивидуальности? О личности? Клонирование становится деспотизмом, когда те, кто им занимается, перестают контролировать количество клонов. Один этот пример показывает, что клонирование не дает нам естественной возможности следовать собственным путем, гасит желание иметь своих детей, от своей плоти и крови. Возможность клонирования неизбежно изменит цивилизованное представление о том, что все дети, независимо от того, какие они, желанны: оно превратится в убеждение, что стоит иметь только таких детей, в ком воплощаются наши желания и потребности.

И вот о чем я подумал, немного отклонясь от темы, сидя на пассажирском месте нашего автомобиля. Если бы Алан был моим сыном, точнее, если он был клоном моего умершего взрослого сына, и мне пришлось бы заменить им сына, я бы еще больше тосковал о своем потерянном ребенке.

Мы провели в Риджайне несколько недель, обжившись в таунхаусе на Сен-Джон-стрит (после шести месяцев, проведенных в довольно тесных квартирах, мы с Аланом были счастливы получить по отдельной спальне), когда мне вдруг пришло в голову тайком отвести Алана в бордель в один из вечеров, когда Анна уснет.

Мне было жаль парня. Желая успокоить Анну, он выполнил то, о чем она просила: с момента их разговора в Виннипеге не смотрел порнографию и, как мне казалось, перестал заниматься мастурбацией. В занятиях с Анной он делал фантастические успехи. (Во время ежемесячных визитов Высокого Алан по-прежнему отказывался что-нибудь делать и лишь молча сидел на диване.) Недавно Анна начала читать ему «Большие надежды». С ее помощью Алан разбирался в языке и в сюжете, и книга, похоже,

ему нравилась. (Анна говорила мне, что он считает реалистических персонажей романа — Пипа, Джо и миссис Джо, Эстеллу — не менее вымышленными и фантастическими, чем очевидный гротеск.) Его речь была еще слегка замедленна, он часто повторял и переспрашивал слова и стеснялся этого. Но когда он расслаблялся, когда у него все ладилось, когда он был в настроении, он разговаривал содержательно и понятно, а временами даже отличался красноречием. Кроме тех случаев, когда он бывал расстроен или испуган, он вел себя довольно уравновешенно и сдержанно. Ничто в его поведении не отличало его от многих других здравомыслящих юношей его возраста, он хорошо вел себя и наедине с нами, и в общественных местах, хотя мы пока никуда не отпускали его одного. Он упорно трудился, чтобы стать — меня смущает это слово — нормальным. В его усердии было нечто печальное: никто не мог оценить его усилия и результаты, кроме Анны и меня, а наша реакция его не интересовала. Уединение вкупе с полным воздержанием и абсолютной неприхотливостью — такую жизнь я избрал сам себе и прожил так сорок лет. Но Алан, все свое время, кроме последних семи месяцев, проведший взаперти вместе с другими клонами (добавьте сюда шутку об американском государстве), был молод, силен и, как оказалось, отчаянно гетеросексуален. Если моя жизнь после смерти Сары была похожа на жизнь мисс Хэвишем[12] — а это именно так, хотя я могу гордиться тем, что не мстил никому, кроме себя, — то Алану не оставили никакого выбора, кроме как жить с нами жизнью Рапунцель.[13] По моему мнению, теперь, когда он узнал то, что знает каждый, когда увидел, что можно делать и что могут делать с ним, ему настоятельно требовалась девушка. Девушка-профессионалка, которая хорошо его обслужит и с которой он будет в безопасности.

Я никогда не был в борделе. Никогда не видел проститутку и, наверное, узнал бы ее только в том случае, если бы она подошла и лизнула меня в ухо. В тех редчайших случаях, когда мне приходило в голову поискать утешения в борделе, я чувствовал лишь вину, ужас и отвращение. Но в данном случае я собирался выступить в качестве сводника и заплатить за опыт Алана. В Риджайне легальные бордели, женские и мужские, тесно сгрудились в районе под неофициальным названием Чистилище. Это были два квартала развлекательных заведений — казино, интернет-кафе, бары, клубы, ретро-кафе, залы игровых автоматов, многозальные кинотеатры, виртуальный «Мир Диснея» для детей, а также «Глобус», единственный профессиональный театр Риджайны. Я знал, где находится Чистилище — надо было

пройти примерно полмили от нашего дома до Скарс-стрит. Мы ходили этим маршрутом несколько раз в день — вскоре после нашего приезда в Риджайну мы повели Алана в кино, на какой-то оглушительный, безумный фантастический фильм, который ему не понравился и мы не досмотрели до конца. Однако там не было никаких признаков, указывающих на особое предназначение этого места: ни фонарей, ни клиентов, ни девушек.

Мы с Аланом сидели в гостиной и смотрели новости о засухе на северо-западе Канады, где уже несколько зим подряд почти не было снега. Я сидел на диванчике, Алан — в небольшом мягком кресле, положив ноги на оттоманку. Был двенадцатый час ночи, вечер буднего дня середины марта, в Риджайне еще стояла настоящая зима. Анна рано легла спать. Нам обоим надоело шоу. Алан был неспокоен.

— У меня есть идея, — сказал я. — Давай выключим телевизор?

— Мне все равно, — ответил он.

— Если тебе интересно, я не буду выключать.

— Нет, мне неинтересно, — сказал он.

— Знаешь, — проговорил я, — у меня есть идея.

— Какая идея?

— Давай погуляем? Ты и я. Как тебе предложение?

— Как мне предложение?

— Да, — кивнул я.

— Я не знаю, как мне предложение, — отозвался он. — А она пойдет с нами?

Под словом «она» Алан всегда подразумевал Анну.

— Она спит, — сказал я. — Пусть спит. Она устала.

— Она устала, — повторил он. Вы можете подумать, что это прозвучало враждебно, но это не так. — А ты устал?

— Нет, — ответил я. — Поэтому я предлагаю тебе прогуляться.

— Со мной?

— Да.

— Без Анны?

— Да. С тобой. Если хочешь. Ты хочешь?

— Я не знаю, хочу ли, — проговорил он. — Она спит крепко?

— Думаю, да, — ответил я.

— Уже пора спать?

— Ну да. Уже пора спать. Поэтому мы можем лечь спать. Если ты устал. Если ты не устал, мы можем погулять. Если хочешь.

— Я не знаю, хочу ли. Я и ты?

— Да, — подтвердил я. — Мы вдвоем.

— Мы никогда раньше не гуляли вдвоем.

— Верно. Не гуляли.

— Темно.

— Темно.

Мне было трудно не уподобляться в разговоре ему. У Анны с этим не было проблем.

— Холодно.

— Послушай, Алан, нам необязательно идти.

— Ладно, — сказал он.

— Это значит ты не хочешь идти?

— Это не значит, что я не хочу идти, — ответил он. — Куда мы пойдем?

— Ну, у меня есть идея.

— Какая идея? — спросил он, и мы вернулись к тому, с чего начали, что очень часто получалось в наших разговорах.

— Что скажешь насчет того, чтобы прогуляться до места, где ты можешь побыть с девушкой?

— Скажу, что мне хочется побыть с девушкой, — сказал он.

— Я так и думал.

— Ты так и думал. С какой девушкой?

— С красивой девушкой.

— Она мне понравится. Как ее зовут?

— Я с ней пока не знаком, — ответил я.

— Я с ней тоже не знаком, — повторил он.

— Мы с ней познакомимся, и она скажет тебе свое имя.

— Когда я с ней познакомлюсь?

— Когда мы придем туда, куда собираемся, — сказал я.

— Куда мы собираемся?

— Мы собираемся в такое место, где для тебя есть девушка.

— Красивая девушка, — уточнил он.

— Правильно.

— Для меня.

Ночь была холодной — Алан настоял на том, чтобы надеть бейсболку «Джетс», — но почти безветренной, воздух был сухим и прозрачным. Когда мы вышли из дома, уже миновала полночь. Не привыкший выходить на улицу так поздно, да еще без Анны, всегда сопровождавшей его, Алан нервничал и держался ближе ко мне, хотя между нами оставалось расстояние, чтобы наши тела не соприкасались. Около таунхауса на улицах было тихо, и это его успокоило. Мы прошли с четверть мили, не говоря ни слова. Впереди уже показались огни Скарс-стрит и развлекательной зоны, огни Чистилища, когда у меня в голове внезапно прояснилось — редкий момент! — и я абсолютно четко осознал, что на самом деле идея взять Алана в бордель — дурная затея, что это совершенно неприемлемое и безответственное действие,

что последствия такого поступка могут быть очень печальными для всех нас. Алан, возможно, испытает эфемерное сексуальное удовлетворение, но плата за это окажется высокой: крушение иллюзий, тоска и печаль, смущение, растерянность. (Слава богу, он пока не научился ненавидеть самого себя.) Если ему захочется еще, следующий раз выдастся очень не скоро, он будет расстраиваться, злиться и, вполне вероятно, снова вернется, уже с большей настойчивостью, к порнографии. Не говоря уже о том, как это скажется на его чувствах к женщинам вообще и к Анне в частности. Как он станет к ней относиться? Анна рассердится, ей будет больно. Она разгневается и справедливо обвинит во всем меня. Доверие, установившееся между нами, будет безнадежно разрушено. То, что в моих мотивах не было личного интереса (ни унции мудрости или смысла), вовсе меня не оправдывало. Она захочет от меня избавиться, чтобы я больше не имел с Аланом ничего общего. Алан, разумеется, ни в чем не виноват, но сумеет ли Анна простить ему предательство (мне казалось, она расценит все именно так), хотя его проступок сводится лишь к одному — к удовлетворению желания?

Мы подошли к ночному кафе в самом начале развлекательной зоны. Было видно, что внутри у стойки сидят двое мужчин. С того места, где мы стояли, кабинки вдоль витрины казались пустыми.

— Давай зайдем туда на минутку, — предложил я.

— Девушка там? — спросил Алан.

— Нет, — ответил я.

— Она вышла на минутку?

— Нет, Алан. Боюсь, в этом месте девушек нет.

— Боюсь, что я не хочу туда идти.

— Всего на минутку. Погреемся. Перекусим. — Я постарался, чтобы мой голос звучал интригующе. — Ночной ужин.

— Нет, спасибо. Я не хочу есть. Где то место?

— Далеко отсюда. Я точно не знаю, где.

— Ты точно не знаешь.

— Я там никогда не был.

— Я тоже там никогда не был, — сказал он.

— Я знаю. Давай войдем. Я хочу с тобой поговорить.

— Ты хочешь поговорить со мной про девушку?

— Да.

— Ты знаешь, где она?

— Нет, — ответил я.

— Она далеко?

— Думаю, да.

— Я хочу пойти далеко, — сказал он.

— Подожди минутку, Алан. Я хочу поговорить. Пожалуйста, идем со мной.

— Хорошо, — согласился он. — На минутку.

Мы сели друг против друга у окна в одной из кабинок. Пластиковые столики были окаймлены алюминием, сиденья и спинки покрыты красной искусственной кожей. Из-за стойки, где разговаривали двое мужчин, вышла официантка и подошла к нам. Она была средних лет, усталая, в сером платье с белым воротничком. К нагрудному карману был прицеплен белый пластиковый бейджик с именем «Джози». Я не сомневался, что это не ее настоящее имя, а часть общей игры. Руки у нее были красные и потрескавшиеся.

— У вас есть какой-нибудь торт? — спросил я.

— Увы, почти все съели, — сказала она. Она оказалась гораздо приветливее, чем я ожидал. — Есть несколько кусков яблочного, немного вишневого. По-моему, остался кусок с банановым кремом.

— Хочешь торт? — спросил я Алана.

Он рассматривал свое отражение в окне и не ответил.

— Дайте нам два куска яблочного, — попросил я.

— Подать с мороженым? — спросила она. — Или со взбитыми сливками?

— У вас есть взбитые сливки? — удивился я.

— Да, мы их сами делаем. Хотите взбитые сливки?

— Да, — кивнул я. — И принесите нам две колы.

— Пожалуйста, — добавил Алан.

Когда официантка ушла выполнять наш заказ, в кафе вошли две пары, впустив струю холодного воздуха. Мужчины выглядели постарше Алана, им было лет под тридцать; их девушки были моложе, не больше восемнадцати или девятнадцати. Алан сидел спиной к двери и сразу их не увидел. Мужчины были хорошо одеты — темные шерстяные пальто, шарфы и кожаные перчатки. Они не надели шапок, и уши их стали ярко-красными. Девушки были в ярких, неоновой расцветки лыжных куртках на меху с капюшонами, отделанными мехом, в толстых шерстяных рукавицах и высоких, закрывающих голень ботинках с оторочкой из овечьей шерсти. Под низко надвинутыми капюшонами я не мог рассмотреть их лица. Они вошли очень шумно, смеясь и болтая. Похоже, что они неплохо повеселились и выпили не одну рюмку. Одна из девушек цеплялась за мужчину, с которым пришла, и прижималась губами к его шее. Они прошли мимо нас, обдав холодным воздухом, и остановились прямо возле нашей кабинки, у моего плеча, не глядя на нас и никак не показывая, что знают о нашем присутствии. Одна из девушек положила руку в рукавичке

мне на плечо, чтобы удержаться на ногах. Они сняли верхнюю одежду. Теперь Алан их видел. Мужчины были в деловых костюмах, девушки — в вечерних платьях, провокационно обнажавших тела (шеи, плечи, руки, ноги), что выглядело довольно нелепо, учитывая погоду. Девушки оказались хорошенькими. Обе немедленно взбили волосы. Они сели в кабинке рядом с нашей, за моей спиной.

Я пожалел, что они пришли. Их присутствие усложняло или вообще делало невозможным мой разговор с Аланом.

— Алан, — позвал я.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты меня выслушал.

Он улыбался.

— Они мне нравятся.

Он сказал это негромко. Во всяком случае, те люди не обратили на нас внимания.

— Потому что они красивые, — сказал я.

— Они красивые.

— И глупые.

— Почему? — спросил он.

— То, как они себя ведут, — пояснил я. — Очень глупо.

Он озадаченно взглянул на меня. Почесал голову. Я сам не был уверен в том, что имею право говорить ему это, и не вполне понимал, что я хочу сказать.

— Им следует вести себя разумнее.

— Разумнее? — спросил он.

— Да.

— Они — молодые девушки, — сказал он. Он хотел описать их, а не оправдать.

— Верно.

— Им холодно?

— Могу спорить, что да.

— Могу спорить, что да, — повторил он. — Их руки.

— Алан. Послушаешь, что я скажу?

— Да.

— Я хочу, чтобы ты знал: я передумал.

— Передумал?

— Я ошибся, — сказал я. — Это плохая идея.

— Плохая идея быть здесь?

— Нет. Не быть здесь. Здесь хорошо. Я рад побыть здесь с тобой.

— Я тоже рад побыть здесь.

— Очень хорошо. Я ошибся в другом. Плохая идея — привести тебя к девушке.

— Это хорошая идея, — сказал Алан. — Ты не ошибся.

— Я был неправ. Могу тебе сказать, Анне это не понравится.

— Могу тебе сказать, мне это понравится.

— Не думаю, что понравится, — возразил я. — В любом случае это неправильно. Это должно произойти не так.

Алана притягивали звуки, доносившиеся из соседней кабинки. Я обрадовался, когда он спросил:

— А как?

— Не знаю, — ответил я. — Помнишь, Анна говорила, что это случится тогда, когда случится.

Тавтология была неутешительной — Анна говорила не совсем так — и Алан не ответил.

— Ты встретишь девушку. Не могу сказать, когда. Но ты ее встретишь. Но сегодня — это плохая идея.

— Это хорошая идея, — ответил он.

— Нет. Мне не следовало этого предлагать.

— Это моя идея, — сказал он.

— Я должен сказать «нет». Прости. Мы не можем.

Мгновение он думал, потом отвернулся. Он сказал все, что хотел, и я тоже. Никто из нас не был удовлетворен, но я обрадовался, что все закончилось. Меня удивило, что он сдался так легко. Официантка принесла колу и торт. Алан ел быстро, не поднимая глаз.

Торт был вкусный, такой, каким я его помнил.

— Как тебе торт? — поинтересовался я.

— Отличный, спасибо, — сказал он.

Мы вернулись в таунхаус во втором часу ночи. Прогулка и холод утомили меня. День был долгий, а в конце его я чуть не натворил дел. Мы тихо вошли в квартиру, но Анна не спала. Она ждала нас, сидя в полутьме — в кухне горел свет — на диване в гостиной. Она была в халате, босиком. Перед ней на низком стеклянном столике стояла чашка чая.

— Привет, — сказал я. — Прости, если разбудили. Мы старались не шуметь. Включить свет?

— Пожалуйста, не надо, — ответила она.

Алан сел на диван рядом с ней. Она прижалась к нему. Положила руку ему на макушку и поцеловала в щеку.

— Вы что-то поздновато, мистер.

— Я хочу спать, — сказал он.

— Тогда иди, — разрешила она. — Почисти зубы.

— Спокойной ночи, — сказал он ей.

— Спокойной ночи, — ответила она. — Сладких снов.

— Спокойной ночи, — пожелал я Алану.

Он вышел из комнаты.

— Где вы были, ребята? — спокойно спросила Анна.

— Прогулялись немного. — Меня захлестнуло чувство вины. — Алан не мог угомониться, и мы прошлись до Скарс-стрит.

— Я знаю, — произнесла она и достала из кармана халата ридер. — Должна признаться, я рада, что у нас есть эта штука. Я действительно беспокоилась.

— Прости, — сказал я. — Это вышло спонтанно.

— Погоди немного. Где вы были?

— Ты на меня сердишься?

— Просто любопытно, — ответила она. — Куда вы ходили?

— Было холодно. Мы проголодались. Я проголодался. Мы зашли в кафе.

— В развлекательной зоне?

— Почти, — сказал я. — Заказали колу. Я предложил Алану яблочный торт со взбитыми сливками. Когда-то мы с отцом ели такой же.

— Ты разрешил ему пить колу?

— Да, сделал такую глупость.

— Он до утра не уснет.

— Надеюсь, что нет, — сказал я. — А ты почему встала?

— Ну, встала, — пожала она плечами. — Не знаю, почему. Заглянула к Алану. Не нашла его. Пошла сказать тебе, но и тебя не оказалось. Я забеспокоилась. Достала ридер, чтобы посмотреть, где вы. Потом стала вас ждать.

— В этом не было необходимости.

— Как оказалось, — кивнула она. — Значит, вы хорошо провели время, ребята?

— Думаю, да. Надеюсь, что так. Все хорошо, что хорошо кончается.

— О чем ты?

— Ни о чем, — сказал я. — О том, что мы хорошо провели время.

— Вот и ладно, — кивнула она. — Я рада это слышать.

На следующую ночь Анна разбудила меня после полуночи.

— Что? — спросил я.

— Вставай, — сказала она. — Алан ушел.

— Что ты говоришь?

Я еще не до конца проснулся, но уже прекрасно понял, что произошло.

— Он снова на Скарс-стрит.

— Ладно, — сказал я.

— Не ладно. Вставай. На улице снег. Холодно. Мы должны его найти. И дело не только в том, как он одет. Он взял деньги из

моего кошелька. Ты должен мне показать, где он. Так что вставай.

Я встал.

— Дай мне одеться, — попросил я. — Я буду готов через минуту. Сколько денег он взял?

— Много, — ответила она. — Мы должны привести его назад, прежде чем вмешается организация.

— А они могут?

— Его нет дома две ночи подряд. Ты знаешь, где он?

— Надеюсь, что да, — ответил я.

— Что это значит?

— Это значит, что я знаю, где он, если он там, где мы были прошлой ночью.

— Куда еще он может пойти?

— Не знаю. Куда угодно.

— А он знает?

— Я не знаю, что он знает, — сказал я. — Он идет?

— Нет, — ответила она. — Остановился.

— Хорошо. Дай мне одеться, и пойдем за ним.

— Поторопись, — попросила она.

Шел густой снег, и было холоднее, чем предыдущей ночью. Анна шла быстро, и я с трудом поспевал за ней. Я боялся, что Алан пошел сам искать бордель. Еще больше я боялся, что он его нашел. Если нам повезло, то он заблудился и с изумлением бродил по залам игровых автоматов или съежился где-нибудь в переулке. Я раздумывал, говорить ли Анне о том, что я сделал, вернее, не сделал, а собирался сделать. Еще оставался шанс, что Алан отправился в кафе увидеть девушек, которые были там накануне, и в надежде на это я сохранял спокойствие.

Добравшись до кафе, я успокоился, увидев Алана в окно. Он сидел в кабинке, в той же самой, где мы были вчера, но на моем месте, лицом к двери. Он не видел, что мы стоим снаружи. Он был один. Кроме него, насколько мы могли рассмотреть, в кафе никого не было. На Алане была бейсболка «Джетс». На столе перед ним стояла кока-кола и кусок какого-то торта, то и другое нетронутое.

— Вот он, — сказала Анна. — Я его вижу.

Она постучала в окно. Алан повернулся и посмотрел на нее.

— С ним все в порядке, — выдохнула она.

— Хорошо.

Она быстро направилась ко входной двери.

— Идем.

— Иди, — сказал я.

Глава одиннадцатая

В предыдущей главе я писал, что помню последний визит Высокого в Риджайне — похоже, я помню их все, — отчасти потому, что Анна в тот раз попросила у него денег, но в основном потому, что это было накануне нашего отъезда в Калгари, то есть в конце наших счастливых дней, хотя тогда они вряд ли казались нам такими. Незадолго до моего сердечного приступа. Незадолго до того, как мы рассказали клону, кто он такой. Еще я помню, что вскоре после ухода Высокого Алан впервые захотел иметь собственные деньги.

Он сказал нам, что ему не понравилось брать деньги из кошелька Анны; он знал, что такое воровство. И ему не понравилась ее реакция на то, что он их взял. А у всех мальчиков, которых он видел на улице, — было трогательно, что он считает себя мальчиком, такое искаженное осознание самого себя, за которое, возможно, именно мы были в ответе, — есть собственные деньги.

— У тебя есть деньги, — сказал он Анне. — Когда тебе нужны еще деньги, ты просишь их у Высокого, — вообще-то это прозвище Алан и придумал, — и он дает их тебе. У Рэя есть деньги. Почему у меня денег?

— Нам надо об этом поговорить, — сказала Анна.

В ходе занятий Анна объясняла Алану про деньги, чтобы помочь ему овладеть математическими навыками (предполагалось, что этим обучением займусь я). Она также полагала, что он должен уметь обращаться с деньгами. С математикой у него не было проблем — он смог расплатиться за еду и колу на Скарс-стрит, отлично умел подсчитывать сдачу, — но само понятие денег как средства расчетов оставалось для него непостижимым. До него не доходило, как можно отдать что-то ничего не стоящее — кусок бумаги, металлический кружок — и получить взамен нечто ценное.

Я слушал их разговоры. Мне хотелось сказать Алану (но я не сказал), что главная ценность, которую можно купить за деньги, не считая еды, крова и медицинской помощи, это время. Правда, после смерти Сары у меня был избыток, даже переизбыток свободного времени, и это был настоящий ад. Я был бы счастлив иметь меньше времени. И я рад, что сейчас оно наконец заканчивается.

— Нам надо об этом поговорить, — повторил Алан.

— Что бы ты купил? — спросил я Алана. — Только, пожалуйста, не говори, что купил бы девушку.

— Я бы купил девушку.

— Я так и знал, — кивнул я.

— Ты не купил бы девушку, — заявила Анна. — Мы бы тебе не позволили.

— Я ведь не насовсем, понимаешь? — объяснил Алан.

— Я понимаю, — сказала Анна. — Но нет. Выброси это из головы.

— Это у меня в голове, — ответил он.

— Жаль, — сказала Анна.

Алан обдумывал следующий шаг.

— Если вы дадите мне денег, — сказал он нам, — то я куплю компьютер.

(Эта была его первая конструкция «если… то». Он, конечно, и до этого понимал причинно-следственные связи, но теперь научился использовать их в речи.)

— Я хочу компьютер.

Он знал о существовании компьютеров, знал, что компьютеры есть у всех, но понятия не имел, что он с ним может и будет делать.

— Компьютеры стоят много денег, — сказала Анна.

— У Рэя много денег, — возразил Алан. Потом повернулся ко мне: — Если ты дашь мне свои деньги, Рэй, я куплю компьютер. И свисток.

— Свисток?

— Да. Я куплю свисток, как у рефери, серебряный свисток, и буду в него свистеть.

— Я куплю тебе свисток, — пообещал я.

Я действительно купил ему свисток в спортивном магазине, прежде чем мы уехали из Риджайны. Он висел на шнурке. Алан носил свисток на шее и свистел в него, когда вздумается, но только в доме. Однажды он вздумал засвистеть, когда Анна замешкалась и не подала ему вовремя ужин, но она это быстро пресекла.

Если мы не дадим ему денег, он пойдет работать, сказал Алан. Он знал, что такое работа, понимал, что работают ради денег. Мы были уверены, что он работал почти всю свою жизнь, но при этом, чем бы он ни занимался на Отчужденных землях, — он об этом не говорил — ему не платили. Анна купила книжку, которая называлась «Когда я стану взрослым». Там был перечень профессий, их описания и яркие иллюстрации. Огромное множество занятий, сгруппированных по алфавиту, куча профессий на каждую букву, кроме, пожалуй, «Ы». На букву «Р» был даже «рентгенотехник». Каждая профессия была достойна и заманчива, при этом не было никаких упоминаний о зарплате. За

несколько недель на занятиях Анна прочла с Аланом эту книгу, по паре букв в день. В середине процесса Алан ненадолго решил, что хочет стать журналистом. На его выбор повлияла цветная иллюстрация (книга была устаревшей) с изображением красивого, хорошо одетого мужчины, который стоял перед камерой и держал микрофон. На букву «З», как и предполагалось, значились «зоолог» и «зверолов», но кульминацией стал «заливщик льда». Алан решительно настроился стать им.

— У тебя есть работа, — объяснила ему Анна.

Я считал такие разговоры рискованными.

— У меня нет работы, — возразил он.

— Есть, — сказала Анна. — Твоя работа — это учеба.

— Это не работа, — сказал он.

— Работа. Важная работа.

— Тогда дай мне денег, — сказал он.

— Это не такая работа, — вмешался я, чтобы помочь.

— А какая это работа? — спросил он.

— Это работа, которую ты выполняешь, но не получаешь за нее деньги.

— Это не работа, — возразил он.

— Это твое дело, — сказал я.

— Мое дело — учить тебя, — подхватила Анна.

— Это твоя профессия? — спросил он ее.

— Не совсем профессия, — ответила она. — Это дело, которым я занимаюсь. Оно было моей профессией.

— Какая у тебя была профессия? — спросил Алан.

— Я была учительницей.

— Ты была учительницей?

— Да, — кивнула она.

— Тебе давали деньги? Люди, которых ты учителевала?

— Люди, которых я учила, — поправила она.

— Они тебе давали деньги?

— Нет, — ответила Анна. — Дети, которых я учила, не давали мне деньги. Мне платила школа. Рэй тоже был учителем.

— Ты был учителем? — спросил он меня.

— Был.

Он ждал, что я закончу фразу, и сам подсказал:

— Учителем.

— Да.

— Тебе тоже платила школа?

— Платила, — кивнул я. — Сейчас я на пенсии.

— Что ты сказал?

Задавая этот вопрос, он обычно подразумевал: «Что ты имеешь в виду?»

— Я больше не учу, — ответил я. — Закончил работу.
— Закончил работу? — переспросил он.
— Да. Анна тоже на пенсии, — ответил я.
— Она закончила работу?
— Да.
— Ты меня учишь, — повернулся он к Анне.
— Я тебя учу, — согласилась она. — Но это не профессия.
— Он дает тебе деньги, — заявил Алан.
— Кто?
— Высокий.
— Он дает мне деньги, чтобы мы могли жить. Покупать еду.
— У тебя нет работы, — подытожил он, — а Высокий дает тебе деньги. У Рэя нет работы. У него есть деньги. У него много денег. Мне нужны деньги.

Что и требовалось доказать, подумал я.

Прежде чем продолжить отчет, мне бы хотелось поговорить о том, как вы представляете себе клона. Вы представляли его себе, пока я не рассказал вам о нем, просто «клоном». Для меня он тоже был просто моим клоном, моей копией, пока мы не встретились с ним в Оттаве. Я имею в виду ваши художественные представления, образы, с которыми вы сталкивались в книгах, фильмах и телепередачах, хотя, честно говоря, их никак нельзя расценивать как нечто художественное.

Алан не был вымыслом чьего-то воображения, фантазией или аллегорией. Он не был благородным дикарем, хотя имел черты и благородные, и дикарские. Мир, где он оказался, был не воображаемым, но для него — весьма новым. По сути, полным чудес. Кое-какие явления и вещи его действительно изумляли, особенно молодые девушки, а также зеркала, телевидение, хоккей с шайбой, секс между женщинами и мужчинами, шоколадное мороженое с шоколадной крошкой и Анна — возможно, самая удивительная из всех. (Чем был для него я? Трудно сказать. Чем угодно, но не чудом.) Но к большей части того, что он видел за границей Отчужденных земель — если его ничто не пугало и не отталкивало — он оставался безразличным, на удивление нелюбопытным. Он не был диким ребенком, мальчиком, воспитанным волками. Вопрос, кто его воспитывал, если вообще воспитывал, так и остался без ответа. Возможно, ему бы даже больше повезло, если бы его воспитали волки. Он не был монстром, не был жестоким или уродливым. Думаю, он походил на мрачную химеру Франкенштейна, поскольку их обоих создал человек, пошедший против природы, узурпировавший право Бога сотворять жизнь. Но Алан не был сделан из запасных органов —

он был предназначен стать их источником. Клонирование дало возможность оживлять мертвых, но Алан не был и призраком из прошлого, Рипом Ван Винклем — честно говоря, это я чувствовал себя таким в его присутствии, — хотя, по сути, он являлся существом из прошлого, пусть и не совсем. Как и все клоны, он был ретроградным, а его существование — реакционным, подавление различий препятствовало эволюции вида. Он не был тем трогательным, привлекательным, тупоголовым болваном, каких упорно изображают в книгах и фильмах, слишком хороших для этого мира и невольно представляющих для него опасность. Алан ни для кого не представлял опасности, однако правительство очень его боялось. Если, как надеется организация Анны, процесс, начавшийся с того, что Алана нашли за границей Отчужденных земель, приведет к отмене клонирования человека, что мы, замешанные в этом оригиналы, будем делать с двумястами пятьюдесятью миллионами уже существующих клонов? Есть ли какой-нибудь гуманный этический выход, кроме как позволить им жить среди нас? Каковы будут последствия? Массовая паника? Массовая истерия? Массовая шизофрения? Всеобщее саморазрушение? Междоусобная война «близнец против близнеца»? Новое учреждение рабства? Не знаю, как организация Анны отвечает на эти вопросы. Мы их переселим? Найдем им место, где они смогут жить, как люди, но обособленно? В Гренландии? На Мадагаскаре? Прецеденты и перспективы ужасают.

Когда Высокий в последний раз пришел к нам в Риджайне — мы уже собирались уезжать, — я спросил его про пупок клона.

Мы с Анной обсуждали это. Может быть, до рождения Алан питался внутриутробно, хотя организация Анны считала, что это поколение клонов не выросло в человеческой матке. Анна рассказывала, как в утробе из эмбриона вырастает пуповина и прирастает к стенке матки. Но если Алана не выносила женщина, как и почему у него появился пупок? Был простой ответ, с которым мы не были готовы согласиться — во-первых, из-за его горечи, и во-вторых, потому, что он ничего не объяснял. Если у зародыша формируется пуповина, разумно предположить, что она формируется независимо от окружающей среды. Есть ли рядом стенка матки, к которой можно прирасти, нет ли — не важно. У зародыша отрастала пуповина, но при альтернативном способе вынашивания зародыша она просто свисала — бесполезно, безнадежно. И, нужная или нет, перерезалась при рождении. Анна допускала, что в неизвестном нам инкубаторе, изобретенном правительством, могло быть гнездо входа: через него питался зародыш и к нему вместо стенки матки присоединялась пуповина.

— Откуда у него пупок? — спросил я.

— Скажу откровенно, Рэй, — ответил Высокий, назвав меня моим настоящим именем. — Мы не знаем. Но я тронут вашей заинтересованностью.

В начале июня Высокий встретил нас, когда мы приехали в Калгари — красивый город, великолепно расположенный, но оказавшийся для нас недобрым. Высокий ждал перед апартаментами на Четырнадцатой улице на юго-западе. Паршивое место, где на нас обрушились несчастья. Встреча была короткой. Высокий вручил нам ключи. Помог занести багаж. Потом уехал. Уезжая, он дал Анне конверт с наличными — меньше, чем она надеялась получить.

Мне казалось, что будет хорошо, полезно — в худшем случае, безопасно — взять Алана на бейсбольный матч. У меня сохранились счастливые воспоминания, одни из самых ярких в моей скудной кладовой, о том, как мы с отцом летом несколько раз ездили в Манчестер, чтобы посмотреть игру «Фишер кэтс». Вечер, проведенный на хоккее в Виннипеге, был для Алана, для нас с Аланом, абсолютным успехом. Он ничего не знал о бейсболе, никогда не видел ни одной игры. Игра не была быстрой или яростной; я не ожидал, что она его взволнует. Но после двух деморализующих походов Алана в Чистилище мне хотелось, чтобы после фиаско на Скарс-стрит он провел со мной время с пользой и удовольствием.

К третьей неделе мая в Риджайне, где зима не сдавалась почти весь апрель, потеплело. В ближнем кафе «Соник», куда я, чтобы выбраться из дома, часто ходил обедать, я купил два билета на игру в субботу вечером, открытие сезона, «Риджайна ред сокс» против своего соперника в Западной бейсбольной высшей лиге «Мелвилл миллионерз».

Накануне матча Анна, Алан и я поехали в молл. Я сказал Алану, что хочу купить ему бейсбольную ловушку. Мы сидели в «Ридьюксе». Анна была за рулем, Алан — рядом с ней. Я сидел сзади.

— Ловушка — это бейсбольная перчатка, — объяснил я ему. — Я хочу, чтобы ты взял ее с собой на игру.

— Перчатка?

— Особая перчатка. Большая.

Я вытянул руку и растопырил пальцы.

— Как у вратаря, — сказал он.

— Да. Поэтому, когда ты ловишь мяч, тебе не больно.

— Я хочу такую.

Он вытянул правую руку — он левша, как и я, — повторяя за

мной. Растопырил пальцы. Потом щелкнул себя по переносице указательным пальцем и дернул уголком рта; это обозначило и изобразило в карикатурном виде его неловкость. Делал ли он это инстинктивно или в результате наблюдений — скорее всего, инстинктивно, — но в нем было столько моего! Язык тела, жесты, выражение лица, позы во время разговора. Анна все это подмечала, фиксируя наше сходство.

— Я буду играть в эту игру? — спросил он.

Анна засмеялась.

— Нет, — сказала она. — Ты будешь просто смотреть.

— Я не знаю, как играть в бейсбол.

— Не волнуйся, — подбодрил я. — Мы сядем на «отбеливателях».[14]

— Что ты сказал?

— На трибуне. Мы сядем на трибуне. Посмотрим игру. Можешь надеть перчатку…

— Ловушку, — поправил он.

— Ловушку. Если к тебе прилетит мяч, ты сможешь его поймать.

— Ко мне прилетит мяч?

— Если повезет.

— Я буду играть в эту игру?

— Нет. Ты останешься на трибуне.

— На «отбеливателях», — поправил он.

— Если к тебе прилетит мяч, это будет означать, что правила нарушены.

Он посмотрел на меня.

— Если мяч прилетит к тебе, — снова попытался объяснить я, — он выбывает из игры.

— Если мяч прилетит ко мне, — повторил Алан, — он выбывает из игры.

— Да.

— Я его поймаю?

— Вполне возможно, — подтвердил я.

— Если надену ловушку, — сказал он.

— Да.

— Если я надену перчатку и поймаю мяч, я буду в игре?

— Нет, — сказал я. — Ты будешь продолжать смотреть игру. Вместе со мной.

— Но ведь я поймаю мяч.

— Помоги мне, — попросил я Анну.

— Если мяч прилетит к тебе, — сказала она, — и ты его поймаешь, можешь оставить его себе.

— Я могу оставить себе мяч?

— Да, — сказала она. — Это будет сувенир.

— Что ты сказала?

— То, что ты можешь оставить на память.

— Я могу оставить себе мяч, — проговорил он, потом на минуту задумался. — А у Рэя будет ловушка?

— Нет, — сказал я. — Не будет.

— Если мяч прилетит к тебе, как ты его поймаешь?

— Ты поймаешь его за меня.

— А ты там будешь? — спросил он Анну. — На «отбеливателях»?

— Нет, — покачала она головой. — Только ты и Рэй. Это будет мальчишник.

— Рэй — не мальчик.

— Тогда вечер для мужчин, — улыбнулась она.

— Если я поймаю мяч, — пообещал он Анне, — я отдам его тебе.

Я не надевал бейсбольную перчатку больше пятидесяти лет. Я хотел купить Алану, если их еще выпускают, ловушку марки «Уилсон А2000». Такую перчатку носил я сам, как и большинство ребят, с которыми мы играли. Я обрадовался, увидев, что их выпускают до сих пор, хотя теперь их раскрашивали в аляповатые цвета — красный и голубой, оранжевый и фиолетовый. В магазине оказались только две перчатки на левую руку для полевых игроков, и ни одна из них не была «А2000». Но это не имело значения, потому что выяснилось, что Алан хочет перчатку ловца — черную как смоль с ярко-красным углублением, да еще и не на ту руку, — и переубедить его было невозможно. Я купил ему перчатку и банку теннисных мячей.

Следующий день, суббота, был теплым и солнечным. К полудню, по моему настоянию, мы отправились втроем в парк Виктория. Мне хотелось дать Алану возможность побросать мяч перед вечерней игрой. Просто чтобы привести его в подобающее настроение; я убедил себя, что у меня нет по отношению к нему никаких честолюбивых замыслов. Он нес свою перчатку, я — теннисные мячи, а Анна упаковала нам обед.

Мы играли в мяч на траве. Мы образовали треугольник, насколько возможно равнобедренный, и на вершине стоял я. Я бросил Алану теннисный мяч, изо всех сил стараясь попасть в его перчатку. Найдя мяч, он, можно так сказать, бросил его Анне, а она — мне. Анна действительно увлеклась игрой, она была ловкой и задорной. Ее подачи были хлесткими, а ловила она одинаково хорошо обеими руками. Она бегала и прыгала, хохотала. Я же был как деревянный, скованный и мрачный. Я не мог смотреть, как Алан надевает эту смехотворную перчатку не

на ту руку. Казалось, что он до самой кисти сунул руку в большой круглый, рыхлый каравай черного хлеба. Он, конечно, ничего не умел. Каждый раз, когда он махал перчаткой навстречу мячу, она слетала. Он не знал, как подавать: изо всех сил пытался повторить движения — благоразумно взяв в качестве образца Анну, — но ни разу не поймал посланный ею мяч. Мы попытались изменить порядок действий — я бросал Анне, она — Алану, Алан — мне, но это не возымело никакого эффекта. В конце концов у меня лопнуло терпение. Наша игра продолжалась всего несколько минут. Алан приуныл, а вид Анны, с такой непринужденной легкостью бросавшей и ловившей мячи, совсем выбил его из колеи. Меня, признаться, тоже. Мы съели наш обед. Анна сфотографировала Алана и меня, стоящих плечом к плечу. Алан снял перчатку (в итоге он отказался взять ее на игру). Анна все-таки заставила его улыбнуться.

Стадион, едва заслуживавший это название, располагался в спортивном парке на Ринг-роуд. Думаю, туда вмещалось не более тысячи зрителей. Крытые трибуны в десять рядов шли от одной линии до другой. «Отбеливателей» не было. Ограждение дальней части поля было проволочным, приблизительно шести футов в высоту. За ним — сложные условия для нападающих — виднелись другие поля, на которых в тот вечер играли местные малые лиги, и большой муниципальный бассейн. Табло стояло отдельно, на стойках за ограждением левого поля. Поле выглядело неухоженным — неподстриженная бурая трава, комья грязи на площадке — и подготовленным второпях. Игра началась в семь. Когда мы приехали, еще не совсем стемнело, но уже горели фонари. Я собирался приехать так, чтобы успеть на разминку, но после дневного разочарования я уже не стремился сюда, да и Алан согласился пойти на игру только после того, как ему неосмотрительно пообещали хот-доги, колу и мороженое.

Трибуны были заполнены лишь наполовину. У нас были хорошие места на первой основной линии, в пятом ряду снизу, за скамейкой запасных местной команды. Оставшись на игре, мы вполне могли бы поймать мяч. Вокруг сидели болельщики: мужчины моего возраста и старше, отдельно или парами (некоторые из них, вероятно, спортивные агенты); семьи — отцы, матери и дети, просто отцы с сыновьями; родственники и друзья игроков «Ред сокс»; и, что особенно волновало Алана, компания девушек. Их было около дюжины — видимо, студентки колледжа или школьницы. Шумные, нескромно одетые, почти одинаково хорошенькие, они, без сомнения, были подружками игроков или надеялись обратить на себя их внимание. Почти все время — мы посмотрели три подачи — Алан не отрывал от них взгляда, а

девушки вели себя вызывающе. (Он ничего о них не говорил, словно думал, что я могу их не заметить.)

Перед игрой на поле провели быструю церемонию, во время которой болельщикам местной команды представили новых игроков «Ред сокс». Игроки были студентами колледжа, почти все из Саскачевана. Двое студентов-первокурсников были из Лос-Анджелеса, один — из Пуэрто-Рико, а еще один, центральный принимающий, учился в библейском колледже в Оклахоме. Его фамилия была Мантл. К тому времени, когда разыграли первую подачу, Алан отчаянно заскучал и явно проголодался.

Игра шла медленно, оба подающих (видимо, влияло начало сезона) постоянно не попадали в пластину.[15] Был только один захватывающий момент, когда у Мантла не получилось покинуть центр, что привело к тройному броску. В конце третьей подачи счет был 4:2 в пользу «Миллионерз». Я попытался объяснить Алану, что он видит на поле, помочь ему хоть немного разобраться в правилах игры, но он даже не стал делать вид, что ему интересно.

Между подачами девушки, как одна, направились к торговым палаткам, расположенным у самых ворот, возле бейсбольного «дома». Алан смотрел, как они идут. Чтобы не смущать его, я выждал несколько минут — было тяжело смотреть на его внутреннюю борьбу, — а потом спросил:

— Ты проголодался?

— Да. Проголодался.

— Пойдем купим что-нибудь поесть?

— Я пойду, — сказал он. — Дай мне денег. Я пойду.

— Я пойду с тобой, — сказал я. — Мне тоже хочется есть.

— Я тебе куплю что-нибудь.

— Я хочу посмотреть, что у них есть.

— Я посмотрю, что у них есть, — не сдавался он. — Я куплю тебе что-нибудь. Я хочу пойти.

— Сам?

— Да, — ответил он.

Я видел, что этот разговор его угнетает, но мне было не так-то легко отпустить его одного.

— Почему бы нам не пойти вместе? Может быть, купим тебе сувенир.

— Я не хочу сувенир, — ответил он. — Я хочу есть. Я хочу пойти сам.

— Я не могу тебе это разрешить, — сказал я.

— Почему не можешь?

— Просто не могу. Это плохая идея.

— Анна разрешила бы.

— Анна не разрешила бы, — покачал я головой.

Он закрыл глаза руками. Не издал ни звука.

— Что с тобой, Алан?

Он отнял руки. Может быть, надеялся, что я исчезну?

— Почему я с тобой, Рэй?

— То есть почему ты здесь? Почему ты со мной здесь?

Он не ответил.

— Хочешь, чтобы я ушел? Хочешь остаться один? Я понимал, что мой вопрос был нелепым, но он ответил:

— Нет. Я не хочу быть здесь один. Я хочу пойти один.

— Вот что я тебе скажу, — начал я. — Давай я дам тебе денег, мы пройдем часть пути вместе, а дальше ты пойдешь сам.

— Потому что ты будешь за мной смотреть?

— Я не буду подходить близко, — пообещал я. — Просто останусь неподалеку, если вдруг тебе понадоблюсь.

— Ты не будешь подходить близко?

— Не слишком близко. Ты согласен?

— Да. Я согласен.

— Тогда идем, — сказал я.

Мы пошли вместе, или почти вместе, Алан шагал на несколько шагов впереди, пока мы не приблизились ярдов на тридцать к торговым палаткам. Девушки были там, они облокотились о прилавок и разглядывали того, кто за ним стоял. Они не спешили возвращаться на игру. Я сказал Алану, который был возбужден, смущен и явно растерян:

— Хорошо. Теперь иди сам. Если хочешь.

— Я хочу пойти, — сказал он.

— Тогда поспеши.

— Ты будешь смотреть?

— А ты этого хочешь?

— Не хочу, — ответил он.

— Тогда не буду. Ну, иди.

Алан пошел к палатке, полный желания и радужных надежд — злополучное сочетание, — не замечая, что рискует. Я не мог не смотреть на него. Он остановился в нескольких шагах от столпившихся девушек и стал дожидаться своей очереди. Я уже говорил, что он — красивый парень, в его внешности нет ничего аномального, и несколько девушек это заметили. Длинноногая темноволосая красотка в коротком топе и без лифчика (это было заметно даже отсюда) улыбнулась Алану и что-то ему сказала. Не могу сказать, ответил ли он ей, но оглянулся на меня. Увидев, что я наблюдаю, он покачал головой. Я отвернулся. Примерно через минуту я услышал, что девушки расхохотались, и смех их, насколько я мог понять, не был нежным. Я оглянулся на них. Они

все смотрели на Алана, а он стоял, не сводя с них глаз. Темноволосая девушка сказала что-то, чего я не расслышал, но увидел, что Алан отшатнулся, словно его ударили. Раздался новый взрыв хохота, явно иронического. Алан резко повернулся и, почти спотыкаясь, подошел ко мне. Он шел быстро, глядя под ноги, прижав руки к бокам.

Подойдя ближе, он спросил, не поднимая глаз:

— Что мне делать, Рэй?

— Иди сюда, — сказал я.

— Я здесь, — ответил он. — Я не знаю, что делать. Скажи мне.

— Подойди ко мне.

Я хотел посмотреть, не плачет ли он. Я никогда не видел, как он плачет. Он не плакал, но его лицо раскраснелось и исказилось. Из-за его плеча я увидел, что девушки смотрят на нас и насмехаются. Я обнял его и не без труда привлек к себе. Я еще ни разу не был так близко от него. Все произошло быстро, он позволил мне обнимать себя буквально несколько секунд. Мы стояли щека к щеке, я обнимал его, держа руки на его спине. Он был крепкий, как скала, хотя его кожа, в отличие от моей, была гладкой, мальчишеской. От него ничем не пахло. Он дышал ровно. Я чувствовал, как его сердце быстро бьется о мою грудь. Алан высвободился, оттолкнул меня.

— Не надо, Рэй, — сказал он.

— Извини. Ты в порядке?

— Я не знал, что делать.

— Все хорошо, — сказал я. — Может, поедем домой? Ты хочешь домой?

— Ты хочешь, чтобы я поехал домой?

— Думаю, да, — ответил я. — Я уже насмотрелся.

— Я уже насмотрелся, — повторил он.

— Почему бы нам не поехать домой?

— Ладно, — согласился он.

Мы молчали, пока не сели в машину и не отъехали от стадиона.

— Мне не нравится бейсбол, — сказал он. — А тебе нравится?

— Нравится. Но хорошо, что тебе не понравилось.

— Я не знаю, что там делать, — сказал он.

— Я тоже не знаю, — ответил я. — Мы думаем в унисон.

— Что ты сказал?

— Мы одинаковые. Ни ты, ни я не знаем, что делать.

— Ты тоже тормоз, Рэй?

— Что значит «тормоз»?

— Я не знаю, что это такое, — признался он. — Ты знаешь,

что это?

— Не знаю. Где ты это услышал?

— Я услышал это от девушки, — сказал он.

— Очень глупо так говорить. Глупое слово.

— Она красивая.

— Ты прав, — сказал я. — Красивая.

— Ты ее видел?

— Да, — кивнул я.

Он немного посидел, обдумывая информацию, потом спросил:

— Все красивые девушки подлые?

— Некоторые, — сказал я. — Не все. Красивой быть трудно.

— Они подлые по отношению ко мне?

— Нет.

— Твоя жена была красивая?

— Красивая.

— Она не была подлая?

— Нет, — ответил я. — Она не была подлая.

— Она умерла?

— Да.

— Рэй, тебе девушки когда-нибудь говорили, что ты — тормоз?

— Наверняка.

— Говорили именно так?

— Много раз.

— Говорили это тебе?

— Да.

— Что ты чувствовал, когда девушка так говорила?

— А что ты чувствуешь? — спросил я.

— Я чувствую, что мне плохо. Грустно. — Он положил ладонь на живот. — У меня болит живот.

— Я чувствовал то же самое, — сказал я.

— Ты чувствовал то же самое?

— Да.

— Я не знал, — проговорил он.

— Теперь ты знаешь.

— Знаю, — сказал он. — Теперь я знаю. Рэй, не говори Анне, что она сказала. Я не хочу, чтобы Анна знала, что я — тормоз.

— Ты — не тормоз, — проговорил я. — Анна знает, что это не так.

— Она знает, что я — не тормоз?

— Конечно, знает. Она тебя любит.

— Не говори ей, что она сказала.

Я припарковал машину на улице, не доезжая двух кварталов

до нашего дома. Алан не двинулся, чтобы выйти из автомобиля.

— Что с тобой? — встревожился я.

Он не ответил. Теперь он плакал. Его это удивляло и смущало.

(Я никогда не видел себя плачущим. Я был в растерянности. Лицо Алана совершенно изменилось, стало уродливым, распухло и сплющилось, словно потеряло форму.)

— Давай-ка посидим немного, — сказал я.

Он прижал к глазам кисти рук.

(Я не знал, что так делаю. Я сорок лет не плакал.)

— Я плачу, — проговорил он.

— Вижу.

— Не смотри на меня.

— Нет, — ответил я. — Я рад видеть, как ты плачешь.

— Ты рад видеть, как я плачу?

— Я никогда не видел, как ты плачешь. Я рад, что вижу это.

— Я никогда не плакал, — сказал он и с этими словами перестал плакать.

— Плакать хорошо. Ты плачешь, а потом чувствуешь себя лучше.

— Я не чувствую себя лучше.

— Тебе грустно из-за девушки?

— Мне грустно из-за девушки, — сказал он.

— Это понятно.

Он посмотрел на меня.

— Я понимаю, — повторил я.

— Я плакал не из-за девушки.

— Из-за чего же ты плакал?

— Почему я с тобой, Рэй?

На этот раз я его понял.

— Ты не имеешь в виду здесь и сейчас, — сказал я. — Ты имеешь в виду, почему ты со мной всегда.

— Почему я тобой? — сказал он. — Почему я с Анной?

— Ты с нами, потому что так мы можем заботиться о тебе. Можем тебе все показывать, учить тебя, что делать.

— Значит, вы присматриваете за мной?

— Ну, да.

— Почему я не знаю, что делать? Я — ребенок?

— Нет. Нет. Конечно, нет. Ты — молодой человек. Привлекательный юноша. Ты делаешь потрясающие успехи.

— Я делаю потрясающие успехи?

— Да, — заверил я. — Анна тоже так считает.

— Почему я не знаю, что делать?

— Знаешь. Чаще всего ты знаешь. Иногда не знаешь. Тогда

мы тебе показываем. Вот почему мы с тобой.

Он покачал головой.

— Почему я с тобой, Рэй? — снова спросил он. — Почему я с Анной?

— О, — произнес я. — Это сложный вопрос.

— Это сложный вопрос?

— Да, — кивнул я. — Думаю, на него может ответить Анна.

— Ты знаешь ответ?

— Да. Я знаю ответ. Но не так хорошо, как Анна.

— Анна ответит на этот вопрос?

— Ответит, — сказал я. — Ответит.

— Когда она ответит на этот вопрос?

— Я не знаю, когда, — пожал я плечами. — Когда решит, что пришло время.

— Когда решит, что пришло время?

— Да.

— Когда придет время, Рэй?

— Не знаю.

— Я тоже не знаю.

Алан открыл дверцу машины.

— Я очень несчастен, — сказал он.

Два дня спустя Алан стал задавать нам различные вопросы, которые все были вариациями одного и того же. Он смотрел телевизор, какое-то получасовое шоу из тех, что он обычно смотрел после ужина — тупую и отчаянно несмешную комедию (вы такие видели) про семью из Троих мерзких детей и двух молодых, распутных, довольно язвительных работающих мамаш, белой и черной. (Я уже признавал, что у меня нет чувства юмора. То же самое касается и Алана, только в еще большей степени. Он вообще не понимал, что такое юмор. Не понимал, что эти передачи предназначены для развлечения зрителей. «Кто смеется? — спросил он однажды, когда раздался закадровый смех. — Почему они смеются?») Хотя семья в шоу была нетрадиционная, Алан, задавая свои вопросы, явно обращался к привычному понятию семьи, которое он усвоил, вырвавшись из Отчужденных земель. «Кто моя мать? — спрашивал он. — Кто мой отец?» Неизвестно, сколько времени он раздумывал над этими вопросами, прежде чем задать их. Он не спрашивал, кто он такой. Он почти ничего не знал о том, на что способен этот мир, и такой вопрос не приходил ему в голову. Но в итоге он бы его обязательно задал, потому что этот вопрос уже назревал, мы чувствовали. Мы с Анной много раздумывали над его вопросами и ответами на них. Конечно, это был не настолько совместный

процесс, как я пытаюсь представить: именно Анна рассказала Алану обо всем, и именно она решила, что мы скажем ему правду, максимально просто и понятно.

Прежде чем Анна начала отвечать, он сказал ей:

— Ты — не моя мать.

Он сказал это спокойно и абсолютно уверенно.

— Верно, — подтвердила Анна. — Да.

— Ты — не мой отец, — повернулся он ко мне.

— Да, — сказал я.

— А кто же они? — спросил он. — Где они?

Алан не выглядел расстроенным. Его интересовали ответы на вопросы, и было ясно, что он от своего не отступится.

— Это хорошие вопросы, Алан. Важные, — сказала Анна. — Я ждала, когда ты их задашь, надеялась на это. Сядь за стол и подожди минутку. Мне надо кое-что взять. Потом я вернусь и все тебе объясню.

Я написал так, будто она говорила снисходительно. Но в ее голосе не было ни капли снисхождения. Как всегда, она говорила мягко и откровенно.

— Что ты объяснишь? — спросил он.

— Я отвечу на твои вопросы. Расскажу тебе все, что захочешь узнать.

— Ты расскажешь мне, кто моя мать? Расскажешь, кто мой отец? Расскажешь мне, где они?

— Я постараюсь, — сказала она. — Посиди и подожди немного. Потом мы поговорим. Хорошо?

— Хорошо, — сказал он. — Можно мне колу?

— Конечно, — ответила Анна. — Возьми себе колу. Ты голоден?

— Я голоден, — подтвердил он.

— Тогда возьми еще печенье.

— Какое печенье? — спросил он.

— Что у нас есть, Рэй? — поинтересовалась Анна.

— По-моему, ванильные пальчики.

— Я люблю это печенье, — кивнул Алан. — Ванильные пальчики.

— Ладно. Возьми колу и несколько пальчиков, — разрешила Анна. — Но не слишком много. Я сейчас вернусь.

Анна поднялась к себе в спальню. Я понимал, что ей нужно собраться с мыслями, а не только взять книгу, которую она принесла через пять минут.

— Все, я готова, — объявила она.

— Я готов, — сказал и Алан.

— Хорошо, — кивнула она. — Я принесла книгу, которую мы

сейчас посмотрим.

— Какую книгу? — спросил Алан.

— Дай мне сесть, и я тебе покажу.

Анна взяла стул, стоявший во главе стола, и поставила его сбоку, чтобы сесть рядом с Аланом. Перед ним стояла опустевшая тарелка и банка кока-колы. Я сидел напротив него, пока он ел печенье, но когда Анна села, я подвинул стул так, чтобы смотреть на комнату. Не знаю, зачем я это сделал. Может быть, из предосторожности или, называя вещи своими именами, из трусости. Мне показалось, что Алану будет труднее услышать то, что он должен услышать, если он будет смотреть мне в глаза.

— Эта книга о том, как появляются дети.

— Я знаю, как появляются дети, — заявил Алан.

— Я понятия не имела, что ты об этом знаешь, — удивилась Анна.

— Знаю.

— Расскажешь мне, что ты знаешь?

— Зачем?

— Чтобы мы могли об этом поговорить.

— Я не хочу об этом говорить, — сказал он.

— Почему?

— Дети появляются из живота женщины, — заговорил Алан. — Потом женщина идет в больницу, ребенок вылезает оттуда и плачет.

— Верно, — кивнула Анна. — Интересно, знаешь ли ты о том, как ребенок оказывается в животе у женщины?

— Когда трахаются, — сказал Алан. — Он оказывается там, когда трахаются.

Анна сделала вид, что не заметила грубости.

— Правильно, — сказала она. — Если мужчина и женщина занимаются любовью, иногда получается ребенок. Не каждый раз.

— Ребенок получается иногда, — повторил он.

— Когда тело женщины готово сделать ребенка.

— Тогда они трахаются, — подхватил он.

— Смотри, — сказала она. — Я хочу показать тебе в книге.

Она стала медленно перелистывать страницы, начав с главы о том, что происходит после зачатия. Там были иллюстрации и цветные фотографии зародыша в матке на различных стадиях развитии. Были рисунки родовых путей, фотографии самого момента родов, фотографии матерей (и иногда отцов) с новорожденным младенцем на руках. Алан вел себя терпеливо и вежливо, как почти всегда вел себя с Анной, но было ясно, что ему хочется узнать вовсе не об этом. Признаюсь, я засомневался, надо ли использовать книгу о половом размножении человека для

того, чтобы объяснить Алану, как родился он.

Анна закрыла книгу.

— У тебя есть вопросы? О том, что ты увидел?

— У меня нет вопросов о том, что я увидел, — ответил он. — Кто моя мать? Кто мой отец?

Я встал и подошел к столу. Мы не планировали, чтобы я вмешивался в разговор, и я увидел опасение на лице Анны.

— Твоя мать была моей матерью, — сказал я ему. — Твой отец был моим отцом. — Я не знал, как отреагирует Анна на мою решимость. — У тебя и у меня была одна мать и один отец.

— У нас была одна мать и один отец, — повторил Алан.

— Да. Все верно.

— Твоя мать была моей матерью.

— Да.

— Твой отец был моим отцом.

— Правильно.

Алан минуту размышлял. Анна положила ладонь на его руку.

— Ты — мой брат, — проговорил Алан.

В его голосе не было заметно ни радости, ни облегчения, ни горя.

— Мы — братья, — согласился я. — Однояйцевые близнецы.

— Что ты сказал?

— «Однояйцевые» означает «абсолютно похожие».

— Мы абсолютно похожие.

— В основном, да. Мы похожи.

Алан покачал головой, хотя ни капли не ужаснулся:

— Ты — старик, Рэй.

— Да. Старею с каждой минутой.

— Я не старый.

— Нет, ты не старый, — согласился я. — Ты молодой.

— Ты на меня не похож.

— Не знаю. Когда мне было столько же лет, сколько тебе, я был похож на тебя. Хотя ты выглядишь лучше, чем я тогда.

Алан повернулся к Анне.

— Он был похож на меня. Это правда?

— Да, — кивнула она. Ей ничего не оставалось, кроме как согласиться. — Он был очень на тебя похож. Но ты красивее, чем он.

— Мы — братья, — повернулся он ко мне.

— Да.

— Почему ты такой старый?

— Потому что я появился на свет гораздо раньше тебя. Ты появился намного позже меня.

— У тебя есть другие братья?

— Нет.

— У тебя есть другие братья? — обратился он к Анне.

— У меня нет братьев, — покачала она головой. — И сестер нет.

— У тебя есть сестры? — спросил он меня.

— Нет.

— Ты знаешь свою мать?

— Знал, — ответил я. — Да.

— Ты знаешь своего отца?

— Я его знал. Он умер, когда я был совсем маленьким.

— Твоя мать умерла?

— Да, — кивнул я. — Но позже. Когда мне было двадцать два.

— Мне двадцать два, — сказал он.

— Да.

— Я знал свою мать? — спросил он.

— Нет.

— А она меня знала?

— Нет.

— Я появился из ее живота?

— Нет.

— А ты появился из ее живота?

— Да, — ответил я.

— Вы появились на свет по-разному, — сказала Анна.

— Как я появился?

И тогда Анна объяснила ему процесс клонирования: как ядро донорской клетки помещают в яйцеклетку, из которой удалили ядро, и так далее. Меня впечатлило и тронуло то, что Анна взяла объяснение на себя, но Алан вряд ли понял что-либо из ее объяснений, хотя она старалась максимально упрощать научный язык и не пользоваться специальными терминами.

Закончив объяснять, Анна сказала:

— Такие, как ты, называются клонами. Все мальчики, все мужчины, с которыми ты жил, прежде чем попал к нам, тоже были клонами, как и ты.

— Я — клон, — сказал Алан.

— Копия, — пояснил я.

Анна дала мне понять, что не считает использование правительственного эвфемизма полезным или приемлемым.

— Слово «клон» происходит от слова, которое означает «побег», — сказала она.

— Слово происходит от слова?

— Да, — кивнула она. — Это способ, каким ты произошел от Рэя. У Рэя взяли побег и сделали из него тебя.

— Что такое «побег»?

— Это небольшая часть дерева. Маленькая веточка. Часть веточки.

— Я произошел от дерева?

— Ты произошел от Рэя.

— Я настоящий?

— Да, — подтвердила Анна. — Ты абсолютно настоящий.

Он обхватил голову руками. Я никогда не замечал у него этого жеста. Минуту мы молчали.

Он поднял голову и умоляюще взглянул на Анну:

— Кто я?

— Ты — личность. Ты — чудесный мальчик. Красивый мальчик.

Он снова обхватил голову руками. (Жест он позаимствовал не у меня.) Это не было просто рисовкой. Он усиленно размышлял, а такая поза, по-видимому, помогала ему думать.

Потом Алан обратился к нам:

— Вы меня нашли?

— Ты нас нашел, — сказала Анна.

— Ты меня искал? — спросил он меня.

— Нет, — ответил я.

Он повернулся к Анне:

— Ты меня искала?

— Я тебя ждала, — сказала она. — Очень ждала.

— Ты по мне скучала?

— Я тебя не знала. Теперь, если бы тебя здесь не было, я бы скучала по тебе.

Я стоял возле стола. Мне было неудобно. Я сел сбоку от Алана, чтобы он на меня не смотрел.

— Ты меня сделал? — спросил он у меня.

— Я тебя не делал. Я согласился, чтобы тебя сделали.

— Ты согласился, чтобы меня сделали.

— Я сказал, пусть тебя сделают.

— Ты сказал, пусть сделают.

— Да.

— Кто меня сделал?

— Люди, которые умеют это делать, — сказал я.

— Скажи, кто они, — потребовал он.

— Они — ученые, — объяснила Анна. — Ты знаешь, кто такие ученые.

— Я знаю, кто такие ученые.

— Они тебя создали, — сказала она.

— Они — не моя мать.

— Да, — ответила она.

— Кто моя мать?

— Твоя мать была матерью Рэя, — объяснила Анна.

— Я появился не из ее живота.

— Да, — кивнула Анна.

— Она меня не знала.

— Не знала.

В этот момент я совсем решился попросить у Алана прощения: «Прости, что тебя создали». Но ничего не сказал, потому что сомневался в том, что он правильно поймет мои слова. Мне действительно было жаль. Впервые. До сих пор я полагал, что после побега из Отчужденных земель, независимо от его происхождения, существование Алана хорошо для него и для нас. В самые лучшие минуты мне нравилось думать, что я дал ему жизнь, хотя и был максимально отдален от процесса. Теперь он выглядел раздавленным, и я подумал, что на этом лучше остановиться. По крайней мере, пока. Не знаю, подумала ли Анна о том же самом. Мы сказали ему, кто он и что, сообщили больше чем достаточно, и ему было над чем поразмыслить. Ради бога, представьте, что вам вдруг говорят: «Ты — копия». Словно в кошмарном сне. Он был изъят из естественной природы. Переосмыслен. Лишен своего «я». Оказался не человеком. Интересно, что сюда подходят церковные слова: осквернен, лишен благодати, грешен. По какому завету он создан? Может быть, я неправ. Откуда мы можем знать, как бы мы себя чувствовали на его месте?

Алан не был готов прекратить расспросы.

— Зачем ты меня создал? — спросил он меня. — Зачем меня создали?

Я сказал ему правду:

— Я не хочу говорить.

— А ты скажешь? — повернулся он к Анне.

— Скажу, — кивнула она. — Тебя создали для ужасных вещей.

— Зачем меня создали? — повторил он.

— Тебя создали для Рэя.

— Меня создали для тебя.

— Да, — ответил я.

— Зачем?

— Для того… — начала Анна.

— Я скажу, — перебил ее я. — Я несу ответственность.

— Что ты сказал?

— Я виноват, — ответил я. — Это моя вина.

— Это твоя вина, — повторил он.

— Да, — сказал я. — Тебя создали для меня, и это моя вина.

— Зачем меня создали? Теперь ты хочешь сказать?

— Не хочу, но отвечу. Тебя создали для меня. Чтобы в том случае, если я заболею или получу травму, ты появился бы и смог мне помочь.

— Я появился бы.

— Да.

— Откуда? — спросил он.

— Оттуда, где ты был, — ответил я. — Прежде чем попал к нам.

— Я появился бы, чтобы тебе помочь.

— Если бы я лишился глаза, — объяснил я, — у тебя взяли бы глаз и пересадили бы его мне.

— У меня взяли бы глаз.

— Да. Если бы мне понадобилась почка, у тебя взяли бы почку и пересадили бы ее мне.

— Что такое почка? — спросил он.

— Это часть твоего тела, очищающая кровь, — пояснила Анна. — У тебя их две.

— У меня взяли бы почку, — повторил он.

— Да. Если бы мне понадобилось легкое, его взяли бы у тебя.

Он посмотрел на Анну.

— Сколько у меня легких?

— У тебя два легких, — сказала она.

— У меня взяли бы одно, — повторил он.

— Или два, — уточнил я. — Если бы мне понадобилось.

— Я то, что едят, — проговорил он. — Я — еда.

— Ты — не еда, — возразила Анна.

— Если бы я заболел, — спросил он меня, — ты бы мне помог?

— Теперь да, — кивнул я.

— Сколько легких у Рэя? — спросил он Анну.

— Два.

— Если бы мне понадобилось легкое, у тебя взяли бы одно и отдали мне?

— Нет, — покачал я головой.

— Почему нет?

— Потому что я не был создан для того, чтобы помогать тебе.

— Я был создан, чтобы помогать тебе, — проговорил он.

— Да.

— Я — мешок с вещами, которые ты используешь, — сказал он.

— Уже нет, — возразила Анна.

Она постаралась вложить в свою фразу как можно больше уверенности.

Алан встал, опрокинув стул.

— Я для Рэя, — сказал он.

— Не волнуйся об этом, — сказал я.

— Теперь ты в безопасности, — сказала Анна.

Он поднял стул и швырнул его в стену.

— Я для Рэя.

— Да, — проговорил я.

— Не говори со мной, — велел он.

— Все в порядке, — сказала Анна. — Ты в безопасности.

— Я в безопасности, — повторил он.

— Да, — сказал я.

— С тобой ничего не случится, — сказала Анна.

— Со мной ничего не случится.

— Да, — подтвердил я.

Он взял со стола книгу о детях и бросил ее через всю комнату.

— Вот как, — сказал он.

— Все в порядке, — ответил я.

Он посмотрел на меня:

— Чего ты хочешь?

— Ничего я не хочу, — сказал я. — Только чтобы ты был в безопасности.

— Ничего, — повторил он.

— Ничего, кроме этого, — подтвердил я.

— Я иду спать, — заявил он. — Я не хочу, чтобы ты входил.

Анна встала:

— Алан.

— Ты тоже, — бросил он.

На следующее утро Алан с нами не разговаривал. Он не смотрел на меня. После завтрака он отправился в свою комнату, и мы не видели его до самого обеда, который прошел в молчании. После обеда — Алан почти ничего не ел — он вернулся в свою комнату до ужина. Анну это беспокоило — в одиночестве он мог как-то повредить себе. Она поднималась к его комнате каждый час, но он не открывал дверь и не отвечал ей. Только когда он выходил в туалет, мы понимали, что с ним все в порядке, что он хотя бы жив. За ужином он бросал нам отрывистые, лающие распоряжения, жевал так шумно, так грубо, как только мог, с набитым ртом бормоча ругательства.

— Ты сердишься, — сказала Анна. — Ты должен сердиться. Но мы — твои друзья. Мы здесь, чтобы тебе помочь. Мы тоже сердимся.

— Заткнись, — велел он ей. — Шлюха. Ведьма.

— Прекрати, — приказал я.

Каким бы я был отцом? Как обращался бы со своим сыном?

— Все в порядке. — Анна старалась смягчить ситуацию.

— Ничего не в порядке, — отрезал я.

Алан назвал меня «долбаная задница». Потом бросил мне:

— Мне стыдно за тебя.

Мне показалось, что он заплакал. Он побежал к себе и захлопнул за собой дверь. Мы больше не видели его до следующего утра.

У него было доброе сердце, и на следующий день он проснулся в раскаянии. Он позвал из своей спальни Анну. Она вошла и села возле него на кровать. Она пробыла у него довольно долго. Они обнимались и разговаривали. Когда они спустились вниз, было ясно, что оба плакали.

— Прости меня, Рэй, — попросил он.

— Ты меня тоже прости, Алан, — сказал я.

За завтраком он задавал вопросы. Помимо прочего, Анна объяснила значение цифр на его руке. (Он видел их всю свою жизнь и никогда раньше не задумывался, что они означают.) Анна рассказала ему про «команду Долли», преуменьшив угрозу. Рассказала о своей организации, о своем участии, об их миссии упразднить клонирование людей и в самом конце — об их планах на него. Когда она ответила на его вопросы (на один — «Что будут делать с другими клонами?» — она ответить не смогла), Алан встал из-за стола. Посмотрел на нас и очень спокойно произнес:

— Я этого не хочу.

Через несколько дней мы переехали в Калгари, где поселились в тесной и невзрачной квартире с двумя спальнями, расположенной на первом этаже на Четырнадцатой улице, на юго-западе. Если не считать номер в мотеле Тандер-Бея, где мы провели только одну ночь, это было самое паршивое место из всех наших домов в Канаде. Нам с Аланом снова пришлось делить одну спальню, и теперь, после того как он узнал о нашей с ним внезапной, ужасной, ненадежной близости, это оказалось гораздо труднее, чем в прошлый раз в Отаве, когда мы были совершенно чужими друг другу, он был плохо знаком с миром, сторонился всех и проявлял открытую враждебность, особенно ко мне. Кем и чем я оказался для него? Путь из Риджайны в Калгари был долгий, двенадцать часов, почти пятьсот миль. Мы сидели в грохочущем четвертьтонном грузовичке. Высокий пригнал его нам перед отъездом из Риджайны. Анна и я попеременно вели машину, пока другой ютился в середине, прижав колени к груди, а Алан тихо и мрачно сидел у окна. Мы все были мрачны.

Высказанная правда отдалила нас и даже, чего никто не ожидал, сделала опасными друг для друга.

В первую неделю пребывания в Калгари у меня случился еще один инфаркт, на этот раз более серьезный, чем первый. Мы с Аланом стояли на улице перед домом и ждали. Никому из нас, насколько я помню — хотя я помню о том дне очень мало, — не хотелось разговаривать. Анна пошла за машиной. Было утро, начало июня, тепло и солнечно. На западе виднелись горы, до сих пор покрытые снегом. Калгари оказался для нас печальным местом, но расположен был очень красиво. В то утро мы собирались поехать в центр города, в ювелирный магазин на Стивен-авеню. Накануне вечером мы пытались придумать какой-нибудь способ, хотя бы символический, чтобы подчеркнуть личность Алана, и Анна решила, что мы купим ему перстень-печатку и выгравируем на нем инициалы — АГ. Она поделилась своей идеей с Аланом и со мной. Я думал, что это хорошая мысль, хотя не считал, что это заставит Алана почувствовать себя лучше или лучше отнестись к своей сложной реальности. (Дело обстояло именно так. Существовал ли он, мог ли он существовать, если я и без того уже существовал?) Алан принял это уклончиво, не возражал, но и не проявил энтузиазма. На тот момент мы не замечали, чтобы он вообще проявлял к чему-то энтузиазм. Возможно, еще и потому, что ни он, ни я никогда не жили по-настоящему.

Подъехала Анна в грузовичке. Я открыл дверцу, чтобы подняться в кабину — это было мое самое большое усилие. И тут же, как потом рассказала Анна, потерял сознание. Падая, я ударился головой о подножку. О том, что случилось дальше — вплоть до того момента, когда я пришел в себя, — я знаю со слов Анны, посещавшей меня в больнице.

Когда она пришла в больницу первый раз, я находился под действием успокоительных и снотворных препаратов и ни на что не реагировал. Во время второго ее визита, через два дня после происшествия, я еще лежал в кровати, опутанный проводами и трубками, но мы уже могли поговорить.

— Ты застонал, — сказала она, — закричал так, словно у тебя разрываются внутренности. Потом упал. Ты сильно ударился головой, когда упал.

— Я заметил, — сказал я. — Прости. Наверное, это было жуткое зрелище.

— Это было страшно. Алан испугался. Когда он услышал, что ты закричал, и увидел, что ты упал, он завопил: «Помогите ему! Помогите ему! Помогите ему!» Он кричал, не переставая. Как

будто обезумел. Оборачивался во все стороны, словно пытался понять, откуда ждать помощи. Потом выскочил на дорогу и попытался остановить машину.

— Как я сюда попал?

— Произошла удивительная вещь, — сказала она. — Совершенно неожиданно к нам подбежали какой-то парень и его жена. Молодая пара, чуть старше Алана. Они были в двух кварталах отсюда, как они сказали, и услышали крики Алана о помощи. Молодой человек умел делать искусственное дыхание, и он занялся тобой. Его жена вызвала полицию, а я пыталась успокоить Алана. Когда приехала «Скорая помощь», ты уже дышал.

— Бедный парень, — проговорил я.

— Я записала их имена.

— Я имею в виду Алана.

— О. Да. Я понимаю, — сказала она.

— Только этого нам не хватало.

— Да, ты свалился не вовремя.

— Думаю, он рад, что я убрался с его пути.

— О нет, Рэй, — возразила Анна. — Он тебя любит.

— Мне так не кажется, — сказал я.

— Конечно, любит.

— Он любит тебя.

— Конечно, он меня любит, — согласилась она. — И тебя тоже.

— Да ладно, оставь, — ответил я. — Я занял его место. Я, так сказать, проклятие его существования.

— Это верно, — кивнула она. — Но он все равно тебя любит. Я знаю, что любит.

— Кстати, где он?

— В комнате ожидания. Там дежурит хорошенькая помощница медсестры. Он на нее смотрит.

— Ничего, что он там один?

— Думаю, ничего, — сказала она. — Надеюсь.

— Может, тебе лучше вернуться?

— Через минуту.

— Ты боишься, что он расскажет? — спросил я.

— О том, что он — клон?

— Да.

— Конечно, боюсь. Я говорила с ним об этом. Объяснила, что опасно рассказывать об этом.

— Он понял?

— Похоже, да, — кивнула она. — Думаю, он никому не скажет. Не могу себе представить, что он это сделает.

— Он хочет прийти сюда?

— Он боится, — сказала она. — Он боится к тебе идти.

— Мне бы хотелось его увидеть.

— Может быть, в следующий раз. Дай ему время.

Когда я в первый раз пришел в сознание, меня посетил главный врач отделения кардиологии, надменный элегантный египтянин лет сорока. Он объяснил, что со мной случилось. Это был инфаркт, который он назвал обширным. Мне повезло, что я остался жив. Если бы не вмешательство моего доброго самаритянина, я бы уже умер.

Он сообщил, что на моем сердце обнаружили большой рубец, и потребовал, чтобы я рассказал ему о предыдущем приступе. Я ответил, что впервые это произошло год назад, в августе.

— И что тогда сказал ваш врач о вашем состоянии?

Он говорил так, словно читал опросник. Как будто ни я, ни мое состояние не стоили времени и сил, затраченных на произнесение этих слов.

— Он сказал, надо подождать, пока спадет воспаление, прежде чем оценить степень повреждения.

— И какое заключение он сделал?

Возле моей кровати стоял стул, но врач предпочел стоять на протяжении всего разговора.

— Я к нему не попал, — сказал я.

— В смысле?

— К тому времени я уехал в Канаду. С тех пор я жил здесь.

— В Калгари?

— В разных местах, — ответил я.

— Вы не думали о том, чтобы проконсультироваться у врача?

— Нет.

— Вы принимаете сердечные препараты?

— Врач в Нью-Гемпшире выписал мне лекарства. Я принимал их, пока они не закончились. Больше я не пошел за рецептом.

— Должен сказать, мистер Грей, что вы ведете себя безответственно. Вы подвергаете себя серьезной опасности.

— Я знаю.

— Мне нужна фамилия врача, лечившего вас после первого инфаркта. Я хочу с ним поговорить. Вы сказали, он живет в Нью-Гемпшире?

— Да.

— Хотя вы живете в Небраске?

— Я не живу в Небраске. Я — не мистер Грей.

— Если позволите, эта информация взята из ваших водительских прав, — вздернул он бровь.

— Я понимаю. Эта информация фальшивая.

Похоже, в нем проснулся интерес.

— Как же так получилось? — спросил он.

— Не хочу объяснять, — сказал я. — Даю вам честное слово, что я совершенно безобиден и не замышляю ничего дурного.

Повреждения моего сердца были обширными.

— Ваше сердце изношено, — заявил он.

По его мнению, мне нужно было делать пересадку, и как можно скорее. Он спросил меня, являюсь ли я по крайней мере американским гражданином. Я ответил, что да. Тогда он спросил, есть ли у меня клон. Я сказал, что есть. Он даже не сделал попытки скрыть свое неодобрение.

— Кто бы вы ни были, — сказал он (я назвал ему свое имя; оно понадобилось бы ему, если он собрался поговорить с моим врачом в Нью-Гемпшире.) — Кто бы вы ни были, — повторил он, — мы не будем проводить эту процедуру здесь. Должен вам сказать, что ни одна больница в стране этого не сделает.

В Канаде, объяснил он, очень длинная очередь на жизнеспособные сердца, значительно превосходящая наличие таких сердец. (Не то что в Америке, конечно. Там много сердец.) Поскольку я, во-первых, американец, а во-вторых, имею клона, меня занесут в самый конец списка и оставят там. Самое большее, что он может сделать, это поддерживать меня в стабильном состоянии, пока не будет подготовлена операция, которую проведут в США.

— В Мизуле есть университетская больница, — сказал он, — а еще первоклассная больница в Спокане. Я знаю хирургов обеих больниц, и города расположены довольно близко.

— Вы считаете, мне нужна операция, — проговорил я.

— Да. Если хотите жить. А я полагаю, что хотите. Вам создали клона.

— Двадцать пять лет назад, — сказал я.

— Поменяйтесь с ним сердцами.

Это была глупая шутка. Безвкусная. Он понял это сразу же, как только произнес эти слова. Он не засмеялся, не извинился, словно отменил свои слова, игнорируя их. Эти слова он использовал прежде, по-видимому, в более обнадеживающем контексте. Я не возражал против шутки — меня оскорблял этот человек с безупречным маникюром и запонками, которому нравилось стоять надо мной.

— Ладно, — сказал я. — Сколько я проживу?

— Без операции?

— Пока вы не сможете провести ее здесь.

— Я могу внести вас в список, — сказал он. — Это все, что в моих силах. Скажу сразу, что вы можете не дождаться ее.

— Сколько?

— Месяц или два. Три месяца максимум. Если будете лежать в постели, поменьше двигаться, не напрягаться, принимать лекарства. Не могу сказать наверняка. Ваше сердце может остановиться завтра.

— Когда я смогу вернуться домой?

— Вы имеете в виду, в Нью-Гемпшир? Я бы вам не советовал. Вы не перенесете дорогу.

— Я имею в виду сюда. В Калгари. Когда я смогу уйти из больницы?

— О вас есть кому позаботиться?

— Есть, — ответил я.

— Мы должны понаблюдать вас еще несколько дней. Потом выпишем, если состояние будет стабильным.

— Ладно, — сказал я. — Внесите меня в список.

Я ждал второго визита Анны — второго, во время которого я был в сознании, — чтобы передать ей слова кардиолога. Алан снова решил остаться в комнате ожидания.

— Помощница медсестры?

— Нет, — улыбнулась Анна. — Сегодня дежурит пожилая женщина. Она дала Алану чупа-чупс. Они смотрят телевизор. С ним все в порядке.

Она поставила в ногах кровати небольшую спортивную сумку.

— Я тут кое-что принесла. Пижаму, туалетные принадлежности. Журналы. Леденцы. Тапочки.

— Ты принесла леденцы?

— Не помню, — сказала она, присаживаясь на край кровати. — Просто собрала кое-что.

— Спасибо.

— Еще принесла твои очки. — Она вытащила их из сумки и положила на тумбочку. — Он хочет повидаться с тобой, Рэй. Не думай, что не хочет.

— Я ничего не думаю. Я тоже хочу с ним повидаться.

— Может быть, завтра.

— Когда он будет готов, — сказал я. — Врач говорил с тобой?

— Я — твоя жена.

— Правильно, — кивнул я. — Погоди. Мне надо пописать.

— Позвать медсестру?

— Я сам умею.

Я пошарил левой рукой, нащупал соответствующее устройство и надел его под одеялом на член.

— Итак, — проговорил я. — Что он тебе сообщил?

— А что он сообщил тебе? — вопросом на вопрос ответила Анна.

— Кучу радостных известий. Мое сердце изношено. Без лишних подробностей. Нужна пересадка. Без нее я проживу не больше нескольких месяцев.

— Мне так жаль, Рэй. — Она коснулась тыльной стороны моей правой ладони, стараясь не задеть иглу капельницы. — Мне он говорил, три месяца.

— Максимум. Что ты о нем думаешь?

— О враче?

— Высокомерное ничтожество, — сказал я.

Анна улыбнулась.

— У тебя проблемы с мужчинами.

Я задумался.

— Наверное, да.

— У тебя всегда так было?

— Может быть, — ответил я. — Алан был рядом, когда он говорил с тобой?

— Неподалеку. Я не знаю, что он слышал.

В палату вошла медсестра, которую я раньше не видел. Она обратилась к Анне:

— Миссис Грей, вас зовет сын.

— С ним все в порядке? — встревожился я.

— Кажется, да, — кивнула медсестра. — Он попросил меня найти его маму. Я ответила, что он может войти в палату, но он не захотел.

— Я лучше пойду, — решила Анна.

— Ты вернешься? — спросил я.

— Да. Просто посмотрю, что ему нужно.

Анна вернулась через пару минут.

— Он хотел рассказать мне анекдот, — сказала она.

— Анекдот?

— Его первый анекдот, — улыбнулась она.

— Это важно, — признал я.

— Да, — сказала она. — Что-то о двух мужчинах и утке. Я не поняла. Ему показалось, что анекдот очень смешной. Там надо крякать.

— Он его сам придумал?

— Понятия не имею, где он его взял.

— Сколько у нас времени?

— Несколько минут, — ответила она. — Он беспокоится, Рэй. Сначала он рассказал анекдот. Потом спросил, как ты выглядишь.

— И как я выгляжу?

— Ужасно.

— Что ты ему сказала?

— Что ты выглядишь хорошо. Как всегда.

— Не совсем правда.

Анна расстегнула сумку и стала ее распаковывать.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Выкладываю вещи. Чтобы ты мог ими пользоваться.

— Подожди, — остановил ее я. — Посиди.

— Не хочу, — отказалась она. — Я не хочу сидеть.

— Прошу тебя.

Она перестала распаковывать сумку, но не села:

— Что ты будешь делать, Рэй?

— Ты про что?

— Про трансплантацию.

— Ты меня спрашиваешь?

— Да, — кивнула она.

— Ты же не хочешь, чтобы я это сделал.

— Я не знаю, чего хочу, — проговорила Анна.

Она глубоко вздохнула, потом заговорила ровным голосом, спокойно, словно делала заказ в ресторане:

— Я не хочу тебя потерять. В этом я уверена. Я хочу, чтобы мы остались втроем, все вместе. Хочу снова увидеть моих детей. Моих внуков.

— Все сразу невозможно, — ответил я. — Ты не можешь получить все это одновременно.

— Я не могу получить ничего.

Это она тоже сказала безапелляционно.

— Ты еще увидишь своих внуков.

— Ты так думаешь?

— Иначе цена будет слишком высокой.

— Я сама решила заплатить такую цену, — проговорила она.

Я не знал, что ответить.

— Просто подумай над этим, — попросила она.

— Ты не можешь серьезно предлагать это, Анна.

— Могу.

— Не можешь. Я не могу взять сердце.

— Сможешь. У них много сердец. Им не придется убивать клона.

— Ты этого не знаешь. Уж кому-кому, а тебе не следует мне это говорить. Сердце в любом случае будет от клона.

— От кого-нибудь еще. — Она рассердилась. — Мне это неважно, Рэй. Клянусь, неважно.

— Тебе это важно. Конечно, важно.

Она промолчала.

— Дело не только в этом, — сказал я. — Дело в том, Анна,

что больше трех месяцев я не проживу.

Я видел, что мои слова ее ранили, и мне стало жаль ее.

— Что мы ему скажем? — спросила она, подходя к двери. — Не уверена, что он выдержит, если снова услышит плохие новости.

В следующий раз Алан вошел в палату вместе с ней. Они пришли рано утром. На улице было тепло, но на Алане был пуловер «Виннипег джетс». Он явно нервничал. Он остановился в дверях и всячески старался на меня не смотреть.

— Рад тебя видеть, — поприветствовал я его. — Выглядишь потрясающе. Мне нравится твоя фуфайка.

— Не говори «фуфайка», — сказал он. — Говори «свитер».

Если Алан являлся гражданином какой-то страны, то, конечно, Канады — он предпочитал говорить так, как говорили здесь.

— Мне нравится твой свитер. Ты — модный парень.

— Я — модный, — подтвердил он. — Ты мне его купил. Помнишь?

— Помню. Отличный был вечер.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Анна.

— Хорошо. Мечтаю свалить отсюда.

— Что ты сказал?

Алан подошел совсем близко и стоял возле Анны, но пока не отваживался как следует на меня посмотреть.

— Мечтаю уйти отсюда как можно быстрее.

Алан сформулировал очевидное:

— Ты плохо себя чувствуешь. Ты не мечтаешь свалить.

— Конечно, — сказал я. — Не то чтобы мечтаю. Я устал. Но я хочу вернуться домой. — Я повернулся к Анне: — Может быть, завтра.

— Хорошо, — кивнула она. — Мы подготовимся.

— Анна говорит, с тобой все будет в порядке, — сказал Алан. — Тебе дадут новое сердце, и ты выздоровеешь.

— Надеюсь, это правда, — сказал я.

— Это правда, — подтвердила Анна, повернувшись к Алану. Потом сказала, глядя на меня: — Конечно, правда.

На стене, напротив постели на кронштейнах висел телевизор. Алан взглянул на него.

— Телевизор не работает, — заметил он.

— Включи, если хочешь, — предложил я.

— Не хочу, — сказал он. — Я не хочу его смотреть.

— У меня есть «Джелло», которое я не ел. Хочешь?

— Нет, — ответил он. — Что такое «Джелло»?

Я не мог поднять руки, потому что в одной торчала игла капельницы, а от другой шел провод к монитору. Я мотнул головой, указывая на тумбочку.

— Такая зеленая штука на подносе.

— Я не хочу «Джелло», — сказал Алан. — Оно похоже на сопли.

Анна засмеялась.

— Оно вкусное, — стал уговаривать я. — Тебе понравится. Когда глотаешь, оно скользкое и прохладное.

— Почему ты его не съел? — поинтересовался Алан.

Я не мог ответить.

— Не хочу, — отказался он.

— Ты можешь сделать для меня одну вещь? — сказал я Анне.

— Ладно, но только одну.

— Мне бы хотелось встретиться с адвокатом, прежде чем меня выпишут.

— Зачем? — спросила она.

(Мне не хотелось говорить об этом при Алане. Я собирался составить завещание. Я решил оставить свое состояние Анне — деньги Сары, дом, машину. Брат и сестра Сары были хорошо обеспечены; Анна и Сара, когда мы познакомились, были лучшими подругами; не появись я, они, возможно, дружили бы всю жизнь. Если Анна, что сейчас кажется маловероятным, умрет раньше меня, состояние перейдет к ее детям и будет разделено на троих. Анна сумела найти адвоката и привезти его в больницу. Он составил простое завещание согласно моим инструкциям. Копию, которую я вскоре вручу Анне, он отправил по почте на Четырнадцатую улицу в Калгари, а еще одну сохранил у себя.)

— Нужно кое-что уладить, — ответил я.

Анна покачала головой.

— Мне не нужны твои деньги, Рэй.

— Не беспокойся, — сказал я.

Алан повернулся ко мне.

— Рэй, они возьмут мое сердце?

— Нет, — твердо ответил я. — Твое сердце они не возьмут.

— Ты теперь свободен, — сказала Анна. — Никто не возьмет твое сердце. Никто у тебя не возьмет ни одного органа.

— Я все равно клон, — возразил он.

— Да, — сказала она. — Но со мной ты в безопасности. Мы все в безопасности.

Алан снова обратился ко мне:

— Чье сердце они тогда возьмут?

— Этого я не знаю, — ответил я.

Они посидели еще немного. Мы больше не говорили про

сердце Алана. И про мое. Потом попрощались. Алан был мрачен. Я бодрился изо всех сил.

Прошло еще четыре дня, прежде чем меня выписали. Анна договорилась, чтобы нам привезли больничную кровать и поставили ее в спальне, которую мы с Аланом делили до моего приступа. Скажу сразу, что теперь я жил вместе с Анной — Алан перешел в другую спальню. Анна стала моей сиделкой, чтобы ночью при необходимости быть рядом. Алан помог мне дойти от машины до квартиры. Он волновался, дотрагиваясь до меня, словно боялся, что я сломаюсь. Я улегся в постель и следующие три месяца почти не вставал.

В первое утро после выписки я позавтракал и попросил Анну принести мне носки.

— Какие носки? — спросил Алан.

— Подожди, — ответил я.

— Для меня? — спросил Алан.

— Подожди. Анна, нашла?

Она достала носки из ящика комода.

— Что теперь?

— Я хочу, чтобы ты достала из них все.

— Носки, — проговорил Алан. — А что в них?

— Деньги, — ответил я.

— Деньги для меня? — спросил он.

— Немного денег.

— Что ты делаешь, Рэй? — встревожилась Анна.

— Я знаю, что делаю.

Она вытряхнула содержимое носков на кровать. Там было шесть пачек денег, каждая перетянута тонкой резинкой.

— Я не хочу носки, — сказал Алан.

— Отлично, — кивнул я.

— Мне хочется денег.

— Знаю. — Я обратился к Анне: — Можешь отсчитать пять тысяч долларов и положить их в носок?

— Пять тысяч?

— Да.

— Ты такой милый, — сказала она. — Но сумасшедший.

— Мы оба знаем, что я вовсе не милый, — ответил я. — И это очень мешает.

Анна отсчитала купюры и положила их в носок.

— Дай его сюда, пожалуйста, — попросил я.

Анна протянула мне носок.

— Иди сюда, — сказал я Алану.

— Хорошо, — ответил он и подошел ближе.

Я протянул ему носок.

— Эти деньги — тебе. Можешь потратить их, на что захочешь, если Анна не будет возражать. Понимаешь?

Он вытащил деньги из носка и сжал в руке.

— Эти деньги для меня?

— Да.

— Я могу их тратить?

— Да. Если Анна не будет возражать.

— Если она не будет возражать, я могу их тратить?

— Да, — кивнул я.

Алан перевел взгляд на Анну.

— Не на девушек, — сказал он.

— Не на девушек, — кивнула она.

— Я хочу, — сказал я, — чтобы ты как можно быстрее купил одну вещь. Сегодня.

— Ты хочешь, чтобы я купил ее сегодня?

— Да. Я хочу, чтобы ты и Анна пошли сегодня в магазин и купили компьютер. Я хочу купить компьютер, — ответил он. — Я тебе говорил. Помнишь?

Он сказал это без энтузиазма, даже с некоторой долей обвинения. Словно хотел дать понять, что мое предложение щедрое, но я сделал его слишком поздно.

— Помню. Я хочу, чтобы ты купил компьютер. Анна поможет тебе его выбрать. Это будет твой компьютер. Но сначала я им немножко попользуюсь.

— Это будет мой компьютер, и ты будешь им пользоваться?

— Да, — подтвердил я. — Совсем немножко. Потом он станет твоим.

— Это будет мой компьютер?

— Через некоторое время, — сказал я.

Глава двенадцатая

— Ты собираешься писать отчет? — спросила Анна.

— Думаю попробовать, — ответил я. — Если вспомню, как писать.

— Хорошо, Рэй. Это хорошо.

— Все равно больше нечего делать.

— Нет. Ты хочешь его написать.

— Кажется, да. Не знаю, почему.

Убедившись, что мне удобно и хорошо в кровати, с которой я практически не вставал, Анна взяла с собой Алана, и они отправились за компьютером. Они выбрали тот, который понравился Алану, заплатили за него деньгами Алана, и Анна его настроила.

(Я спокоен. Лежа в арендованной больничной койке в загаженной лачуге в Калгари, я спокойно жду, когда остановится мое сердце. Как и везде, где мы жили в Канаде. Как вообще везде. От матери я узнал, что у немцев есть слово «Heimweh», обозначающее тоску по дому, даже если вы дома. Куда бы вы ни пошли, везде вы находите то, что находите везде, куда бы вы ни пошли. После того как умерла Сара, я постоянно тосковал по дому, но здесь моя тоска стала особенно сильной. Независимо от того, умирает мое сердце или нет.)

Компьютер стоял передо мной (к кровати прилагался столик на колесиках, который можно было ставить поперек постели), и, помимо очевидного вопроса: «Смогу ли я это написать?», вставал и другой: «Хватит ли у меня времени?»

Была середина июня.

Анна не хотела говорить о неизбежном.

— Послушай, — сказала она. — Ты должен придумать всем псевдонимы. Всем нам.

— Как тебя назвать?

— Придумай что хочешь. — Она улыбнулась. Печально. — Только не Твинк.

— Не Твинк. Ни в коем случае.

— Что-нибудь красивое, — попросила она. — Пусть мое имя звучит красиво.

— Ты красивая, Анна.

— Вранье. Какое же вранье. Ты такой врун.

— Красивая, — повторил я. — Я так думаю.

— Я придумала для тебя имя, — сказала она.

— Какое же? Подонок?

— Рэй Брэдбери.

— Почему?

— Это писатель. У нас дома были его книги. Их читала моя мама. В основном он писал научную фантастику.

— Он был хороший писатель? — спросил я. — Потому что я вряд ли хорошо напишу. И это будет не научная фантастика.

— Уверена, что хороший, — ответила она. — Я его никогда не читала, но маме он нравился. А мне всегда нравилось его имя. Звучит уверенно. Внушительно. Честно.

— Ко мне из этого списка ничего не относится.

— Сделай так, чтобы относилось, — сказала она.

— Я хочу мое настоящее имя, Рэй, — вмешался Алан.

Он лежал на другой кровати — поначалу он спал там, но после моего возвращения из больницы на его месте стала спать Анна — прямо в одежде и обуви, положив на глаза подушку. В таком положении он проводил целые дни: лежал на кровати — хотя моя компания его удручала, — пока я писал отчет. Я не понял, о каком имени он говорит.

— Я хочу быть Аланом, — пояснил он.

Его настоящее имя. Даже я почувствовал в этом печальную горькую иронию.

— Ты будешь Аланом, — сказал я. — Обещаю.

К несчастью для всех нас, после приобретения компьютера — Алан стал его владельцем и больше о компьютере не волновался — ему мало что хотелось купить.

— Я хочу машину, — заявил он несколько дней спустя после того, как я дал ему деньги.

Он лежал на своем обычном месте, растянувшись на кровати Анны. Я уже начал писать и радовался любому перерыву.

— Ты не умеешь водить, — сказал я.

— Ты можешь научить меня водить. Ты — учитель.

— Я не могу вставать.

— Когда тебе станет лучше, ты встанешь. И тогда сможешь меня научить. — Он отбросил подушку с глаз и привстал. — У меня идея. Анна может меня учить. Анна — учитель. Она умеет водить. Она может учить меня.

— Может быть, — согласился я.

Услышав свое имя, Анна заглянула к нам:

— Может быть, я буду что?

— Может быть, ты научишь меня водить, — объяснил Алан. — Ты — учитель. Я куплю машину, и ты будешь учить меня водить.

Она взглянула на меня.

— Не смотри на меня, — сказал я.

— Сначала я научу тебя водить, — сказала Анна. — Потом подумаем о машине.

— Сначала ты научишь меня водить?

— Да.

— Потом подумаем о машине?

— Подумаем, — кивнула она. — Ничего не обещаю.

— Подумаем, — сказал он.

Утром следующего воскресенья, чтобы подбодрить Алана, а также рискуя вызвать в нем необоснованные надежды, Анна подъехала на грузовике к школе неподалеку от нашей квартиры, чтобы Алан мог попрактиковаться на автостоянке. Он ездил по стоянке, Анна сидела рядом.

— Мне почти не пришлось его учить, — говорила мне Анна позже, вечером.

Алан был в своей комнате. Мы лежали в постелях. Она — в своей, я — в своей. Мы больше не беспокоились о том, что он ускользнет: он отказался от своих затей.

— Я вдруг поняла, что почти надеюсь: вот сейчас я позволю ему править самому, — рассказывала она, — мы с ним врежемся в кирпичную стену, и все наконец закончится.

Я засмеялся.

— Именно так, — сказала она. — Сначала он делал широкие круги, потом сузил их. Несколько минут ехал задним ходом. Думаю, он станет хорошим водителем. Играл с кнопками, с переключателями. Включал и выключал фары, дальний свет и боковые огни. Из-за солнца их не было видно. Попробовал включить радио, но оно, конечно, не заработало. Посигналил. Когда проделал все, что, по его мнению, должен делать водитель, он посмотрел на меня и сказал: «Спасибо за то, что учила меня». Потом мы поменялись местами, и я отвезла нас домой. Он не захотел никуда идти.

Анна взяла его в молл, чтобы, как она сказала, «предаться запойному шопингу».

— Мы зайдем во все магазины, — сказала она Алану. — Если ты увидишь что-то, что тебе понравится и захочется купить — конечно, если это разумная покупка, которую ты сможешь себе позволить, — можешь это купить.

— Это запойный шопинг? — спросил он.

— Я это так называю, — ответила Анна.

— Я буду тратить свои деньги?

— Главное, не все, — сказала она. — Если увидишь что-то, что тебе понравится.

— Рэй тоже пойдет с нами на шопинг?

— Я не могу, — отказался я. — Мне надо работать.

Трудно поверить, но это была правда.

— Он должен писать отчет, — сказала Анна.

— Я знаю, — кивнул Алан. — Он запомнит?

— Что я запомню? — не понял я.

— Мое имя.

— Ты будешь Аланом, — заверил я. — Я запомню. Когда вернешься, покажешь мне, что купил.

Они вернулись через два часа, гораздо быстрее, чем я ожидал. Я дремал, когда они вошли. Оказалось, что я могу работать часполтора, а потом мне необходим отдых.

Алан вошел в комнату перед Анной.

— Рэй храпит, — сказал он.

Не сказав больше ни слова, он бросился на кровать Анны, растянулся на ней и рывком положил на глаза подушку.

— Как ваш шопинг? — спросил я Анну.

Она стояла в дверях, держа в руках большой пластиковый пакет с покупками.

Она кивнула.

— Неплохо.

И еще раз кивнула.

— Не покажешь мне покупки? — попросил я.

Не убирая подушку от лица, Алан сказал:

— Ты спрашиваешь меня?

— Да.

— Я не покажу тебе покупки.

— Может, Анна покажет? Я хочу посмотреть.

— Нет, — заявил он.

— Я отнесу пакет в твою комнату, — сказала Анна.

— Спасибо, — поблагодарил он.

Вечером Анна, почитав Алану книжку, пришла укладываться спать. Мне по-прежнему было не совсем удобно спать с ней в одной комнате, но ее присутствие, ее готовность прийти на помощь успокаивали меня. Помогали и лекарства, которые я принимал по вечерам, чтобы легче было уснуть. Я спросил у нее, что произошло.

— Он купил кучу ерунды, — ответила она. — И сам понимает, что это ерунда.

— Только ерунду?

— Он купил себе камеру.

— Это хорошо, — сказал я.

— Хорошо, — согласилась она. — Нам нужно скинуть фотографии в компьютер.

— Ладно.

— Еще он купил несколько фигурных подушек для своей

кровати.

— Хорошо.

— Солнечные очки с зеркальными стеклами. Рюкзак. Все остальное — хлам. Ручка в виде хоккейной клюшки. Тапочки-крокодилы.

— Из крокодиловой кожи?

— Матерчатые. В виде крокодильей головы. Еще купил шагомер.

— Зачем?

— Понятия не имею. Просто чтобы что-нибудь купить. Купил куклу.

Я сразу же представил себе надувную куклу.

— Какую куклу?

— Дешевую, маленькую, пластиковую. Вроде кукол Долли.

— Здесь не может быть кукол Долли, — пожал я плечами.

— Ну, кукла в костюме пони. Похожа на тех Долли в костюмах овечек. У этих костюм другой, а остальное — точь-в-точь. Он во что бы то ни стало захотел ее купить, — сказала она. — Из всех своих покупок он действительно хотел купить только эту куклу. Мне пришлось заставить его купить фотокамеру. Мы обошли четыре или пять больших магазинов, где, как мне казалось, его обязательно что-нибудь заинтересует. А он приуныл, довольно быстро потерял интерес и стал спрашивать, можем ли мы остановиться. Мы перекусили и поехали домой.

— Как-то мрачно.

— Не просто мрачно, — сказала она. — Уныло. Безжизненно. Ты бы видел, как он старался быть мне хорошим спутником, порадовать меня. Под конец он спросил, хочу ли я что-нибудь, и он мне это купит. Все время был очень вежлив, чтобы не разочаровать меня.

— Послушай, Рэй, — сказала Анна следующей ночью.

В спальне было темно, шторы задернуты — и от лунного света, и от уличного шума. Мы держали нашу дверь открытой, чтобы слышать Алана. Свет в туалете был включен и пробивался в прихожую. Но дверь в туалет была прикрыта, поэтому свет нам не мешал. В комнате Алана свет был погашен, из-под двери не проникало ни лучика. Я начал засыпать. Наверное, Анне пришлось окликнуть меня не один раз.

— Рэй. Мне нужно поговорить с тобой об Алане. Ты не спишь?

— Не сплю, — отозвался я.

— Ты можешь сосредоточиться? Я хочу, чтобы ты знал, что он чувствует.

— Могу. Говори, — подбодрил я.

— Я скажу, — проговорила она. — Его очень травмировало то, что с тобой случилось. То, что он видел, как ты упал. Он подумал, что ты умер. Мы оба так подумали. Потом он увидел тебя в больнице, такого слабого и беспомощного. Это его испугало. К тому же все произошло почти сразу после того, как он узнал правду о себе. Он был потрясен. Сломлен. Да и могло ли быть по-другому?

— Это риторический вопрос, верно?

— Подожди, — попросила она. — Просто послушай. Я не могу точно сказать, кто ты для него. Его близнец, формально, только формально, его брат. «Оригинал» упрощает ваше родство. «Друг» — совершенно неподходящее слово. Он тебя любит. Я знаю, что это так. Настолько, насколько способен любить. И так, как может.

— Что мне сказать? — спросил я.

— Когда ты лежал в больнице, я делала все возможное, чтобы ему помочь, чтобы снова собрать его из кусков. Первым делом я купила ему кольцо с печаткой.

— Он его не носит.

— Как только он его надел, причем неохотно, я сразу поняла, что ошиблась. Это было кольцо старика, оно совершенно ему не подходило. Он носил его первые несколько дней, чтобы сделать мне приятное, потом постарался потерять. Я прочесала всю квартиру, но теперь вижу, что это было жестоко. Он делал вид, что помогает мне искать. Думаю, он спустил его в унитаз. Мы ходили гулять в Принц-Айленд-парк. Каждый день обедали в новом ресторане. Я с трудом заставляла его поесть. Однажды утром мы поехали в горы. Ходили в боулинг. Ничего не помогло. Я подумала о том, чтобы купить ему щенка.

— Не надо. Боже мой!

— Не буду, — ответила она. — Он много спал. Очень много. Ты и сам сейчас видишь. Когда он не спал, ему хотелось только разговаривать.

— О чем?

— Он хотел знать о тебе. Не только о твоем сердце. Мне пришлось успокоить его, сказав, что ты не собираешься умирать, что ты вернешься. Он хотел знать про твою жизнь.

— Что же ты ему рассказывала?

— Он спрашивал, как мы познакомились. Его заинтересовала эта история. Мне стало интересно, как бы ты ее рассказал.

— Не знаю, как бы я ее рассказал, — признался я. — Я был таким ничтожеством.

— Но не тогда, когда мы познакомились. Это чудесная

история. Он хотел знать, что такое колледж. Где мы спали. Что ели. Как и что изучали. Напивались ли мы когда-нибудь.

— А мы напивались? — спросил я.

— Я была до отвращения правильной и ни разу не напилась. Я никогда в жизни не напивалась. Даже вместе с мужем. Тебя это, наверное, удивит. Он хотел знать, занимались ли мы любовью. Я сказала, что нет, и что тогда, в то время, я об этом жалела.

— Ты ничего не потеряла, — сказал я.

— Что я и сейчас об этом жалею. Опять. Он хотел услышать про Сару, про то, почему у вас не было детей. Я сказала ему, что Сара умерла при родах. Описала ему Сару такой, какой помнила ее. Он спросил про Нью-Гемпшир. Я ответила, что была там очень недолго и что ему лучше спросить об этом у тебя, когда он увидит тебя в следующий раз. Он тебя спрашивал?

— Пока нет, — сказал я.

— Ему было интересно, как ты тогда выглядел. Как укладывал волосы. Как одевался. Я сказала, что ты выглядел как он, о чем он уже знал, и что твой гардероб с тех пор нисколько не изменился. Он спрашивал о твоих родителях. О его родителях. Мне пришлось ответить, что я ничего о них не знаю. Только помню, как ты горевал, когда умерла твоя мама. Очень горевал.

— Это правда, — сказал я.

— Конечно, он спрашивал и обо мне. Особенно интересовался моим детством и тем, как это — расти с отцом и матерью. Он озадачился, услышав, что мой отец нас бросил, когда я была совсем маленькой. Мы говорили о браке. Он хотел знать, сколько мне было лет, когда я вышла замуж, сколько лет было тебе. Хотела ли я за тебя замуж? Я сказала, что думала об этом, но это зависело не от меня. Мы говорили о разводе. Он хотел знать, сколько раз можно развестись. Спросил, был ли у меня когда-нибудь рак. Я сказала, что нет. Похоже, он был уверен, что рано или поздно каждый заболевает раком. Спрашивал, что такое менопауза. Он слышал о ней по телевизору. Была ли у меня менопауза? Конечно, ответила я. Я рассказала ему даже больше, чем он хотел знать.

— Похоже, он тебя вымотал, — заметил я.

— Нет. Вовсе нет, — ответила она. — Наоборот, очень воодушевляет, когда можно поговорить с тем, кому все так интересно.

— Не сомневаюсь, — сказал я.

— Я не хотела тебя обидеть.

— Конечно, — ответил я. — Я просто не так понял.

— Ну вот, пока я ему рассказывала о своей и твоей жизни, он казался очень заинтересованным, о чем бы ни заходила речь. Ему

интересна жизнь, которую мы прожили.

Она замолчала. Мы лежали в темноте около минуты, и я пытался не задремать. Но я все же всхрапнул, и Анна заговорила:

— Эти разговоры не уменьшали его грусть, не делали его менее подавленным. Я пыталась его расспрашивать, чтобы он рассказал о своей прежней жизни, до того, как попал к нам. Я надеялась, что после моих рассказов о себе — а я рассказала практически все — ему наконец захочется поведать о том, как он жил в Отчужденных землях. Но я ошиблась. «Я не помню», — вот и весь его ответ.

Уже сентябрь. Я начал писать отчет в июне. Если случится чудо, и я доживу до ноября, мне исполнится шестьдесят семь. Уже сейчас я старше своих родителей. Почти на четыре десятка лет пережил жену и сына. Сегодня, чтобы не испытывать судьбу, Анна затеяла праздник. Торт, украшенный пластиковыми хоккеистами и воротами, свечи, праздничные колпаки. Она объявила, что сегодня мы празднуем наш общий день рождения — Алана, ее и мой. Я сумел встать с кровати и несколько минут посидеть за столом. Мы с Анной съели по небольшому куску торта. Пели «С днем рожденья тебя». Алан не ел и не пел.

Высокий не появился в конце месяца, как мы ожидали, затем удивил нас своим визитом две недели спустя, в середине июля. Мы не видели его и не общались с ним с начала июня, со дня нашего приезда в Калгари. Он пришел утром, рано, когда Анна и Алан еще были в пижамах. Я же пижаму практически не снимаю. Они читали «Адама Вида», которого оба предпочитали Диккенсу, хотя часть книги — в частности, один персонаж — приводила Алана в бешенство. Я не читал Элиота. Мы только что сели завтракать, хотя я теперь редко садился за стол.

— Доброе утро, — приветствовал нас Высокий. — Надеюсь, я не слишком рано? — Потом повернулся ко мне. — Рад видеть вас в добром здравии. Как самочувствие?

— Все так же, — ответил я. — Устаю.

— Вы в состоянии работать?

— Более или менее, — ответил я.

— Как продвигаются дела?

— Не знаю, как вам сказать.

— Я могу почитать страничку-другую? — осведомился он.

— Когда я закончу.

Он улыбнулся.

— Жду с нетерпением.

— Хотите позавтракать? — предложила ему Анна. — Я что-

нибудь приготовлю.

— Спасибо, — отказался Высокий. — Я уже завтракал. Сегодня больше ничего не ем. После завтрака я соблюдаю пост.

— Уходи отсюда, — сказал Алан. Он ни разу не взглянул на Высокого после его появления и, насколько я помню, в первый раз заговорил с ним. — Ты не должен приходить сейчас. Мы едим. Не видишь?

— Вижу. — Высокий улыбнулся. — Я пришел навестить тебя. Хотел с тобой поговорить.

— Долбаная задница, — буркнул Алан.

— Алан, — укоризненно проговорила Анна.

— Это впечатляет, — кивнул Высокий. — Год вместе с вами, и он уже говорит «долбаная задница».

Думаю, он хотел пошутить, но его слова перечеркнули все утреннее тепло и уют.

— Не говори с ней, — велел Алан.

— Куда мы можем пойти, он и я? — снова обратился к Анне Высокий.

— Перестань говорить с ней, — повторил Алан. — Говори со мной.

— Именно за этим я и пришел, — сказал Высокий.

— Именно за этим ты и пришел, — повторил Алан.

— Поговорить с тобой. Да.

— Поговорить со мной.

— Да, — кивнул Высокий. Потом повернулся к Анне: — То, что он повторяет фразы, как это называется?

— Эхолалия, — сказала Анна.

— В легкой форме, — вставил я, словно мы действительно ставили диагноз.

— Интересно, — проговорил Высокий. — И утомительно.

— Ничего, — сказал я. — Он вас еще удивит.

— Поговорим? — предложил он Алану.

— Нет, — сказал Алан.

— Почему нет? Ты не хочешь со мной разговаривать?

— Я хочу, чтобы ты ушел, — ответил Алан.

— Я уйду после того, как мы поговорим.

— Я хочу, чтобы ты ушел сейчас.

— Вы пришли не в лучший момент, — заметила Анна.

— Я должен с ним поговорить. Посмотреть, что он умеет делать.

— Долбаная задница, — снова сказал Алан.

— Кроме этого, — спокойно уточнил Высокий.

— Он часто не в духе с тех пор, как Рэй заболел, — словно извиняясь, проговорила Анна.

— Что ты сказала? — спросил Алан.

— Я сказала, что ты часто грустишь с тех пор, как заболел Рэй.

Алан не стал ни подтверждать ее слова, ни возражать. Вместо этого — возможно, его задело то, что Анна извинилась, — он вышел из комнаты. Мы услышали, как он хлопнул дверью.

— Не в духе, — произнес Высокий.

— Может быть, в следующий раз, — сказала Анна.

— Осталось не так много времени, — ответил Высокий.

— В следующий раз, — сказала она, — я сделаю так, чтобы он с вами поговорил.

— Послушайте, — обратился ко мне Высокий, — я знаю, что вы были в больнице. Знаю про ваш инфаркт.

Он сел за стол, чем сделал мне большое одолжение — сидя, он не казался таким ужасным, о чем он, безусловно, знал.

— Мне также известно о том, что вы отказались от трансплантации.

Он сидел близко и говорил негромко.

— Отказался.

— Это могло оказаться стратегически важным, — продолжал он. — Вернуться в Штаты. Получить трансплантат. Это могло бы сбить их с толку.

— Их, то есть команду Долли?

— А потом они могли последовать за вами прямо сюда.

— Я об этом не думал. Если они действительно существуют.

— Они существуют, и, простите, они уже охотятся и за вами.

— Тогда им надо поторопиться, — заметил я.

— Они стараются, — сказал он.

Он подвигался на стуле, стараясь найти удобную позу. Его ноги не помещались под столом. Он отодвинул стул. В конце концов, приложив немало усилий, так что даже мне было больно на него смотреть, ему удалось положить ногу на ногу.

— Вот так, — сказал он. — Мне жаль, что это случилось.

— Спасибо.

— Хочу сказать, что уважаю ваше решение. Уверен, что принять его было нелегко. Это достойно всяческих похвал. По-другому не скажешь. Но я должен сказать и кое-что еще. Одно дело — принять такое решение ради себя. Например, как муж Анны. Совсем другое дело — принять решение ради кого-то еще. Отказаться, чтобы позаботиться о нем.

— Вы судите по личному опыту.

— Да.

Анна повела Алана в библиотеку. Он не хотел идти, но Анне

удалось его уговорить. Ее программа по поднятию духа Алана уже утомила их обоих. Поблизости от нас есть филиал библиотеки, но они отправились в центральную библиотеку на Маклеод-Трэйл. Новое здание. Много стали, тонированного стекла, открытая площадь с фонтаном посередине.

— Бессмысленно, — сказала Анна вечером. Она имела в виду фонтан. — Даже жестоко. По кругу — фигуры детей, пляшущих под струями. Трогательные фигуры. А перед фонтаном — металлическая табличка: «В воде играть запрещается». О чем только думали? Было жарко, как в пустыне, а бедный Алан в футболке с длинными рукавами. Я показала ему табличку и объяснила эту глупую провокацию. Он понял, но не отреагировал.

Она надеялась, что Алану там понравится (хотя понимала, что это напрасная надежда) или он хотя бы отвлечется, разглядывая книги. Все-таки занятие. Они сели в автобус, который был для Алана чем-то новым, и он настоял, чтобы они заняли места сзади. В библиотеке, когда они туда добрались, уже собралось много народу, и отыскать книги было трудно. Разве что в просторном детском отделе: там, по словам Анны, помимо игр, мягких игрушек и детской мебели, было множество книг, и в этот летний день родители читали их детям. Оставшуюся часть первого этажа занимали многочисленные ряды отдельных кабинок, в каждой стоял компьютер и лежали наушники.

— Мы прошли в справочный отдел, — говорила Анна. — Я спросила библиотекаря, где книги. «Вам нужна какая-то конкретная книга?» — спросил он. Я сказала: «Нет. Мы просто хотим посмотреть». Он ответил: «Сожалею, но доступ посетителей к стеллажам запрещен. Имеется онлайн-каталог. Вы находите нужную книгу, нажимаете на ее название, и служащий приносит ее к вам в кабинку. Это не занимает много времени». «Неужели никак нельзя посмотреть книги? — настаивала я. — Я здесь с сыном. Хочу ему показать, что такое библиотека». Старик улыбнулся. «Это и есть библиотека», — ответил он. «Я имею в виду библиотеку с книгами», — сказала я. Он повторил, что доступ к стеллажам запрещен. Я спросила, как бы между прочим, где они находятся. «Они находятся на трех уровнях, — ответил он. — В цокольном этаже. На минус первом этаже. На минус втором этаже. Туда допускаются только служащие библиотеки». «Послушайте, — сказала я ему. — Мы просто хотим посмотреть. Обещаю, что мы будем очень аккуратны. Не будем трогать книги. Мы вернемся через пять минут, самое позднее». Мужчина возразил, что не может нас пустить. «Может быть, с нами кто-нибудь сходит? Всего на минутку».

— И ты его уговорила, — произнес я в темноте, лежа в

постели.

— Да, — кивнула она. — «Вот что я вам скажу, — ответил он. — У меня будет десятиминутный перерыв. Если вы, ребята, подождете, я вас проведу». Я поблагодарила его. «Только никому ни слова», — сказал он.

— Так и сказал? — удивился я.

— Он был очень любезен. Алану не хотелось бродить по библиотеке. Он нашел мужскую уборную и сидел там. Мне пришлось позвать его, чтобы он вышел. Около справочного отдела была дверь. Библиотекарь открыл ее ключом, с которого свисал деревянный брелок. Мы спустились вслед за ним на один этаж. Там он отпер другую дверь, и мы оказались возле стеллажей. «На этом этаже — отдел литературы, истории и философии, — сообщил он. — Идите, ребята, и смотрите. Я постою здесь. Можете не торопиться. У меня есть несколько минут». Я повела Алана по центральному проходу, чтобы он почувствовал, какое это огромное помещение. Оно было просторным, похожим на пещеру, думаю, около ста квадратных ярдов. Низкие потолки. Окон нет. Повсюду металлические полки около десяти футов высотой, проходы настолько узкие, что по ним почти невозможно идти. За несколько ярдов до конца — мы едва видели библиотекаря — мы оказались в самой тесноте. Мы шли друг за другом, примерно двадцать ярдов в почти полной темноте. Книги окружали нас со всех сторон, но мы практически не видели надписей на корешках. Я вытащила наугад один том. Это был какой-то роман Генри Джеймса.

— Какая удача, — сказал я.

— Я повернулась, чтобы показать книгу Алану. Честно говоря, я не знаю, что хотела показать ему. В тот момент я уже сомневалась, правильно ли поступила, приведя его сюда. К тому же я ничего не знала о Генри Джеймсе и ничего не могла ему рассказать. Ты читал Джеймса?

— Ни единого слова, — ответил я.

Я начал жалеть о том, что пропустил столько книг.

— И тут над нами зажегся свет. Библиотекарь окликнул нас: «Так лучше?» В зале царила мертвая тишина, но мы с трудом его услышали. Я посмотрела на Алана. Протянула ему том Джеймса. Чего я ожидала? Он не взглянул на книгу. Он был расстроен. Его лицо побелело. Мне показалось, что его сейчас стошнит. Я поставила книгу обратно на полку. «Что случилось, Алан?» — спросила я. «Я хочу уйти», — ответил он. Он был испуган. «Ты имеешь в виду, что хочешь пойти домой? — Я надеялась, что он имеет в виду именно это. — Скажешь мне, что произошло?» «Я хочу пойти домой», — сказал он. «Тогда пойдем домой», —

ответила я. «Я не хочу быть здесь», — сказал он. «Тогда идем, — сказала я. — Идем». Я взяла его за руку и повела обратно по центральному проходу. Хотела обнять его за талию, но он не позволил. Мы подошли к библиотекарю. Алан шел быстро. «С вашим сыном все в порядке? — спросил старик, когда мы приблизились к нему. — С тобой все в порядке, сынок?» «Все в порядке, — сказала я. — Мы закончили». «В темноте здесь довольно жутко, — заметил библиотекарь. — Мне самому не очень нравится. Надо было включить свет раньше». «Нет-нет, — ответила я. — Спасибо за то, что отступили от правил». Библиотекарь улыбнулся: «Отступили? Черт побери, мы их жестоко нарушили». Я старалась разговорить Алана, пока мы ждали автобуса, но он не сказал мне ни слова. Молчал всю дорогу домой. Он тебе что-нибудь говорил, когда мы вернулись?

— Ничего. Вошел, лег на кровать, положил на глаза подушку и уснул. Как обычно. Как ты думаешь, что с ним случилось?

— Знаешь, я думаю, темнота здесь ни при чем. Он вроде не боится темноты. Ты думаешь, боится?

— Да нет, — сказал я.

— Честно говоря, я считаю, что все стало плохо именно тогда, когда включился свет.

— Почему ты так думаешь? — спросил я.

— Мне кажется, это все полки. Множество полок. Тесно стоящие стеллажи. От пола до потолка. Все эти книги на полках.

— И это?..

— Это напомнило ему о жизни в Отчужденных землях. Как его там содержали. Как он жил. Как спал. Не просто напомнило. Словно он туда вернулся. Думаешь, я преувеличиваю?

— Не знаю, Анна.

— Нет. Ты там не был. Думаю, он почувствовал себя так, словно вернулся туда.

Анна уговорила Алана испытать фотокамеру, которую он купил. Чтобы угодить ей, он сделал несколько снимков: я в кровати, Анна, стоящая перед окном гостиной, Анна и я, Анна сидит возле меня на кровати. Он два раза сфотографировал телевизор: один раз включенный и один раз выключенный. Сделал странный снимок себя в зеркале. Фотографируя, он надел солнечные очки с зеркальными стеклами. Сфотографировал свою пустую кровать. Мы загрузили фотографии в компьютер и смотрели их вместе. В основном они были ясные, четкие, с относительно хорошо продуманной композицией. Фотография в зеркале — невольный эксперимент Алана, съемка бесконечных отражений — оказалась нечеткой. Несмотря ни на что, все

фотографии без исключения оказались неинтересными и скучными, и Алан, страстный поклонник фотографии, не хотел их видеть. Он настоял, чтобы мы удалили все. Я пообещал, что удалю. Он наблюдал за мной, желая удостовериться, что я выполнил обещание, но я умудрился сохранить фотографию Анны, сидящей возле меня на кровати. Ту, которую, как мне показалось, ему больше всего хотелось уничтожить. Анна предложила пойти в Принц-Айленд-парк, где намного больше возможностей для фотографии. Алан отказался. После похода в библиотеку он не соглашался покидать квартиру и почти все время сидел дома.

Высокий вернулся в третью неделю августа. Мы больше не могли предсказать его приход или подготовиться к нему. Мы закончили завтракать. Я вернулся в постель, рассчитывая еще час поработать над отчетом, прежде чем меня потянет подремать. (Теперь я погружался в сон все глубже, спал все дольше, это были своеобразные мини-комы, из которых я выплывал, чтобы поесть, по пробуждении ощущая слабость и головокружение.) На улице, как сообщила мне Анна, было ужасно жарко. Кондиционер в квартире существовал больше для проформы и не мог как следует охлаждать воздух. Алан растянулся на соседней кровати в шортах и футболке; Анна купила ему целую кучу вещей с короткими рукавами, которые он мог носить дома. Когда мы с ним встретились, он был стройным, без унции жира, но сильный. Теперь он сильно похудел. Он лежал на спине, головой на купленной им подушке, заложив руки под голову. Я видел кусочек его татуировки. Он был в своих зеркальных очках (он надевал их все чаще), что позволяло ему не закрывать глаза подушкой, и было невозможно сказать, куда он смотрит и бодрствует ли он вообще. (Я ненавидел эти очки: меня расстраивало отражение, которое я в них видел.) Высокий, в любую погоду одетый одинаково — его вещи походили на униформу кули: серые летние хлопчатобумажные брюки и голубая рубашка с рукавами, закатанными выше гипертрофированных предплечий, мускулистых и с толстыми венами, — прибыл, чтобы поговорить с Анной. Но прежде он заглянул ко мне.

— Как успехи? — поинтересовался он.

— Хорошо, — ответил я.

— Вы встаете с постели?

— Иногда.

— Тогда вы сможете пройти в гостиную. Послушаете, о чем я буду говорить с Анной.

— А Алан?

— Разумеется, — кивнул он.

Алан не спал и не нуждался в приглашении. Он взял на себя миссию защищать Анну от Высокого. Не снимая темных очков, он с непроницаемым видом сел рядом с ней на диване. Было очень жарко, но я надел поверх пижамы халат. Когда мы все собрались, Высокий сказал Анне следующее (и, поверьте, без всякого удовольствия): нам придется уехать из Калгари в конце сентября. Анна, должно быть, ожидала чего-то подобного и сказала, что это невозможно. Меня нельзя перевозить. Высокий ответил, что понимает это. Он договорился о том, чтобы нам разрешили остаться на дополнительный месяц — таким образом, мы получили четыре месяца вместо трех, как было раньше. Он дал нам столько дополнительного времени, сколько мог. Он уверял, что при этом подвергает непозволительному риску наши жизни и свою собственную жизнь, а также все дело. Когда настанет время, сказал он Анне, вам и клону придется оставить Рэя здесь.

— Кто-нибудь из организации переедет сюда и будет следить за его нуждами, пока он не закончит отчет.

Анна сказала, что отказывается меня оставлять.

— У вас есть выбор, — ответил он ей.

Она может остаться со мной или уехать с Аланом. Он не сказал, куда они поедут, но, судя по всему, их направляли куда-то в Британскую Колумбию.

(Я не буду жить возле моря.)

— Я не оставлю Рэя, — сказала Анна.

— Выбирать вам. Просто знайте: если решите остаться, нам придется забрать клона.

— Я тоже не уеду, — сказал Алан.

Меня тронуло заявление Алана, хотя я понимал, что им движет скорее беспокойство за Анну и ее проблемы (если бы он сумел отказаться, ей бы не пришлось делать выбор), чем желание остаться со мной.

— Я не уеду, — повторил Алан.

— Все в порядке, Алан, — сказала Анна. — Не надо волноваться. Мы что-нибудь придумаем.

Алан встал, приблизился к Высокому и остановился прямо перед ним:

— Я не поеду.

— Алан, — велела Анна. — Вернись. Сядь сюда.

— Я тебя не боюсь, — сказал Алан.

Его голова доставала Высокому до груди, и рядом с ним он выглядел маленьким и бессильным.

— Тебе и не надо бояться, сынок.

— Я тебе не сынок, — заявил Алан. — Я ничей не сынок. Я не

боюсь.

— Тогда сними эти чертовы очки, — велел Высокий. — Дай мне взглянуть тебе в глаза.

Алан снял очки и смело посмотрел на Высокого:

— Ты видишь мои глаза?

— Вижу.

— Я не боюсь.

Высокий пристально разглядывал его.

— Я вижу.

— Мне все равно, умру я или нет, — сказал Алан. — Ты это знал?

— Нет, — ответил Высокий.

— Тебе все равно, умрешь ты или нет?

— Нет, не все равно, — сказал Высокий.

— Значит, ты должен меня бояться.

— Может быть.

— Я знаю, чего ты от меня хочешь, — заявил Алан. — Я знаю, чего ты хочешь. Я этого не сделаю. Я не сделаю этого для тебя.

— Не сделаешь?

— Нет, — сказал Алан. — Я этого не сделаю.

— Сделаешь, — ответил Высокий. — Поверь мне. Ты это сделаешь.

— Я тебе не верю.

Высокий положил руку на плечо Алана. В этом жесте не было ничего грубого или угрожающего. Алан вывернулся из-под его руки.

— Молодец, сынок, — сказал Высокий. — Хорошо сказано. Хорошо сделано. — Он повернулся к Анне. — Отдаю вам должное. Вы отлично потрудились. — Он посмотрел на меня. — Вы оба.

Вечером, когда Алан лег спать, я сказал Анне, что горжусь им. Я видел, что Анна взбудоражена. Она оставила включенной духовку, пролила молоко, не закрыла дверцу холодильника, забыла спустить воду в туалете. Все это было на нее совершенно не похоже. Она рявкнула на Алана из-за какой-то мелочи (не помню, из-за чего) и впервые за все время отправила его в комнату. Я хотел сказать что-нибудь позитивное о том, что произошло.

— Ты им гордишься?

Мы лежали в постелях, выключив свет.

— Да. Горжусь.

— Кому нужна твоя гордость? Что она может изменить? Если я потеряю тебя, Рэй…

— Так или иначе, это произойдет.

— …Мне придется потерять всех и все, что я любила. — Она тряхнула головой, словно отгоняя дурные мысли. — Тебе этого не нужно знать.

— Послушай, Анна. Нет никакой пользы, никакой особой добродетели в том, чтобы оставаться со мной. Алан — вот кто в тебе нуждается.

Я тоже в ней нуждался и нуждаюсь, хотя она может дать мне намного меньше, и мои нужды, какими бы они ни были, вскоре исчезнут. Я ей так и сказал.

— Я тебе нужна, — проговорила она.

Я не настолько бесчувственный, чтобы не понять, что она хотела сказать.

— Нужна.

Я был рад, что не вижу ее лица.

Она заявила, что не может сказать, как поступит, но мы оба знали — когда настанет время, она уйдет.

На следующий день снова было жарко. На улице все раскалилось, но находиться в квартире было не намного легче. Нас вконец измотала эта необычная для Калгари, неумолимая жара.

Впрочем, это не совсем так. Я как будто не замечал жары. То, что сказал Высокий, не меняло моих перспектив. Вполне вероятно, что я умру до конца сентября, и Анна, лишенная необходимости выбирать, поедет с Аланом в Британскую Колумбию, куда их собирались отправить. Было трудно понять, как себя чувствует Алан. Он говорил еще реже, изъяснялся короткими предложениями. Целыми днями молча лежал, растянувшись на спине на кровати Анны. Я никогда не знал, смотрит ли он на меня, наблюдает ли за тем, как я работаю (предлогом его присутствия было то, что он якобы помогает мне с отчетом.) Теперь он всегда носил зеркальные темные очки. Он выходил в них к завтраку и не снимал (если вообще снимал) до тех пор, пока не возвращался вечером к себе в комнату. Анну же вконец измотали, иссушили (насколько я ее знаю) попытки найти решение проблемы, которая, впрочем, вскоре решилась самостоятельно.

Ближе к вечеру — к тому времени кондиционер совсем отказал — Анна вошла в мою комнату (это была и ее комната) и сказала, что ей надо нас, Алана и меня, кое о чем попросить.

— Он не спит? — спросила она.

— Не знаю, — ответил я.

— Алан, — позвала она. — Ты не спишь?

— Нет, — ответил он.

— Ты не мог бы сесть? — попросила она.

— Зачем? — осведомился он.

— Я хочу кое о чем попросить тебя и Рэя.

Алан сел.

— Мне бы хотелось, чтобы ты снял очки, — сказала она.

— Мне бы этого не хотелось, — возразил он.

— Все же ты можешь это сделать? Пожалуйста.

— Я этого не сделаю, — ответил он.

В его голосе не было ни неповиновения, ни воинственности.

— Ладно, оставь их, — разрешила она, — но послушай. Я не могла уснуть прошлой ночью. Из-за жары.

— И из-за моего храпа, — добавил я.

— Ты всегда храпишь, — сказала она. — Но прошлой ночью ты превзошел самого себя.

— Должно быть, из-за лекарств.

— Я храплю? — спросил Алан.

— Нет, — ответила она.

— Почему я не храплю?

— Потому что ты молодой, здоровый и красивый, — сказал я.

— Это правда? — уточнил он у Анны.

— Правда то, что ты молодой, здоровый и красивый, — ответила она. — Может быть, правда и то, что ты не храпишь именно поэтому. Теперь послушайте. Мальчики, сегодня ночью я хочу поспать одна. Я буду спать в твоей комнате, Алан. Ты можешь спать здесь, на моей кровати. Не возражаешь? Только одну ночь, может быть, две.

— Я не возражаю, — ответил Алан, что меня удивило.

Анна легла спать рано. Алан остался в гостиной один. Было начало двенадцатого, когда он вошел. Я спал уже час. Алан включил верхний свет. Лампа в открытом абажуре ослепительно вспыхнула, заставив зажмуриться. Я спал на спине, в обычной позе, в какой я засыпаю, и свет меня разбудил.

— Выключи свет, — попросил я.

— Я не выключу свет, — сказал он.

— Почему не выключишь?

— Не хочу, — ответил он. — Я хочу поговорить.

— Мы можем говорить в темноте, — предложил я.

— Я не буду говорить в темноте, — сказал он. Похоже, он больше не хотел быть любезным или милым, другими словами, он стал придерживаться прежней линии поведения. — Я не хочу спать. Я не хочу спать в этой кровати.

— Почему?

— Потому что ты храпишь, — сказал он.

— Где ты будешь спать?

— Я буду спать на диване.

На нем была зеленая футболка, а вместо шорт, которые он обычно носил в квартире, темно-зеленые плавки. (Он так и не раздевался передо мной.) Анна купила ему плавки, рассчитывая найти место, где он сможет купаться. Мы предполагали, что Алан никогда не плавал и не умел плавать. Проблемой была его татуировка. Анна надеялась найти, как она говорила, источник, куда она могла бы возить его после наступления темноты, чтобы он мог поплескаться, понежиться в воде, немного остыть. Алан не проявлял никакого интереса к купанию, но ему нравилось носить плавки. Они были свободными, мешковатыми, и под них не требовалось надевать нижнее белье.

Алан был в темных очках и бейсболке «Джетс». Он явно не интересовался модой и не разбирался в ней. Впрочем, то же самое можно было сказать и обо мне. Он сел на кровать Анны, свесив ноги на пол. Наклонился вперед, чтобы сократить расстояние между нами. Я повернулся на бок, к нему лицом.

— Рэй, ты когда-нибудь занимался любовью с женщиной?

Он вынул что-то из кармашка плавок, но я не мог рассмотреть, что это.

— Да, — ответил я. — Что у тебя там?

Вместо ответа он протянул маленькую пластиковую фигурку, которую я не сразу узнал.

— Что это? — спросил я.

Он не ответил, но продолжал держать ее так, чтобы я мог рассмотреть.

Я увидел, что это кукла, которую Алан так захотел купить, когда они с Анной отправились на шопинг. Он снял с куклы костюм пони, пегую одежку с капюшоном. Он показал мне куклу такой, какой она осталась — абсолютно голой. Об анатомически правильном воспроизведении фигуры не могло быть и речи. Кукла была дешевой пластиковой дрянью: лысая голова (вместо волос у нее был капюшон), руки, ноги, непропорциональное туловище, все вместе не более пяти дюймов высотой. Я знал, конечно, кукол в костюме овечек Долли: такие же пластиковые фигурки, одетые в костюм с капюшоном, имитирующий овечью шерсть. Каждый год, когда наступал день Долли, повсюду продавались миллионы таких вещиц.

— О, точно, — сказал я. — Кукла.

— Похожа на женщину? — спросил он.

— Да.

Пока мы разговаривали, Алан расчленял куклу, отделял от нее руки, ноги и голову (все было прикреплено к туловищу шаровыми шарнирами), потом снова присоединял их на место.

Он выполнял эти действия без перерыва, ловко, не глядя на куклу — действовал явно рефлекторно и механически.

— Ты занимался любовью с Анной? — спросил он.

— Я имел в виду мою жену.

— Ее звали Сара, — сказал он.

— Да.

— Вы занимались любовью?

— Да.

— Сколько раз вы занимались любовью?

— Не знаю, — ответил я. — Мы были женаты. Много раз.

— Сколько времени вы были женаты?

— Семь лет.

— Вы занимались любовью много раз?

— Да.

— Сколько раз? — спросил он. — Сто сорок четыре раза?

Я рассмеялся, не сумев сдержаться.

— Откуда ты взял эту цифру?

— Это двенадцать дюжин, — сказал он. — Сто сорок четыре.

— Я знаю, — кивнул я.

— Сколько раз? Сто сорок четыре?

— Я не знаю, Алан.

— Ты занимался любовью с Анной?

Он не отрывался от куклы, разбирая и тут же собирая ее обратно.

— Нет, — сказал я.

— Я имею в виду раньше.

— Раньше, чем я женился? — переспросил я. — Нет. Никогда.

— Ты будешь заниматься с ней любовью?

— Я не буду заниматься любовью ни с кем.

— Рэй, я буду когда-нибудь заниматься любовью с девушкой?

— Возможно, будешь.

— Возможно, буду, — повторил он. — Это хорошо?

— Заниматься любовью?

— Да.

— Иногда, — сказал я.

— Иногда.

— Да.

— Иногда это хорошо, — повторил он.

— Да.

— А иногда плохо?

— Да, — подтвердил я. — Думаю, иногда это плохо. Я имею в виду, бывает по-разному.

— Бывает по-разному.

— Это зависит от многих вещей. Как ты себя чувствуешь. Как

она себя чувствует. Какое время дня. Какая погода.

— Это зависит от погоды?

— В некоторой степени, — сказал я. — Да. Зависит. Зависит от многих вещей.

— Это больно?

— Кому?

— Девушке.

— Может быть и больно, — кивнул я.

— Отчего это может быть?

— Если ты слишком грубый, — сказал я.

— Я не буду слишком грубым, — пообещал он.

— Я уверен, что не будешь.

— Я не сделаю ей больно.

— Послушай, Алан, — сказал я, решив, хотя и слишком поздно, сворачивать разговор, который мог еще больше расстроить и опечалить его. — Это не то, о чем надо так сильно беспокоиться.

— Я беспокоюсь.

— Я знаю. Мне очень жаль.

— Ты об этом не беспокоишься, Рэй, потому что ты старый.

— Наверное, ты прав.

— Наверное, я прав, — повторил он. — Когда тебе было столько лет, сколько мне, тебя это беспокоило?

— Не очень, — ответил я.

— Ты любил Сару?

— Очень.

— Ты любишь меня?

— Я тебя люблю, — ответил я, не задумываясь.

— А я тебя люблю?

— Не знаю.

— Я тоже не знаю, — сказал он. — Я люблю Анну?

— Она тебя любит. Это я знаю.

— Я это тоже знаю, — кивнул он.

Минуту он ничего не говорил. Наверное, думал о том, что я сказал, и (или) пытался смириться с моей бесполезностью. Потом встал и пошел к двери. Повернулся, чтобы взглянуть на меня. В руке он держал собранную куклу.

— Я делал это, — сказал он.

— Я знаю, — ответил я.

— Не знаешь.

— Я тебя видел.

— Ты меня не видел, — возразил он.

— Видел.

— Ты меня не видел. Тебя там не было, — сказал он. — Я

делал это с куклой.

Он выключил свет.

Глава тринадцатая

У нас почти не осталось времени.

Сегодня двадцать пятое. В сентябре тридцать дней, значит, осталось шесть.

Пока я пишу эти слова, Анна на кухне готовит ужин, открывает и закрывает шкафчики и ящички, гремит кастрюлями, звенит столовыми приборами, отчаянно пытаясь себя занять. Алан сидит в комнате Анны. Он заперся там сегодня утром, когда уехал Высокий, оставив после себя хаос. Заперся и не выходил.

Вместо ожидаемого супа мы нахлебались дерьма.

Высокий явился, когда мы только закончили завтракать. Алан за столом рассматривал Библию издательства «Микеланджело», которую я надписал (под надписью Колбергов для своей дочери) и подарил ему. Я написал: «Алану: моему соседу по комнате, моему брату, моему другу. С восхищением и любовью. Рэй». Внизу я приписал «Калгари» и поставил дату. Банальные слова. Я купил книгу просто так, по случаю, а теперь передал по наследству. Я смотрел, как Алан читает надписи. Он их никак не прокомментировал. Похоже, его заинтересовали цветные иллюстрации. Я давно собирался отдать ему Библию, когда придет время.

— Простите, — сказал Высокий. — Я опять пришел к завтраку.

— Мы уже закончили, — сказал я.

— Садитесь, — предложила Анна.

— Спасибо, нет, — отказался он. — Я ненадолго. Я пришел сказать — мне очень жаль, но вам больше не нужно принимать решение.

— О чем вы говорите? — спросил я.

— Я говорю о том, что вы можете остаться с Рэем. — Он взглянул на Алана. — Мы решили его забрать.

Алан не отрывал глаз от Библии.

— Забрать его? — переспросила Анна.

— Мы полагаем, что он готов.

— Вы не можете его забрать, — сказала Анна.

— Разумеется, можем.

— Он вовсе не готов, — настаивала Анна. — Мне нужно еще время.

— Мы считаем, что он готов. У вас есть время до первого числа.

— Но этого недостаточно, — возразила она. — Я обещаю, что

скажу, как только мне покажется, что он готов. Мне нужно еще немного времени.

— Это решаем не мы, — ответил он. — Простите. Но в этом нет ничего удивительного. Таков был план с самого начала. Дело только во времени. Я вернусь за ним первого. В полдень. Соберите его к этому времени.

— Пожалуйста, не делайте этого, — попросила Анна. — Не забирайте его у меня. К чему такая спешка?

Я с опозданием собрался вставить кое-что — без сомнения, не очень любезное и от души, — когда поднялся Алан.

— Послушай меня, — произнес он.

— Слушаю, — сказал Высокий.

— Я не пойду с тобой.

— Пойдешь, — возразил Высокий.

— Куда вы его заберете? — спросила Анна.

— Этого я вам не могу сказать.

— Разрешите мне поехать с ним, — взмолилась она. — Я еще могу быть полезной.

— Сожалею, — сказал Высокий. — Я сделал все, что мог. Простите, что вынужден вам отказать. Возможно, для вас будет утешением узнать, что он очень поможет нам. Принесет много пользы.

— Я не принесу вам пользу, — заявил Алан.

Высокий улыбнулся:

— Ты не просто принесешь пользу, сынок, ты коренным образом перевернешь мир. Трансформируешь его.

— Что ты сказал?

— Ты все изменишь.

Ближе к вечеру Анна вошла в мою спальню и разбудила меня. Мы не разговаривали с момента ухода Высокого.

— Я пыталась придумать, как сделать так, чтобы они его не забрали, — сказала она. — Как их опередить. Он не пойдет по доброй воле. Мы это знаем. Им придется забрать его силой. Я боюсь, что ему причинят вред. Или он сам причинит себе вред.

Я сел, опершись спиной на шаткую спинку кровати.

— Я могу просто взять его и уехать, — продолжала она. — Прямо сейчас. Покинуть страну. Мы могли бы переезжать с места на место. Ты мог бы помочь нам, Рэй. Дать нам немного денег.

— Да, — ответил я. — Конечно. Если ты так решила.

— Я ничего не знаю, — сказала она. — Даже не знаю, как далеко нам надо уехать, сможем ли мы уехать вообще.

Она села на кровать Алана.

— Он не поедет, — проговорила она. — Я знаю, что не

поедет.

— Почему? — удивился я. — С тобой он поедет.

— Я так не думаю. Не сейчас. Я скажу тебе, Рэй. По-моему, он решил умереть.

— Почему ты так думаешь?

— Мне просто так кажется, — ответила она. — Я наблюдала за ним сегодня утром.

— Я этого не заметил, Анна, — сказал я. — Он был очень воинственно настроен.

— Может, мне как-нибудь его ранить? Знаешь, как мальчики отстреливают себе пальцы ног. Я хочу придумать что-то, что сделает его бесполезным.

— Например? — осведомился я. — Отрезать ему язык?

— Я не могу причинять ему боль.

— Уверен, что не можешь.

— Даже чтобы уберечь его от боли? Даже ради этого?

— Не знаю, Анна.

— Я знаю вот что, — проговорила она. — Я — его друг. Может быть, его первый друг. Я — его учитель. Но у меня нет на него прав. Я ему не мать. Не жена. Не любовница.

— Да, — сказал я.

— Я ужасно зла, Рэй. На Высокого. На организацию. Но больше всего я злюсь на себя. На свое пособничество. На свою наивность. Ради этого, ради них я решилась оставить собственных детей. Какая мать так поступит? Не важно, по какой причине. Не важно, ради чего. Ради того, кого я никогда не знала. Неважно, насколько он был тобой. Что мне делать, Рэй? Как бы поступил ты?

— На твоем месте?

— Да, — кивнула она. — Скажи мне что-нибудь.

— Я бы его отпустил. Я бы разрешил им его забрать. Ты сделала все, что могла. Ты посвятила ему год. Ты отлично заботилась о нем. Ты заботилась обо мне. Господи, ты же просто волшебница.

— Спасибо, Рэй.

— Я бы отпустил его, Анна. И себя. Я бы отпустил себя. Вернулся бы к детям.

— Тогда им будет грозить опасность, — сказала она.

— Ах-х, — произнес я. Старческий вздох. Так же пренебрежительно мог бы вздохнуть мой отец (он не дожил до старости), если бы был не настолько уверен в себе, насколько хотел показать. — Должен быть выход.

За ужином, поздно вечером — я пишу это после завтрака на

следующий день, 26 сентября — Алан предложил мне свое сердце. Мы с Анной сидели за столом. Я ужинал, Анна не могла себя заставить проглотить ни куска. Алан заперся в ее спальне. Она три раза крикнула ему в дверь, что ужин готов. Он не ответил. Анна тревожилась, что он может сделать с собой что-нибудь, если уже не сделал.

— Я его не слышу, — сказала она мне, отодвинула стул и встала. — Я сейчас вернусь.

Она вышла из квартиры. Ее не было несколько минут.

— Я обошла вокруг дома, — сообщила Анна, когда вернулась. Она пала духом и запыхалась — она, эта женщина, никогда не сдававшаяся слабостям. — Я подумала, что смогу увидеть его в окно, но он задернул шторы. У него горит свет. Я постучала в окно, окликнула его. Что нам делать?

— Думаю, ждать, — сказал я. — Он выйдет. Проголодается и выйдет. Тебе тоже надо поесть.

— А если с ним что-то случилось? — проговорила она. — Может, попытаться открыть дверь?

— Каким образом?

— Вскрыть замок, — сказала она. — В дверной ручке есть небольшое отверстие. Я дам заколку-невидимку.

Прежде чем мы успели опробовать идею Анны и вскрыть замок заколкой для волос, Алан вышел. Он хорошо выглядел — спокойный, с твердым пристальным взглядом. Его спокойствие заставило меня насторожиться.

— Ох, слава богу, — проговорила Анна.

Он подошел к столу. Не сел, не заговорил. Он стоял и смотрел на нас.

— Хочешь есть?

Обычный вопрос прозвучал в данной ситуации нелепо.

— Я не хочу есть, — ответил он.

— Посиди с нами, — предложила она.

— Я не хочу сидеть с вами.

Он посмотрел на меня и негромко произнес, словно не хотел, чтобы слышала Анна:

— Я хочу отдать тебе мое сердце.

— Нет, — сказала Анна.

— Я хочу, чтобы ты взял мое сердце, — сказал он мне.

— Нет! — воскликнула Анна.

Алан настаивал, не глядя на Анну:

— Я хочу отдать тебе мое сердце, Рэй.

Анна встала.

— Ни в коем случае, — заявила она.

Меня не удивили ни ее выбор, ни ее уверенность. Я был с ней

полностью согласен.

— Выброси это из головы, — велела она.

— Это не твоя голова, — ответил Алан.

— Мне все равно, — сказала она. — Я не хочу больше этого слышать. Не хочу, чтобы ты об этом думал.

Она попыталась его обнять, но он отстранился.

— Буду думать, — произнес он, не повышая голоса.

— Ты не будешь об этом думать, — сказала она. — Не будешь об этом говорить.

Она повернулась ко мне:

— Рэй?

— Послушай меня, Алан. — Я сидел на прежнем месте. — Я тронут твоим предложением. Мне и радостно, и грустно от того, что ты хочешь отдать мне свое сердце. Я счастлив, если ты так любишь меня, что готов на это. Это очень щедрое предложение. Оно показывает, что ты — хороший человек. Я знал это и раньше. Но мне грустно слышать от тебя такие слова. Я не могу взять твое сердце. Я не возьму твое сердце, потому что я тоже тебя люблю. И потому что это неправильно.

Я посмотрел на Анну. Кажется, она ждала от меня более убедительных слов. Я не мог придумать, что еще сказать. Тогда я обратился к сентиментальному языку кино и, хотя Алан этого не понял, унизил этим нас всех.

— Ты еще молод, — сказал я, — перед тобой целая жизнь. Я стар. Я уже прожил свою жизнь. Будет неправильно, если я возьму твое сердце, и я этого не сделаю. Но я благодарен тебе. Ты — благородный и очень храбрый.

Я посмотрел на Анну. Потом на Алана.

— Хорошо?

— Нет, — ответил он. — Я — клон.

— Это правда, — ответил я. — Но ты можешь быть тем, кем хочешь.

— Я больше никем не могу быть.

— Можешь, — возразил я.

— Я не могу быть тобой.

— Тебе и не надо.

Он посмотрел на Анну.

— Пожалуйста, — сказал он.

— Нет, — покачала головой Анна.

Он взглянул на меня.

— Нет, Алан, — настойчиво повторил я.

Больше мы не сказали ни слова. Алан вернулся в спальню Анны и запер дверь.

Всю ночь и почти весь день я думал о предложении Алана и о

своем ответе, который теперь казался банальным и легкомысленным, несоизмеримым. День уже клонится к вечеру, и все это время Алан не выходил из спальни Анны, разве что в туалет (мы решили не подстерегать его во время этих вылазок). Как минимум сутки мы не видели, чтобы он ел. Анна боится, что он уморит себя голодом.

Самое главное, что можно сказать о его предложении — оно не было просто жестом. Если бы я согласился принять его сердце (Анна убила бы меня первого), он отдал бы его мне. Он понимает, что такое смерть. Из бесед с Анной после того, как мы ему рассказали правду, Алан знал, что обязательно умрет, если у него забрать сердце. Как ни крути, это было героическое предложение.

Но я не могу понять, почему он это предложил. Пусть Анна права, и он действительно беспокоится обо мне больше, чем показывает; но это не объясняет, почему он хочет умереть так, чтобы я смог прожить еще пару бесполезных, лишних лет.

Дело вот в чем: в готовности Алана пожертвовать собой ради меня и таким образом выполнить свое предназначение клона нет ничего революционного. Наоборот, как ни парадоксально, эта готовность полностью человеческая. Определенно, это первый и последний раз, когда клон предлагает себя своему оригиналу по доброй воле. Впрочем, это вообще происходит впервые — клон осуществляет свою добрую волю любым значимым способом. Алан не сможет это четко сформулировать, но, думаю, понимает на подсознательном уровне.

И вот еще что: из наших бесед Алан понимает, что, вырвавшись из Отчужденных земель, он стал представлять серьезную и недопустимую угрозу правительству. Поэтому везде, куда бы он ни направился, его будут преследовать, пока не схватят, а когда схватят, казнят. Он также понимает — конечно, приблизительно, — на что будет похожа его жизнь под покровительством организации Анны, сколько бы времени это ни длилось. Если он окажется у них (а он уже у них) и станет им содействовать, его будут демонстрировать при любой возможности выйти из укрытия. Он станет общественным лицом движения. От него потребуют высказываться против идеи клонирования и клонов. Выступать против самого себя. Быть собственной Немезидой. Можно с уверенностью сказать, что Алану не нравится ни одна из этих альтернатив. Я полагаю, что он предпочел помочь мне, вместо того чтобы умереть в руках своих создателей или безжалостно злословить в руках своих хранителей.

Своими размышлениями я ни в коем случае не хочу обесценить его предложение, просто пытаюсь его понять. Мне

кажется, если бы он мог или хотел говорить об этом, он бы признался, что, учитывая альтернативу, решение отдать мне сердце было не просто «героическим». Я думаю, его решение служило для того, чтобы он мог проявить альтруизм, скопировать его (простите меня) и таким образом войти или почти войти в человеческое общество, стать человеком. Он идеализирует и печальным образом переоценивает и это общество, и человеческую личность. Но я верю, что он нашел единственный способ участвовать в человеческой жизни независимо от того, будет ли у него шанс выжить: отдать мне свое сердце.

Если бы Алан оказался на моем месте, и ему потребовалось бы сердце, а я оказался бы на его месте, со здоровым сердцем, которым мог пожертвовать, сделал бы я такое же предложение? Нет.

Прошло три дня. Сегодня 29 сентября. Дни были удручающими и тоскливыми. Я не написал ни слова.

Когда Алан появился снова — он не выходил из комнаты, и мы не видели его с вечера, когда он сделал свое предложение, — было время ужина, 26 сентября. Мы закончили есть, но не вставали из-за стола. Алан сел, как ни в чем не бывало, словно между нами ничего не произошло. Спросил Анну, не найдется ли чего-нибудь перекусить.

— Ты, должно быть, ужасно голоден, — сказала она.

— Я ужасно голоден, — согласился он.

Анна наполнила тарелку и поставила перед ним.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Думаю, мне понравится.

Мне кажется, в тот момент Анна уже знала, что будет дальше, что решил сделать Алан. Я был рад видеть, как он ест, и Анна тоже, но я — я плохо в этом разбираюсь — даже не подумал о том, что он мог размышлять над каким-то решением.

Его поведение было, я бы сказал, очень милым, оно совершенно ничего не предвещало. Утолив голод, Алан сказал, что хочет нас кое о чем спросить. Он был достаточно любезен, чтобы обращаться и ко мне, но было ясно, что он хочет поговорить именно с Анной.

— Как мне умереть? — спросил он у нее.

Он был спокоен. Точно таким же тоном он мог спросить, где у нас хлопья.

— О чем ты спрашиваешь? — испугалась Анна.

Она все прекрасно поняла.

— Я спрашиваю, как мне умереть? Я не знаю, как умереть. Как ты это делаешь? Расскажи мне.

— У тебя нет причин умирать, — сказала она.

— Нет причин, — повторил он. — Как ты это делаешь, Анна?

С этого обмена репликами началась дискуссия о том, как Алан определяет смерть. Беседа продлилась почти два дня и донельзя утомила Анну, немного меньше — меня, а Алан был неутомим. В ходе этой дискуссии — я принимал в ней участие время от времени, между приступами неодолимой дремоты — мы не сумели ничего сказать, не смогли его отговорить, заставить отказаться от своего решения. Потом Анна настояла, чтобы мы больше не говорили об этом и не тратили зря оставшееся время, что бы нас ни ждало впереди.

Почти в самом конце разговора Анна неохотно ответила на изначальный вопрос Алана, который он не уставал задавать.

— Когда придет время, — сказала она ему, — и если ты не передумаешь, я найду способ.

— Я не передумаю, — ответил Алан.

— Надеюсь, что передумаешь, — сказала она. — Я молюсь, чтобы ты не захотел.

— Когда настанет время?

— У нас есть время до тридцатого.

— Какое сегодня число? — спросил он у меня, математика.

Сначала я хотел ему солгать, смошенничать, но все же сказал правду.

— У нас четыре дня, — повторил он и с того момента скрупулезно их отсчитывал.

Все оставшееся у нас время Анна старалась сохранять самообладание и душевное равновесие — ее самообладание, ее душевное равновесие; Алан держал себя в руках и был на зависть спокоен. Она придумывала разные занятия. (Я не мог быть полноправным участником ее затей, поскольку проводил большую часть времени в постели.)

— Я чувствую себя Шехерезадой, — как-то сказала она мне, а потом объяснила, что имеет в виду.

Она поняла, что ее план — спонтанный, вызванный конкретными обстоятельствами, — в итоге привел лишь к тому, что ей придется вернуть Алана организации. Она не должна была так стараться. Она не была счастлива или спокойна ни единого мгновения, чем бы они ни занимались. Все оставшееся короткое время обернулось для нее пыткой. Но Алан, за исключением нескольких печальных минут, в те дни казался гораздо счастливее, чем когда-либо на нашей памяти. Он составлял мне компанию, и его общество неизменно было приятным. Он сидел на кровати напротив меня — Анна снова перебралась в мою спальню — и в моем присутствии не становился задумчивым или мрачным, не обнаруживал никакого страха или сожаления. Замечательный мальчик, он отлично владел собой. Он не говорил

о своей неизбежной смерти (если собирался довести дело до конца.) Он становился все спокойнее, что вселяло в нас огромную тревогу, и в конце концов сделался абсолютно безмятежным. Анна сказала, что это разбило ей сердце.

28 сентября было воскресеньем, и Анна взяла Алана в церковь, в лютеранскую церковь недалеко от дома.

— Кроме нас, — рассказывала она потом, — там почти никого не было. Я не стала объяснять, что там происходит. Да и с чего следовало начать? Мы не говорили о Боге. Может быть, мы первым делом должны были говорить о нем.

Тем вечером мы втроем сидели за столом и ужинали. Алан спросил нас, какое время в молодости, из того, что мы провели вместе, было самым лучшим. Анна рассказала ему про день, когда мы разъезжали в моем стареньком «Вольво» по северо-западной Айове, и про остановку в придорожной закусочной Ле-Марса, где мы ели стейки и жареный батат. Алан захотел узнать, отличается ли жареный батат от картофеля-фри, который он ел при каждой возможности. Анна объяснила. Еще она сказала, что много лет спустя после того, как я переехал с Сарой из Айовы в Нью-Гемпшир, она и ее муж ходили в ту же самую придорожную закусочную, чтобы потанцевать.

— Мне бы хотелось потанцевать, — сказал Алан.

Я думал, он просто размышляет. Очевидно, Анна подумала так же.

— Мне бы хотелось потанцевать, — повторил Алан, глядя на Анну.

— Ты имеешь в виду, со мной? — спросила она. — Ты хочешь потанцевать со мной?

Однажды, в самом начале нашего семейного опыта с Аланом, Анна сказала мне: «Знаешь, с ним часто получается так: я говорю что-то невинное и бесхитростное и тут же слышу, насколько игриво это звучит».

Сейчас в ее словах и голосе не было игривости.

— Да, — сказал он. — Мне бы хотелось потанцевать.

Анна нашла по радио какую-то музыку, и они стали танцевать в гостиной. Я узнал песню, под которую они танцевали. Это было «Вино из одуванчиков». Анна пыталась научить его особому танцевальному шагу, но у него ничего не получалось. Он был неуклюжим и застенчивым — ковер на полу только мешал, — и, похоже, у него отсутствовало чувство ритма. Я тоже смущался, глядя на их танец (удивительно, что они позволили мне смотреть), и понимал, что на месте Алана оказался бы таким же неуклюжим. Алан быстро разочаровался, и они остановились.

Анна расстроилась от того, что у него упало настроение.

Прежде чем он пошел в свою комнату, она сказала:

— Алан, постой.

— Что? — спросил он.

— Ты хочешь девушку? — спросила она. — Хочешь, я приведу тебе девушку?

— Ты хорошо танцуешь, — ответил он. — Я — плохо.

— Ты не плохо танцуешь, — возразила она. — Просто у тебя нет опыта. Ты раньше не танцевал. Ты научишься. Но я говорю о другом.

— Я не научусь, — сказал он. — Что ты имеешь в виду?

— Хочешь, я приведу тебе девушку?

— Девушку, чтобы потанцевать?

— Девушку, чтобы побыть с ней, — сказала она.

Алан взглянул на нее. Недоверчиво. Было заметно, что он тщательно это обдумывает. Потом он ответил:

— Нет, спасибо.

Когда Алан ушел в свою комнату, Анна повернулась ко мне и спросила:

— Ты можешь в это поверить?

— Могу поверить во что? Что ты предложила ему девушку? Или что он отказался?

— И в то, и в другое, — сказала она. — Если бы он захотел, я бы что-нибудь придумала. Ты бы мне подсказал.

— Я могу и не знать, — возразил я.

— Ну, я бы все равно это сделала. Придумала бы. Ты можешь в это поверить?

— Нет, — сказал я.

Алан мертв. Он умер накануне вечером, 30 сентября, около десяти часов. В двадцать один год. Или в двадцать два. Мы точно не знаем, сколько ему было лет. Мы с Анной были с ним. Он решил умереть, и мы ему в этом помогли.

Мы все продумали. Втроем. Алан мыслил ясно. Я был потрясен ясностью и остротой его мыслей. Он был спокоен, выговаривал слова в своей манере, к которой я привык и, передавая ее в своем отчете, даже полюбил. Он мыслил аналитически.

— Я как будто слушала тебя, — сказала Анна перед отъездом. — Так ты говорил в Айове, когда еще разговаривал, когда интересовался идеями, людьми. В твои лучшие времена, когда ты был живым и откровенным.

В конце — если быть точным, за несколько дней до конца — Алан утвердился, стал непоколебим в своем намерении. Мы ничего не могли сказать, ничего не могли сделать, разве что

отказать ему в помощи, остановить его. (Не знаю, как бы он обошелся без нашей помощи.) Анна — она придерживалась своей позиции до самого конца — не хотела, чтобы он делал это, независимо от того, что могло случиться, если бы его забрали. Но когда пришло время, она помогла ему. Потому что — в этом нет никаких сомнений — она любила его и не хотела, чтобы он страдал. Я не придерживался никакой позиции. Мне не нравился ни один из возможных исходов, оба вызывали у меня возражения. («Возражения»? «Не нравился»?) Никакого выбора не было, это выбор от безвыходности, но я думаю — отчасти потому, что сам был готов умереть, — что Алан поступил правильно. Однако я не хотел, чтобы он страдал. И я постарался быть ему полезным.

Мы были рядом с ним. Анна вручила ему пилюлю. Налила в стакан воды. Выполнив эти обязанности, она стала палачом Алана, а я стал ее сообщником. Говорите что хотите, мы несем ответственность за его смерть. Я смотрел, как он умирает. Его голова лежала на коленях Анны.

Анна задумала сделать вечер тридцатого обычным и непримечательным, медленным, сонным и праздным, цепляясь за призрачную возможность того, что Алан забудет о том, какое сегодня число. Я подумал, что на следующее утро, если мы все переживем эту ночь, она будет умолять Высокого дать ей еще немного времени.

Мы заказали пиццу и съели ее, сидя перед телевизором. Не могу сказать, что мы смотрели. Я смотрел на Анну. Она была взбудоражена, следила за настроением Алана и его поведением, наблюдала за временем.

За несколько минут до девяти Алан встал.

— Пойду в свою комнату, — сказал он.

— Ты идешь спать? — спросила Анна.

— Я не иду спать.

— Ты вернешься? — спросила она. — Нам тебя подождать?

— Да, — ответил он. — Подождите меня.

Анне понадобилось всего несколько минут, чтобы помыть посуду после ужина. Она делала все так, словно от этого зависит ее жизнь, и не только ее. Ей надо было лишь сложить и выбросить коробку из-под пиццы, потом вымыть три тарелки и три стакана. Когда она закончила, в комнату вернулся Алан. Он был в моей одежде. Черные брюки, белая рубашка на пуговицах и спортивная куртка в шотландскую клетку. Он был босиком, в своих носках. В руках он держал один из двух галстуков, которые я привез с собой. Я их ни разу не надевал.

— Шикарно выглядишь, — сказал я.

— Что ты сказал? — спросил он.

— Хорошо выглядишь, — пояснил я.

— Красивый, — сказала Анна.

Он протянул ей галстук.

— Я не знаю, как его завязывать. Ты можешь завязать?

— Если вспомню, — ответила она. — Может, ты, Рэй?

— Лучше ты, — отказался я.

— Я завязывала галстук мужу, — сказала она, — и моим мальчикам. Это было давно. — Она повернулась к Алану. — Подойди ко мне.

Он выполнил ее просьбу.

— Сначала мы расстегнем тебе воротник.

— Мой воротник расстегнут, — заметил он.

— Я говорю про эти две пуговицы.

Она расстегнула указанные пуговицы и подняла воротник. Он все время держал голову откинутой назад, чтобы ей было удобнее.

— Вот, — сказала она. — Теперь повернись.

— Зачем?

— Это единственный способ, каким я умею завязывать галстуки, — сказала она.

Он повернулся к Анне спиной. Она потянулась через его шею и завязала галстук. Она сделала простой узел, ничего особенного. Но он выглядел лучше, чем мог бы сделать я.

— Теперь повернись лицом, — велела Анна.

Она застегнула ему воротник, подтянула узел и расправила галстук.

— Отойди чуть назад, — попросила она. — Я хочу на тебя посмотреть.

Алан сделал шаг назад.

— Не очень хорошо, — проговорила она. — Дай я завяжу заново.

Она цеплялась за любую возможность, чтобы оттянуть неизбежный конец.

— Нет, спасибо, — отказался он. — Не надо заново.

— Очень стильно выглядишь, — снова похвалил я.

С этого момента я только наблюдал.

— Очень мило, — сказала Анна.

— Ты нашла для меня способ? — спросил он Анну.

Я уверен, что инстинктивно она хотела сказать, что не понимает, о чем идет речь. Но надо отдать ей должное — она этого не сделала.

— Я не хочу, Алан. Не хочу, чтобы ты это делал.

— Ты сказала — когда придет время, ты найдешь для меня

способ. Время пришло.

— Прошу тебя, — сказала она.

— Это я тебя прошу.

— Давай сядем и поговорим.

Я почувствовал, как у меня упало сердце.

— Какой способ, Анна? — спросил он. — Как мне умереть?

Анна уселась на диван. Алан остался стоять.

— Ты нашла способ? — снова повторил он.

— Я нашла способ, — ответила она.

— Какой?

— Дай мне минуту, — попросила она. — Мне нужна всего одна минута.

— Хорошо.

— Сядь рядом со мной. Всего на одну минутку.

Алан сел. Она взяла его руку в свои. Его рука была сухой и прохладной, сказала она мне позже.

— Я не хочу, чтобы ты умирал, — произнесла она.

— Я хочу умереть, — сказал он.

— Я знаю, что хочешь. Я знаю.

— Какой способ ты нашла?

— Посиди здесь, — попросила она. — Подожди вместе с Рэем.

Она встала и пошла в спальню, где снова жил Алан. Вытащила из ящика комода, из-под носков, конверт с пилюлями, которые дал ей Высокий. Достала из конверта одну из двух пилюль и сунула конверт обратно в ящик, не стараясь его спрятать. Именно так я себе это представил.

Она вернулась обратно в кухню и налила в стакан воды из-под крана.

— Идем со мной, — сказала она Алану.

Он последовал за ней в спальню. Я пошел за ним.

— Ты нашла способ? — спросил он.

— Да, — ответила она.

— Я не знаю, как это делать, — объяснил он.

— Я все понимаю. Я тебе помогу. Ляг, пожалуйста.

— Лечь на кровать?

— Да.

— В одежде? — спросил он.

— Да.

— Это делают так?

— Это делают так, — кивнула она.

Он лег на кровать.

— Возьми это — сказала она.

Когда все было готово, я хотел одного: чтобы все уже

кончилось. Она протянула Алану пилюлю, и он, не глядя, сунул ее в рот.

— Запей водой, — сказала она.

Алан приподнялся и стал пить.

— Это так делают? — спросил он.

— Да. — Она села рядом с ним. — Положи голову мне на колени.

— Ладно, — сказал он. — Закрыть глаза?

— Можешь закрыть глаза, — ответила она.

Он закрыл глаза.

— Спасибо, Анна.

Она положила руку ему на голову.

— Какой ты прекрасный мальчик. — Она погладила его по волосам. — Какой ты хороший человек.

Не знаю, слышал ли он ее слова.

Я оставил ее с ним и отправился спать.

Высокий будет здесь в полдень.

Мне должно хватить времени, чтобы закончить отчет.

Я не стал принимать лекарства и не уснул.

Раньше я никогда не видел, как умирают. Не говоря уж о том… Я не знаю, как закончить это предложение. Я не видел, как умер мой отец. Как умерла моя мать. Я уснул в кресле около кровати Сары, когда она умерла. Я оставался с ней потом. Я никогда не видел моего сына.

Мне было горько смотреть, как умирает Алан. Но еще я чувствовал облегчение. От того, что он не столкнется с тем, с чем должен был столкнуться. От того, что Анна не увидит, как его забирают. Для него все было кончено, и для нас тоже. Но в первую очередь, должен признаться, я счел смерть Алана, как она произошла, как он себя вел, поучительной и заманчивой.

Анна пришла в три часа утра. Я видел ее в тусклом свете лампы, которую она оставила в комнате Алана. Она села на другую кровать.

— Я не сплю, — сказал я. — Если хочешь поговорить.

— Спасибо, — ответила она. — Я хочу поговорить.

— Тогда прошу.

Она молчала.

— Прости, Анна. Ты в порядке?

— Не совсем, — отозвалась она. — А ты?

— Я в порядке, — сказал я.

— Я не плакала, — сказала она. — Ни слезинки не

проронила.

— Если хочешь, то давай.

— Я сидела, не шевелясь, — заговорила она. — Его голова у меня на коленях. Я смотрела на него. Его глаза были закрыты. Я была этому рада. Я не двигалась. Боялась шевельнуться. Словно могла его разбудить. Я не спала, может, задремала на минутку. Не знаю. Через несколько часов он застыл и похолодел. Не знаю, сколько времени это заняло, могу ошибаться. Я думала о том, чтобы принять вторую пилюлю самой. Это было бы мелодраматично. Неправильно. Я хочу снова увидеть своих детей. Стыдно говорить об этом, но я почувствовала некоторое облегчение.

— Конечно, почувствовала, — подбодрил я. — Как могло быть иначе?

— Да. И мне стало легче при мысли — об этом мне тоже стыдно говорить, — что я люблю своих сыновей и дочь, своих внуков гораздо больше, чем любила Алана. Если я его вообще любила. Я говорила себе, что теперь свободна и могу вернуться к ним.

— Да, — сказал я. — Ты вернешься.

— Я не свободна, — возразила она.

Она встала и начала раздеваться. Сняла рубашку.

— Что я делаю? — воскликнула она. — Прости меня. Я не знаю, что делаю.

— Все в порядке, — ответил я. — Не беспокойся. Это не имеет значения.

— Почему не имеет значения? — спросила она. — Потому что я — старуха?

— Потому что я — старик, — сказал я. — И мы закончили свое дело.

— Да, — согласилась она. — Мы его закончили. Мы сделали все возможное. Разве нет?

— Ты — да, — сказал я. — Ты — потрясающая.

— Спасибо. Я бы не справилась сама. Это расхожая фраза. Но я действительно сама не справилась бы.

— Справилась бы, — заверил ее я. — Ты все делала прекрасно.

— Может быть. Но ты мне очень помог. Ты храбрый. И спокойный.

— Я устал, — сказал я. — Совсем без сил.

Она закончила раздеваться.

— Рэй, он был красивым, чудесным мальчиком.

— Он был хорошим парнем, — согласился я.

Потом она сказала:

— Я лягу с тобой. Мне надо, чтобы меня кто-нибудь обнял. Очень надо побыть с кем-то рядом.

Прежде чем я возразил — я собирался возразить, — она легла ко мне в постель.

— Не просто с кем-то, — добавила она. — Мне нужно побыть рядом с тобой. Ты не против?

— Нет. Все хорошо, — сказал я.

Я уже сорок лет не спал ни с кем в одной постели. Я совершенно от этого отвык.

— Я просто хочу побыть рядом, — сказала она.

— Все в порядке, — ответил я.

— Тогда расслабься.

— Боюсь, что от меня не очень хорошо пахнет.

— От тебя хорошо пахнет, — ответила она. — Ты пахнешь, как старик.

— Спасибо.

— Я тоже не гардения, — добавила она.

— А если я буду храпеть?

— Я отодвинусь.

— А если ты захрапишь? — спросил я.

— Значит, тебе не повезло.

Мы немного помолчали, потом она рассмеялась (ее голос при этом дрогнул) и произнесла:

— Я девушка, которая ни перед чем не остановится.

Больше она ничего не говорила. Она заплакала, стараясь не шуметь. Я закрыл глаза и слушал ее рыдания. Я обнимал ее. Она обнимала меня. Мы походили на двух… Не знаю, на кого. На двух много переживших людей, разделивших одну судьбу. На неудачливых заговорщиков. На фронтовых друзей. Но не на любовников. И не на супругов. Два старых друга, обнявшиеся в последний раз.

Она уснула в моих объятиях. Утром, в шесть часов, когда я ее разбудил — я не спал, не мог уснуть, — она лежала на другой половине кровати.

— Что случилось? — спросила Анна.

Она еще не совсем проснулась.

— Прости, что разбудил тебя, — ответил я, — но мне надо с тобой поговорить. Ты можешь встать?

— Что-нибудь с Аланом?

— Уже ничего.

— Мне кажется, я должна к нему заглянуть, — сказала она.

— Я так не думаю, Анна. Не думаю, что тебе надо его видеть.

— Что случилось, Рэй? Который час?

— Шесть.

— Боже мой.

— Прости.

— Нет, — сказала она.

— Я так не могу разговаривать, — сказал я. — Я хочу сделать вот что. Я хочу, чтобы ты встала и собрала свои вещи. Ты можешь это сделать?

— Хорошо, — согласилась она.

Одевшись, она спросила:

— Я могу пойти пописать?

— Разумеется, — ответил я. — Но возвращайся.

Анна вышла из комнаты. Когда она вернулась, я сидел на краю кровати. Она села на свою кровать.

— Бедный мальчик, — проговорила она.

— Послушай меня, — начал я. Я всю ночь провел, раздумывая над тем, что скажу ей. — Я хочу, чтобы ты собрала свои вещи, некоторые, и ушла отсюда. Прямо сейчас.

— Подожди, — сказала она. — Куда я должна пойти?

— Куда хочешь, — ответил я.

— Я останусь с тобой, — сказала она.

— В этом не будет необходимости.

— Но я хочу, — настаивала она.

— Мне нужно, чтобы ты уехала, Анна. Я хочу остаться один. Хочу закончить отчет, прежде чем сюда придет Высокий.

— А потом?

— Потом я хочу остаться один. Я устал. Мне надо отдохнуть.

— Я дам тебе отдохнуть, — сказала она. — Я тебе помогу.

— Нет, — покачал я головой. — Мне не понадобится твоя помощь. Ты должна уйти. Ладно?

— Нет, — сказала она.

— Прошу тебя, Анна, делай, как я говорю. Достань из моего шкафа спортивную сумку. Пожалуйста, сделай это.

Она достала спортивную сумку.

— Положи ее на кровать, хорошо?

Она послушалась.

— Теперь вытащи оттуда мои вещи, — сказал я. — Просто вытряхни на кровать.

— Объясни, что я делаю, — попросила она.

— Вытряхиваешь мои вещи.

— Зачем?

— Я хочу, чтобы ты оставила в сумке носки. Эти деньги твои.

— Я не хочу твоих денег, — возразила она.

— Я тебя услышал. На дне сумки лежит конверт. Видишь?

— Конечно, вижу, — сказала она.

— Его тоже оставь в сумке. Там копия моего завещания. Если потеряешь, у адвоката тоже есть копия. Мое состояние переходит к тебе.

— Мне оно не нужно.

— Отлично, — сказал я. — Тогда отдай его детям. Или отложи для внуков. Пусти на благотворительность. Можешь поступать с ним как угодно. Когда почувствуешь себя в безопасности, свяжись с адвокатом. Его имя и номер на документе. Он — исполнитель завещания. Сообщи ему, что я умер. Объясни, как с тобой связаться. Проверка и официальное утверждение завещания о состоянии займет примерно год. Чтобы продержаться, у тебя будут деньги, которые лежат в носках.

— Ты еще не умер, Рэй.

— Я хочу, чтобы ты сложила свои вещи в эту сумку и ушла. Возьми такси. Поезжай в аэропорт. Сядь в самолет. Отправляйся в какое-нибудь хорошее место. Лети в Ванкувер. Или в Викторию. Вернись в Монреаль. Тебе там понравилось. Оставь страну. Поезжай в Европу. В Шотландию. В Италию. Отправляйся, куда захочешь. Куда тебе хотелось поехать.

Думаю, это было правильно — говорить с ней в таком тоне, отдавая команды и взяв решение на себя. Хотя допускаю, что она просто позволила мне почувствовать себя командиром, в качестве прощального подарка.

— Когда приедешь, — сказал я, — купи себе все, что нужно. Новый гардероб. Новый чемодан, чтобы сложить туда одежду. Через некоторое время пошли за своими детьми. Или сама поезжай к ним.

— Я не знаю, — сказала она.

— Я знаю, — ответил я. — Я хочу, чтобы ты это сделала, Анна. Вот что мне от тебя нужно, прямо сейчас. Я не хочу это обсуждать. Я просто хочу, чтобы ты это сделала.

— А как же Алан? — спросила она.

— Высокий будет здесь в полдень. Он позаботится об Алане.

— Он придет в ярость, — проговорила она.

— Меня это не волнует.

— А вдруг он не приедет?

— У нас есть ридер. Оставь его мне. Когда ты уйдешь, когда я закончу отчет, я нажму кнопку. Если он и после этого не появится, я разобью эту штуку. До него дойдет.

— Что они сделают с Аланом?

— Что они могут с ним сделать? — не понял я. — Похоронят. Кремируют. Все, как положено.

— А если они его используют?

— Как? — удивился я. — Для чего?

— Не знаю, — ответила она.

— Не думай об этом.

— Как я могу не думать? — горько вздохнула она.

Должен признаться, я был удивлен тем, что она не стала продолжать дискуссию и уступила мне.

Я почти закончил.

Мне хочется думать, что этот отчет послужит для пользы дела.

Сборы заняли у Анны примерно час. Она то и дело входила в комнату Алана, что наверняка было для нее ужасно. Я снова лег в кровать и начал писать последнюю часть моего отчета. Анна вошла в спальню. Она уже умылась и оделась, собрала вещи. Она была готова к отъезду. Она села на кровать рядом со мной.

— Я сейчас встану, — сказал я. — Я тебя провожу.

— В этом нет необходимости, — возразила Анна. — Я знаю дорогу.

Она положила руку мне на колено:

— Я буду скучать по тебе, Рэй. Знаешь что? Я столько лет прожила, скучая по тебе.

— Я тоже буду по тебе скучать, — ответил я.

— Спасибо, что говоришь это.

— Я говорю искренне.

— И спасибо за деньги. В носках и другие. Не знаю, что с ними делать. Ты очень щедрый.

— Кому еще мне их оставить?

— Нет. Мне следовало сказать это раньше. Я не хотела думать о твоей смерти.

— Тебе и не надо о ней думать, — сказал я.

— Теперь у меня развязаны руки, Рэй. И я боюсь.

— Я тоже, — отозвался я.

Но это была неправда.

— Ох, — сказала она. — А как же пилюля?

— Она тебе нужна?

— Нет, — покачала головой она.

— Тогда оставь ее здесь.

Анна встала.

— У меня никогда не было шанса, верно?

— Я так не считаю, — ответил я. — Я бы сказал, что тебе повезло. Ты заслуживала большего, и ты это получила. Ты прожила завидную жизнь, Анна.

— Да, — согласилась она. И улыбнулась: — Я хочу еще больше.

— Хорошо. Хорошо. Тогда иди.

— Я пойду, — сказала она и направилась к двери. — Я все время тебя теряю. Я рада, что не ошиблась в тебе. Не такой уж ты и засранец.

— Тебе виднее, — ответил я.

Я закончу, потом приму пилюлю.

Мы с Сарой на то последнее Рождество договорились не покупать друг другу подарков — ребенок был лучшим подарком для нас обоих, — но ни один из нас не собирался соблюдать договоренность. Когда я рождественским утром спустился по лестнице, то увидел на расстеленном покрывале прислоненную к стене гравюру Одюбона[16] с изображением белоголового орлана — большую, в резной рамке. (Должно быть, Сара вставала ночью, чтобы поставить туда гравюру.) Мой подарок для Сары лежал под елкой, завернутый в красочную бумагу. Я положил его туда накануне вечером, когда Сара легла спать. В полдень сочельника, в последнюю минуту, я съездил в Ганновер. Там в модном магазине я купил ей бледно-зеленый льняной сарафан. Мне нравился на ней этот оттенок зеленого, мне нравилось смотреть на нее в сарафанах, видеть ее открытые руки, шею, плечи и ноги. Мне хотелось напомнить ей о том, что она снова станет изящной и стройной, что после свирепой зимы снова наступит весна.

Я больше года прожил с Анной и клоном. Я жил. Я выполнил то, о чем меня просили. Я забыл, кем был прежде и кем мог стать. Мне пришлось вспомнить.

Вот мой отчет.

Благодарности

Мне хочется поблагодарить многих и от всей души. Более всего я признателен Энн Пэтти, первому редактору этой книги, а также Дугу Стюарту, моему агенту. Без этих двух чародеев книга не увидела бы свет. Я благодарен моим сыновьям, Бенджамину и Майклу Полански. Я задумывал и писал эту книгу, постоянно советуясь с ними. Также я благодарен Ричарду Флоресту, второму редактору книги, который ее спас. Спасибо Джуди Хоттенсен, Кристин Пауэрс, Кейти Финч из «Вайнштайн букс», Джейми Бинг и Фрэнсису Бикмору из «Кэнонгейт». Благодарю моего давнего друга Флипа Броуфи из «Стерлинг Лорд Литеристик», а также Марси Познера и Сета Фишмана из того же литературного агентства. Спасибо моему брату, композитору Ларри Полански, за установленную высокую планку. Элвину Хэнделмэну, моему родственнику и коллеге, за его поддержку и советы, и Дэвиду Делвою за то, что прочел рукопись. Существенная часть этой книги была написана в кафе «У Мелвина» в Олнвике, Нортумберленд, и в «Медной горе» в Эплтоне, Висконсин, и я благодарен владельцам и работникам этих учреждений за терпение и гостеприимство.

То, что я знаю и говорю о клонировании человека, я отчасти почерпнул из прекрасного сочинения Леона Касса «Мудрость противоречия: почему следует запретить клонирование человека». Знаниями о пересадке сердца, использованными в книге, я обязан книге Жан-Люка Нанси «Вторжение» (перевод на английский язык Сьюзен Хансон.) За описание ощущений при остановке сердца благодарю Майкла Ванчену. Размышлениями на тему себялюбия я обязан книге Гарри Дж. Франкфурта «Причины любви».

Я благодарен Рэю Брэдбери; моей целью было почтить его память. Я благодарен д-ру Анне Льюис, чью дружбу я помню всегда. Благодарю Пенелопу Фитцджеральд, которая, сама того не зная, подарила мне любовную линию.

И, наконец, я признателен за веру и поддержку моей жене Джули Филапек — она вернула меня к жизни и подарила мне дочь, мою удивительную Сильвию, похитительницу сердец.

notes

Примечания

1

Поселок на севере штата Канзас. — *Здесь и далее прим. пер.*

2

Первый в мире ребенок, который родился в 1978 году в результате экстракорпорального оплодотворения, «ребенок из пробирки».

З

Твинк (сленг) — «с приветом».

4

Устройство для реконструкции просвета сосуда.

5

Шейкеры — американская религиозная секта.

6

Итан Аллен (1738–1789) — американский просветитель, участник Войны за независимость в Северной Америке, жил и действовал в штате Вермонт.

7

Мемориал Маунт-Рашмор в Южной Дакоте — высеченные в горе Рашмор огромные изображения американских президентов. Рядом находится памятник знаменитому индейскому вождю по имени Неистовый Конь.

8

В этом самом месте? *(фр.)*

9

Американский комедийный киноактер, один из квинтета «Братья Маркс».

10

В изобразительном искусстве — сцена оплакивания Христа или статуя скорбящей Богоматери с телом Христа, которое лежит у нее на коленях.

11

Серия романов Гертруды Чандлер Уорнер (1890–1979).

12

Персонаж романа Ч. Диккенса «Большие надежды».

13

Рапунцель — персонаж сказки братьев Гримм, затворница, заточенная в башне.

14

Дешевые места на стадионах под открытым небом, где солнце как бы «отбеливает» зрителей.

15

Дощечка на поле, которой обязан касаться ногой игрок, подавая мяч.

16

Американский орнитолог и художник-анималист (1785–1851).